M 50
93

T. 2

ЛИТОВСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ

УНІЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

М. Кояловича.

Томъ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

MDCCCLXI.

ЛИТОВСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ УНІЯ.

ЛИТОВСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ

УНІЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

М. Кояловича.

Томъ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА «СТРАННИКЪ».
1861.

От С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Августа 8 дня 1861 года.

Цензоръ Архимандритъ *Макарій*.

2007051272

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Главныя направленія уніятской Церкви послѣ 1596 года. — Характеръ исторіи распространенія уніи 1

I.

Исторія распространенія уніи съ 1596 по 1632 годъ. — Времена Сигизмунда III. — Объединеніе гражданскихъ и религіозныхъ интересовъ польскаго правительства. 14

Ипатій Поцѣй и его дѣятельность 54

Значеніе братствъ въ исторіи уніи. 80

Іосифъ Рутскій и состояніе уніи до 1620 года . 93

Возстановленіе высшей іерархіи въ западно-русской Церкви. — Планъ избранія западно-русскаго патріарха для православныхъ и уніятовъ 108

Іосафатъ Кунцевичъ 121

Мелетій Смотрицкій 139

II.

Времена уніи отъ смерти Сигизмунда III до присоединенія къ Россіи Малороссіи. — Возстановленіе правъ западно-русской Церкви . . 165

Состояніе западно-русскаго православія въ Малороссіи. 178
Петръ Могила и его значеніе въ исторіи уніи . 180
Казачество, его характеръ, планы, участіе въ дѣлахъ вѣры, положеніе уніятской и православной іерархіи во время смутъ казацкихъ до присоединенія Малороссіи къ Россіи . . 195

III.

Исторія распространенія уніи послѣ присоединенія къ Россіи Малороссіи. — Новая попытка возстановить права литовско-русскаго народа. — Новое уничтоженіе ихъ. — Оживленіе фанатизма уніятовъ. — Новыя права ихъ. — Іерархическія смуты въ православномъ литовско-русскомъ мірѣ. — Уничтоженіе православія въ Галиціи и Волыни. — Состояніе уніи во всей Литвѣ. — Борьба уніи съ бѣлорусскимъ православіемъ въ XVIII столѣтіи. 214
Примѣчанія. 347

Главныя направленія уніятской Церкви послѣ 1596 года. Характеръ исторіи распространенія уніи.

Литовская уніатская Церковь, съ 1596 г. и до послѣднихъ дней своего существованія, слѣдовала двумъ главнымъ направленіямъ, совершенно противоположнымъ, которыхъ, повидимому, никакъ нельзя было соединять въ одной и той же жизни столь долгое время. Согрѣтая латинскимъ іезуитскимъ фанатизмомъ — однимъ изъ самыхъ жестокихъ видовъ религіознаго фанатизма, она напрягала всѣ силы къ тому, чтобы, какъ можно больше, *распространяться* въ предѣлахъ православной западно-русской Церкви. Этимъ она ясно показывала свойственное всѣмъ вѣроисповѣданіямъ желаніе упрочить свое существованіе, имѣть побольше послѣдователей. Но въ тоже самое время, сближаясь больше и больше съ латинскою Церковію, она въ такой же прогрессіи *теряла свою самостоятельность и передавала латинству своихъ членовъ*. Такимъ образомъ, уніятская литовская Церковь одною рукою *созидала себя*, если можно такъ выразиться, а другою въ тоже самое время *разрушала*. Къ этимъ двумъ, главнымъ и постояннымъ направленіямъ естественно присоединилось третье, столь же разрушительное для уніи. Распространяясь фанатически, унія всегда имѣла чрезвычайно много насильственно

обращенныхъ въ нее, которые были очень недовольны своимъ новымъ вѣроисповѣданіемъ. *Недовольство* это мало по малу обобщалось во всей уніятской Церкви, усиливалось вслѣдствіе сближенія ея съ латинствомъ, и въ ней начало обнаруживаться *стремленіе къ возврату назадъ*, — *къ православію*, стремленіе, которое въ прошедшемъ столѣтіи повело къ неоднократнымъ, мѣстнымъ возсоединеніямъ уніятовъ съ православною Церковію и завершилось въ 1839 году возсоединеніемъ всей литовской уніятской Церкви съ русскою. — Въ настоящемъ томѣ нашего труда мы изслѣдуемъ первое направленіе уніятской литовской Церкви, т. е. распространеніе ея въ предѣлахъ православной западно-русской Церкви.

Читатели наши уже знаютъ, что мы въ уніи допускаемъ совмѣстное существованіе насильственныхъ и ненасильственныхъ мѣръ къ распространенію ея (1). По нашему разумѣнію весь вопросъ исторіи распространенія уніи заключается собственно въ томъ, каково было дѣйствительное отношеніе насильственныхъ и ненасильственныхъ мѣръ къ распространенію ея, какъ онѣ переплетались и какъ изъ ихъ взаимнаго сочетанія вылилась историческая судьба уніятской литовско-польской Церкви. Считаемъ необходимымъ теперь же показать возможность такого страннаго объединенія въ литовско-польской жизни двухъ непримиримыхъ и повидимому несовмѣстимыхъ дѣлъ — насилія и убѣжденія, — указать ту почву, на которой могло возникнуть такое странное, прихотливое созданіе — унія, то кроткая, то неистовая, то плачущая, то радующаяся, то погибающая, то торжествующая, пови-

димому отъ однихъ и тѣхъ же причинъ, въ одно и тоже время.

Литовско-польское королевство, при своемъ политическомъ складѣ, очень способно было развить въ себѣ два великія начала жизни — уваженіе къ лицу и привычку достигать цѣлей силою нравственною, а не принужденіемъ, насиліемъ. Слѣдовательно, въ этомъ государствѣ могла выработаться самая широкая вѣротерпимость, самая полная свобода совѣсти. Зародышъ этого направленія лежалъ въ основѣ польской конституціи, допускавшей равноправное участіе всѣхъ свободныхъ гражданъ въ дѣлахъ отечества, слѣдовательно, — и возможность членамъ каждаго вѣроисповѣданія защищать свои убѣжденія религіозныя. Но особенно сильно обнаружилось такое направленіе польской жизни въ XVI столѣтіи, когда увеличеніе числа иновѣрцевъ и желаніе упрочить единство государства побудили обсудить и опредѣлить отношенія и права разныхъ вѣръ. Извѣстно, что Сигизмундъ Августъ давалъ полную свободу развиваться этому вопросу, самъ содѣйствовалъ правильному его разрѣшенію и издалъ въ этомъ смыслѣ не мало постановленій, такъ что Сигизмунда Августа по всей справедливости нужно считать первымъ въ Европѣ государемъ, старавшимся объ узаконеніи вѣротерпимости въ полномъ ея значеніи. Съ тѣхъ поръ, уже каждый король клялся сохранять свободу совѣсти народа и въ самомъ народѣ во всѣ времена были поборники этой свободы, которые смѣло возвышали голосъ во имя этого направленія жизни въ самыя трудныя времена и слѣдовали ему, не смотря ни на какія препятствія (2). Въ этихъ людей, конечно, не

слѣдуетъ бросать камней изъ за уніи и можно только жалѣть, что эта партія, олицетворявшая истинный духъ древней польской жизни, не получила надлежащей силы и рѣшительнаго вліянія на религіозныя дѣла своего отечества. — Не могла же она достигнуть такаго положенія по слѣдующимъ причинамъ, которыя мы отчасти указывали въ первомъ томѣ нашихъ изслѣдованій уніи (3).

Раздѣленіе Церквей восточной и западной и противорѣчіе политическихъ видовъ Россіи и Польши произвели жестокую вражду между православіемъ Россіи и латинствомъ Польши. Въ Польшѣ отъ этого естественно усилилась ревность къ латинству и нетерпимость къ православію. Между тѣмъ, значительная часть русскихъ православныхъ присоединена была посредствомъ Литвы къ Польшѣ. Необычайно важно для насъ побужденіе, руководившее при этомъ Польшею, — Литва вся, какою она была тогда, присоединена къ Польшѣ съ цѣлію обратить ее въ латинство. — Такимъ образомъ, съ древнихъ временъ политическая программа Польши клонилась къ нарушенію въ ней свободы совѣсти. Здравый смыслъ поляковъ, въ чемъ конечно нельзя отказать по крайней мѣрѣ указанной нами выше партіи, конечно, могъ бы скоро понять шаткость такой программы, но къ несчастію въ литовско-польскомъ государствѣ съ давнихъ поръ образовалась другая могущественная партія, которая постоянно поддерживала эту программу — мы разумѣемъ литовско-польское латинское духовенство. При сильномъ благочестіи поляковъ, постоянно возбуждаемомъ политическими обстоятельствами, духовенство латинское могло здѣсь пользоваться громад-

нымъ нравственнымъ вліяніемъ на народъ, и этимъ путемъ разрушить въ немъ начала вѣротерпимости тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, въ системѣ латинскаго вѣроученія вѣротерпимость не имѣетъ мѣста — какъ чистое противорѣчіе безъусловному, всемірному главенству папы. — Но латинское литовско-польское духовенство не ограничивалось однимъ нравственнымъ вліяніемъ на народъ. Оно заняло здѣсь высокое гражданское положеніе, — іерархія стала гражданскою корпораціею съ правами почти на всѣ государственныя должности. Ея члены могли быть и дѣйствительно бывали послами на сеймѣ, сенаторами, канцлерами и даже судьями. Всеобщая равноправность въ Польшѣ всѣхъ свободныхъ сословій дѣлала такое положеніе духовенства естественнымъ, законнымъ. Но отсюда понятно, что при такомъ положеніи, духовенство получало въ свое самостоятельное распоряженіе слишкомъ много мірскихъ средствъ для достиженія духовныхъ цѣлей и что по этому уже одному оно очень легко могло смѣшивать эти средства съ чисто-духовными, — то есть: насиліе, принужденіе, словомъ — власть принудительную съ властію нравственною, съ апостольскимъ проповѣдничествомъ. Смѣшеніе это тѣмъ легче могло происходить здѣсь, что оно лежитъ въ основѣ латинства. Его олицетворяетъ папа — первосвященникъ и государь, проповѣдникъ и повелитель съ безъусловною властію, а отъ него это сліяніе духовнаго и мірскаго распространяется на всю латинскую іерархію, которая вездѣ и всегда, если только можетъ, и убѣждаетъ и принуждаетъ къ вѣрѣ. Понятное дѣло, что при такомъ духовенствѣ въ литовско-польскомъ государствѣ не могла

развиваться вѣротерпимость, какъ ни крѣпко она была связана съ его политическою жизнію, напротивъ, должна была падать и уступать мѣсто латинскому фанатизму. Впрочемъ, жизненность этого фанатизма, заключавшаяся въ государственномъ положеніи латинскаго духовенства въ Польшѣ и въ самомъ характерѣ латинства, безъ сомнѣнія, не была бы такъ упруга, еслибы въ нее не былъ привнесенъ въ XVI столѣтіи іезуитами новый элементъ.

Вызванные въ Литву и Польшу, іезуиты совершенно измѣнили положеніе латинской партіи. Въ народѣ польскомъ, при его свободныхъ учрежденіяхъ, партія эта много могла дѣлать нравственнымъ вліяніемъ, но около временъ уніи не имѣла его, по своей развращенности: іезуиты возстановили въ ней эту силу своимъ просвѣщеніемъ и самоотверженіемъ на пользу латинской Церкви. Далѣе: до сихъ поръ латинская партія много употребляла мірскихъ средствъ для достиженія духовныхъ цѣлей, но еще не осмѣливалась и не умѣла употреблять ихъ безъ разбору и совѣстливости: іезуиты придали ей эту смѣлость и это умѣніе, и съ такими особенностями, которыя должны были совершенно измѣнить религіозныя убѣжденія латинскаго польскаго духовенства. До сихъ поръ оно смѣшивало духовное съ земнымъ, какъ мы сказали, но слѣдуя древнему латинскому и народному духу, еще разбирала мірскія средства и употребляла лучшія изъ нихъ, безъупречныя или, по крайней мѣрѣ, извинительныя: іезуиты, какъ извѣстно, не знаютъ этого стѣсненія, — у нихъ все годится, что ведетъ къ цѣли, цѣль оправдываетъ всѣ средства, каковы бы они ни были, хотя бы самыя без-

законныя, самыя безнравственныя. Понятное дѣло, какъ при такихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ латинской партіи должны были искажаться понятія свободнаго народа; но понятно также, что тутъ легко могла возникнуть жестокая, упорная борьба этихъ противоположныхъ началъ. Борьба дѣйствительно возникла; іезуитовъ скоро разгадали въ литовско-польскомъ государствѣ, и очень вѣроятно, что они скоро были бы отсюда изгнаны, если бы не особенныя обстоятельства. — Страшная разнузданность религіозныхъ убѣжденій протестантовъ, грозившая гибелію латинской Церкви и даже вообще Христіанству въ Польшѣ и блестящіе успѣхи противъ нея іезуитовъ сильно сдерживали народную партію отъ рѣшительныхъ мѣръ противъ этихъ послѣднихъ. Но, что всего важнѣе, іезуиты очень ловко нашли себѣ поддержку въ правительствѣ. Въ Польшѣ короли издавна тяготились ограниченностію своей власти, какъ необыкновеннымъ тогда въ Европѣ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ новымъ царствованіемъ являлись новыя и новыя ограниченія ихъ власти. Отсюда какъ бы наслѣдственное стремленіе литовско-польскихъ королей увеличить свою власть до очень широкихъ размѣровъ. — Іезуиты, которымъ такъ дороги принужденіе и произволъ власти, немедленно выказали горячее сочувствіе этимъ стремленіямъ королей польскихъ. Такимъ образомъ, цѣли латинства и власти слились въ одну цѣль, въ одно стремленіе. Власть оперлась на іезуитское латинство; латинство оперлось на власть, — и дѣйствія обоихъ равно направлены были къ низверженію гражданской и религіозной свободы въ литовско-польскомъ государствѣ.

Много было шуму и волненій изъ за этого слитія гражданскихъ и религіозныхъ цѣлей государства между народною партіею, съ одной стороны, и правительствомъ съ іезуитами, съ другой. Но по странному стеченію обстоятельствъ многіе изъ народной партіи сошлись на уніи и съ королемъ и съ іезуитами. — Со временъ соединенія Литвы съ Польшею (1569 г.) было не мало поборниковъ этого соединенія, какъ между чинами независимой польской партіи, такъ и между литовско-русскими православными. Тѣ и другіе считали гражданское устройство Польши образцомъ жизни славянской и потому прилагали всѣ усилія, чтобы слить плотнѣе западно-русскихъ православныхъ съ поляками. Ко времени церковной уніи слитіе это далеко уже подвинулось въ свободныхъ сословіяхъ той и другой половины народа и оставалась одна только сторона, не тронутая въ этомъ отношеніи — различіе въ вѣрѣ, которое теперь чувствовалось больше, чѣмъ когда либо. Православные и независимые либералы-поляки пришли къ тому убѣжденію, что можно легко соединить Восточное и Западное вѣроисповѣданіе безъ ущерба тому и другому — именно посредствомъ уніи, которую предположили основать на взаимныхъ уступкахъ обоихъ вѣроисповѣданій и на любви христіанской — т. е. на древнихъ началахъ польской жизни — разумномъ, добровольномъ примиреніи и уваженіи различныхъ мнѣній. — Но въ это самое время дѣло объ уніи поднято было во враждебномъ этимъ людямъ лагерѣ, латинскою партіею — королемъ и іезуитами и при томъ—дѣло совершенно иного рода, унія тутъ должна была основаться на совершенномъ порабощеніи Восточнаго вѣроисповѣ-

данія латинству. Такая неожиданная встрѣча двухъ различныхъ плановъ уніи естественно могла вести къ уничтоженію того и другаго, и мы видѣли, что къ этому направлялось уже дѣло около Брестскаго собора 1596 г. Но какъ скоро латинской партіи удалось вынести унію изъ бѣды, она мало по малу начала пріобрѣтать себѣ сочувствіе и православныхъ, сродпившихся съ Польшею, и независимой польской партіи. Унія связала тѣхъ и другихъ съ латинскою партіею,—однихъ независимыхъ либераловъ связывала здѣсь приверженность къ латинству, другихъ указанныхъ нами православныхъ — привязанность къ Польшѣ.

Такимъ образомъ, въ пользу уніи образовалась теперь еще болѣе могущественная партія, раздѣленная на партіи, враждебныя въ другихъ вопросахъ, но довольно единодушныя въ вопросѣ объ уніи. Такое соединеніе для одного дѣла людей съ противоположными убѣжденіями необходимо вело къ тому, что унія не могла всегда развиваться ни по плану чисто іезуитскому, ни по плану руководителей народной партіи: историческое развитіе ея должно было имѣть смѣшанный характеръ — подвигаться впередъ и путемъ грубаго, варварскаго насилія и путемъ добровольныхъ убѣжденій. Въ области исполнительной власти, въ кругѣ латинской партіи т. е. въ крестьянствѣ и неорганизованномъ магдебургскимъ правомъ мѣщанствѣ унія распространялась насиліемъ, — но въ кругѣ свободныхъ сословій, особенно въ рыцарствѣ и аристократіи она распространялась путемъ убѣжденія и добровольнаго согласія. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы всегда и вездѣ въ дѣйствительности оба эти способа рѣзко разграничива-

лись. Латинская партія или, точнѣе сказать, іезуитская очень искусно объединяла и совмѣщала ихъ нерѣдко въ одномъ и томъ же случаѣ. — И крестьянъ убѣждали къ уніи и свободныя сословія опутывали такими сѣтями, коварствомъ, обманомъ, которыя ничуть не лучше грубаго принужденія. Такой образъ дѣйствій, какъ нельзя лучше, приходился къ основному взгляду іезуитовъ, которые никогда не распространяютъ латинства односторонними мѣрами, но всѣми, какія только можетъ изобрѣсть умъ человѣческій для совращенія человѣка въ латинство. Іезуитъ съ одинаковыми чувствами и усердіемъ расточалъ и сокровища высокаго краснорѣчія, и поразительныя дѣла милосердія и самоотверженія, и безнравственнѣйшія внушенія, и возмутительнѣйшія интриги, и самыя безжалостныя кулачные удары на пользу одного и тогоже латинства, и все это слѣдовало одно за другимъ съ такою быстротою и благовидностію, что человѣкъ въ рукахъ іезуитовъ приходилъ въ то одуряющее положеніе, въ которомъ глохли всѣ его природные инстинкты, и онъ двигался, по ихъ указанію, куда угодно. Самыя свѣтлыя натуры, самые цѣльные характеры ломались въ этой передѣлкѣ, а что же сказать о массѣ народа. Впрочемъ, въ этой массѣ народа, которую такъ легко было ломать по частямъ, зародилось недовольство, глухой ропотъ противъ уніи и ея двигателей, конечно, потому, что эта масса, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, менѣе доступна была мѣрамъ разумнаго убѣжденія и утонченнымъ интригамъ. Недовольство и ропотъ этой массы росли, пробивались наружу и рвнулись въ смуту съ страшною силою, когда козаки ловко соединили свое чисто гражданское дѣло съ дѣломъ религіи.

Но одно уже вмѣшательство въ унію козаковъ, столь неразборчивыхъ въ средствахъ и присоединеніе ихъ вмѣстѣ съ массою земледѣльческаго народа къ Россіи, затронули чувства всѣхъ партій въ Польшѣ, и указывали необходимость распространять унію силою, какъ противодѣйствіе русскимъ стремленіямъ народа и, что всего важнѣе, пріучили всѣхъ къ грубому насилію, какъ это обыкновенно бываетъ въ долговременныхъ смутахъ народныхъ. Обнаружилось тогда самое странное явленіе: унію всѣ осуждали на погибель, іезуитовъ осыпали жесткими упреками, а между тѣмъ, и унія продолжала существовать, и всѣ распространяли ее чисто по іезуитскому способу, т. е. жестоко, неистово, неудержимо. Между тѣмъ, на польскій престолъ вступали люди партій, партій, которыя разбрелись своими сочувствіями и надеждами по всѣмъ странамъ Европы, ища вездѣ залога спасенія своей родины. Православные естественно обращали взоры къ Россіи, и чаще и чаще высказывали мысль о присоединеніи къ ней Польши. Это поставило ихъ въ положеніе измѣнниковъ отечества, и еще болѣе усиливало принудительныя мѣры къ распространенію уніи, которая къ концу XVII и въ XVIII столѣтіи была уже въ такомъ видѣ, что принять ее значило тоже, что принять латинство и сдѣлаться полякомъ. Вотъ, краткій очеркъ того, каковы были силы уніи, и какъ онѣ сплетались въ исторіи ея распространенія.

Изъ этого очерка мы прежде всего видимъ, что унія въ литовско-польскомъ королевствѣ постоянно имѣла государственное значеніе: интересы ея постоянно объединялись съ интересами политическими. Самое большее

объединеніе ихъ, или лучше, совершенное слитіе было при іезуитскомъ королѣ Сигизмундѣ III. Затѣмъ, при Владиславѣ и Янѣ Казимирѣ произошло видимое разъединеніе ихъ, надѣлавшее много шуму и бѣдъ, не менѣе, какъ и предшествовавшее слитіе ихъ. Наконецъ, послѣ Яна Казимира они опять сливаются, но унія уже не возвращается къ прежней жизни и силѣ, потому что внутреннія преобразованія ея по образцу латинства доводятъ ее до уничиженія, которому могъ быть одинъ конецъ изъ двухъ — или возвращеніе къ православію, или поглощеніе латинствомъ.

Съ другой стороны, мы видимъ изъ этого очерка, что въ исторіи распространенія уніи постоянно переплетаются мѣры принужденія съ мѣрами убѣжденія и добровольнаго согласія, и не смотря на видимое преобладаніе первыхъ мѣръ, трудно сказать рѣшительно, чего было больше, принужденія или согласія на унію. Можно только съ рѣшительностію сказать слѣдующее. Такъ какъ насиліе въ дѣлѣ уніи было не только правительственное, но и общественное; то естественно оно становилось насиліемъ самымъ жестокимъ и неумолимымъ, тѣмъ болѣе, что къ нему всегда примѣшивались политическіе виды. Затѣмъ, такъ какъ съ теченіемъ времени исторія уніи болѣе и болѣе дѣлалась исторіею литовско-польскаго крестьянства; то чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе мѣры принужденія преобладали надъ мѣрами убѣжденія, но никакъ нельзя сказать, чтобы унія распространялась всегда и вездѣ только насиліемъ: говорить такъ можно, зная только поверхностно памятники уніи; близкое же знакомство съ ними покажетъ, что и во времена страшнѣйшаго неистовства уніи, раздавал-

ся голосъ высокаго убѣжденія и принимались самыя заботливыя мѣры о распространеніи и укрѣпленіи убѣжденій уніятскихъ. Смѣемъ надѣяться, что предлагаемый теперь нашъ трудъ докажетъ и естественность и справедливость такого взгляда на унію.

I.

История распространения унии съ 1596 по 1632 г.— времена Сигизмунда III. — Объединение гражданскихъ и религіозныхъ интересовъ польскаго правительства.

Мы видѣли, что унія едва не погибла въ самомъ началѣ и, не смотря на всѣ усилія папы, польскаго короля Сигизмунда III, латинской-іезуитской партіи и западно-русскихъ епископовъ, принята была на Брестскомъ уніятскомъ соборѣ 1596 г. самымъ ничтожнымъ меньшинствомъ православныхъ. Главною причиною такого незавиднаго положенія дѣла былъ прежде всего самый характеръ вводимой уніи, которую виновники ея слишкомъ уже сблизили съ латинствомъ. Это направленіе уніи, подтверждавшееся многими, тогда же обнародованными документами, подало поводъ, какъ это обыкновенно бываетъ, къ преувеличеннымъ слухамъ, мнѣніямъ о будущемъ устройствѣ уніятской Церкви: въ народѣ полагали, что это будетъ чисто латинская Церковь. Православные отшатнулись отъ такой уніи, какъ отъ слишкомъ далекой, не только отъ ихъ православной вѣры, но даже и отъ тѣхъ уніятскихъ убѣжденій, которыя уже довольно въ нихъ были распростра-

нены и заключались въ томъ, будто можно замѣнить подчиненіе константинопольскому патріарху и духовный союзъ съ Востокомъ подчиненіемъ папѣ и союзомъ съ польскими латинянами, безъ нарушенія догматовъ Восточнаго вѣроисповѣданія. Вновь возникшая теперь уніятская Церковь должна была преодолѣвать всѣ эти трудности. Ей помогали въ этомъ отношеніи слѣдующія обстоятельства.

Какъ ни справедливо было въ основѣ мнѣніе о латинствѣ уніи, но преувеличенные слухи объ этомъ далеко не оправдывались въ дѣйствительности, когда уніятская Церковь начала свою жизнь. Церковь эта оказалась самымъ внѣшнимъ образомъ подчиненною папѣ. Онъ только утверждалъ уніятскаго митрополита въ санѣ, и его поминали вмѣсто патріарха. Все же остальное въ западно-русской Церкви оставалось неизмѣннымъ, ея открыто исповѣдуемые православные догматы, обряды, устройство были, повидимому, тѣже, что и прежде (4). Такой видъ уніятской Церкви, столь рѣшительно ниспровергавшій распространенные о ней слухи, разумѣется, долженъ былъ сильно дѣйствовать на многихъ православныхъ и располагать ихъ къ ненавистному прежде дѣлу. Не всѣ же могли ясно понимать, что скрывается подъ этою благовидною наружностію уніи. Правда, въ уніи была одна внѣшняя особенность, слишкомъ рѣзкая для народа и слишкомъ непривычная для него, именно та, что уніятское духовенство начало совершать службу въ латинскихъ храмахъ, а латинское въ уніятскихъ, иногда же то и другое сходились для одной общей службы въ костелъ или въ уніятскую церковь. Но въ жизни православнаго и латин-

скаго литовско-польскаго народа издавна существовало нѣчто похожее на это сближеніе православія съ латинствомъ. Такъ какъ и православные и латиняне давно уже жили вмѣстѣ въ литовско-польскомъ государствѣ, связанные между собою и единствомъ общей народности, и одинаковыми условіями жизни, и нерѣдко узами племени, родства и дружбы; то часто случалось съ самыхъ древнихъ временъ, что православный ходилъ въ костелъ, а латинянинъ въ православную церковь; иногда же было такъ, что тѣ и другіе въ одинъ и тотъ же день посѣщали и церковь и костелъ. Къ одной привлекала ихъ, независимо отъ коренныхъ убѣжденій вѣры, понятность богослуженія, къ другому — органы и проповѣдь (5). Слѣдовательно, указанное выше сближеніе и смѣшеніе въ богослуженіи уніятской и латинской іерархіи были только дальнѣйшимъ развитіемъ существовавшаго уже обычая, и притомъ народъ видѣлъ, что во всѣхъ случаяхъ такого сближенія и смѣшенія дѣйствовали всегда одни (уніяты или латиняне) и по своему, а другіе только торжественно присутствовали.

Другою опорою уніи и гораздо надежнѣйшею было то, что она, не смотря на ясную для всякаго незаконность своего появленія, сдѣлалась совершившимся фактомъ со всѣми свойствами внѣшней авторитетности и внѣшней законности, т. е. принята была большинствомъ высшей западно-русской іерархіи, утверждена папою, королемъ и громадною латинскою іерархіею, а извѣстна сила совершившагося факта; она обыкновенно мало по малу проникаетъ во враждебный ей лагерь людей и привлекаетъ, если не сочувствіе ихъ, то, по крайней мѣрѣ, терпимость, а особенно такой совершившійся фактъ, ко-

торый при внѣшней авторитетности и законности окруженъ заманчивыми выгодами, какимъ именно и была унія. Послѣдователи ея уравнивались въ правахъ съ членами господствовавшей латинской Церкви и пріобрѣтали всѣ выгоды, соединенныя съ этимъ, т. е. спокойствіе жизни, удобство достигать почетныхъ мѣстъ и т. п. — Недоставало одного, чтобы уніятскіе іерархи заняли въ сенатѣ обѣщанныя мѣста рядомъ съ латинскими іерархами (6), но, какъ видно, сначала не многіе понимали, какой отъ этого можетъ быть важный ущербъ для уніи, и непониманіе это тѣмъ долѣе могло продолжаться, что тѣ лица, которымъ и слѣдовало добиваться сенаторскихъ мѣстъ т. е. іерархи, принявшіе унію, очень были обласканы правительствомъ. Они получили отъ короля богатыя донаціи (монастыри, имѣнія); слѣдовательно, имъ было чѣмъ утѣшать себя и своихъ приверженцевъ въ горѣ за отказъ въ сенаторствѣ и въ виду личныхъ выгодъ легко забыть о неуяснепныхъ еще выгодахъ собственно уніятской Церкви (7). Словомъ, съ самаго 1596 года уніятская Церковь нашла себѣ нѣкоторыя довольно надежныя опоры для своего существованія.

Прямою цѣлію ея теперь, повидимому, было добиваться, чтобы не одна латинская партія и король, а всѣ чины государства признали ее вѣроисповѣданіемъ законнымъ, не мѣшали ей существовать и затѣмъ уже слѣдовало ей благоустрояться и пріобрѣтать себѣ послѣдователей путемъ убѣжденія и добровольнаго согласія, короче сказать, добиваться свободнаго, независимаго существованія и по закону и на самомъ дѣлѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что уніятская Церковь успѣшно и мир-

но достигала бы этой цѣли, потому что понятіе о вѣротерпимости сильно было распространено въ литовско-польскомъ государствѣ, между послѣдователями не латинскаго вѣроисповѣданія, и между православными не мало было людей съ убѣжденіями, близкими къ уніи. Но вводившіе унію не ограничились этою прямою и, повидимому, законною цѣлію ея. Они и вводили ее, какъ фактъ, простирающійся на всѣхъ литовско-русскихъ православныхъ, обязательный для всѣхъ ихъ, и на Брестскомъ соборѣ открыто признали западно-русскую православную Церковь обществомъ незаконнымъ, не имѣющимъ съ этого времени права на существованіе въ литовско-польскомъ государствѣ. Здѣсь-то и заключался источникъ всѣхъ затрудненій уніи и всѣхъ бѣдствій, обрушившихся изъ за нее на литовско-польское государство.

Взглядъ этотъ далъ уніи незаконныя и возмутительныя для православныхъ права. Естественныя въ православныхъ враждебныя чувства къ уніи и уніятамъ были этимъ до крайности раздражены и, что еще важнѣе, сами православные бросились въ противоположную крайность,—отвергли гражданское право уніи на существованіе и хотѣли ее уничтожить. Такъ эта обоюдная крайность обнаружилась, какъ мы уже видѣли, еще на Брестскомъ соборѣ: уніяты предали анаѳемѣ православныхъ, а православные — уніятовъ (8). Конечно, такой образъ дѣйствій вытекалъ изъ того убѣжденія, что уніяты считали православныхъ отступниками отъ Церкви, а православные уніятовъ; слѣдовательно, тѣ и другіе слѣдовали въ этомъ случаѣ только законамъ своей Церкви; но ошибка была сдѣлана въ томъ, что обѣ поло-

вины перевели это дѣло на судъ гражданскій, и каждая требовала, чтобы правительство признало справедливою ее и осудила другую (9). Вотъ основанія, какія представляли въ свою пользу обѣ стороны. Поборники уніи представляли, что унія ничего не измѣнила въ западно-русской Церкви и что унію приняла вся іерархія, которой паства, говорили они, должна подчиняться безъусловно (10). Православные противопоставляли этому приговору, что іерархи, принявшіе унію, отступили отъ своей Церкви и отъ своей собственной клятвы, отступили безъ согласія своихъ паствъ и имъ противится не одна паства, а представитель восточной Церкви — экзархъ константинопольскаго патріарха Никифоръ, два западно-русскіе іерархи львовскій Гедеонъ и перемышльскій Михаилъ и наконецъ многочисленная низшая іерархія; на этомъ основаніи они требовали низложенія принявшихъ унію іерарховъ и назначенія другихъ на ихъ мѣста (11).

Не легко было польскому правительству опровергнуть эти основанія православныхъ; но не легко ему было также признать ихъ справедливыми и осудить уніятовъ, если бы даже это правительство вовсе неучаствовало въ сдѣлкѣ принявшихъ унію епископовъ, потому что въ этомъ случаѣ, т. е. послѣднемъ; нужно было бы оскорбить папу и могущественную латинскую партію въ Польшѣ, что польское правительство только разъ сдѣлало во времена Болеслава Храбраго, да и то закялось. Затрудненіе, какъ видимъ, было не маловажное. Однако мудрое, безпристрастное правительство вышло бы изъ этого затрудненія. Оно, безъ сомнѣнія, не рѣшило бы этого дѣла ни въ ту, ни въ другую сторону, а

отказавшись отъ рѣшенія подобныхъ вопросовъ, выходящихъ совершенно изъ круга гражданскихъ дѣлъ, признало бы, держась польскихъ законовъ, законными и признанными въ государствѣ оба вѣроисповѣданія — и православное и уніятское, и только запретило бы обоимъ нарушать взаимныя права. Взяло бы оно развѣ на себя распредѣленіе имуществъ церковныхъ. Но, къ сожалѣнію, тогдашнее польское правительство или, лучше сказать, король Сигизмундъ III и латинская партія далеко не отличались истинною мудростію, а тѣмъ менѣе безпристрастіемъ. Они сами сильно и очень нечисто замѣшаны были въ дѣлѣ уніи, поэтому, отвергнувъ всѣ представленія православныхъ, признали законными и обязательными для нихъ всѣ доводы уніятовъ, не понимая въ ослѣпленіи своего фанатизма, какой безконечный, тяжелый и опасный трудъ налагаютъ на себя этимъ приговоромъ (12).

Послѣ этого, очевидно, правительству оставалось давить матеріальною силою всякое противленіе уніи, а православнымъ такою же силою отражать нападеніе, т. е. приходилось рѣшать спорное дѣло кулачнымъ боемъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Такъ безъ сомнѣнія было бы, и борьба между православными и уніятами кончилась бы, вѣроятно, довольно скоро согласно самой природѣ матеріальныхъ силъ, неспособныхъ къ продолжительному непрерывному напряженію. Но въ тогдашней Польшѣ очень значительна еще была сила нравственная, которая въ убѣжденіяхъ народа и въ правительственномъ его складѣ поставлена была выше всѣхъ проявленій силы матеріяльной. Сила эта обозначалась понятнымъ для каждаго и уважаемымъ въ принципѣ

словомъ — свобода (wola). Вотъ, эта то нравственная сила, способная къ непрерывной вѣковой борьбѣ со всѣми стихіями человѣческой жизни, и была причиною того, что вопросъ объ отношеніи уніи и православія рѣшали въ литовско-польскомъ государствѣ цѣлыхъ два вѣка и все таки не рѣшили, чему мы и обязаны тѣмъ, что была исторія уніи, достойная серьёзнаго изученія. Эта нравственная сила, не смотря ни на какіе приговоры Сигизмунда, поддерживала въ православныхъ надежду на успѣхъ и потому естественно отвращала ихъ отъ немедленнаго, открытаго возстанія, а уніятамъ и ихъ покровителямъ, не смотря также ни на какое содѣйствіе Сигизмунда, сильно связывала руки. Поддерживала эта сила однихъ и связывала другихъ слѣдующимъ образомъ (13).

Извѣстно, что власть короля въ литовско-польскомъ государствѣ была сильно ограничена. Онъ не могъ произвесть ни одной, сколько нибудь значительной, перемѣны въ рѣчи посполитой безъ согласія народныхъ представителей, собиравшихся на сеймахъ и имѣвшихъ постоянныхъ органовъ своей власти — сенатъ и суды. Унія, между тѣмъ, введена была безъ согласія сейма. Конечно, по духу литовско-польскихъ законовъ, не нужно было брать согласіе сейма на введеніе новой вѣры. Проповѣдники ея могли, никого неспрашиваясь, искать сочувствія своему ученію, и только образовавшееся цѣлое вѣроисповѣданіе имѣло право добиваться гражданскихъ правъ. Но другое дѣло, когда вводилось вѣроисповѣданіе оффиціальнымъ путемъ, когда его вводила власть и требовала отъ громадной массы народа подчиненія ему. Такого дѣла уже нельзя было дѣлать безъ

сейма, т. е. безъ согласія прежде всего тѣхъ людей, для которыхъ оно предназначалось. Сигизмундъ въ дѣлѣ уніи согласіе сейма замѣнилъ соборомъ Брестскимъ 1596 г., но мы знаемъ уже, что бо̀льшая половина собора отвергла унію, значитъ нужно было найти основаніе неуважить постановленія этой бо̀льшей половины собора заставить ее принять унію; но такому образу дѣйствій явно противорѣчили — духъ польской конституціи и положительные законы. Всякій православный въ противодѣйствіе этому приказу могъ сослаться на общую въ государствѣ свободу совѣсти и на законы, признаваемые всѣми. Въ особенности много здѣсь значило постановленіе такъ называемой Варшавской конфедераціи 1573 г. Исполнять его клялись, не смотря на протестъ латинскаго духовенства, Стефанъ Баторій и самъ Сигизмундъ III. Оно служило дополненіемъ и уясненіемъ законовъ о вѣротерпимости Сигизмунда Августа, именно, что каждый имѣетъ право свободно, открыто исповѣдывать свою вѣру, какая бы она ни была и изъ-за вѣры не долженъ быть лишаемъ гражданскихъ правъ (14). По этому закону, значитъ, имѣли одинаковыя права обѣ половины Брестскаго собора 1596 года, принявшіе и непринявшіе унію, т. е. имѣли одинаковыя права на существованіе и православіе и унія и, слѣдовательно, подрывался планъ обоихъ вѣроисповѣданій, составленный въ самомъ началѣ уніи, т. е. планъ уніатовъ уничтожить западнорусскую Церковь и планъ православныхъ уничтожить унію, — и каждая сторона должна была доказывать справедливость своихъ требованій и несправедливость противной стороны. Прекратить эти сужденія, рѣшить дѣло разомъ никакъ нельзя было даже Сигизмунду III,

потому что въ такомъ случаѣ онъ поднялъ бы противъ себя сеймъ и народъ. Тогда бы возстали противъ него не одни православные, а всѣ поборники свободы. Такимъ образомъ, неодолимою силою обстоятельствъ вопросъ объ отношеніяхъ православія и уніи вдвинутъ былъ въ колею конституціонной жизни. Необходимо было допустить открытое, гласное разбирательство между уніятами и православными.

Но едва ли многіе тогда понимали какой широкій размѣръ должно было принять это разбирательство. Унія столько затрогивала сторонъ литовско-польской жизни, что еслибы все это сообразилъ Сигизмундъ III во́время, то очень вѣроятно, что онъ никакъ не согласился бы на введеніе уніи, не смотря на все свое усердіе къ пользамъ латинства. Вопросъ объ отношеніи православія и уніи захватывалъ чуть не всѣ стороны литовско-польской жизни. Сами собою возникали вопросы и о догматическомъ достоинствѣ православія и уніи, слѣдовательно и латинства, — и о правахъ іерархіи и паствы рѣшать его, и о королевской власти въ дѣлахъ религіозныхъ и о правѣ частныхъ лицъ — свободныхъ сословій и крестьянъ защищать свои религіозныя дѣла. При этомъ естественно пробуждались многія мнѣнія и страсти, дремавшія до сихъ поръ и, повидимому, не имѣвшія никакой связи съ уніею или православіемъ (15). Работа, значитъ, подготовилась для всѣхъ не малая, но само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ прежде всего много говорятъ и не тайкомъ, а открыто, какъ это и водилось въ Польшѣ, этою работою больше всѣхъ должны были заняться люди пишущіе. Дѣйствительно, люди, руководившіе дѣломъ уніи или православія, не смотря на

самое нетерпѣливое желаніе вдругъ задавить своихъ враговъ и дать немедленное торжество своей сторонѣ, всѣ какъ бы невольно покорились коренной привычкѣ своего народа дѣлать все по открыто, гласно обсужденному рѣшенію и взялись съ необычайною горячностію за обсужденіе отношеній православія и уніи.

Едва кончился Брестскій соборъ, какъ всѣ принялись за религіозную полемику. Глубоко задумались церковные ораторы, съ необычною торопливостію спѣшили на церковныя каѳедры и вѣщали народу pro или contra уніи или православія съ несвойственною имъ горячностію. Почтенные ученые той и другой стороны подняли библіотечную и архивную пыль, обшарили углы, въ которыхъ можно было подозрѣвать присутствіе полезнаго документа и погрузились въ фоліанты и ветхія рукописи; заскрипѣли литературныя перья; въ слѣдъ за тѣмъ закопошились типографщики, книгопродавцы и литературные вѣстовщики (16). Настала просто мода писать объ уніи, такъ что ею даже заразились чиновники въ своихъ оффиціальныхъ бумагахъ (17). Конечно, все это множество ораторствовавшихъ, писавшихъ, печатавшихъ и продававшихъ предполагало, что найдутся слушатели, читатели, покупатели и, разумѣется, предполагало не безъ основанія. Слушающихъ и читающихъ, благодаря сильно распространенной грамотности и возбужденію религіознаго интереса, было такъ много, что обѣ стороны сочли нужнымъ жечь сочиненія одни другихъ (18). Это одно уже ясно показываетъ, что сочиненія эти производили важныя слѣдствія въ томъ и другомъ враждебномъ лагерѣ. Какія же именно? Какое уясненіе того и другаго дѣла они производили, примѣни-

тельно къ тѣмъ взглядамъ и вопросамъ, какіе мы указывали выше?

Обращаясь къ изслѣдованію данныхъ, выработанныхъ полемикою по дѣлу уніи, мы не будемъ вдаваться въ богословскія тонкости. Мы будемъ обращать главное вниманіе на тѣ начала той и другой стороны, которыя имѣли связь съ историческою жизнію народа, затрогивали его историческія преданія, понятія и стремленія. А какова важность въ исторіи уніи подобнаго изслѣдованія, это читатели увидятъ по тѣмъ окончательнымъ выводамъ, какіе мы будемъ дѣлать изъ каждаго основнаго положенія тѣхъ и другихъ писателей т. е. православныхъ и уніятскихъ.

Самый главный и общій вопросъ, возникшій между тѣми и другими писателями заключался въ томъ, что такое православіе и унія. На рѣшеніе этого вопроса писатели эти употребили больше всего силъ и бумаги. Положеніе ихъ въ этомъ спорѣ было далеко не одинаковое. Писатели латинскіе и уніятскіе, какъ ни сильно желали разрушить все, на чемъ зиждется православная истина, но они каждый разъ чувствовали въ этомъ дѣлѣ огромное стѣсненіе. Сама унія, въ защиту которой они нападали на православіе, заключала въ себѣ значительную часть особенностей православной Церкви. Это поставляло этихъ писателей въ необходимость не трогать многаго въ православіи и тѣмъ ослаблять свою главную мысль, что православіе—ересь, а унія—истина. Уясненіе мнимой истинности уніи тѣмъ болѣе затруднялось, что она православныя особенности сливала съ латинствомъ и необычайно трудно было опредѣлить съ точностію, съ чѣмъ именно латинскимъ сливала она эти особенности

и съ чѣмъ нѣтъ. Принято было за правило выражаться такъ, что унія заключаетъ въ себѣ обряды восточной Церкви, а ученіе латинской. Но не много нужно было имѣть смысла, чтобы понимать, какъ не точно подобное разграниченіе между православіемъ, уніею и латинствомъ. Ученіе и обряды и въ православіи и въ латинствѣ слиты въ одно цѣлое, и ихъ ораздог легче замѣнить одни другими совершенно, т. е. латинское ученіе и обряды — православнымъ ученіемъ и обрядами, или на оборотъ, чѣмъ сливать одни съ другими. Рѣшеніе этого вопроса затруднялось далѣе еще тѣмъ, что латинскіе писатели, имѣя въ виду, что унія современемъ совершенно сольется съ латинствомъ, не могли остановиться рѣшительно на одной ея нормѣ и чаще всего разсуждали объ ней, какъ о чистомъ латинствѣ, а уніятскіе писатели, слѣдуя старымъ инстинктамъ и по самому чувству самосохраненія, оставляли за уніей больше особенностей православныхъ (19). Не указываемъ на другія частныя странности и противорѣчія въ этихъ сочиненіяхъ. Изъ того, что мы сказали, надѣемся, достаточно видно, что унія въ этихъ сочиненіяхъ должна была казаться здравомыслящимъ людямъ чѣмъ-то православнымъ, чѣмъ-то латинскимъ и чѣмъ-то отличнымъ отъ того и другаго, т. е. вѣроисповѣданіемъ неопредѣленнымъ, не точнымъ, двусмысленнымъ. (20)

Православные писатели вовсе незнали такого мучительнаго неудобства. Они могли смѣло нападать на латинство и знали на что нападать. Давнее и въ то время раздѣленіе Церквей достаточно уже уяснило отличіе одной отъ другой. Въ особенности уяснилось различіе духа той и другой Церкви, на что православные западно-русскіе

писатели обращали особенное вниманіе и въ чемъ ихъ опроверженія латинства далеко превосходятъ всѣ протестантскія опроверженія его (21). Впрочемъ, было одно затрудненіе и у православныхъ писателей, имѣвшее весьма важныя послѣдствія. Именно: такъ какъ православная западно-русская наука не окрѣпла еще къ началу уніи, то православные писатели принуждены были часто обращаться къ иностраннымъ пособіямъ въ особенности къ протестантскимъ и чтобы представить болѣе далекимъ свое ученіе отъ латинскаго, нерѣдко усвояли себѣ крайности протестантскаго ученія (22). Но не смотря на эти промахи православныхъ, сейчасъ же подмѣченные поборниками уніи, неоспоримо было ясно для многихъ, что православные писатели проповѣдуютъ цѣльныя, точныя убѣжденія, а уніяты —не точныя, двусмысленныя. Слѣдовательно, на сторонѣ православныхъ, независимо отъ другихъ побужденій, могли становиться люди крѣпкихъ, округленныхъ убѣжденій, а на сторонѣ уніи люди, зараженные уже безразличіемъ въ дѣлѣ вѣры, пріученные не полагать точныхъ границъ между своею религіозною истиною и иновѣрнымъ ученіемъ. Никакъ нельзя думать, чтобы послѣднихъ людей было мало въ литовско-польскомъ государствѣ. Мы уже неразъ замѣчали, какъ часто Литва подвергалась насильственнымъ обращеніямъ въ ту или другую вѣру и корыстнымъ приманкамъ перемѣнять такъ или иначе религіозныя убѣжденія. Такія обстоятельства не могли не породить значительной массы людей, способныхъ по первому сильному толчку мѣнять свою вѣру. Въ уніи эти люди могли даже находить нѣкоторое успокоеніе совѣсти, потому что она заключала въ себѣ кое-что и изъ прежнихъ ихъ убѣжденій.

Другой вопросъ западно-русской полемики, тѣсно связанный съ первымъ, заключается въ слѣдующемъ. Долговременная зависимость отъ иностранной церковной власти какъ западно-русской Церкви, такъ и латинской польской обобщила въ литовско-польскомъ народѣ обоихъ вѣроисповѣданій мысль о необходимости высшей *иностранной* власти въ ихъ Церквахъ. Теперь, когда возникла унія, приходилось обсудить — какая власть лучше — власть ли константинопольскаго патріарха или власть римскаго первосвященника? Догматическія доказательства правъ той и другой власти мы опять оставляемъ въ сторонѣ, какъ малодоступныя въ то время народу. Скажемъ только, что, сколько намъ извѣстно, нигдѣ эти вопросы не были такъ разработаны, даже въ протестантскихъ странахъ. Мы остановимся опять на главныхъ началахъ, высказанныхъ тѣми и другими писателями и болѣе удобопонятныхъ. Православные и уніятскіе писатели, стояли въ этомъ спорѣ большею частію на совершенно противоположныхъ точкахъ зрѣнія. Латинскіе и уніятскіе писатели сильнѣйшимъ аргументомъ въ пользу уніи и во вредъ православію находили средневѣковое величіе папы, управляющаго безпрекословно громаднымъ латинскимъ міромъ, имѣющаго огромныя средства доставить торжество своей Церкви, своимъ послѣдователямъ. Рядомъ съ этими мыслями они изображали униженіе константинопольскаго патріарха и всей греческой Церкви, порабощенныхъ Турками и неимѣющихъ возможности защищаться противъ разнаго рода бѣдствій (23). Въ литовско-польскомъ государствѣ того времени эти мысли могли дѣйствовать на очень многихъ. Всѣмъ была чув-

ствительна не удача патріарха Іереміи исправить дѣла западно-русской Церкви и всѣмъ было также очевидно, какъ торжествуетъ въ Польшѣ латинство. Ему рабски покоряется король Сигизмундъ, его содержитъ многочисленная, знатная, богатая іерархія, наносящая страшные удары всѣмъ иновѣрцамъ, его исповѣдуетъ многочисленный народъ, исповѣдуетъ мирно и очень выгодно, потому что первенствуетъ въ гражданскихъ правахъ предъ всѣми не латинянами. Словомъ, власть папы и за нею унія представлялись, какъ тѣснѣйшее соединеніе, слитіе интересовъ вѣры съ интересами жизни. Слѣдовательно, унія особенно могла нравиться тѣмъ людямъ, которые любили соединять благо вѣры съ житейскою пользою. Впрочемъ, всѣ эти разсужденія латинскихъ и уніятскихъ писателей имѣли не рѣдко и болѣе очищенный видъ. Отъ величія папы въ латинскомъ мірѣ и въ Польшѣ, величія, столь выгоднаго въ частной жизни, они переходили къ пользѣ латинства и уніи для всего государства, для будущей его судьбы. Они широко расписывали, какъ хорошо будетъ для этого государства, когда всѣ его подданные будутъ исповѣдывать одну вѣру, будутъ всѣ подчиняться одному и тому же папѣ, столь сильному и въ Польшѣ, и въ другихъ государствахъ латинскихъ (24). Мысль эта могла нравиться тѣмъ изъ православныхъ, которые путемъ вѣковаго вліянія довольно уже сродпились съ Польшею и особенно тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли заблужденіе думать, что политическая жизнь Польши — образецъ жизни славянской. Такимъ образомъ, общеизвѣстная утилитарность латинства развертывалась здѣсь во всей широтѣ, обхватывала и частные и общественные интересы народа.

Совершенно иначе смотрѣли на высшую власть церковную православные писатели. Выходя изъ основныхъ воззрѣній своей Церкви, они очень любили выставлять разъединеніе небесныхъ и земныхъ интересовъ и потому показывали превосходство той власти церковной, которая чуждается смѣшенія ихъ въ одно (25). Впрочемъ, и власть константинопольскаго патріарха, хотя случайно, сливалась съ народными интересами православныхъ. Долговременное ихъ соединеніе съ Польшею нанесло много ударовъ ихъ народнымъ началамъ — языку, обычаямъ. Въ народѣ западно-русскомъ, поэтому, особенно въ лучшихъ людяхъ его естественно развивалось и безъ уніи отчужденіе отъ Польши. Соединить теперь посредствомъ уніи еще свои вѣрованія съ латинскими, такъ плотно слитыми съ мірскими началами т. е. польскими, значило нанести окончательный ударъ не только православной вѣрѣ, но и русской народности. Поэтому православные тѣмъ съ большимъ усердіемъ защищали константинопольскаго патріарха, который своею властію надъ западнорусскою Церковію хоть нѣсколько ограничивалъ всестороннее вліяніе Польши на западнорусскую народность. Оставляя, впрочемъ, въ сторонѣ это сопоставленіе власти патріарха съ народными интересами, какъ дѣйствительно случайное и не многимъ понятное, мы можемъ вывести такое общее заключеніе о началахъ уніятскихъ и православныхъ писателей въ ихъ спорѣ о томъ и другомъ вѣроисповѣданіи и о той и другой церковной власти. Одни — уніятскіе писатели проповѣдывали *утилитарность вѣры, смѣшеніе ея интересовъ съ выгодами жизни*, другіе, т. е. православные — *разъединеніе* ихъ; одни

обращались къ *своекорыстію* народа частному и общественному, другіе къ его *самоотверженію* на всѣхъ путяхъ жизни.

Это противорѣчіе во взглядахъ на вѣру православныхъ и уніятскихъ писателей уяснялось еще болѣе, не говоримъ уже о жизни, слѣдующимъ споромъ между тѣми и другими. Такъ какъ унія введена была и для политическихъ цѣлей и введена была оффиціяльно властію противъ воли народа; то писатели во имя уніи должны были защищать усиленнымъ образомъ власть какъ церковную вообще, такъ и королевскую. Отсюда ихъ крайнее ученіе о томъ, что міряне должны безусловно подчиняться іерархіи, не вмѣшиваться ни во что, касающееся вѣры и что король и его власти имѣютъ полное право требовать, чтобы всѣ православные принимали унію и употреблять для этого карательныя мѣры (26). Православные писатели стояли опять, если не на противоположной, то на очень далекой отъ этихъ воззрѣній, точкѣ. Допуская во всей рѣзкости раздѣленіе духовныхъ и мірскихъ интересовъ, они однако вовсе нераздѣляли, да оно и не слѣдовало раздѣлять, іерархіи и паствы на два рѣзко раздѣленныя классы, такъ чтобы между ними была связь только власти и подчиненіе, а не взаимнаго единенія, единодушія и общаго усердія къ пользѣ вѣры. Напротивъ, давно лишенные покровительства власти, они плотно примкнули къ іерархіи и принимали живѣйшее и дѣятельное участіе въ дѣлахъ своей вѣры и Церкви. Чтоже касается до королевской власти, то не касаясь прямо этого щекотливаго вопроса, они ловко противопоставляли ей законы государства и собственныя клятвы королей не нарушать свободы совѣсти иновѣр-

цевъ (27). Такимъ образомъ, защитники уніи вообще стали на сторонѣ власти, а защитники православія на сторонѣ народа. Въ то время въ литовско-польскомъ государствѣ это значило, что одни стоятъ на сторонѣ произвола, а другіе на сторонѣ свободы. Такимъ образомъ, вышла большая странность: унія, введенная для скорѣйшаго усвоенія литовско-русскими православными польской жизни, стала во враждебное отношеніе къ основному началу этой жизни—свободѣ, а православіе, ратовавшее въ лицѣ своихъ членовъ, между прочимъ, за самостоятельность западно-русской народности и отчужденіе отъ Польши, стало рядомъ съ требованіями польской свободы. Само собою разумѣется, что такая странность должна была произвесть большую путаницу и заставляла многихъ дѣлать самые неожиданные скачки во враждебную сторону. Ей-то конечно исторія уніи обязана тѣмъ, что чиновные въ душѣ люди — сыновья князя Острожскаго и даже Скумины стали на сторонѣ уніятовъ, а любимецъ народа и поборникъ польской свободы Янъ Замойскій явился защитникомъ православія. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что такой складъ дѣла много помогъ православію и повредилъ уніи. Онъ поставилъ православіе, повторяемъ, на сторонѣ права, законности, а унію на сторонѣ произвола, насилія.

Вотъ, какъ въ самомъ началѣ уніи обрисовались главныя начала православія и уніи и характеристическія черты послѣдователей того и другаго вѣроисповѣданія. Едва ли намъ нужно еще послѣ этого распространяться о томъ, какъ много было на сторонѣ православныхъ нравственной силы, истины, правды, чистоты и какъ мало всего этого было на сторонѣ уніятовъ. Впрочемъ,

въ утѣшеніе тѣмъ людямъ, которые способны заподозрить насъ въ пристрастномъ изложеніи дѣла, мы можемъ сказать, что излагали общее, главное направленіе мыслей той и другой стороны, а не частныя, отдѣльныя ихъ проявленія. Въ частныхъ случаяхъ, какъ это и естественно, были многочисленнѣйшія уклоненія тѣхъ и другихъ писателей отъ главныхъ своихъ началъ. Поборники правды и свободы нерѣдко проповѣдывали ложь и насиліе, и на оборотъ — поборники лжи и насилія обращались иногда къ истинѣ и свободѣ съ восторженными чувствами любви и покорности. Эта измѣна своимъ началамъ, это уравненіе тѣхъ и другихъ писателей особенно рѣзко обнаружились въ одной области спора, на которую мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе, потому что она имѣла большое вліяніе на ходъ отношеній между православными и уніятами.

Возникшій по дѣлу уніи споръ, какъ мы видѣли, очень ясно обрисовалъ убѣжденія обѣихъ сторонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, путемъ литературной, и еще болѣе жизненной борьбы обрисовались передовыя личности православныхъ и уніятовъ. Около этихъ людей сосредоточивалось вниманіе общественное, и у каждой стороны естественно возникло желаніе перезвать ихъ къ себѣ или, по крайней мѣрѣ, уничтожить ихъ вліяніе на массу народа. Въ литературѣ это желаніе выразилось слѣдующимъ образомъ Стали появляться письменныя убѣжденія этимъ лицамъ — православнымъ отъ уніятовъ и уніятамъ отъ православныхъ—принять унію или возвратиться въ православіе (28). При первомъ взглядѣ на эти сочиненія можетъ показаться, что онѣ были тщетною тратою силъ и времени, потому что передовые лю-

дп православія и уніи меньше всего могли поддаваться постороннему убѣжденію. Но тутъ имѣлось въ виду другое дѣло, очень серьезное. Сочиненія этого рода, пущенныя въ народъ безъ соотвѣтствующихъ отвѣтовъ могли возбуждать въ читателяхъ недоумѣнія, какъ подѣйствовали они на тѣхъ, къ кому адресовались, не колеблютъ ли они ихъ убѣжденій? Но какъ скоро эти сочиненія получали такое значеніе, какъ скоро противная сторона имѣла въ виду, если не привлечь къ себѣ своихъ опаснѣйшихъ враговъ, то, по крайней мѣрѣ, поколебать къ нимъ довѣріе въ ихъ приверженцахъ; то отсюда уже естественно у обѣихъ сторонъ рождалось желаніе отыскать въ такихъ людяхъ побольше черныхъ сторонъ и обнародовать ихъ. Отсюда всеобщее въ то время стремленіе открывать темныя стороны своихъ враговъ, преувеличивать ихъ и въ случаѣ неполнаго эффекта сочинять небывалыя. Благодаря такому направленію писателей, мы знаемъ, напримѣръ, какія картины привезъ Терлецкій изъ столицы латинства и искусствъ, и какъ онъ наслаждался смущеніемъ почтенныхъ дамъ, которымъ показывалъ ихъ, или что онъ умеръ съ отгнившимъ носомъ. Знаемъ также, что Стефанъ Зизаній не зналъ — кто его отецъ, а безженный пресвитеръ Варѳоломей Заславскій былъ отцемъ и потомъ убійцею своего дитяти, которое приходилось племянникомъ или племянницею поручителю въ дѣвствѣ Заславскаго и т. д., и т. д. Отъ этихъ личныхъ скандаловъ писатели пошли къ скандаламъ самого дѣла и наполняли ими разсужденіе о всякомъ предметѣ или дѣлѣ своихъ враговъ. Мы уже имѣли случай говорить, на сколько справедливы всѣ эти скандалы; но не въ томъ

дѣло, а въ томъ, къ чему вело такое направленіе полемики. Оно естественно подрывало значеніе разумнаго слова, и вмѣстѣ съ тѣмъ, производило ожесточеніе, разгаръ страстей и желаніе достигать своихъ цѣлей путемъ насилія, кулачной расправы, т. е. и православные и уніяты этимъ направленіемъ своего спора содѣйствовали тому, чтобы ихъ дѣло скорѣе перешло изъ науки и разумныхъ добровольныхъ убѣжденій въ самую мумную жизнь. Въ обществахъ вполнѣ развитыхъ, созрѣвшихъ такого результата можетъ легко и не быть, но не забудемъ, что все это происходило въ XVI и XVII столѣтіи, въ литовско-польскомъ государствѣ, разшатанномъ уже не мало борьбою королей съ представителями народа, и особенно іезуитами, этими всемірными учителями беззаконія и кулачнаго боя. Не забудемъ также, что такой споръ возникъ изъ-за уніи, которая вся создана на фальши, неправдѣ и насиліи. Слѣдовательно, для уніятовъ раздраженіе отъ скандаловъ было истинною находкою. Оно какъ бы оправдывало ихъ падкость къ насиліямъ, къ которымъ они готовы были обратиться и безъ этого раздраженія.

Посмотримъ же теперь, какъ перешло въ самую жизнь спорное дѣло между православными и уніятами, и какъ оно здѣсь вырабатывалось уже помимо литературныхъ преній. Начнемъ, какъ и слѣдуетъ, съ уніятской іерархіи; такъ какъ она прежде всѣхъ обнаружила неохоту разбирать дѣло разумно и поползновеніе опереться на власть, силу.

Уніятская іерархія возвратилась изъ Брестскаго собора на свои мѣста, въ епархіи съ весьма страннымъ убѣжденіемъ, конечно, не искреннимъ, что на соборѣ

она рѣшительно не сдѣлала ничего, не постановила ничего новаго, измѣняющаго до сихъ поръ существовавшій порядокъ, что, поэтому, она вступаетъ попрежнему въ отправленіе своихъ обыкновенныхъ обязанностей, и всѣ попрежнему должны подчиняться ей. Легко себѣ представить, съ какимъ изумленіемъ встрѣтили такое объявленіе православные, отвергавшіе унію, и съ какимъ усиліемъ уніятская іерархія старалась воспроизвесть въ себѣ такое же изумленіе, встрѣтивъ въ своей паствѣ такую перемѣну. Явное дѣло, что здѣсь разъигрывалась траги-комедія, но могла разъигрываться очень недолго, какъ очень неумѣстная въ такомъ важномъ дѣлѣ. Дошло скоро до серьезныхъ объясненій и положительныхъ рѣшеній. Обѣ стороны высказались безъ мимики: одна объявила твердое намѣреніе управлять, другая — не подчиняться. Затѣмъ случались такія явленія, что или пастырь проповѣдывалъ слово Божіе и совершалъ службу, а тѣ, кому бы слушать и молиться, бѣгали отъ него, или готовые слушать слово Божіе и молиться приходили въ церковь и изгоняли вонъ прежняго своего пастыря. Случалось еще иначе: овцы имѣли своего пастыря и очень рады были ему, но его отнимали у нихъ, или они не имѣли его, и тоже очень рады были, но его давали имъ противъ ихъ волн. Эта настоящая притча объяснялась тѣмъ: сталкивался ли уніятскій пастырь съ православными овцами или православный пастырь съ уніятскими. А сколько было еще видоизмѣненій этой притчи. Былъ, напримѣръ, священникъ уніятскій, а паства его частію уніятская, частію православная или наоборотъ. Въ этомъ хаосѣ можно было замѣтить только одно крупное явленіе, что

большею частію и паства и пастыри приходскіе остаются православными, а только высшій іерархъ уніатъ; но это обыкновенное тогда явленіе нарушалось, какъ скоро умиралъ православный священникъ, а иногда и при жизни его присылали на его мѣсто уніятскаго. Понятное дѣло, что въ большинствѣ такихъ случаевъ, если не во всѣхъ, было много ссоры, брани и насилій, и въ заключеніе во всемъ этомъ должна была принять участіе мѣстная власть (29).

Повидимому, этой власти не было большаго труда рѣшать возникавшія при этомъ дѣла. Въ каждомъ данномъ случаѣ обиженные представляли ей, что нарушенъ существовавшій порядокъ, не подлежавшій никакому сомнѣнію. Но въ томъ-то и дѣло, что обѣ стороны православная и уніятская представляли тоже самое основаніе; обѣ представляли законнымъ дѣломъ, существующимъ порядкомъ православіе или унію: слѣдовательно мѣстной гражданской власти приходилось рѣшать очень трудный для нея вопросъ: что законнѣе въ данномъ случаѣ — православіе или унія? Такимъ образомъ, вопросъ объ уніи и православіи перешелъ въ область гражданской администраціи, полиціи и въ глубину его стали проникать, напрягая всѣ умственныя свои способности, войты, ключвойты и имъ подобные люди. Разумѣется, въ результатѣ такого углубленія никакъ не могъ выйти какой нибудь богословскій трактатъ съ твердыми началами, правильнымъ построеніемъ доказательствъ и многочисленными цитатами. Эти почтенные люди рѣшали такой головоломный вопросъ очень просто, повинуясь внушеніямъ свыше, а это высшее внушеніе, въ свою очередь, вытекало опять не изъ не-

посредственнаго богословскаго изученія уніи и православія, а изъ другихъ источниковъ — житейскихъ.

Чиновники, имѣвшіе вліяніе на установленіе отношеній между православными и уніятами, находились сами въ весьма различномъ отношеніи къ центральной власти—королевской и къ народу. Между ними были очень вѣрныя орудія королевской власти и, слѣдовательно, друзья-покровители уніи — это вообще администраторы областей, не исключая воеводъ, и кончая ключвойтами. Все это были люди, назначенные королевскою властію, имѣвшіе съ нею постоянныя сношенія, и отъ ней ожидавшіе новыхъ милостей. Если они къ тому-жъ были латиняне, и притомъ обязанные своими мѣстами іезуитамъ; то подъ ихъ руками унія процвѣтала и православіе страдало очень жестоко. Таково именно было положеніе уніи и православія, прежде всего, во всѣхъ королевскихъ имѣніяхъ, которыя обнимали многіе города, а не только деревни (30). Но мы сдѣлали бы несправедливое заключеніе, еслибы всѣхъ администраторовъ, безъ исключенія, признали безотвѣтными орудіями власти королевской, и тѣмъ болѣе искренними друзьями и покровителями уніи. Между ними, безспорно были люди очень самостоятельные и очень нелюбившіе уніи. Извѣстно, что важнѣйшіе чиновники административные въ литовско-польскомъ государствѣ были безсмѣнные, по крайней мѣрѣ, ихъ нельзя было смѣнить, безъ ихъ желанія. Это давало имъ большую самостоятельность. Благородные между ними люди вообще и особенно благородные между ними православные, очевидно, не расположены были поддерживать унію и содѣйствовать ея распространенію въ своихъ областяхъ въ ущербъ

православію. Въ этихъ областяхъ уніи приходилось очень плохо, какъ напримѣръ, въ области Кіевской, Минской, Витебской, Смоленской. Но нерѣдко случалось даже въ этихъ областяхъ, что высшій администраторъ былъ католикъ, а низшій — православный или наоборотъ. Тогда естественно происходило колебаніе въ пользу православія или уніи, смотря по силѣ и характеру этихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе необходимо допустить, что вообще въ этомъ кругѣ людей унія находила гораздо большую поддержку, чѣмъ православіе, потому что сюда вообще скорѣе и вѣрнѣе доходили внушенія короля и латинской іезуитской партіи.

Совсѣмъ другого рода были правительственныя лица въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ господствовало, такъ называемое, магдебургское право: здѣсь управленіе находилось въ рукахъ самыхъ гражданъ, и, слѣдовательно всѣ административные чиновники должны были слѣдовать настроенію и убѣжденію городскаго общества, ихъ избравшаго. Тутъ успѣхъ или неуспѣхъ уніи рѣшительно зависѣлъ отъ числа латинянъ и уніятовъ съ одной стороны и православныхъ съ другой. Такъ во всѣхъ городахъ литовскихъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, перевѣсъ былъ на сторонѣ православныхъ, а въ Галиціи, напримѣръ, на сторонѣ уніатовъ.

Наконецъ, была еще третья обстановка уніи и православія — это именно въ деревняхъ. Здѣсь все зависѣло отъ того, кто были помѣщики — православные или латиняне и уніяты. Несчастные крестьяне въ литовско-польскомъ государствѣ — эти негры Южныхъ штатовъ Америки тѣмъ только и отличались отъ нихъ, что для негровъ Америки нссчитается нужною религія, а для

нихъ считалась она необходимою, но по волѣ, по приказу помѣщика. Впрочемъ, и въ ихъ положеніи нельзя не усмотрѣть одной, очень отрадной стороны. По внѣшности ихъ дѣлали то уніятами, то латинянами, то протестантами, смотря потому, какая вѣра исповѣдывалась въ палацахъ ихъ господъ; но ихъ убѣжденія или, вѣрнѣе сказать, ихъ отцовскія вѣрованія и обычаи оставались чаще одни и тѣже при всѣхъ внѣшнихъ ихъ превращеніяхъ. Ихъ церкви, духовенство и богослуженіе могли измѣнять какъ угодно, имъ могли говорить какія угодно краснорѣчивыя проповѣди объ уніи; Скарга и Поцѣй могли волновать всю Литву и Польшу,—одинъ—своимъ златоустовскимъ краснорѣчіемъ, другой — своими археологическими открытіями; а они, загнанные, убитые, также какъ и прежде, вѣровали и молились, какъ будто унія проносилась мимо ихъ, не затронувши ни одного ихъ вѣрованія. Поѣзжайте и теперь въ уѣзды Пружанскій, Кобринскій, отчасти Бѣльскій и въ прилегающіе къ нимъ уѣзды Волынской губерніи, а лучше, еслибъ вы могли это сдѣлать въ началѣ сороковыхъ годовъ, — и вы увидите или видѣли, что тамъ народъ говоритъ рѣчью, поразительно близкою къ рѣчи Нестора и древнихъ церковныхъ книгъ, что онъ молится и держитъ религіозные обычаи по православному съ древнѣйшихъ временъ уніи, а заверните оттуда въ ничтожнѣйшее мѣстечко Заблудовье, около Бѣлостока, окруженное издавна со всѣхъ сторонъ сильнымъ вліяніемъ латинства; тамъ есть приходъ мѣщанъ, прежде крестьянъ, которые никогда и не знали уніи и черезъ два съ половиною вѣка, среди всѣхъ треволненій, сохраняли православіе даже и во внѣшности.

Изъ всѣхъ указанныхъ до сихъ поръ случаевъ столкновенія православныхъ съ уніятами нельзя не видѣть, что успѣхъ тѣхъ и другихъ зависѣлъ большею частію отъ случайныхъ обстоятельствъ, — прочнаго въ положеніи тѣхъ и другихъ было: у уніятовъ неизмѣнное сочувствіе короля, одушевлявшаго чиновниковъ къ содѣйствію уніи и универсалами и именными предписаніями и чиновниками своей канцеляріи, — за тѣмъ сочувствіе латинянъ, въ немаломъ числѣ разсѣянныхъ по Литвѣ и крѣпко связанныхъ какъ съ королевскою властію, такъ въ особенности съ іезуитами; у православныхъ: сочувствіе плотной массы народа и въ частности нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ. Словомъ — на сторонѣ однихъ была опора *власти административной*,—на другой опора *народныхъ чувствъ*.

Извѣстно, что такое враждебное столкновеніе двухъ силъ народной жизни ведетъ къ гибельнымъ смутамъ въ какомъ бы то ни было государствѣ. Противъ этой язвы есть единственное средство — благоустроенный, независимый судъ. Такое средство дѣйствительно было въ литовско-польскомъ государствѣ: посмотримъ же на сколько оно оберегало это государство въ дѣлѣ уніи отъ деспотизма съ одной стороны и анархіи съ другой—что, впрочемъ, одно и тоже.

Судъ въ литовско-польскомъ государствѣ стоялъ въ срединѣ между интересами частныхъ лицъ и властію исполнительною. Судьи избирались народнымъ представительствомъ на сеймикахъ, сеймахъ и утверждались королемъ, — слѣдовательно, могли служить выраженіемъ и охраненіемъ истинныхъ, законныхъ интересовъ и народа и власти, особенно суды трибунальные, сей-

мовые. Къ этимъ-то судамъ и судьямъ необходимо должны были обратиться обѣ стороны — и православная и уніятская. Между ними часто возникали такія дѣла, которыя сопровождались нарушеніемъ правъ лица и нерѣдко уголовными представленіями. Но понятно, что судъ, особенно правильный (какимъ большею частію и былъ литовско-польскій судъ въ началѣ уніи, какъ еще не испорченный латинскою іезуитскою партіею и составленный безъ соображенія будущихъ интересовъ уніи) могъ быть выгоденъ правой сторонѣ т. е. православной, и очень невыгоденъ неправой т. е. уніятской. Оттого-то мы видимъ, что православные въ началѣ уніи очень охотно обращаются къ судебному рѣшенію посредствомъ жалобъ и такъ называемыхъ протестацій (31), а уніяты и самъ король постоянно жалуются на пристрастіе къ православнымъ, по ихъ мнѣнію, литовско-польскихъ судовъ (32). Такъ извѣстно, что Стефанъ Зизаній и его единомышленники братскіе и соборные Виленскіе священники оправдываются судомъ, не смотря на соборное и королевское ихъ осужденіе (33). Безпристрастіе тогдашнихъ судовъ въ большей части Литвы было такъ велико, что уніяты даже не осмѣливались подвергать имъ православныхъ, способныхъ допскиваться безпристрастнаго рѣшенія дѣла. Такъ, оставались неприкосновенными оба епископа, непринявшіе уніи — Гедеонъ и Михаилъ, Никифоръ и Кириллъ патріаршіе экзархи въ Литвѣ и многіе духовные, имѣвшіе какое нибудь независимое положеніе. Вообще въ уніятахъ нельзя не замѣтить сильнаго желанія не подвергать своего дѣла судебному изслѣдованію. Но какъ было достигнуть этой цѣли? Вотъ какими путями они укло-

нялись отъ суда. Считая дѣло уніи рѣшеннымъ высшими властями въ ихъ глазахъ — королемъ и папою, они возмущались при одной мысли подвергнуть его переизслѣдованію. За тѣмъ они становились на другую точку и объявили, что унія чисто церковное дѣло: его разбирать не имѣетъ права гражданскій судъ (34). На этихъ основаніяхъ король очень часто пріостанавливалъ исполненіе судебныхъ приговоровъ, пользуясь въ этомъ случаѣ своимъ правомъ veto и посылалъ не разъ общіе универсалы съ приказаніемъ — не вмѣшиваться въ дѣла церковныя (35). Такимъ образомъ, вопросъ объ отношеніяхъ православныхъ и уніятовъ уклоняемъ былъ отъ единственнаго способа правильно рѣшить его и возвращался опять въ область административную. Отсюда выходила ужасная путаница: судъ или задумывался надъ дѣлами уніи рѣшать ли ихъ, или рѣшалъ по своему: а между тѣмъ административная власть рѣшала его по своему и нерѣдко случалось такъ, что православный съ радостію выносилъ изъ суда свое оправданіе, а полиція сажала его въ тюрьму (36). Впрочемъ, уніяты иногда дѣлали отступленіе отъ такого легкаго и безцеремоннаго способа достигать своихъ цѣлей. Иногда они показывали глубокое уваженіе къ судамъ и подвергали ему своихъ враговъ со всею торжественностію и терпѣніемъ — это въ такихъ случаяхъ, когда вѣрно расчитывали на осужденіе ихъ, по ихъ ли дѣйствительной винѣ или по неправильно составленному суду. Такъ они старались осудить, впрочемъ, безуспѣшно львовскаго православнаго епископа Гедеона (37). Такъ они осудили и погубили патріаршаго экзарха Никифора (38).

Измѣрял теперь всѣ средства уніи, мы можемъ при-

близительно указать на тѣхъ людей, которымъ особенно тяжело было ея присутствіе и которые больше другихъ падали подъ ея ударами. Унію особенно сильно должно было почувствовать низшее духовенство, находившееся въ непосредственной зависимости отъ іерарховъ, измѣнившихъ православію, — бѣдные священники, опредѣленные на мѣста этими іерархами и неуспѣвшіе пріобрѣсть самостоятельнаго значенія и сильнаго покровительства. Особенно тяжело было ихъ положеніе въ томъ случаѣ, когда ихъ окружали латиняне, имѣвшіе власть. Вмѣстѣ съ ними страдала въ такихъ случаяхъ и ихъ паства — безотвѣтные крестьяне и мѣщане, неимѣвшіе магдебургскаго права.

Такіе случаи, конечно, не обнимали всей Литвы, всѣхъ православныхъ, но попадались въ каждомъ воеводствѣ, въ каждомъ повѣтѣ, и такъ какъ они во всей совокупности далеко еще не отвѣчали идеѣ уніи, какъ вѣроисповѣданія, долженствовавшаго обхватить всю западнорусскую Церковь, то неудивительно, что подъ вліяніемъ такого взгляда въ этихъ случаяхъ высказывались все нетерпѣніе и вся дерзость уніятовъ. Тутъ-то уніяты и развертывались вполнѣ и ясно давали чувствовать, чего отъ нихъ можно ожидать. Но это былъ самый неразчетливый образъ дѣйствій во всѣхъ отношеніяхъ и прежде всего въ томъ отношеніи, что не увеличивая числа уніятовъ, онъ до крайности раздражалъ православныхъ, тѣмъ болѣе что православные тогда еще далеко не привыкли ни къ уніи, ни къ дѣйствіямъ уніятовъ и сильны были еще взаимнымъ сочувствіемъ и заботливостію. Поэтому каждый шагъ уніи обращалъ на себя много вниманія православныхъ, оглашаемъ

былъ по всей Литвѣ и вызывалъ сильнѣйшее, всеобщее негодованіе, которое очень могло перейти въ открытое возстаніе. Такое предположеніе можно было дѣлать тѣмъ съ большею вѣроятностію, что элементы открытаго возстанія были уже подготовлены и дали себя чувствовать и до Брестскаго собора и на самомъ Брестскомъ соборѣ. Теперь къ нимъ присоединился повый элементъ— волненіе козаковъ, которые, какъ извѣстно, въ самомъ началѣ уніи уже дѣлали не мало смутъ. Однако возстанія не было на самомъ дѣлѣ. Отъ чего же именно? Отъ того ли, что народъ западно-русскій похожъ былъ на неразумное стадо овецъ, какъ это кажется инымъ историкамъ? Вовсе нѣтъ; въ свое время мы увидимъ, что этотъ народъ показалъ изумительную энергію и отчетливое пониманіе своихъ интересовъ и силъ. Или отъ того, что онъ теперь еще не сгруппировался въ одну плотную массу и не имѣлъ еще того сочувствія къ казакамъ, которому впослѣдствіи отдался такъ безъусловно? Очень можетъ быть. Но мы думаемъ, что какъ во времена Брестскаго собора, такъ и теперь главнѣйшею причиною этой неподвижности народа было то, что руководителями православныхъ былъ и теперь еще аристократическій классъ литовско-русскаго народа, люди болѣе или менѣе чуждавшіеся грубаго насилія, болѣе или менѣе проникнутые конституціонными понятіями и привыкшіе даже въ крайности искать въ нихъ опоры. Они-то и взялись теперь снова устроять дѣла православныхъ и имъ-то Польша обязана была, что въ началѣ уніи спокойствіе общественное кое-какъ поддерживалось, не смотря на то, что тысячи храбрыхъ рукъ не-

вольно падали на рукоятки мечей, кинжаловъ и крѣпко сжимали ихъ, при видѣ поруганія древней святыни.

Не случайное передовое участіе въ началѣ уніи и не одно религіозное сочувствіе къ меньшимъ братьямъ побудили православный аристократическій классъ выступить прямо противъ уніятовъ. Унія съ перваго дня своего появленія затронула такой интересъ православной аристократіи, который укрѣпился въ ней вѣками и имѣлъ такую гибкость, что его могло возбуждать и высокое религіозное чувство и пустѣйшее тщеславіе. Мы уже знаемъ, что большинство этой аристократіи пользовалось патронатствомъ надъ церквами и монастырями. Уніятская іерархія, разумѣется, не уважала правъ этого патронатства. Она большею частію и рѣшилась принять унію, чтобы избавиться отъ него. Часто, поэтому, случалось, что безъ вѣдома патрона въ его церквахъ и монастыряхъ смѣняли православное духовенство уніятскимъ. Такія дѣйствія, понятно само собою, должны были до крайности ожесточать противъ уніи этихъ патроновъ. Они оскорбляли и ихъ религіозное чувство и ихъ честь, какъ извѣстно, очень въ нихъ чувствительную. При особенностяхъ политическаго устройства литовско-польскаго государства и, при сильномъ возбужденіи тогда религіознаго вопроса, подобное ожесточеніе легко могло вызвать и образовать громадную силу противъ уніи, въ православномъ аристократическомъ кругу, — силу тѣмъ болѣе дѣйствительную, что она могла образоваться и дѣйствовать въ самыхъ законныхъ формахъ.

Къ образованію такой силы въ Литовско-польской конституціи было одно весьма пригодное для православ-

ныхъ средство, которымъ аристократы и воспользовались вмѣсто того, чтобы итти самимъ и пустить народъ на рѣзню съ врагами православія. Если король нарушалъ свою присягу, такъ называемые пакта конвента; то общество имѣло право прямо противодѣйствовать ему посредствомъ такъ называемой конфедераціи, которая бывала различнаго рода съ болѣе или менѣе явнымъ и рѣшительнымъ характеромъ возстанія. Неудивительно, что и православные задумали воспользоваться такимъ же средствомъ, впрочемъ придали ему нѣсколько особенностей, очень благородныхъ и очень глубоко задуманныхъ. Прежде всего, они задумали соединиться съ протестантами литовско-польскими, — союзъ не новый, начавшійся еще въ 1595 году (39), обстоятельный проектъ котораго былъ обдумываемъ въ продолженіи всего времени послѣ этого года (40). Далѣе, такъ какъ черезъ унію король нарушалъ права православныхъ не прямо и рѣшительно, а косвенно и хитро, и, съ другой стороны, его поддерживала сильная латинская партія, которую опасно было вызывать на бой во всемъ государствѣ; то православные и протестанты задумали не открытую конфедерацію, которая бы немедленно взялась за оружіе, а конфедерацію подъ видомъ постояннаго союза, которая должна была дѣйствовать на основаніи законовъ и посредствомъ разнаго рода вліяній. Въ 1599 году знаменитѣйшіе члены православнаго и протестантскаго вѣроисповѣданія составили съѣздъ въ Вильнѣ для скрѣпленія союза между собою. Сущность этого союза заключалась въ слѣдующемъ: православныя и протестанты обязывались общими усиліями защищать оба вѣроисповѣданія всѣми зависящими отъ нихъ сред-

ствами: сенаторы — въ сенатѣ, депутаты на сеймахъ, судьи въ судахъ, воеводы, старосты и другіе чины, каждый — въ своемъ кругу, не щадя ни времени, ни матеріальныхъ средствъ, ни даже здоровья, т. е. жизни. Для большей извѣстности страданій православныхъ и протестантовъ и для болѣе успѣшнаго противодѣйствія имъ избраны были такъ называемые провизоры, которые обязаны были постоянно наблюдать за положеніемъ православныхъ и протестантовъ и являться на помощь по первому призыву (41). Такимъ образомъ, противъ уніи или, лучше сказать, противъ поддерживавшаго ее латинства образовалась сильная и организованная корпорація, которая могла раскинуть свои дѣйствія на все литовско-польское государство и дѣйствовать постоянно. Нѣтъ сомнѣнія, что она немедленно пріостановила бы успѣхи уніи, если бы не заключала въ себѣ элементовъ, которые подрывали въ основѣ ея устройство. Этотъ союзъ православныхъ съ протестантами основанъ былъ не только на полной вѣротерпимости между ними, но и на такомъ сближеніи, которое необходимо предполагало единеніе между обоими вѣроисповѣданіями, по крайней мѣрѣ, общность главныхъ началъ между ними. Такъ и понимали этотъ союзъ нѣкоторые изъ членовъ, и сдѣлали попытку установить дѣйствительно это единеніе, примирить оба вѣроисповѣданія. Но попытка эта оказалась совершенно неудачною. Іерархія православная рѣшительно отказалась отъ всякихъ совѣщаній объ этомъ съ протестантами (42) и не напрасно она отказывалась отъ нихъ. Ей, конечно, хорошо уже была тогда извѣстна непримиримость православія съ протестанствомъ: слѣдовательно, и сближеніе обо-

ихъ вѣроисповѣданій могло совершиться неиначе, какъ съ нарушеніемъ цѣлости одного въ пользу другаго. Самое легкое ознакомленіе съ проэктомъ, предначертаннымъ еще до съѣзда для совѣщаній по этому дѣлу, не могло не показать православной іерархіи, съ чьей стороны должны были быть уступки, куда направляется предполагаемое сближеніе. Въ этомъ проэктѣ всѣ пункты направлены къ тому, чтобы мало по малу уничтожить въ восточномъ вѣроисповѣданіи всѣ особенности, отличающія его отъ протестантства (43). Такимъ образомъ, православнымъ приходилось ради союза съ протестантами принести гораздо бо́льшую жертву, нежели какой требовали латиняне во имя уніи. Понятное дѣло, что они должны были очень дурно смотрѣть на такой союзъ и не поддерживать его; потому что онъ разрушалъ въ основѣ ту цѣль, для которой образовался, т. е. цѣлость западно-русской Церкви. И видно, эта слабая сторона союза очень поразила и православныхъ и протестантовъ и очень охладила и тѣхъ и другихъ къ задуманному дѣлу; когда многіе члены отказались подписать актъ союза (44).

Оставалась еще одна надежда спасти этотъ союзъ отъ разрушенія въ самомъ началѣ, — оставалось перенести его въ область чисто гражданскую, придать ему значеніе чисто гражданское,—заключить его не на основаніи единства обоихъ вѣроисповѣданій, а просто во имя пользы отъ этого союза. Но послѣдователи обоихъ вѣроисповѣданій были теперь такъ поглощены дѣлами вѣры, такъ раздражены противъ малѣйшаго оскорбленія своего вѣроисповѣданія, что имъ меньше всего можно было теперь руководствоваться подобнымъ началомъ.

Да, притомъ, между православными и протестантами было еще не мало счетовъ, которыхъ ни какъ нельзя было забыть имъ. Православные не мало уже потеряли членовъ своихъ, перешедшихъ въ протестантство, и не упускали случая возвратить ихъ, а протестанты, гонимые со всѣхъ сторонъ іезуитами, чаще и чаще вторгались въ беззащитные предѣлы западно-русской Церкви. При такомъ отношеніи протестантовъ и православныхъ очень сомнительною казалась польза отъ взаимнаго между ними союза. Тѣ и другіе очень могли думать, что провизоры будутъ дѣйствовать въ пользу своего вѣроисповѣданія и во вредъ другаго. Но положимъ, что это подозрѣніе было не сильно, что крайняя опасность отъ латинства могла сдерживать пропаганду обоихъ вѣроисповѣданій по отношенію одного къ другому и что такимъ образомъ многіе искренно и твердо были убѣждены, что отъ этого будетъ несомнѣнная польза какъ православнымъ, такъ и протестантамъ; но кому же собственно между ними будетъ польза? Всѣмъ гонимымъ т. е. низшему сословію, злополучному крестьянству и бѣдному мѣщанству. А членами союза были все знатные люди, болѣе или менѣе независимые въ своемъ положеніи и недоступные для принужденія, насилія. Слѣдовательно, съ энергіею защищать эти бѣдныя сословія, чужіе интересы они способны были только при весьма сильныхъ побужденіяхъ. Мы видѣли, что въ числѣ этихъ побужденій религіозныя были ослаблены и подорваны самымъ безпощаднымъ образомъ. Что же касается до гражданскихъ, то и тутъ былъ большой недостатокъ ихъ. Между аристократіею и крестьянствомъ была цѣлая бездна, при которой не могло быть сильнаго посто-

яннаго сочувствія между этими сословіями. Меньше было раздѣленіе между аристократіею и мѣщанствомъ, — между ними болѣе возможно было сочувствіе; но не надобно забывать, какія жертвы должны были теперь принести этому сочувствію аристократы, члены Виленскаго съѣзда. Принимая на себя обязанности, возлагаемыя этимъ съѣздомъ, они дѣлались врагами короля и его партіи и слѣдовательно, на всегда должны были отказаться отъ надежды получить новыя, высшія королевщизны, — чины съ имѣніемъ раздаваемые королемъ. Многіе ли между ними могли разорвать эту бюрократическую сѣть? Два, три члена Виленскаго съѣзда, но не болѣе. Всѣ эти обстоятельства произвели то, что союзъ рушился въ минуту своего появленія.

Мы останавливались такъ долго на этомъ союзѣ потому, что это была лучшая надежда православныхъ, разбившаяся въ прахъ отъ того, что сложилась изъ несродныхъ элементовъ. Это была первая, рѣшительная попытка православной аристократіи защитить православіе и, къ сожалѣнію, не только неудачная на этотъ разъ, но и послѣдняя. Дряхлыя, деморализованныя вѣками силы этой аристократіи обнаружили здѣсь всю свою немочь, и сознаніе этой немочи было такъ убійственно, что эти аристократы скоро почти всѣ изчезли съ лица западно-русской Церкви и разсѣялись въ латинство, — результатъ громадный, могущественно подѣйствовавшій силою примѣра на всю массу православнаго литовско-русскаго народа. Такимъ образомъ, унія пріобрѣла себѣ поддержку въ томъ, что ей повидимому больше всего должно было принести зла. Но, что всего важнѣе, православные литовско-русскіе нетолько увидѣли

въ этомъ союзѣ тщету своихъ надеждъ на свою аристократію, но должны были долго нести отвѣтственность за этотъ союзъ. Сближеніе съ протестантами, такъ громко засвидѣтельствованное Виленскимъ съѣздомъ, подвергло ихъ новому позору отъ латинянъ, которые не пропускали ни одного случая кольнуть ихъ связью съ еретиками и тѣмъ болѣе считали себя въ правѣ преслѣдовать ихъ за отказъ принять унію. Вы сродняетесь съ ересью, а не хотите принять уніи, которая есть тоже древнее православіе — были постоянными попреками въ ихъ устахъ. Впрочемъ, мы должны сказать, что, оцѣнивая такъ Виленскій съѣздъ, мы имѣемъ въ виду всю широту его задачи, все величіе его цѣли и сопоставляли съ этимъ дѣйствительныя силы съѣзда и дѣйствительные его результаты, раскрывавшіеся болѣе и болѣе съ теченіемъ времени. Но мы вовсе не отвергаемъ мимолетнаго его значенія въ то время, когда онъ составлялся и въ ближайшее къ нему. Въ эти первыя минуты, пока еще не уяснилась его несостоятельность, онъ сильно поднялъ духъ православныхъ и переполнилъ ужасомъ сердца уніятовъ, тѣмъ прежде всего, что обрисовалъ громадныя силы первыхъ и все ничтожество послѣднихъ. Сознаніе это сильнѣе всѣхъ подѣйствовало на несчастнаго митрополита уніятскаго Михаила Рогозу, такъ что онъ въ томъ же году умеръ съ горя, раскаиваясь во всѣхъ своихъ дѣлахъ на пользу уніи и во вредъ православію (45). Но предсмертное состояніе души Михаила Рогозы небыло чисто личнымъ его состояніемъ, вытекавшимъ единственно изъ свойствъ его характера. Нѣтъ, Михаилу Рогозѣ, кажется, суждено было во всю жизнь отражать въ себѣ чужія мысли и дѣйствія, чу-

жое настроеніе. Такъ и теперь, сознаніе въ немъ униженія и позора было вѣрнѣйшимъ отраженіемъ состоянія всей массы уніятовъ. Они влачили жизнь свою среди жестокаго униженія и посрамленія. Обѣщанныя имъ гражданскія права и братская любовь со стороны латинянъ оказались болѣе блестящими, нежели дѣйствительными. Имъ нигдѣ не давали свободнаго, самостоятельнаго голоса. Но это была только половина бѣды. Уніяты того времени невольно должны были сознавать, что они и не способны имѣть въ своемъ дѣлѣ свободный голосъ и самостоятельность. Большинство ихъ состояло изъ такихъ людей, которые никакъ не могли похвалиться предъ православными и латинянами своими достоинствами. Все это были люди, принявшіе унію или по своекорыстнымъ цѣлямъ или по страху гоненій т. е. всѣ негодные и слабые члены западно-русской Церкви. Разумѣется, такіе люди не могли украсить собою уніятской церкви и поднять ея значеніе въ глазахъ другихъ вѣроисповѣданій и даже въ своихъ собственныхъ (46). Предоставь теперь латиняне унію ея собственнымъ нравственнымъ силамъ, — и, нѣтъ сомнѣнія, она очень скоро кончила бы дни свои. Но мы знаемъ, что это было вовсе не въ видахъ латинской партіи. Ей слишкомъ важно было существованіе уніи, — и она давно рѣшилась поддерживать ее во что бы то ни стало. Какимъ же однако образомъ? Увеличить права и самостоятельность уніи, поднять нравственный духъ уніятовъ было также не въ видахъ этой партіи. Поддерживать ее одною внѣшнею силою было опасно и утомительно; потому что какъ ни велико было въ литовско-польскомъ государствѣ своеволіе, но, какъ мы уже отчасти видѣли, ря-

домъ съ нимъ жило и сильное сознаніе законности. Оказывалась, такимъ образомъ, необходимость удачно слить внѣшнюю силу съ нравственною и еще болѣе удачно направить обѣ не къ благу уніи, а латинства. Этого латиняне достигали, между прочимъ, тѣмъ, что поставляли во главѣ уніи энергичныхъ, образованнѣйшихъ и даровитѣйшихъ людей, но съ убѣжденіями болѣе или менѣе латинскими. Рядъ такихъ людей открылъ извѣстный уже намъ двигатель уніи, Брестскій епископъ Ипатій Поцѣй, возведенный теперь на митрополичью уніятскую каѳедру, послѣ смерти Михаила Рогозы, (1599 г.) (47).

Ипатій Поцѣй и его дѣятельность.

Поцѣй представлялъ въ себѣ счастливѣйшее сочетаніе свойствъ, необходимыхъ для того дѣла, для котораго былъ призванъ. Онъ былъ и не послѣднимъ ученымъ, и краснорѣчивымъ ораторомъ, и такимъ практикомъ, что не смущался передъ самыми громадными трудностями и не содрагался передъ самымъ жестокимъ насиліемъ. Честолюбіе, аристократическая гордость, пренебреженіе къ народу, прежняя государственная жизнь, наконецъ любовь къ уніи, какъ къ собственному произведенію, должны были придать этимъ свойствамъ особенный колоритъ и рельефность, короче сказать, Поцѣй былъ лучшимъ выраженіемъ духа латинства, сливающаго такъ химически духовное съ мірскимъ, доброе съ злымъ (48). Поэтому уже самому — по этимъ свойствамъ и настроенію Поцѣя, естественно было ожидать, что при немъ будетъ упорная, жестокая борьба изъ-за уніи, въ какую бы сторону ни поворачивалась — къ

внѣшнему ли насилію или къ разумному, религіозному спору между уніятами и православными. Но она сдѣлалась еще болѣе упорною и жестокою отъ того, что непомѣрныя притязанія Поцѣя встрѣтились съ самою крѣпкою силою православныхъ, выступившею теперь наружу во всемъ блескѣ и могуществѣ.

Поцѣй, по личнымъ своимъ особенностямъ и какъ главный виновникъ уніи естественно взялъ идею или задачу ея во всей ширинѣ и полнотѣ. Предшественникъ его — Рогоза, жестоко измѣнилъ уніи — смотрѣлъ на нее вопреки внушеніямъ своихъ друзей, какъ на существующій фактъ, и предоставлялъ ее собственнымъ ея силамъ и развитію, насколько то отъ него зависѣло. Поцѣй, напротивъ, смотрѣлъ на унію, какою она должна быть, по намѣренію папы и латинской литовско-польской партіи. По его взгляду, она должна была обхватить всю западно-русскую Церковь; ей должны принадлежать все и всѣ, принадлежавшіе этой Церкви. Но какъ было достигнуть такой трудной цѣли, особенно теперь? Другіе, вводившіе унію епископы и самъ Поцѣй до сихъ поръ еще могли обманываться на счетъ исполнимости этой идеи. Унія встрѣтила западно-русскую Церковь въ такомъ состояніи, что въ ней было очень много негодныхъ членовъ, которые легко переходили въ унію и могли поддерживать обманчивое убѣжденіе, что, пожалуй, и всѣ такъ перейдутъ, что упорство другихъ временное, которое сломается отъ собственной непрочности и принятыхъ уже мѣръ. Но теперь смѣшно было бы ласкать себя такими надеждами. Теперь осталась въ православіи самая отборная масса людей; потому что теперь не принималъ уніи только тотъ, кто былъ силенъ

вѣрою и душею. Мало того, теперь, въ годъ вступленія Поцѣя на митрополичью каѳедру — эта масса сгруппировалась стройно, — слабые, беззащитные стали кругомъ болѣе твердыхъ и сильныхъ — около аристократическихъ членовъ Виленскаго съѣзда. Знаемъ мы, что эта новая организація православныхъ была безтактна, безсильна, и Поцѣй могъ это понимать довольно ясно, но, при всей его проницательности, онъ не могъ предвидѣть, что распадаясь, она не образуетъ прочныхъ кружковъ, что ни одинъ прокураторъ не будетъ исполнять своихъ обязанностей. А что, если такіе кружки образуются, если хоть нѣсколько прокураторовъ возмутся горячо за свое дѣло и поднимутъ среднія сословія? (49). Знамя ихъ очень опасно. Они всѣ выставили законность своего дѣла, готовы всѣми путями добиваться этой законности и жертвовать всѣмъ во имя ее. Понимая значеніе сильной личности въ литовско-польскомъ государствѣ, зная тогдашнее раздраженіе въ немъ многихъ противъ короля и латинской партіи, которые съ смущеніемъ открывали каждый сеймъ, нельзя было не придать большаго значенія настоящему движенію православныхъ, и Поцѣй безъ сомнѣнія понималъ хорошо опасность своего дѣла; но здѣсь-то и была лучшая приманка для кипучей, богатой натуры его. Другой на его мѣстѣ или палъ бы духомъ или неистовствовалъ бы, но Поцѣй съумѣлъ все устроить и успѣшно и гладко. Онъ пошелъ къ своей цѣли слѣдующими путями.

Мы видѣли, что православные сдѣлали унію, вопреки всѣмъ усиліямъ ея поборниковъ, дѣломъ народнымъ, подлежащимъ обсужденію и разбору въ каждомъ данномъ случаѣ на основаніи конституціонныхъ началъ,

причемъ народный судъ долженъ былъ получить особенную силу. Поцѣй, подобно всѣмъ своимъ друзьямъ, только съ большею ловкостію постарался отклонить отъ уніи эту опасность — устранить отъ нея участіе суда и перевести ее въ область исполнительной власти, гдѣ были всѣ ея жизненныя силы и средства. Для того, само собою разумѣется, нужно было сдѣлать унію фактомъ, не подлежащимъ сужденію и разбирательству — дѣломъ, признаннымъ законами, которое остается только исполнить. Взялся онъ за это дѣло просто. Онъ ученымъ образомъ изслѣдовалъ всѣ гражданскія права, предоставленныя когда бы то ни было королями западно-русскимъ митрополитамъ, и доказывалъ, что законно вступилъ въ обладаніе ими (50). А чтобы и съ религіозной точки зрѣнія было ясно, что къ нему переходятъ всѣ эти права, чему принятая имъ унія такъ рѣзко противорѣчила, онъ старался доказать, что унія была и прежде въ западно-русской Церкви и ей-то собственно даны гражданскія права, которыми пользовались западно-русскіе митрополиты (51). При этихъ данныхъ королевская грамата о подчиненности Поцѣю всѣхъ западно-русскихъ православныхъ должна была, по его мнѣнію, имѣть особенную убѣдительность и обязательность (52). Но какъ же заставить подчиниться всѣхъ тѣхъ, которые не убѣждались ни доводами Поцѣя, ни граматою королевскою? Они, очевидно, представлялись Поцѣю и упорными схизматиками и непокорными королю гражданами. Ихъ на этомъ основаніи считалось справедливымъ предавать въ руки власти. Поцѣй, жившій душа въ душу съ королевскою латинскою партіею, не пропускалъ случаевъ указывать ей на этихъ

людей (53), но самъ, какъ бы, совершенно оставилъ въ сторонѣ большую половину ихъ. Онъ какъ бы забылъ, что православные міряне не подчиняются ему, и большею частію оставлялъ ихъ въ покоѣ. Такимъ образомъ, казалось, что онъ измѣняетъ своему понятію объ уніи, какъ вѣроисповѣданіи, которое должны принять всѣ члены западно-русской Церкви; но это такъ могло казаться только; на дѣлѣ же Поцѣй этой-то цѣли и достигалъ здѣсь. Онъ этимъ поднималъ и оживлялъ старый вопросъ, изъ-за котораго большинство епископовъ и приняли унію, именно, что дѣло вѣры должно быть рѣшено безъ мірянъ, что ихъ объ этомъ нечего спрашивать, они должны идти за своими пастырями. Понятно, что при такомъ взглядѣ, которымъ Поцѣй снималъ съ себя половину труда, передавая его въ руки іезуитовъ и королевскихъ чиновниковъ, онъ тѣмъ съ большимъ усердіемъ взялся за духовныхъ пастырей, за которыми должно было идти въ унію ихъ благочестивое стадо. Но и здѣсь, только уже не коварно, а по необходимости пришлось Поцѣю опять съузить свой планъ.

По установившемуся издавна обычаю, западно-русскій митрополитъ очень мало имѣлъ власти надъ подчиненными ему епископами и епископіями. Онъ могъ на нихъ дѣйствовать только посредствомъ братскихъ внушеній и постановленій соборовъ, которые могъ созывать по своему усмотрѣнію. Мы уже достаточно знаемъ Поцѣя, чтобы съ несомнѣнностію предполагать, что такой порядокъ былъ ему непріятенъ, что онъ желалъ бы господствовать надъ всѣми своими собратами по уніи и всѣми ихъ дѣлами. Но эти собраты были таковы, что если допустить только малѣйшую долю прав-

ды въ томъ описаніи, какое сдѣлалъ авторъ Ѳриноса современныхъ Поцѣю епископовъ, то необходимо признать ихъ мертвыми членами уніи, которыхъ отказался оживлять даже самъ Поцѣй (54). Поэтому-то, безъ сомнѣнія, въ продолженіе слишкомъ четырнадцати лѣтъ, Поцѣй не созывалъ ни одного собора своихъ епископовъ, и мы не знаемъ ни одного окружнаго посланія его къ нимъ (55). Ему пришлось, по необходимости, оставить въ покоѣ этихъ мертвыхъ, по необходимости, уменьшить свои заботы объ ихъ епархіяхъ и ограничиться духовенствомъ двухъ своихъ епархій, старой Брестской, которая осталась за нимъ, и новой — митрополіи (56). За это-то собственно дѣло и взялся Поцѣй, и повелъ его такъ просто, что легко могъ успокоить многихъ православныхъ, впрочемъ, на короткое время, потому что вскорѣ оказалось, что его простой и, повидимому, безхитростный планъ затронулъ живѣйшіе интересы всѣхъ западно-русскихъ православныхъ.

Раздача общественныхъ имуществъ въ пожизненное владѣніе чинамъ государства какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ принадлежала королю. Въ силу этого права король утвердилъ за Поцѣемъ всѣ церковныя имущества, лично принадлежавшія митрополитамъ западнорусскимъ, увеличивъ ихъ новыми пожалованіями, и предоставилъ ему право наблюденія за всѣми вообще имуществами Виленской митрополіи (57). Вотъ съ этого-то пункта Поцѣй и началъ забрасывать свои сѣти на православныхъ. Обстоятельства какъ бы сами вызвали его начать отсюда.

Извѣстно, что послѣ смерти митрополита или епископа всѣ церковныя имущества, какъ лично ему принад-

лежащія, такъ и находящіяся подъ его наблюденіемъ переходили до избранія новаго митрополита или епископа во временное владѣніе клира. Въ это время обыкновенно происходили періодическія расхищенія этихъ имуществъ. И клиръ своевольничалъ, и чиновники живились во время описей и передачъ и выступали на сцену дѣйствительные и мнимые патроны съ предъявленіемъ своихъ правъ на управленіе дарованныхъ ими Церкви имѣній, пока нѣтъ того, кто могъ представлять лице Церкви (58). Волненія этого рода повторились и послѣ смерти Михаила Рогозы, только съ большею силою и законностію. Православные воспользовались теперь удобнымъ случаемъ возстановить права своей православной Церкви. Волею Божіею права на дѣла и имѣнія этой Церкви отняты были у измѣнившаго ей митрополита — уніята (Михаила). Легче было теперь, имѣя ихъ въ своихъ рукахъ, не отдавать новому митрополиту (Поцѣю), нежели отнимать прежде при Михаилѣ или послѣ при Поцѣѣ, давъ ему завладѣть ими. Но мы уже знаемъ, что эти соображенія православныхъ должны были столкнуться съ самыми необузданными притязаніями Поцѣя, Поцѣя—ревнителя уніи, ревнителя собственныхъ денежныхъ интересовъ, любимаго друга латинской партіи и самого короля, т. е. исполнительной власти, а здѣсь-то и была сфера этой власти. Поцѣй здѣсь былъ очень силенъ и онъ дѣйствительно доказалъ это православнымъ, какъ нельзя лучше

Началъ онъ, какъ мы уже сказали, съ духовенства. По его предписанію оно должно было дать отчетъ въ управленіи своими церквами. Къ непокорнымъ являлись королевскіе чиновники и или заставляли ихъ подчиняться

власти митрополита или изгоняли вонъ и на мѣсто ихъ вводили людей, назначенныхъ Поцѣемъ (59). Противъ такихъ аргументовъ само духовенство, конечно, не могло выставить никакой дѣйствительной силы. Но оно часто находило ее въ лучшей части тѣхъ именно мірянъ, которыхъ Поцѣй, повидимому, хотѣлъ оставить въ покоѣ. Указанное нами распоряженіе Поцѣя касалось главнымъ образомъ богатѣйшихъ городскихъ соборовъ и монастырей, а при этихъ-то соборахъ и монастыряхъ чаще всего сосредоточивались православныя братства, охранявшія ихъ лучше всѣхъ возможныхъ патроновъ знатнаго рода. Эти общины нельзя было ни устрашить королевскими чиновниками, ни уничтожить королевскими предписаніями, ни даже отдѣлить отъ этихъ церквей и монастырей безъ ихъ волп, потому что это были лучшіе члены западно-русской Церкви, добровольно принявшіе на себя служеніе ея интересамъ и имѣвшіе, по закону и королевскимъ граматамъ, право на существованіе въ извѣстномъ городѣ и при извѣстныхъ церквахъ. Нельзя было Поцѣю прямо предъявить свои права на управленіе ихъ имуществами, числившимися при этихъ церквахъ и монастыряхъ, потому что такія имѣнія составляли неотъемлемую ихъ собственность. Не легко было даже взяться за духовенство ихъ, потому что оно, по гражданскимъ и даже церковнымъ законамъ, находилось подъ ихъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ. Смѣнить это духовенство и назначить новое помимо братствъ нельзя было по уставу братствъ, утвержденному королевскими граматами (60). Но тѣмъ не менѣе въ этихъ приходахъ было духовенство, номинально подчиненное западно-русскому митрополиту,

были имущества, номинально принадлежавшія церквамъ этихъ приходовъ, и Поцѣю этого было довольно. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Поцѣй, поднявъ вопросъ объ іерархической подчиненности ему всей іерархіи западно-русской и о правильномъ, по его взгляду, пользованіи церковными имуществами, прямо натолкнулся на братства и мы даже подозрѣваемъ, что оба эти вопроса и подняты были имъ собственно противъ братствъ, а такъ какъ въ то время почти вся сила братствъ сосредоточивалась въ Вильнѣ, то неудивительно, что онъ сюда направилъ всѣ свои силы, такъ что все правленіе митрополита Поцѣя по всей справедливости можетъ быть названо борьбою этого митрополита съ братствомъ Виленскимъ. Впрочемъ, отсюда не слѣдуетъ заключать, что эта борьба имѣла частный характеръ и узкій объемъ. Нѣтъ, она необходимо должна была обхватить всю западную Россію и вызвать лучшія силы всѣхъ православныхъ, уніятовъ и всей латинской партіи, — вотъ почему мы считаемъ необходимымъ обратить на нее по больше вниманія и войти въ самыя мелкія частности.

Вскорѣ послѣ Брестскаго собора ясно обнаружилось, что въ Вильнѣ никакъ нельзя приложить къ дѣлу того правила, которому слѣдовали послѣ Брестскаго собора 1596 г. всѣ іерархи западно-русскіе, принявшіе унію, и которое, какъ мы уже замѣчали, состояло въ томъ, чтобы заниматься текущими дѣлами Церкви попрежнему, не показывая вида, что теперь произошла какая нибудь перемѣна. Здѣсь православные не терпѣли такой двуличности и неопредѣленности положенія, а прямо и ясно высказали свое рѣшеніе не знать ни уніи, ни

уніятовъ (61). Два человѣка въ Вильнѣ должны были почувствовать всю тягость такого положенія — намѣстникъ митрополичій въ Вильнѣ соборный протоіерей Іоаннъ Парѳеновичъ и архимандритъ Виленскаго Троицкаго монастыря Софроній. Первый находился въ ближайшемъ отношеніи ко всему виленскому духовенству (62), послѣдній къ виленскому братству, имѣвшему свое средоточіе въ Троицкомъ монастырѣ (63). Оба они, какъ видно, рѣшились быть очень осторожными и ладить съ обѣими сторонами — съ православнымъ народомъ и съ іерархіею уніятскою, — оба поминали митрополита Михаила, имѣли съ нимъ сношенія и въ то же время не требовали ни отъ кого признанія уніи. Но, разумѣется, оба скоро должны были почувствовать всю тягость такого положенія, впрочемъ почувствовали ее въ различной степени. Парѳеновичъ имѣлъ, какъ мы сказали, дѣло собственно съ духовенствомъ: ему въ своемъ кругу легче было дѣйствовать, не доводя дѣла до крайности и тѣмъ успѣшнѣе онъ могъ держаться въ своемъ двусмысленномъ положеніи, что теперь не предъявлялъ своихъ правъ на подчиненіе братскаго духовенства (64). Не то было съ Софроніемъ. Всякое его выраженіе въ пользу уніи, всякое дѣйствіе, доказывавшее подчиненіе уніятской Церкви, встрѣчало противорѣчіе и опроверженіе въ членахъ братства, и тѣмъ труднѣе было его положеніе, что самъ онъ, кажется, не рѣшилъ въ своей совѣсти, чего держаться — уніи или православія. Подавленный тяжестію своего положенія и мученіями совѣсти, Софроній однажды явился въ собраніе виленскаго братства и сказалъ находившимся здѣсь членамъ виленскаго магистрата, тоже братчикамъ: «не

хочу оставаться архимандритомъ и быть въ ненависти у всѣхъ людей за то, что поминаю митрополита и прошу за него Бога: до сихъ поръ я это дѣлалъ противъ моей совѣсти, теперь не хочу этого дѣлать, не хочу быть и настоятелемъ этого монастыря; лучше мнѣ быть гдѣ нибудь простымъ черпецомъ подъ защитою знатнаго вельможи или даже просить милостыню» — и, положивъ передъ нимъ церковные и монастырскіе ключи, прибавилъ: «отъ васъ я добровольно принялъ эти ключи, вамъ добровольно и возвращаю ихъ» (65). Избранъ былъ послѣ того Троицкимъ архимандритомъ нѣкто Іоасафъ, человѣкъ, какъ видно, очень преданный интересамъ братства. Затѣмъ, какъ только умеръ митрополитъ Михаилъ, братство ввело въ Троицкій монастырь, скрывавшагося до сихъ поръ, Стефана Зизанія, который, какъ въ прежніе годы, сталъ громить своими проповѣдями и унію и уніятовъ (66). Конечно, и виленскимъ уніятамъ-мірянамъ и Парѳеновичу, а тѣмъ болѣе новому уніятскому митрополиту Поцѣю такой порядокъ вещей очень не нравился. Поцѣй рѣшился измѣнить его и какъ онъ желалъ поскорѣе достигнуть своей цѣли, это видно со всею ясностію изъ того, что онъ принялся за это дѣло раньше, чѣмъ былъ объявленъ митрополитомъ — за два дня до изданія королевскаго универсала (67), онъ послалъ Парѳеновичу приказъ, чтобы клиръ Виленскаго собора далъ ему отчетъ въ управленіи церковнымъ имуществомъ и писалъ этотъ приказъ въ такомъ смыслѣ, что только признающіе его власть могутъ управлять церковными имѣніями. Но въ томъ же посланіи къ Парѳеновичу онъ послалъ приказъ еще болѣе важный. Зная вражду Парѳеновича къ ви-

лецкому братству за постоянный и давній отказъ его духовенства повиноваться ему (68), Поцѣй открылъ широкое поле этой враждѣ и приказалъ Парѳеновичу изгнать изъ Троицкаго монастыря Стефана Зизанія. Парѳеновичъ сбросилъ личину, собралъ преданныхъ себѣ членовъ магистрата и такъ усердно напалъ на Троицкій монастырь, что Зизаній долженъ былъ спасаться чрезъ трубу (69); вмѣстѣ съ нимъ должны были бѣжать изъ Троицкаго монастыря два братскихъ священника Карпъ и Григорій (70). Вскорѣ послѣ того, именно 1601 г., по старанію Поцѣя, у виленскаго православнаго братства уничтожена была привиллегія Стефана Баторія на патронатство братства надъ Троицкимъ монастыремъ (71). Но, разумѣется, эти распоряженія не могли имѣть силы, пока управлялъ Троицкимъ монастыремъ архимандритъ Іоасафъ. Не знаемъ, изгналъ ли его Поцѣй или Іоасафъ въ это время умеръ, но несомнѣнно, что въ 1606—1607 годахъ въ Троицкій монастырь присланъ былъ новый архимандритъ Самуилъ Сенчиловичъ, инокъ Супрасльскаго монастыря, изгнанный оттуда за противодѣйствіе уніи (кажется, вмѣстѣ съ тамошнимъ настоятелемъ Пларіономъ Масальскимъ, слѣд. 1602 г.) и передавшійся потомъ на сторону Поцѣя (72). Вскорѣ за тѣмъ и въ Виленскій соборъ присланъ былъ очень похожій на Сенчиловича человѣкъ, Варѳоломей Заславскій или Жашковскій, безженный священникъ Перемышльской епархіи, бѣжавшій оттуда по одному щекотливому дѣлу, перешедшій также въ унію, и назначенъ былъ протоіереемъ, кажется, на мѣсто Парѳеновича, который, вѣроятно, тогда умеръ (73). Очень вѣроятно, что Поцѣй съ

особенною цѣлію поставилъ на такихъ видныхъ мѣстахъ Сенчиловича и Заславскаго. Оба они связаны были узами дружбы; оба были извѣстны въ Вильнѣ и легко могли собрать вокругъ себя не мало приверженцевъ. Чтобы облегчить имъ это дѣло, Поцѣй, бывшій тогда въ Вильнѣ, самъ задумалъ попробовать, нельзя ли расположить къ уніи православныхъ: онъ обратился къ нимъ съ словомъ любви и предложилъ какія-то условія соединенія, вѣроятно, очень снисходительныя. Но православные рѣшительно отказались отъ всякаго примиренія (74). Пришлось Поцѣю такимъ образомъ разсчитывать на единодушное усердіе Сенчиловича и Заславскаго. Но, къ крайнему его изумленію и огорченію, и здѣсь вышло совсѣмъ иначе. Сенчиловичъ и Заславскій очень хорошо видѣли, что раздраженіе виленскихъ православныхъ достигло крайней степени, что ихъ дѣло разбиралъ уже трибунальный судъ, даже сеймъ и оба склонились въ пользу братства (75), — а этого для нихъ было слишкомъ достаточно, чтобы перейти на сторону православныхъ, потому что убѣжденій въ уніи они вовсе не имѣли, а руководствовались только житейскими расчетами. Расчеты эти были теперь на сторонѣ православныхъ, и они, не колеблясь, пристали къ нимъ, какъ руководители общаго движенія, — а, можетъ быть, и совѣсть заговорила въ нихъ; но это дѣло темное, а ближайшій поводъ къ этой перемѣнѣ, кромѣ указанныхъ нами обстоятельствъ, былъ слѣдующій, касавшійся ближе всего Сенчиловича, но, какъ увидимъ, воодушевившій и Заславскаго.

Виленское братство, самое могущественное изъ всѣхъ братствъ, имѣвшее своихъ членовъ во всѣхъ концахъ

Литвы и между всѣми сословіями, собственно въ Вильнѣ страдало однимъ недостаткомъ. Такъ какъ оно возникло непосредственно изъ цеховаго устройства; то естественно случилось, что цѣлые цѣхи примыкали къ нему, какъ готовыя уже корпораціи. Такимъ образомъ въ виленскомъ братствѣ было много членовъ, поступившихъ въ него не столько по добровольному и разумному сознанію высокихъ обязанностей братства, сколько по вліянію и силѣ обычая той корпораціи, къ которой принадлежали, какъ ремесленники. Такое нарушеніе начала разумнаго и свободнаго избранія званія церковнаго братчика повело естественно къ тому дурному слѣдствію, что, съ началомъ уніи, нѣкоторые члены отпали отъ Церкви, приняли унію и готовы были составить свою духовную корпорацію — уніятскую (76). На первый же разъ они приставали къ братствамъ латинскимъ, которыя тогда уже существовали въ Вильнѣ (77). Поцѣй, не успѣвшій привлечь къ себѣ православныхъ, сейчасъ же понялъ, какія выгоды могутъ доставить ему эти перебѣжчики отъ православнаго братства. Онъ рѣшился немедленно организовать ихъ въ корпорацію при томъ же Троицкомъ монастырѣ, при которомъ находилось братство православное, чтобы такимъ образомъ деморализировать силы православнаго братства и перенести всѣ права его и имущество на новое уніятское братство. Организаторомъ этой новой корпораціи Поцѣй избралъ въ 1606 г. Іоспфа Вельямина Рутскаго (78). Рутскій выстроилъ здѣсь домъ и завелъ уніятское училище. Понятное дѣло, какими враждебными глазами должны были смотрѣть на Рутскаго и его братство члены православнаго братства. Вражда эта еще болѣе была усилена рас-

пространившимися слухами, что Рутскій — священникъ іезуитскаго ордена, что онъ намѣренъ образовать въ Троицкомъ монастырѣ іезуитскую корпорацію и что отсюда будетъ распространена латинская вѣра по всѣмъ православнымъ приходамъ виленскимъ. Самуилъ Сенчиловичъ и Варѳоломей Заславскій рѣшились торжественно изгнать Рутскаго изъ Троицкаго монастыря. Съ этою цѣлію они составляли многократныя совѣщанія съ братствомъ и вообще православными и однажды постановили явиться 15 декабря 1608 года въ воскресеніе въ Троицкій монастырь къ заутрени и, выйдя соборомъ на средину церкви, во время великаго славословія вмѣстѣ съ Рутскимъ, изгнать его съ словами: изыди вонъ, еретикъ, не имаши здѣ что творити (79). Но планъ этотъ былъ открытъ и изъ гродскаго суда (изъ крѣпости) сдѣлано приказаніе суду городскому, чтобы не допускать этого самоволія. Латинскіе и уніятскіе члены ратуши цѣлую ночь были на ногахъ съ своими единомышленниками на канунѣ 15 декабря и дѣйствительно помѣшали исполнить православнымъ задуманный планъ. Поцѣй, какъ только узналъ объ этомъ, немедленно велѣлъ изгнать изъ Вильна Сенчиловича и Заславскаго (80). Но этотъ-то рѣшительный шагъ Поцѣя и развязалъ руки Сенчиловичу и Заславскому и всѣмъ православнымъ. Надобно думать, что Поцѣй въ озлобленіи на православное виленское братство измѣнилъ обыкновенному своему хладнокровію и въ ослѣпленіи упустилъ изъ виду, какими средствами противъ него располагаетъ братство, иначе онъ непремѣнно поудержался бы такъ раздражать его.

Братство виленское, имѣвшее, какъ мы уже сказали,

своихъ членовъ во всѣхъ концахъ Литвы, давно уже работало противъ Поцѣя и уніи вообще. Всякая мѣра Поцѣя въ Вильнѣ противъ православныхъ вызывала многочисленныя граматы, которыя братство разсылало ко всѣмъ своимъ членамъ и вообще ко всѣмъ литовско-русскимъ православнымъ (81). Цѣль братства была весьма глубоко задумана. Эти грамоты мало того, что поддерживали въ православныхъ падавшій духъ и поощряли ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ къ борьбѣ съ уніятами, онѣ образовывали кромѣ того общественное мнѣніе, которое при первой возможности давало на выборахъ въ члены сейма перевѣсъ православному депутату и вносило въ его посольскую инструкцію вопросъ объ уніи и православіи. Такая возможность чаще всего представлялась въ области Волынской, имѣвшей болѣе плотное православное населеніе и отсюда еще въ 1603 и особенно въ 1607 г., сеймовые послы потребовали у сейма успокоенія православныхъ (82). Представленія этихъ членовъ были явно направлены противъ Поцѣя и попреимуществу противъ его виленскихъ дѣйствій. Члены Волынской области облекли свои жалобы на уніятовъ въ очень точныя формы и чисто гражданскаго характера.

Мы уже говорили, что король имѣлъ право раздавать духовныя мѣста въ западно-русской Церкви. Это право его совершенно было однородно съ правомъ его раздавать гражданскія должности или, лучше, составляло видъ его права вообще распоряжаться общественнымъ недвижимымъ имуществомъ, но, какъ и то, было подчинено извѣстнымъ законамъ и сеймъ имѣлъ право контролировать дѣйствія короля въ этомъ отношеніи (83).

Къ этому-то праву сейма и обратились послы волынскаго воеводства, къ которымъ присоединились и другіе послы православные. Они выставили на видъ сейму, что церковныя имущества незаконно отнимаются у лицъ, законно ихъ получившихъ, что эти имущества сосредоточиваются въ нѣсколькихъ рукахъ вопреки закону и, что важнѣе всего, раздаются лицамъ не того вѣроисповѣданія, которому назначены, т. е. уніятамъ вмѣсто православныхъ (84). Короче сказать, послы православные ниспровергали здѣсь всѣ гражданскія права уніятовъ и возстановляли права православныхъ, т. е. ниспровергали всю систему Поцѣя. Представленія эти имѣли всю силу убѣдительности, которой не могъ не чувствовать сеймъ, особенно въ то время, когда онъ сильно былъ недоволенъ на Сигизмунда за раздачу общественныхъ должностей іезуитской партіи и когда и сейму и королю мерцала въ будущемъ надежда завладѣть Московскимъ царствомъ и слѣдовательно чувствовалась необходимость имѣть на своей сторонѣ сочувствіе русскаго народа. Вотъ, почему сеймъ и король вняли представленію пословъ православныхъ и постановили: раздавать церковныя должности въ западнорусской Церкви только людямъ народа русскаго и греческой вѣры; людямъ этимъ не владѣть многими мѣстами духовными; уніятамъ же и православнымъ жить мирно и не нарушать правъ другъ друга (85). Нѣтъ спора, что эти постановленія сейма не имѣютъ законодательной точности, ихъ можно было перетолковывать и въ пользу православныхъ и въ пользу уніятовъ, но при всемъ томъ нельзя не видѣть, что и въ этомъ неточномъ постановленіи высказана мысль очень свѣтлая, которой

до сихъ поръ не хотѣли понять ни православные, ни тѣмъ болѣе уніяты. Сеймъ показалъ теперь, что смотритъ на православное и уніятское вѣроисповѣданія, какъ на вѣроисповѣданія существующія, законныя, которыя не должны уничтожать одно другое, но жить рядомъ, уважая гражданскія права одно другаго. Мысль эта давно уже подготовлялась и высказывалась между православными, поэтому не мудрено, что они ее охотно приняли, но для уніятовъ она была смертнымъ ударомъ. Она разбивала въ дребезги ихъ идею уніи, ту идею, что унія обязательна для всѣхъ православныхъ и должна быть немедленно поставлена вездѣ на развалинахъ западно-русской Церкви. Приговоръ сейма показывалъ теперь всю незаконность этой идеи и тѣмъ яснѣе было это указаніе, что уніяты довольно уже успѣли провозгласить свою идею и осуществить въ многочисленныхъ случаяхъ. На нихъ теперь православные явно могли указывать пальцами, какъ на преступниковъ передъ высшимъ судилищемъ государства, т. е. передъ сеймомъ. При этомъ разумѣется, получали особенное значеніе и частныя постановленія сейма касательно церковныхъ имуществъ. Изъ-за нихъ долженъ былъ краснѣть Поцѣй, обремененный двумя епископскими каѳедрами и нѣсколькими архимандріями,—и вмѣстѣ съ нимъ многочисленные его единомышленники, епископы, архимандриты, священники, принявшіе унію, которые, сгоняя съ мѣстъ православныхъ духовныхъ, занимали ихъ сами до назначенія новыхъ лицъ, что разумѣется отсрочивалось и по необходимости и намѣренно. Уніятскіе и латинскіе писатели объ уніи говорятъ, что Поцѣй съ глубокою скорбію принялъ

это рѣшеніе сейма (86). Впрочемъ, у него оставалось одно сильное убѣжище, на которое мы уже не разъ ссылались. Не могъ онъ теперь смыть позора, который наложилъ сеймъ на него и на унію, но могъ отклонить другія послѣдствія этого рѣшенія, чисто житейскаго характера. Приводить въ исполненіе рѣшеніе сейма, возстановлять права и спокойствіе православныхъ и уніятовъ должна была власть исполнительная, т. е. власть короля, неизмѣнно преданная интересамъ уніи и въ частности Поцѣю. Вотъ въ этой-то власти и теперь Поцѣй находилъ утѣшеніе и дѣйствительно не ошибся въ ней. Но понятное дѣло, что не обманывались на счетъ ея и православные и потому должны были принять противъ нея свои мѣры. Не знаемъ, предлагали ли они эти мѣры на сеймѣ же 1607 года, но достовѣрно знаемъ, что предложили ихъ на слѣдующемъ сеймѣ 1609 года и опять по внушенію виленскаго братства.

Сенчиловичъ явился теперь двигателемъ этого дѣла. Онъ разсылалъ граматы къ православнымъ, убѣждалъ ихъ опять защищать православіе, самъ отправился на сеймъ съ членами братства и поддерживалъ энергію православной партіи (87). Дѣятельными представителями православія опять были послы Волынской области. Они требовали, чтобы самъ сеймъ постановилъ рѣшительныя мѣры противъ уніи, т. е. они, очевидно, старались обойти исполнительную власть и добиться другихъ средствъ общественнаго своего спокойствія. Поцѣй былъ на этомъ сеймѣ и ясно понималъ свою опасность. Онъ вмѣстѣ съ латинскою партіею хотѣлъ затуманить глаза сейма и предложилъ соборъ, какъ новое средство успокоенія уніятовъ и православныхъ; но послы православ-

ные отвергли это средство и сеймъ постановилъ: оставаться каждой сторонѣ при томъ, что имѣетъ; подвергать штрафу въ десять тысячь злотыхъ всякаго, кто нарушитъ спокойствіе между православными и уніятами и, что̀ всего важнѣе, разбирательство этого рода дѣлъ предоставить суду, назначенному отъ сейма, т. е. трибунальному (88). Не скоро послѣ, въ сеймовыхъ рѣшеніяхъ явилось постановленіе хуже этого для уніи. Поцѣй и латинская партія поражены были этимъ приговоромъ и въ отчаяніи, говорятъ православные писатели, прибѣгли къ наглому обману — исказили при напечатаніи эту конституцію, именно вмѣсто словъ: вольно всякому (обиженному) искать правды передъ трибуналомъ конституціи (constitutionis) (т. е. установленнымъ сеймовою конституціею) напечатали: вольно всякому искать правды передъ трибуналомъ compositi judicii, т. е. смѣшаннаго суда, что можно было объяснять такъ: передъ трибуналомъ составленнымъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ судей (89). Если справедливо это искаженіе сеймоваго рѣшенія, то уже одно это показываетъ, какъ уніяты и латинская партія боялись трибунальнаго суда. И — ненапрасно. Сейчасъ мы увидимъ, сколько правды показалъ этотъ судъ, не смотря даже на то, что допустилъ указанную нами редакцію сеймоваго рѣшенія. Мало того, Поцѣй употребилъ еще одну хитрую уловку. Такъ какъ сеймъ постановилъ, чтобы обѣ стороны — православная и уніятская оставались — statu quo, — не отнимали одна у другой церквей и имуществъ, ни обращали силою людей; то Поцѣй, предвидѣвшій заблаговременно это постановленіе, рѣшился до утвержденія и обнародованія его улучшить свое statu quo, захватить у

православныхъ больше церквей. Съ этою цѣлію онъ еще до окончанія сейма выхлопоталъ у короля постановленіе о низложеніи Сенчиловича и назначеніи на мѣсто его архимандритомъ Троицкаго монастыря Рутскаго, которому кромѣ того поручено принять въ вѣденіе свое виленскія приходскія церкви, отпавшія отъ Поцѣя передъ тѣмъ (90). Но и эти мѣры Поцѣя были для него источникомъ новыхъ огорченій.

Рутскій, еще до окончанія сейма пріѣхалъ въ Вильно и введенъ былъ королевскимъ чиновникомъ во владѣніе Троицкимъ монастыремъ, для чего избрана была очень ранняя пора, вѣроятно, въ избѣжаніе народнаго волненія. Но едва усѣлся королевскій чиновникъ откушать хлѣба-соли у новаго настоятеля, какъ явилась у Троицкаго монастыря грозная толпа народа и во главѣ ея православные члены ратуши съ объявленіемъ, что безъ ихъ вѣдома никто не имѣетъ права распоряжаться Троицкимъ монастыремъ, потому что по закону они имѣютъ право патронатства надъ нимъ (91). Королевскій чиновникъ очень ловко отдѣлался отъ патроновъ Троицкаго монастыря (92), но не такъ легко это было Рутскому. Онъ представилъ въ магистратъ королевское назначеніе его архимандритомъ, но бургомистры противопоставили ему древнія свои грамоты на право подаванія этого монастыря. И это одно дѣло не легко было рѣшить при господствовавшемъ тогда раздраженіи православныхъ; но Рутскій, по безразсудству или неразумной ревности къ дѣлу уніи, что впрочемъ одно и тоже, бросилъ новую искру въ горючій матеріалъ. Онъ представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ королевское приказаніе магистрату о подчиненіи ему всѣхъ виленскихъ церквей. Не

удивительно поэтому, что члены магистрата потеряли обычное свое спокойствіе и что въ день изслѣдованія этого дѣла въ магистратѣ едва не дошло до открытаго возстанія. Народъ двинулся къ магистрату, вломился въ присутствіе и грозно протестовалъ противъ такого нарушенія королемъ старинныхъ вольностей (93). Между тѣмъ, пріѣхалъ съ сейма съ членами братства Сенчиловичъ и еще болѣе усилилъ народное волненіе. Онъ далъ Поцѣю и церковный и гражданскій отвѣтъ на его дѣйствія на сеймѣ. Онъ совершилъ торжественно литургію и крестный ходъ, въ знакъ торжества православія и посрамленія уніи, и позвалъ Поцѣя и Рутскаго на трибунальный судъ за отнятіе у него Троицкой архимандріи, вопреки сеймовой конституціи, объявляя при этомъ, что на его мѣсто возведенъ человѣкъ латинскаго вѣроисповѣданія — слѣдовательно вопреки конституціи 1607 года (94). Король, по просьбѣ Поцѣя, прислалъ Сенчиловичу приговоръ на изгнаніе изъ отечества; но это было такимъ явнымъ нарушеніемъ правъ суда, что на этотъ приговоръ никто не обратилъ вниманія и виленскій трибуналъ сталъ разбирать дѣло Сенчиловича съ Поцѣемъ и Рутскимъ, при чемъ и Сенчиловичъ и Рутскій потребованы на трибуналъ. Латинская партія немедленно воспользовалась словами конституціи—compositi judicii, и требовала, чтобы въ трибунальномъ судѣ участвовали латинскіе духовные; но трибуналъ объявилъ, что эти слова означаютъ членовъ разныхъ вѣроисповѣданій и присудилъ Поцѣя и Рутскаго къ лишенію права управленія церковію (jurisdiccii) и къ уплатѣ десяти тысячъ злотыхъ. Латинская партія созвала свой трибуналъ и постановила совершенно противоположное

рѣшеніе, т. е. оправдала Поцѣя и Рутскаго и осудила Сенчиловича и Заславскаго на изгнаніе (95). Трибуналъ свѣтскій не обратилъ вниманія на это противорѣчіе ему и передалъ свое рѣшеніе къ исполненію; но тутъ-то и встрѣтилось препятствіе. Король пріостановилъ исполненіе приговора трибунала, пользуясь предоставленнымъ ему на это правомъ; но онъ не дожидался новаго трибунала, которому по закону слѣдовало предоставить переизслѣдованіе дѣла, а самъ взялся разбирать его на томъ основаніи, что трибуналъ взялся не за свое дѣло, что его должны были разбирать лица духовныя. Но не духовные разобрали это дѣло. Выступилъ на сцену королевскій судъ, обнаруживший тѣмъ большую смѣлость, что въ это же время прибылъ въ Вильно самъ король и смиренный Ипатій Поцѣй. Судъ этотъ не обратилъ вниманія ни на постановленія сейма, ни на древнія грамоты православныхъ, утверждавшія за ними право патронатства; онъ далъ всему дѣлу совершенно другой видъ. Онъ совершенно оставилъ въ сторонѣ религіозную сторону этого дѣла, (почему Сенчиловичъ и Заславскій не были тронуты), — онъ придалъ всему дѣлу видъ гражданскаго возмущенія, потребовалъ къ себѣ двухъ членовъ магистрата Ивана Тупеку и Исаака Кононовича, какъ бунтовщиковъ и оскорбителей королевскаго величества и обоихъ присудилъ къ смерти. Впрочемъ, Сигизмундъ излилъ при этомъ высочайшую милость, — даровалъ Тупекѣ и Кононовичу жизнь и только лишилъ ихъ должности бургомистровъ и всѣхъ привиллегій предоставленныхъ городу (96).

Этотъ приговоръ уже самъ собою оправдывалъ Поцѣя и Рутскаго и возстановлялъ всѣ ихъ права церков-

ныя и гражданскія. Оба они постарались на первыхъ же порахъ воспользоваться возстановленною силою исполнительной власти и обращали въ унію виленскія православныя церкви одну за другою (97). Такой образъ дѣйствій вызвалъ со стороны православныхъ естественное въ такихъ случаяхъ слѣдствіе — насиліе, которое обрушилось на самаго же Поцѣя. Когда онъ въ томъ же 1609 году и въ тотъ же день, когда, по приказанію короля, переданы были ему почти всѣ православные церкви въ Вильнѣ, возвращался домой пѣшкомъ отъ латинскаго виленскаго епископа, — одинъ мѣщанинъ Тупека (безъ сомнѣнія тотъ же бургомистръ) бросился на него и нанесъ нѣсколько ударовъ по шеѣ (98). Нападеніе сдѣлано было такъ стремительно, что никто изъ многочисленной дружины Поцѣя не успѣлъ защитить своего митрополита. Но Поцѣя спасла толстая цѣпь архіерейскаго креста, за тѣмъ его же лѣвая рука, которою онъ сталъ защищать свою шею и отъ которой тутъ же отлѣтело два пальца. Убійца былъ схваченъ и понесъ заслуженное наказаніе: его казнили смертію (99). Но друзья Поцѣя не удовольствовались этимъ. Они придали этому случаю значеніе христіанскаго мученичества и чуда. Два пальца Поцѣя положены были на престолѣ въ Троицкомъ монастырѣ; но такъ какъ не ловко было держать постоянно въ церкви, особенно на престолѣ, эти тлѣнныя частицы Поцѣя, то Рутскій и Іосафатъ Кунцевичъ сдѣлали серебряную доску съ надписью, выбранною изъ 117 псалма самимъ Поцѣемъ: наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя,— и повѣсили ее въ церкви, гдѣ именно не знаемъ (100).

Для полнаго торжества уніятовъ недоставало одного, чтобы вмѣшать въ дѣло Тупеки всѣхъ Виленскихъ православныхъ, открыть между ними заговоръ и, пользуясь пребываніемъ въ Вильнѣ короля, задавить ихъ окончательно. Но къ крайнему огорченію ихъ всѣ попытки судей открыть въ этомъ дѣлѣ общій заговоръ, остались тщетными. Тѣмъ не менѣе этотъ случай въ связи съ обстоятельствами, которыя его вызвали, сильно подѣйствовалъ на православныхъ. Они теперь, хотя не пали окончательно духомъ и не приняли уніи, но ясно увидѣли, что нѣтъ возможности одолѣть уніятовъ и нѣтъ возможности возстановить въ Вильнѣ прежнее положеніе, когда православіе господствовало, а унія существовала только, какъ призракъ. Уніяты теперь укрѣпились здѣсь прочно, необходимо было съ грустію признать этотъ фактъ и думать уже не о томъ, чтобы уничтожить его, а о спасеніи православія. Виленское православное братство имѣло столько нравственной силы, что не растерялось и въ этомъ несчастномъ положеніи. Его выжили изъ Троицкаго монастыря, оно нашло себѣ новое средоточіе, — поселилось окончательно напротивъ Троицкаго монастыря черезъ улицу — при вновь построенной послѣ недавняго страшнаго пожара въ Вильнѣ — церкви Святаго Духа (101). Здѣсь-то и сгруппировались опять православные. Но уніяты не оставили ихъ въ покоѣ и на новомъ ихъ мѣстѣ. Немедленно подана была жалоба королю, что доходы братскіе назначенные древними королевскими граматами въ пользу Троицкаго монастыря, отняты отъ него и обращаются въ пользу новой церкви Св. Духа. Поэтому

опять начались безконечные позвы въ судъ и королевскія предписанія виленскому магистрату заставить всѣ цѣховыя братства обращать дозволенные закономъ общественные доходы (отъ безпошлинной выварки и продажи меду) въ пользу Троицкаго монастыря, а не Духовскаго (102). Впрочемъ, Поцѣй принималъ уже не такое горячее участіе въ этихъ смутахъ. За него трудились многіе изъ обращенныхъ имъ въ унію, подъ руководствомъ Іосифа Рутскаго и Іосафата Кунцевича. (103). Самъ Поцѣй, нельзя сказать, чтобы покойно отдыхалъ отъ бурныхъ трудовъ и наслаждался мирно блестящимъ положеніемъ творца уніи и прославленнаго уніятами мученика за нее, но теперь важнѣйшею его заботою было упрочить будущее благоустройство уніи. Съ этою цѣлію онъ постепенно выводилъ Рутскаго на первый планъ. Предоставивъ ему Виленскую Троицкую архимандрію и митрополичье намѣстничество въ Вильнѣ, онъ вскорѣ за тѣмъ сдѣлалъ его Львовскимъ епископомъ, не смотря на то, что тамъ былъ православный епископъ Іеремія Тисаровскій, и коадъюторомъ — викаріемъ Литовской митрополіи, наконецъ назначилъ его своимъ преемникомъ (104). Такая заботливость Поцѣя о своемъ преемникѣ, вѣроятно, вызвана была предчувствіемъ скорой смерти, и дѣйствительно черезъ годъ послѣ того, т. е. 1613 года 18 іюля Поцѣй скончался во Владимірѣ Волынскомъ, на рукахъ, какъ выражается Стебельскій, своихъ сыновей и Іоакима Мороховскаго, который также занялъ мѣсто Поцѣя въ брестской и владимірской епископіи, безъ сомнѣнія тоже по его представленію (105).

Значеніе братствъ въ исторіи уніи.

Четырнадцатилѣтняя борьба Поцѣя съ православными имѣла несомнѣнное глубокое значеніе въ исторіи уніи. Важнѣйшія начала, направленіе особенности этой исторіи за десять, даже за двадцать лѣтъ далѣе, отъ смерти Поцѣя — почти всѣ скрываются въ этой именно четырнадцатилѣтней борьбѣ изъ-за уніи, разыгравшейся почти исключительно въ тѣсныхъ улицахъ Вильны и въ невзрачныхъ его домахъ. Разумѣется, не легко теперь изобразить ярко, наглядно все значеніе этой знаменитой борьбы, какъ не легко по нынѣшнему виду Вильна судить о томъ его видѣ, когда Поцѣй и братства поглощали вниманіе его населенія и властей. Здѣсь мы находимся въ положеніи человѣка, стоящаго передъ изорванными, истертыми лоскутками дивной картины и сознающаго, что его искусство безсильно воскресить ее къ полной жизни. Намъ приходится ловить полувысказанное слово древняго писателя, читать между строками оффиціальныхъ документовъ, присматриваться къ сужденію ученыхъ людей позднѣйшаго времени, и изъ этого только составлять нашъ очеркъ одной изъ величественнѣйшихъ драмъ исторіи уніи. Просимъ знатоковъ указать намъ наши промахи, а покамѣстъ будемъ дѣлать дѣло, какъ разумѣемъ.

Мы видѣли, что Поцѣй, принимаясь за братства, имѣлъ въ виду дать вездѣ торжество церковному, іерархическому элементу. Унія дѣло духовенства; паствѣ до нея пѣтъ дѣла — вотъ краткая программа Поцѣя. Такой взглядъ, взволновавшій съ новою силою весь православный западно-русскій міръ, установился въ голо-

въ Польшѣ, отчасти независимо отъ его характера. Дѣло уніи и православія съ самаго начала взято было въ руки правительствомъ свѣтскимъ и духовнымъ; здѣсь сосредоточились всѣ заботы объ немъ; участіе въ немъ мірянъ, особенно православныхъ, представлялось приверженцамъ правительства оскорбительнымъ и незаконнымъ. Съ другой стороны, унія введена іерархіею вопреки мірянамъ: іерархіи естественно было возвышать, какъ можно больше, значеніе своего авторитета для своихъ личныхъ выгодъ и блага самой уніи. Но, что всего важнѣе, унія приняла въ себя много элементовъ латинства — латинства, которое, въ параллель съ средневѣковымъ главенствомъ папы надъ христіанскимъ міромъ, ставитъ и всякаго патера настолько выше каждаго мірянина въ дѣлахъ вѣры, что у послѣдняго должно оставаться воли и ума лишь на столько, чтобы безусловно, рабски повиноваться патеру. Такой взглядъ долженъ былъ встрѣтить сильное противодѣйствіе въ православномъ западно-русскомъ мірѣ уже потому одному, что онъ существенно противорѣчитъ ученію и духу восточнаго вѣроисповѣданія, требующаго отъ кого бы то ни было разумнаго и добровольнаго участія въ дѣлѣ спасенія. Но въ западно-русской Церкви были особыя обстоятельства, которыя должны были усилить до крайности противодѣйствіе такому ученію уніи. Мы уже знаемъ, что здѣсь издавна утвердилось участіе мірянъ въ дѣлахъ своей Церкви, какъ естественная и необходимая гарантія противъ латинской пропаганды, поддерживаемой властію латинско-польскаго государя. Вѣками православные западно-русскіе міряне пріобрѣли это участіе, — легко ли имъ было разстаться съ нимъ, да

еще по требованію не своей іерархіи, а отшавшей отъ ихъ Церкви — по требованію іерархіи уніятской? Одна уже сила вѣковаго преданія могла здѣсь сдѣлать много, но мы знаемъ, что тутъ была еще сила самой формы, учрежденія, въ которыя вылилось участіе православныхъ мірянъ въ дѣлахъ Церкви. Мы разумѣемъ такъ-называемый патронатъ. Поцѣй, мы видѣли, оставилъ въ покоѣ богатыхъ, знатныхъ представителей этого патроната, не знаемъ навѣрное, по страху ли, или расчетливо удовлетворяя ихъ жалобѣ на Виленскомъ съѣздѣ, что унія поражаетъ бѣдствіями не только простыхъ людей, но даже ихъ шляхетнѣ уродзоныхъ (szlachetnie urodzonych) (106), во всякомъ случаѣ оставилъ ихъ въ покоѣ удачно. Ихъ самолюбіе было обойдено, имъ показали, что дѣлаютъ различіе между ними и простыми людьми; поступать такъ съ ними значило довершать въ нихъ то отдѣленіе отъ народа, которымъ они издавна уже страдали, заразившись духомъ польской аристократіи. Случайное обстоятельство имѣло здѣсь громадное значеніе. Поцѣй самъ былъ аристократъ, и въ его устахъ требованіе, чтобы въ унію не вмѣшивались міряне, было для православныхъ аристократовъ гораздо сноснѣе, нежели какимъ оно было въ устахъ простаго шляхтича Михаила Рогозы. Отъ нихъ требовалъ уступки ихъ же братъ, да и то слабо, деликатно! Но тѣмъ смѣлѣе Поцѣй предъявилъ это требованіе простымъ людямъ не шляхетнѣ или мало шляхетнѣ уродзонымъ, онъ безцеремонно принялся за этихъ простыхъ людей, братчиковъ—мѣщанъ и, казалось, придавилъ ихъ, къ концу своего управленія митрополіею; но это только такъ казалось. Напротивъ, можно сказать навѣрное, что Поцѣй

жестоко ошибся въ этомъ дѣлѣ, и можно даже утверждать, что никто больше не возвышалъ православныхъ, какъ Поцѣй этимъ именно путемъ — преслѣдованіемъ простыхъ людей, защищавшихъ вѣру, т. е. братствъ.

По крѣпости и стройности своихъ началъ, братства были въ десять разъ опаснѣе для уніи, чѣмъ знатные патроны православные. Патроны покровительствовали Церкви, такъ сказать, издалека, какъ и естественно было знатнымъ людямъ: видѣли церкви и духовенство изъ балконовъ и башенъ своихъ дворцовъ, въ минуты поэтическаго созерцанія природы, и какъ обыкновенную особенность широкой окрестности, или во время службъ церковныхъ и необычайныхъ случаевъ въ приходахъ ихъ. Братства сливались съ своими приходами и имѣли ихъ въ виду постоянно, какъ муравьи свое жилище. Услуги Церкви патроновъ имѣли смыслъ высокаго покровительства, чувствительнаго пріятно и непріятно,—патроны были милостивцами и господами церквей. Братства стояли къ нимъ далеко въ иномъ отношеніи. Они прежде всего налагали на себя опредѣленныя, точныя обязанности, по отношенію къ своимъ церквамъ — опредѣленные взносы денегъ, установленныя посѣщенія службъ церковныхъ и братскихъ совѣщаній, заботу о духовенствѣ, о бѣдныхъ, устройство богадѣленъ, школъ, изданіе книгъ,—словомъ, у нихъ было дѣло передъ глазами ясное, извѣстное, въ которомъ не устранялось личное усердіе, но ограничивались произволъ, нерадѣніе (107). Конечно, братчики были неизмѣримо слабѣе патроновъ по своему гражданскому положенію; но они составляли плотную корпорацію, и на ихъ сторонѣ оказалось то преимущество, какое составляетъ

обыкновенное экономическое явленіе,—что ассоціація—сильнѣе отдѣльной личности. Словомъ, мы приходимъ теперь къ изслѣдованію того, какіе задатки прочности братствъ церковныхъ были въ гражданскомъ устройствѣ тѣхъ общинъ, изъ которыхъ составлялись братства — предметъ, по нашему мнѣнію, особенной важности не только потому, что онъ почти не тронутъ въ нашей литературѣ, но еще болѣе потому, что, еслибы религіознымъ началамъ братствъ не отвѣчали начала гражданской ихъ жизни, то, безъ всякаго сомнѣнія, они скоро ослабѣли бы.

Братства по преимуществу развивались и были сильны въ тѣхъ городахъ, гдѣ было магдебургское право, передававшее, какъ извѣстно, управленіе городомъ въ руки самихъ горожанъ. Многіе въ нашей литературѣ говорили о магдебургскомъ правѣ, многіе указывали особенности его; но мы не знаемъ, кто бы вѣрно связалъ это учрежденіе съ общимъ ходомъ исторической жизни литовско-польскаго народа, а тѣмъ менѣе съ ходомъ религіозной жизни литовско-русскаго народа. Магдебургское право было передачею въ руки средняго сословія значительной доли той свободы, того самоуправленія, какими пользовалось высшее сословіе. Это было распространеніе выгодъ конституціонной жизни на среднее сословіе и нѣкоторое уравненіе его съ высшимъ. Подъ этимъ то именно знаменемъ самостоятельнаго участія и уравненія съ высшимъ сословіемъ выступили теперь братства и въ дѣлахъ религіозныхъ, въ которыхъ участіе ихъ развито было давно и сильно историческимъ складомъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ, обѣ формы жизни — гражданской и религіозной слились

теперь въ братствахъ въ одну форму, что, само собою разумѣется, должно было очень усилить ихъ. Такое счастливое тогда объединеніе въ одной корпораціи религіозныхъ и мірскихъ началъ жизни представляло братствамъ особенную въ то время выгоду. Тогда рядомъ съ братствами существовала въ литовско-польскомъ государствѣ, какъ мы уже указывали, многочисленная партія, такъ называемаго гминовладства, которая добивалась уравненія правъ всѣхъ свободныхъ сословій. Братства естественно возбуждали симпатіи этой партіи. Потому то мы видимъ, что низшее шляхетство, мѣщанство и земскіе послы латинскаго вѣроисповѣданія мало благопріятствуютъ уніи и какъ бы покровительствуютъ православію. Тѣмъ болѣе братства вызывали участіе къ себѣ въ протестантахъ и еще болѣе въ своемъ кругу православномъ. Они, какъ мы сейчасъ показывали, усвоили польскія конституціонныя начала, но начала эти проникнуты были жизнію чисто національною—русскою, православною. Братства нельзя было заподозрить, какъ знатныхъ патроновъ, ни въ предательствѣ Польшѣ, ни въ измѣнѣ своей вѣрѣ. Поэтому къ нимъ тѣсно примыкали и многіе патроны — истинные вожди литовско-русскаго народа, какъ напримѣръ Лаврентій Древинскій и крестьяне, группировавшіеся тоже въ братства, около братствъ большихъ — изъ мѣщанства (108). Такимъ образомъ, братства служили сближеніемъ всѣхъ сословій православнаго литовско-русскаго народа, какъ среднее звѣно, близкое съ одной стороны къ аристократіи, съ другой къ бѣднѣйшимъ и простѣйшимъ людямъ — крестьянамъ. Любопытнѣйшее явленіе представляютъ намъ въ этомъ отношеніи брат-

скіе списки: тамъ записаны и свѣтлѣйшіе князья и сапожники (109).

Вотъ эту-то могучую, крѣпкую силу и поднялъ противъ уніи Поцѣй, безъ сомнѣнія не воображая, что онъ этою борьбою еще болѣе укрѣпитъ ее. Что же вышло изъ этой борьбы?

Борьба братствъ съ этимъ вожатаемъ уніи привлекла къ нимъ взоры всѣхъ православныхъ. На братство Виленское посыпались похвалы со всѣхъ сторонъ (110). Писались благодарственныя ему письма, разсылались общія посланія, съ призывомъ къ подражанію имъ (111). Дошло до того, что мысли Виленскаго братства стали правиломъ вѣры для всѣхъ православныхъ и ихъ образъ дѣйствій всеобщимъ образцомъ для всѣхъ (112). Такое положеніе Виленскаго братства и съ нимъ другихъ братствъ было вершиною могущества и славы западнорусскаго патроната, и мы должны сказать, что это могущество и эта слава не были призрачными. Виленское братство въ союзѣ съ другими выработало нѣсколько законоположеній, хоть сколько нибудь обезпечивавшихъ исповѣданіе православной вѣры и, главное, сбивавшихъ фантазію уніятовъ — будто всѣ православные должны непремѣнно принять унію. Виленское братство въ союзѣ съ другими подкрѣпляло духъ православныхъ своими посланіями и примѣромъ. Виленское братство и отчасти Львовское разрѣшало всѣ недоумѣнія православныхъ своими сочиненіями. Перестрога, Антиграфи и особенно Ѳриносъ ясно, отчетливо указывали истину православія, ложь уніи, опасности и средства спасенія. Православные носились съ этими сочиненіями, какъ съ любимыми своими дѣтищами, а уніяты и латиняне при-

ходили въ ярость. Наконецъ каждый православный, кто бы онъ ни былъ и откуда бы онъ ни былъ, приходилъ къ братствамъ, какъ къ своимъ роднымъ и получалъ все, чего могъ ожидать отъ людей не всесильныхъ. Знамя вѣры было здѣсь знаменемъ всякой помощи духовной и житейской. Конечно, передъ такими корпораціями историкъ станетъ въ изумленіи и не постыдится выказать къ нимъ полнаго своего сочувствія и уваженія. Но онъ долженъ быть также безпристрастнымъ и, не смотря на всѣ свои симпатіи и восторги, указывать темныя стороны своего предмета, если онѣ есть; а эти темныя стороны дѣйствительно есть въ братствахъ, и мы были бы очень не справедливы, если бы не указали и этихъ темныхъ пятенъ въ этомъ свѣтломъ явленіи, — слабыхъ сторонъ его вольныхъ и невольныхъ.

Такое шумное движеніе средняго православнаго сословія на защиту своей вѣры — движеніе, которому четырнадцатилѣтняя борьба съ Поцѣемъ придала изумительную правильность и силу, на сколько вызвало сочувствіе къ нему лучшихъ аристократовъ православныхъ, на столько отталкивало большинство ихъ, проникнутое сословными предъубѣжденіями, стремленіями польской аристократіи. Многимъ изъ нихъ показалось обиднымъ и опаснымъ, что люди незнатные—сапожники, шапочники, перчаточники вырвали изъ рукъ ихъ заботу о вѣрѣ, дѣйствуютъ такъ успѣшно и такъ сильно привлекаютъ къ себѣ расположеніе народа. А между тѣмъ, противъ этихъ-то сапожниковъ, шапочниковъ и перчаточниковъ воевалъ ихъ же собратъ — Поцѣй, человѣкъ, показывавшій, что стоитъ съ своею уніею между Русью и Польшею, православіемъ и латинствомъ,

слѣдовательно, какъ бы продолжаетъ ихъ общее дѣло— безобидное, законное, по ихъ мнѣнію, объединеніе литовско-русскаго народа съ польскимъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, причина, почему, съ выступленіемъ на сцену братствъ, большинство знатныхъ патроновъ запрятались въ свои роскошные дворцы, гдѣ они были пріятно развлекаемы посѣщеніемъ іезуитовъ, и откуда большею частію являлись уже не патронами западнорусской Церкви, а врагами ея — уніятами или чаще всего латинянами. Это первый результатъ, за который, конечно, братства не могли отвѣчать ни передъ современниками, ни передъ исторіей. Но кромѣ него былъ другой гораздо большей важности, который, если тоже нельзя обратить рѣшительно въ укоръ братствамъ, то во всякомъ случаѣ необходимо указать, какъ слабую и опасную сторону ихъ устройства.

Шумная, блистательная борьба Виленскаго и съ нимъ другихъ братствъ съ Поцѣемъ, такъ возвысившая ихъ въ глазахъ православнаго народа, рѣшительно заслонила іерархію православную, особенно высшую. Остававшіеся тогда два іерарха — Львовскій Гедеонъ и Перемышльскій Михаилъ, какъ бы совершенно были забыты. Одинъ занимался по преимуществу изданіемъ церковныхъ книгъ и послѣдними своими счетами съ братствомъ Львовскимъ, о другомъ нѣтъ помину въ исторіи. Неоспоримо, что оба имѣли то только общее значеніе, что преподавали православнымъ видимыя орудія благодати и благочестія — священное муро, антиминсы, книги, ставили священниковъ; дѣятельнаго же, виднаго участія ихъ въ дѣлахъ Церкви мы вовсе не видимъ: дѣла эти были въ рукахъ братствъ. Мало того,

когда умерли оба эти іерарха, одинъ въ 1607 году (113), другой въ 1612 (114), то приняты были очень слабыя мѣры къ возстановленію высшей іерархіи, и замѣнившій Гедеона новый православный епископъ Іеремія Тисаровскій очень мало вызывалъ заботливости и поддержки въ своемъ трудномъ положеніи (115). Это странное явленіе — какъ грустный результатъ того, что унія введена высшею іерархіею, и что въ этомъ замѣшаны были оба оставшіеся въ православіи епископа — имѣло гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ это можетъ казаться при первомъ взглядѣ. Въ слѣдствіе его въ братствахъ, насколько выдвигалось участіе мірянъ въ дѣлахъ Церкви, на столько же слабѣло и исчезало участіе и значеніе духовенства, а при этомъ несостоятельность братствъ давала себя чувствовать очень сильно. Они могли разсылать пламенныя посланія, издавать прекраснѣйшія книги, но не такъ легко было имъ посылать, куда было нужно, священниковъ, а безъ этого всѣ труды братствъ для общаго блага могли исчезать очень легко и скоро. Православный вдали отъ братствъ, положимъ, читалъ или слушалъ съ восторгомъ и умиленіемъ все, что они говорили и дѣлали, и болѣе или менѣе продолжительное время готовъ былъ положить за вѣру свою душу; но ему хотѣлось, напримѣръ, побывать въ церкви, исповѣдаться и пріобщиться, а нѣтъ, ни православной церкви, ни православнаго священника. У него родилось дитя,—не кому крестить, у него больной,—не кому пріобщить, умеръ больной,—не кому похоронить и т. д., а тутъ передъ окнами проходитъ въ церковь или изъ церкви уніятскій народъ, въ которомъ онъ видитъ своихъ знакомыхъ, бывшихъ друзей и даже

родныхъ, а тутъ идетъ уніятскій священникъ, съ огненною готовностію удовлетворить его религіознымъ нуждамъ — уніятскій священникъ, можетъ быть, бывшій его духовникъ и добрый знакомый! Правда, братства образовывали прекраснѣйшихъ клириковъ, но, не говоря уже о томъ, что ихъ все же нельзя было образовать въ достаточномъ количествѣ, самое путешествіе этихъ клириковъ въ отдаленныя области для посвященія обыкновенно стоило образованія ихъ, и нерѣдко было гораздо труднѣе, потому что для такихъ людей тогда нерѣдко существовали особыя заставы и особая охота за ними латинянъ. Коротко сказать, въ братствахъ годъ отъ году слабѣлъ элементъ церковный, духовный. Другія слѣдствія этого положенія увидимъ послѣ, а теперь обратимся къ ближайшимъ событіямъ.

Теперь мы ясно видимъ, что уніятамъ для пораженія православныхъ представлялось само собою простѣйшее средство, именно: имъ слѣдовало только выдвигать благоразумно церковный, іерархическій элементъ, благоустроять духовенство свое, и, если бы они при этомъ еще держались поближе къ православію, не допускали въ унію наплыва латинскихъ особенностей, то непремѣнно достигли бы большихъ успѣховъ. Одно особенно соображеніе приводитъ насъ къ такому заключенію. Славянскій народъ, а слѣдовательно и литовско-русскій, очень извѣстенъ своимъ богатствомъ религіозныхъ чувствъ и, какъ естественнымъ ихъ слѣдствіемъ, любовію къ внѣшности и великолѣпію церковному. Благоустройство церковности — іерархіи, богослуженія, храмовъ составляетъ для него очень важную и многознаменательную потребность— потребность, которая, конечно,

не устраняетъ собою широкаго религіознаго образованія внутренняго, но безъ которой это образованіе не легко прививается, чему служитъ лучшимъ доказательствомъ то, что протестантство никакъ не можетъ укрѣпиться между Славянами. Нѣтъ сомнѣнія, что, если Поцѣй не приходилъ къ такимъ соображеніямъ о свойствахъ славянской натуры, то во всякомъ случаѣ зналъ, что, выдвигая впередъ іерархію, онъ достигнетъ большихъ успѣховъ. Но и Поцѣй очутился среди неодолимыхъ затрудненій. Переманивая къ себѣ ласками и перетягивая силою со всѣхъ сторонъ духовенство, онъ попалъ въ тоже положеніе, въ какомъ находился и Михаилъ Рогоза, т. е. окружилъ себя негоднѣйшими духовными, потому что такіе только люди и могли переходить въ унію, побуждаемые къ тому выгодами или страхомъ. Поэтому Поцѣй принужденъ былъ обратиться къ такимъ мѣрамъ, которыя рѣшительно противорѣчили его прежнему плану, не скажемъ, убѣжденіямъ. Онъ принужденъ былъ православнымъ мірянамъ противопоставить мірянъ же уніятовъ, и съ этою цѣлію сталъ основывать уніятскія братства, хотя они ни въ какомъ случаѣ не могли имѣть значенія и силы братствъ православныхъ. Съ другой стороны, для подкрѣпленія силъ іерархіи, онъ сталъ выдвигать такихъ людей, какъ Рутскій — людей, которые были истыми латинянами, слѣдовательно никакъ не могли поддерживать той уловки Поцѣя, чтобы унія казалась настоящимъ православіемъ. Но такая мѣра плохо вела къ цѣли. Православные теперь видѣли, что не напрасно они боялись превращенія уніи въ латинство, что всѣ увѣренія Поцѣя въ близости ея къ православію — пустыя слова, и возненавидѣли унію, какъ въ

первыя ея времена до Брестскаго собора. Такимъ образомъ, сами православные какъ бы наказывали Поцѣя за то, что онъ не понялъ ихъ слабой стороны — не держалъ уніи и ея іерархіи въ близости къ православію, какъ самъ увѣрялъ всѣхъ и что̀ привлекло бы къ нему многихъ православныхъ, а удалялъ отъ него и роднилъ съ латинствомъ, что̀ рѣшительно затрудняло распространеніе уніи. Мы увидимъ въ свое время, что такой двуличный, противорѣчивый образъ дѣйствій Поцѣя вытекалъ не изъ однихъ внѣшнихъ, временныхъ обстоятельствъ, а имѣлъ глубокій смыслъ; но теперь скажемъ лишь, что онъ вытекалъ изъ самаго существа уніи, которая никакъ не могла твердо стоять въ серединѣ между православіемъ и латинствомъ, потому что, вопреки напряженнымъ усиліямъ всѣхъ писавшихъ о возможности уніи, нѣтъ и быть не можетъ этой середины; унія по необходимости должна колебаться — и то идти къ православію и его держаться, то идти къ латинству и съ нимъ сливаться. Самъ Поцѣй, стоявшій по уму и энергіи всѣхъ уніятскихъ митрополитовъ вмѣстѣ взятыхъ, немогъ одолѣть этой трудности — идти по одной дорогѣ. Слѣдуя, повидимому, первымъ путемъ, проповѣдуя видимое единство уніи съ православіемъ, онъ былъ въ противорѣчіи съ своими латинскими убѣжденіями, но въ тоже время долженъ былъ сближать унію съ латинствомъ и чрезъ это впасть въ новое противорѣчіе съ прежнимъ внѣшнимъ образомъ своихъ дѣйствій и явно вредить уніи, потому что еще болѣе вооружилъ православныхъ. Такъ онъ и умеръ, не придумавши никакого болѣе прочнаго и вѣрнаго положенія для уніи. Посмот-

римъ теперь, что придумалъ преемникъ Поцѣя, не давно упомянутый нами Іосифъ Вельяминъ Рутскій.

Іосифъ Рутскій и состояніе уніи до 1620 г.

Почти двадцатипятилѣтнее время управленія Рутскимъ уніятскою литовскою Церковію такъ важно въ исторіи уніи и въ ней столь многое зависѣло отъ личности этого человѣка, что, при всемъ нашемъ желаніи продолжать общее теченіе событій, мы необходимо должны, хоть нѣсколько, остановиться на личныхъ особенностяхъ знакомаго уже намъ, по происхожденію и жизни, Рутскаго.

Рутскаго очень восхвалили латинскіе писатели (116). Уніятскіе писатели сочли нужнымъ нѣсколько ослабить эти похвалы, — восхищались имъ гораздо меньше, чѣмъ Поцѣемъ (117), — осталось даже отъ послѣдняго времени уніи очень незавидное о немъ ихъ мнѣніе (118). Наконецъ, православные писатели гораздо снисходительнѣе къ Рутскому, чѣмъ къ Поцѣю, вообще они мало говорятъ объ этомъ митрополитѣ, что обыкновенно служитъ у нихъ какъ бы нѣкоторою хорошею рекомендаціею такимъ лицамъ (119). Во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ такъ перепутаны или мало поняты дѣйствительныя заслуги и грѣхи Рутскаго, что историку нѣтъ возможности остановиться ни на одномъ изъ нихъ. Мы возстановимъ сперва дѣйствительную, безпристрастную оцѣнку Рутскаго съ каждой изъ трехъ, указанныхъ точекъ зрѣнія на него, т. е. православной, уніятской и латинской. Съ православной точки зрѣнія, конечно, не узкой, вовсе не слѣдуетъ видѣть въ Рутскомъ способнаго для православныхъ уніятскаго митрополита, а напротивъ нуж-

но сказать, что онъ сдѣлалъ имъ больше зла, чѣмъ Поцѣй. Это сужденіе о Рутскомъ сходится, случайно конечно, съ тѣмъ мнѣніемъ, какое объ немъ долженъ бы имѣть истый уніятъ и которое, безъ сомнѣнія, имѣли объ немъ лучшіе изъ современныхъ ему уніятовъ, хотя ихъ мнѣніе и не перешло въ сочиненія уніятскія. Уніяты со всею логичностію могли бы внести Рутскаго въ число людей, анаѳематствуемыхъ. Онъ сдѣлалъ унію столько же, если не больше, зла, чѣмъ православнымъ. Но со всѣмъ инымъ представляется Рутскій съ точки зрѣнія латинской. Стоящіе на этой точкѣ естественно должны окружить Рутскаго славою и честію больше всѣхъ уніятскихъ митрополитовъ, потому что онъ больше всѣхъ придвинулъ унію къ латинству, но такимъ цѣнителямъ Рутскаго не слѣдовало бы уже считать его уніятомъ и тѣмъ менѣе уніятскимъ митрополитомъ, а если они не могутъ не признать этого, то имъ рядомъ съ похвалами слѣдуетъ бросить на него укоръ за то, что онъ былъ уніятомъ, вопреки своей совѣсти. Что же такое былъ Рутскій?

Почти до тридцатилѣтняго возраста Рутскаго носили на рукахъ покровители, милостивцы, руководители и передавали съ рукъ на руки, не давая ему ступить на твердую почву самостоятельныхъ убѣжденій и дѣйствій даже въ то время, когда ему приходилось перемѣнять вѣру, а перемѣнилъ онъ ихъ четыре: православіе на протестантство, протестантство на латинство и латинство на унію. Такимъ Рутскій и остался на всю жизнь, т. е. неумѣющимъ ступить твердо на почву самостоятельныхъ дѣйствій. Это однако не значитъ, что въ немъ не было ничего постояннаго, однообразнаго, цѣльнаго.

Нѣтъ, со времени принятія уніи и даже прежде со времени принятія латинства, въ немъ были и послѣдовательность и единство, только особаго рода: они укрѣплялись на единствѣ и логичности іезуитскаго воспитанія и потомъ іезуитскаго руководства. Это былъ человѣкъ отчетливо выработанной, чисто выглаженной посредственности. Онъ жилъ прилично и видно суммою понятій и цѣлей той среды, которая давала ему толчекъ, т. е. іезуитской среды, но ни разу свѣтлая, самостоятельная мысль не озарила его узкой головы и ни разу онъ не нашелся въ трудныхъ обстоятельствахъ. Тѣмъ не менѣе Рутскій имѣетъ важное историческое значеніе по этой самой посредственности или, лучше сказать, податливости іезуитской средѣ, по воспріимчивости ихъ внушеній. Такова ужъ несправедливость исторіи, что люди пустые дѣлаютъ нерѣдко дѣла болѣе важныя, чѣмъ люди умные. Исторія уніи особенно богата этого рода несправедливостями. Въ цѣломъ ея теченіи два направленія — положительное по отношенію къ православнымъ — тутъ важное значеніе имѣли умъ, энергія дѣятелей, — и отрицательное по отношенію къ латинству — тутъ уступчивость, посредственность имѣли естественное мѣсто и могли дѣлать ужасныя вещи, болѣе важныя, чѣмъ всѣ неистовства уніи, по отношенію къ православнымъ. На первомъ пути Рутскій дѣйствовалъ не мало, но не прямо и открыто, какъ большею частію дѣйствовалъ Поцѣй, а хитро, коварно, интригами, самыми безнравственными и самыми тонкими, почему онъ часто и рвались. Впрочемъ, и тутъ онъ почти всегда дѣйствовалъ подъ руководствомъ іезуитовъ, т. е. главнымъ образомъ онъ стоялъ на послѣд-

ней дорогѣ: вотъ разгадка всего его значенія, которое дѣйствительно велико, почему мы и обратили вниманіе на личныя его особенности, а не пропустили ихъ въ нашемъ трудѣ безслѣдно.

Теперь, думаемъ, не трудно намъ будетъ понять весь ходъ исторіи распространенія уніи въ его время.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Рутскій заблаговременно зналъ о своемъ будущемъ назначеніи — быть митрополитомъ уніятскимъ, очень вѣроятно, что онъ предвидѣлъ также скорую смерть Поцѣя и потому имѣлъ достаточно времени обдумать планъ будущихъ своихъ дѣйствій (120). Но когда Поцѣй умеръ, то казалось что новое положеніе застало Рутскаго въ расплохъ. По крайней мѣрѣ, если нѣтъ твердаго основанія думать, что онъ ничего не придумалъ на этотъ случай, то несомнѣнно, что въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ, онъ ничего не сдѣлалъ замѣчательнаго и несся по шумнымъ волнамъ текучихъ событій съ приличнымъ подобному положенію смиреніемъ. Съ трехъ сторонъ неслись эти волны и сливались въ одну столь грозную, что Рутскому дѣйствительно всего лучше было сидѣть смирно, сложа руки. Братства, мы видѣли, пріобрѣли въ борьбѣ съ Поцѣемъ необычайную нравственную силу, которая опиралась не только на ихъ внутренней прочности и личныхъ достоинствахъ лучшихъ ихъ членовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на всеобщее сочувствіе къ нимъ православныхъ западно-русскихъ. Конечно, ни Рутскій, ни его руководители — іезуиты не были хорошими, тонкими цѣнителями нравственной силы и чувствовали къ ней мало влеченія; но дѣло въ томъ, что ей они не могли противопоставить такой же силы у себя,

а преодолѣвать её однимъ внѣшнимъ насиліемъ, т. е. продолжать дѣло Поцѣя казалось опаснымъ, потому что тогда сочувствіе православнаго народа къ братствамъ легко могло превратиться въ возстаніе (121). Одно постороннее, повидимому, обстоятельство еще болѣе испортило положеніе уніятовъ. Нужно было такъ случиться, что въ то самое время, какъ Поцѣй поражалъ православныхъ литовцевъ, Сигизмундъ съ тѣми же цѣлями добивался престола Московскаго. Эти сходныя дѣйствія произвели тотъ только однородный, общій результатъ, что какъ въ Литвѣ православные еще болѣе ожесточились противъ уніи, такъ и въ Москвѣ бросили всѣ надежды имѣть царемъ Владислава. Связь тутъ была между прочимъ та, что изъ Литвы переходили въ Россію точныя извѣстія о состояніи православія. Еще въ 1609 г. Поцѣй и Сигизмундъ сильно боялись этой передачи извѣстій и прикрывали благовидными предлогами преслѣдованіе православныхъ (122). Но теперь прошла пора скрытности и пришлось пожинать уже зрѣлые плоды такого образа дѣйствій. Не только Сигизмундъ, но и Владиславъ потеряли надежду быть на престолѣ московскомъ и потеряли прежде всего изъ-за латинства. Польскіе патріоты естественно теперь сильно были вооружены и противъ короля, и противъ іезуитовъ, и противъ уніи. Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ уніяты притихли, присмирѣли, а православные ободрились. Пять лѣтъ эти обстоятельства держали Рутскаго, какъ въ лихорадкѣ, именно до того самого времени, когда и рыцарскіе подвиги Владислава не успѣли поколебать престола Михаила Ѳеодоровича и пришлось заключить съ Россіею миръ (123).

Казалось Рутскій вышелъ изъ этой лихорадки съ очень освѣженною головою. Онъ какъ будто пришелъ къ убѣжденію, что въ самомъ дѣлѣ не хорошо тянуть православныхъ къ уніи однимъ насиліемъ, да насиліемъ, что лучше гораздо дѣйствовать на нихъ любовію, кротостію и убѣжденіемъ. Можно въ самомъ дѣлѣ подумать, что онъ твердо остановился на такихъ началахъ, потому что первыя его дѣйствія послѣ указанной нами пятилѣтней лихорадки, казалось, рѣшительно проникнуты были этимъ именно духомъ. Онъ охотно склонился на раздававшіяся тогда съ разныхъ сторонъ требованія, чтобы вмѣсто кулачнаго спора между православными и уніятами допущенъ былъ благородный — ученый, публичный споръ. Уступчивость со стороны уніятовъ была такъ велика, что они даже предоставляли православнымъ рѣшить, кого допустить на этотъ споръ изъ постороннихъ людей, т. е. латинянъ, а кого нѣтъ (124). (Затѣи эти, разумѣется, кончились ни чѣмъ). Мало того, Рутскій даже какъ будто отвратилъ свои взоры отъ православныхъ, которые причинили ему такъ много горя и, казалось, весь погрузился въ дѣло собственно уніятовъ. Съ этою цѣлію онъ продолжалъ устроять уніятскія братства и уніятскія училища. Дѣлать то и другое, повидимому, было очень легко и просто. Стоило только держаться образца православныхъ братствъ и православныхъ при нихъ училищъ. Тогда бы это было вѣрнымъ противодѣйствіемъ православію. Но Рутскій и тутъ показалъ, что какъ будто не хочетъ знать ни православныхъ, ни ихъ порядковъ. Самостоятельность православныхъ братствъ и православныхъ при нихъ училищъ была очень не по душѣ Рутскому. Онъ рѣ-

шился отказать въ ней своимъ братствамъ и училищамъ и строго подчинить ихъ іерархіи. Но кому именно въ іерархіи? Бѣлое духовенство уніятское, мы знаемъ, было тогда очень незавидное. Рутскій совершенно отклонилъ и отъ него свое вниманіе и заботливость, какъ отъ массы людей неисправимыхъ. Онъ сосредоточилъ теперь все вниманіе свое и заботливость на иноковъ и имъ-то онъ рѣшился ввѣрить образованіе и руководство уніятовъ; а такъ какъ и это сословіе было тогда въ уніи изъ рукъ вонъ, то онъ рѣшился преобразовать его. Съ этою цѣлію онъ созвалъ соборъ изъ уніятскихъ архимандритовъ и игуменовъ, постановилъ улучшить нравственность и средства монастырей и въ нихъ устроить училища. Мало того, онъ рѣшился доставить господство монахамъ не только надъ молодыми умами, но также и надъ созрѣвшими — надъ всѣми вообще. Съ этою цѣлію къ монастырямъ приписывались приходы, въ которыхъ иноки были пастырями. Для общаго однообразія и успѣшности дѣла изобрѣтена была новая должность — протоархимандрита, который долженъ былъ управлять всѣми монастырями (125). Явное дѣло, что Рутскій предпринялъ нешуточное преобразованіе уніятской Церкви, которое могло поднять ее на высокую степень нравственной силы. Судя по этому, можно бы думать, что Рутскій рѣшительно вступаетъ на путь мирныхъ отношеній къ православнымъ, что теперь онъ будетъ сокрушать ихъ сопротивленіе уніи не полицейскими чиновниками и узами темницъ, но борьбою благородною — силою убѣжденій. Но, къ сожалѣнію, такой обманчивый видъ имѣла только внѣшняя обста-

новка преобразованій Рутскаго. Внутреннія же начала ихъ вели совершенно къ другому слѣдствію.

Въ основу этихъ преобразованій Рутскій положилъ начала и образецъ латинскихъ монашескихъ орденовъ, въ особенности іезуитскаго ордена, и какъ Поцѣй бралъ для высшей церковной іерархіи людей, о которыхъ православные сомнѣвались — не латиняне ли они, такъ Рутскій, уже не стѣсняясь ничѣмъ, вводилъ въ среду уніятскихъ монаховъ настоящихъ іезуитовъ. Эта замашка Рутскаго къ обновленію дряхлаго тѣла уніи, обнаруженная имъ, вѣроятно, еще раньше 1617 года, приводила самихъ уніятовъ въ такое изумленіе, что они даже обращались къ нему съ просьбою пощадить въ ихъ Церкви остатки православія, не вводить латинства (126). Но, если міряне — уніяты такъ посмотрѣли на реформы Рутскаго, то тѣмъ не выгоднѣе должно было смотрѣть на нихъ бѣлое уніятское духовенство. Надобно замѣтить, что въ западно-русской Церкви какъ епископы мало зависѣли отъ митрополита, такъ почти столько же почетное, бѣлое духовенство мало зависѣло отъ своего мѣстнаго епископа. Особенною самостоятельностію пользовалось духовенство соборныхъ церквей въ важнѣйшихъ городахъ — такъ называемые вообще соборные клирошане, или, по тогдашнему произношенію, крылошане. Они имѣли свои независимыя имѣнія, приписные приходы, въ которые мало вмѣшивались епископы. Они при епископѣ составляли и епархіальный постоянный соборъ съ значительною самостоятельностію. Поцѣй, какъ человѣкъ не терпящій подлѣ себя ни какой самостоятельности, сильно подорвалъ значеніе этихъ клирошанъ и смѣшалъ ихъ

имущества съ своими митрополичьими, а Рутскій пошелъ далѣе и раздавалъ по произволу имѣнія и приписные приходы соборные монастырямъ. Понятное дѣло, что бѣлое духовенство не могло быть довольно такими распоряженіями и естественно парализировало дѣйствія Рутскаго на пользу уніи (127). Самые монахи не легко подчинились новой реформѣ его. Да и неудивительно. До сихъ поръ они проводили жизнь въ монастырях очень пріятно — на свободѣ, въ кругу часто и долго проживавшихъ родныхъ и знакомыхъ и вообще въ разныхъ удовольствіяхъ, недопущенныхъ ни въ какой монастырскій уставъ (128). Нечего уже говорить о томъ, что тѣмъ съ большимъ отвращеніемъ встрѣтили мѣры Рутскаго православные, которыхъ возмущала унія даже въ благообразномъ видѣ, похожемъ близко на православіе, а теперь они увидѣли, что латинство наплываетъ въ нее со всѣхъ сторонъ (129).

Такимъ образомъ Рутскій, повидимому, разрушалъ все, что до сихъ поръ строилъ Поцѣй, и что могло причинить большое зло православнымъ. Поцѣй поднялъ вопросъ объ устройствѣ іерархіи вообще, и мы видѣли, что эта мѣра могла быть очень удачною. Рутскій съузилъ этотъ вопросъ — заключилъ его въ кругу одного иночества и поставилъ такъ, что вооружилъ противъ себя и иноковъ, и бѣлое уніятское духовенство. Поцѣй придавалъ благообразный, казалось, православный видъ уніи, сдерживалъ ее отъ смѣшенія съ латинствомъ и только въ послѣднее время измѣнилъ этому правилу. Рутскій эту послѣднюю измѣну Поцѣя обратилъ въ правило для себя и допустилъ въ унію столько латинства, что еще болѣе оттолкнулъ отъ нея право-

славныхъ и смутилъ самихъ уніятовъ. Словомъ, онъ произвелъ опасное для уніи волненіе и въ православномъ, и въ уніятскомъ мірѣ. Казалось, что при этомъ будущіе успѣхи уніи будутъ болѣе, нежели сомнительны. На дѣлѣ, однако, вышло иначе.

Уніяты, управлявшіе ходомъ уніи, съ первыхъ дней ея поняли, что жизнь ея, существованіе зависятъ отъ поддержки латинянъ. Это приводило ихъ постоянно къ тому заключенію, что чѣмъ больше будетъ эта поддержка, чѣмъ глубже она будетъ проникать въ унію, тѣмъ унія будетъ сильнѣе, жизненнѣе. Такое заключеніе больше и легче, чѣмъ у кого либо, могло сформироваться въ головѣ Рутскаго. Къ нему приводили: его латинское, іезуитское воспитаніе, явное внутреннее безсиліе уніи его времени, сила православныхъ, въ особенности нападки на унію самихъ латинянъ въ указанное нами пятилѣтіе смиренія Рутскаго, и въ заключеніе всего, конечно, прямыя, откровенныя внушенія іезуитовъ. Долго ли могъ быть вѣренъ такой разсчетъ— это мы подробно раскроемъ въ третьемъ томѣ нашихъ изслѣдованій уніи, а теперь должны сказать, что онъ вполнѣ оправдался во времена Рутскаго. Внесенный имъ въ унію латинскій, іезуитскій элементъ дѣйствительно подвинулъ впередъ унію и легъ на православныхъ новою тягостію.

Какъ скоро Рутскій такъ сильно, безцеремонно выдвинулъ въ унію латинскій элементъ, то, разумѣется, нечего уже было уніятамъ доказывать, что унія тоже древнее православіе и, слѣдовательно, нечего уже было ссылаться на законную обязанность православныхъ принадлежать ей. Оставалось требовать этого уже во имя

собственной силы, власти, т. е. обратиться къ явному, открытому насилію, непокрытому никакою маскою и церемонностію. Негодованіе польскихъ патріотовъ на іезуитовъ и уніятовъ не могло долго сдерживать тѣхъ и другихъ отъ такого образа дѣйствій. Ему давали силу только особенныя обстоятельства — неудачныя попытки слить Польшу съ Россіею. Прошли эти обстоятельства, ослабѣло воспоминаніе объ этихъ неудачахъ, и голосъ польскихъ патріотовъ оказался слишкомъ слабымъ передъ голосомъ многочисленной латинской, іезуитской партіи. Іезуиты къ этому времени сильно пошатнули и народную партію, и всѣ основы конституціонной польской жизни. Ихъ вліяніе разлилось тогда по всему государству, ихъ друзья, тайные члены занимали большую часть должностей въ Литвѣ и Польшѣ, и всѣ эти люди, проникнуты были убѣжденіемъ, что уваженіе къ личности, законность дѣйствій, права ближнихъ — пустѣйшія слова, что власть и латинство могутъ дѣлать, что угодно для достиженія своихъ цѣлей — и, главное, что иновѣрцы какими бы то ни было средствами должны быть истреблены (130). Рьяность такихъ людей, конечно, могло обуздывать мѣстное населеніе, но они теперь для подавленія его находили прекрасную поддержку въ тѣхъ многочисленныхъ, оборванныхъ рыцаряхъ, которые толпами возвращались изъ Россіи, съ ожесточеніемъ противъ всего русскаго, православнаго, и готовы были, для насыщенія голода и обзаведенія себя новыми средствами къ приличной жизни, поддерживать кого бы то ни было, и чтобы то ни было. Конечно, многочисленные члены іезуитской партіи, большею частію люди чиновные и

видные въ обществѣ, а равно и сами іезуиты затруднялись стать открыто во главѣ этихъ праздношатающихся воиновъ, потому что это могло бы быть слишкомъ явною уликою ихъ возмутительныхъ намѣреній. Но у нихъ было почти вездѣ прекраснѣйшее средство управлять дѣйствіями ихъ изъ-за угла. Праздношатающіеся воины самымъ естественнымъ образомъ, по одному легкому намеку, даже и безъ него соединялись, при первомъ удобномъ случаѣ, съ другимъ воинствомъ іезуитовъ и уніятовъ—воинствомъ іезуитскихъ и уніятскихъ школьниковъ, которые въ исторіи уніи и іезуитскаго ордена имѣютъ великое значеніе.

Можно сказать, безъ всякаго преувеличенія, что никогда наука не была такъ далека отъ своихъ цѣлей, никогда она такъ не развращала людей, какъ въ рукахъ іезуитскихъ, а если перевернуть медаль на другую сторону, то нужно согласиться, что никогда и нигдѣ въ мірѣ школьники и сами іезуиты не имѣли такой силы, какъ въ школахъ іезуитскихъ. Школьники держали въ рукахъ власти городскія, способны были взять крѣпость, снести съ лица земли церковь, домъ и потомъ смиренно сидѣли надъ латинскою грамматикою, съ покорностію протягивали руку почтенному іезуиту для отеческихъ ударовъ его линейкою по ладони. Намъ кажется, что стоитъ проникнуть побольше въ эту тайну іезуитскаго образованія, впрочемъ на столько, на сколько это можетъ объяснять распространеніе уніи.

Основныя начала іезуитскаго образованія можно выразить очень коротко и просто. Іезуиты старались довести молодаго человѣка до сознанія, что онъ прекрасно образованъ, знаетъ все необходимое и въ тоже вре-

мя отклонить его мысль отъ самостоятельной честной работы и усыпить навсегда. Это одна задача, такъ сказать, теоретическая. Въ дѣлѣ воспитанія собственно, іезуиты старались притянуть къ себѣ молодое поколѣніе самыми крѣпкими узами — сдѣлать ихъ покорными себѣ безусловно. Но такъ какъ молодая натура съ трудомъ можетъ нести такое иго, то они открывали ей широкій просторъ своеволія во всѣхъ случаяхъ, которые были или безвредны іезуитамъ, или полезны. По этимъ началамъ располагалась вся программа іезуитскаго образованія — долговременное пребываніе молодаго человѣка въ школѣ подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ іезуитовъ, обширное механическое изученіе латинскаго языка, схоластической философіи и богословія, схоластическіе диспуты, постоянное занятіе воспитанниковъ обрядами церковными съ театральною обстановкою, религіозныя театральныя представленія, экспедиціи противъ еретиковъ или вообще враговъ іезуитовъ, сопровождавшіяся побоями, убійствами, разграбленіемъ или, покрайней мѣрѣ, выкупомъ. — Это устройство и направленіе іезуитскихъ школъ производили странныя явленія. Періодически въ торжественныхъ случаяхъ къ іезуитскимъ школамъ стекались мѣстные и окрестные жители и возвращались оттуда въ изумленіи и радости отъ видѣннаго и слышаннаго, но это только латиняне — друзья іезуитовъ; иновѣрцы же и вообще враги іезуитовъ обходили и объѣзжали іезуитскія школы, какъ зачумленныя (131). Вотъ по этому-то образцу теперь устроялись монастыри и школы уніятскія и, что еще важнѣе, оба ученыя сословія уніятское и іезуитское ста-

ли открыто въ дружескія отношенія и дѣйствовать за одно (132). Обыкновенно школьники православные и уніятскіе или іезуитскіе на пути въ училище или изъ училища заводили ссоры, драку; въ это дѣло вмѣшивались жители и люди праздношатающіеся и оно принимало характеръ уголовный. На подбитые глаза, разбитые носы и стекла домовъ въ такомъ случаѣ не много уже обращалось вниманія, потому что на полѣ битвы не рѣдко оказывались бездыханныя тѣла, а въ окружности оказывались разрушенные дома или церкви. Составлялась при этомъ случаѣ обыкновенно подробная реляція о причинахъ, ходѣ и слѣдствіяхъ битвы и передавалась въ судъ, но тамъ судьи большею частію были тѣже друзья іезуитовъ, и потому вся тяжесть преступленія падала только на писца, которому приказывали записать донесеніе въ магистратскую книгу, а иногда отказывали и въ этомъ. — Разумѣется, при такомъ порядкѣ вещей православнымъ больше чѣмъ когда либо не было житья. Если у нихъ даже были церкви и священники, то не легко было совершать какой бы то ни было обрядъ, бросающійся въ глаза, потому что въ такомъ случаѣ какъ изъ земли выростали школьники и праздношатающіеся друзья іезуитовъ, и тогда бѣда православнымъ — каменья, палочные и кулачные удары сыпались на нихъ со всѣхъ сторонъ (133). Какого же результата достигли уніяты этимъ путемъ? — Нѣтъ спора, теперь очень увеличилась масса насильно обращенныхъ въ унію. Ряды православныхъ явно порѣдѣли, такъ что въ 1610 году авторъ Ѳриноса уже горько оплакивалъ погибель множества православныхъ. А послѣ 1610 года даже

умолкъ и литературный плачъ; упала и письменность православныхъ. Это были времена уныпія, которое еще болѣе увеличивалось отъ бѣдственнаго положенія Россіи. Но съ унынiемъ, какъ скоро ему подвергается цѣлая масса людей, обыкновенно соединяется и ожесточеніе, а къ нему часто невидимо примыкаютъ самыя отчаянныя проявленія сдавленной жизни. Такъ случилось и теперь. Сами уніятскіе писатели разсказываютъ, что часто православный, даже умирая, отказывался отъ духовной помощи уніятскаго или латинскаго священника и охотнѣе принималъ протестантскаго пастора (134). Само собою разумѣется, что если умирающій человѣкъ способенъ былъ къ такому рѣшительному шагу, то люди здоровые выражали это отвращеніе отъ уніи другими дѣйствіями, болѣе прямо касающимися уніятовъ. И здѣсь, какъ прежде, мы утверждаемъ, что даже во времена всеобщаго видимаго уныпія, православныхъ никакъ нельзя представлять смиренными овцами, терпѣливо принимавшими сыпавшіеся на нихъ удары. Были они конечно терпѣливы, но была мѣра и въ ихъ терпѣніи, иногда даже очень небольшая, если такія неистовства уніи случались тамъ, гдѣ была малая привычка къ страданіямъ. Таковы и были именно жители всѣхъ восточныхъ областей Литвы, куда теперь и перенесена была сцена уніи, благодаря смутамъ самозванцевъ, сильному развитію казачества и значительному распространенію въ этихъ областяхъ іезуитовъ.

На этой новой почвѣ исторія уніи уже должна была принять иное направленіе, какъ разъ въ соотвѣтствіе тому, что и унія приняла теперь новый видъ, больше прежняго сбросила обманчивую оболочку православія и

законности. Въ этихъ областяхъ плотнѣе, чѣмъ въ другихъ, мѣщанство примыкало къ крестьянству и сами бояре, по своему образу жизни и понятіямъ, ближе другихъ православныхъ аристократовъ стояли къ тѣмъ и другимъ, — а какъ скоро таково было положеніе вещей, какъ скоро всѣ сословія соединились противъ уніи, то конечно въ ихъ дѣйствіяхъ общимъ легче всего могла сдѣлаться открытая, кулачная борьба. Эти именно сцены мы и видимъ въ области Минской, благодаря изданію граматъ этого города (135), и въ области Витебской, гдѣ подготовлялъ народное возстаніе извѣстный Іосафатъ Кунцевичъ, о которомъ вскорѣ будемъ говорить подробнѣе, и наконецъ въ областяхъ казацкихъ, о которыхъ тоже рѣчь впереди.

Такимъ образомъ, судьба православія и уніи стала переходить изъ рукъ высшихъ и среднихъ сословій въ руки низшихъ и, выступая болѣе и болѣе изъ колеи конституціонной, стала болѣе и болѣе врѣзываться въ колею насилія, народнаго возмущенія. Въ свое время мы увидимъ, какіе плоды стали пожинать послѣ того обѣ стороны и хороши ли были эти плоды, а теперь посмотримъ, дѣйствительно ли всѣ были въ такомъ ослѣпленіи, что не видѣли общей бѣды и не принимали никакихъ средствъ къ ея предотвращенію.

Возстановленіе высшей іерархіи въ западно-русской Церкви. Планъ избрать западно-русскаго патріарха для православныхъ и унятовъ.

Намъ приходится теперь говорить о такомъ событіи, которое по справедливости можетъ быть названо узломъ

всѣхъ важнѣйшихъ событій послѣдующаго времени, хотя въ основѣ его лежала чистая случайность, разумѣемъ пріѣздъ въ Кіевъ іерусалимскаго патріарха Θеофана. Дѣло въ томъ, что эта случайность нашла богатѣйшіе элементы, давно уже готовые дать начало нѣсколькимъ рядамъ новыхъ событій. Въ 1620 году, около половины великаго поста, прибылъ въ Кіевъ, возвращавшійся изъ Россіи іерусалимскій патріархъ Θеофанъ (136). Казалось бы, нужно было ожидать, что православные со всѣхъ сторонъ обратятся къ нему для удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ, а польское правительство станетъ во враждебныя къ нему отношенія. Одна и таже причина должна была, повидимому, непремѣнно произвесть оба эти слѣдствія, столь противорѣчащія одно другому. Патріархъ Θеофанъ былъ представителемъ здѣсь восточной Церкви, слѣдовательно, могъ тѣмъ или другими дѣйствіями подкрѣпить западнорусскую Церковь во вредъ уніи. Дѣйствія его въ Москвѣ даже явно показывали, что отъ него непремѣнно нужно ожидать такого образа дѣйствій. Тамъ онъ рукоположилъ новаго патріарха Филарета, но тамъ не было такой крайней нужды въ подобныхъ дѣйствіяхъ, какъ въ западной Россіи. Здѣсь не только не было перваго іерарха, но вовсе не было высшей іерархіи; мало того, — была даже крайняя нужда въ священникахъ. Нуждѣ этой, да и всѣмъ другимъ легко и просто можно было удовлетворить, обратившись къ патріарху Θеофану. Явно все это было православнымъ, явно и польскому правительству; слѣдовательно, повторяемъ, одни должны были броситься къ Θеофану съ распростертыми объятіями, а другіе — поспѣшить принять противъ

этого дѣйствительныя мѣры. Между тѣмъ, случилось совершенно на оборотъ. Православные почти полгода держатся въ сторонѣ отъ Θеофана, какъ бы чуждаются его, а польское правительство окружаетъ его своимъ изысканнымъ вниманіемъ, объявляетъ всѣмъ, чтобы уважали и покоили высокоуважаемаго мужа и посылаетъ къ нему своего чиновника, котораго никакъ нельзя ставить наравнѣ, напримѣръ, съ тогдашними посольскими приставами московскими, потому что, какъ увидимъ, онъ нисколько не стѣснялъ Θеофана. Явное дѣло, что тутъ было что-то не такъ съ той и другой стороны; обѣ стороны дѣйствовали неестественно и, конечно, по какимъ нибудь особеннымъ причинамъ. Объявленіямъ королевскихъ граматъ и частныхъ писемъ къ Θеофану, что польское правительство уважаетъ въ немъ высокое лице восточной Церкви, нельзя вѣрить. Также мало можно полагаться и на объясненія православныхъ того времени, что они незнали, кто такой Θеофанъ, — дѣйствительно ли онъ патріархъ и имѣетъ ли полномочіе отъ константинопольскаго патріарха. Θеофанъ признанъ былъ дѣйствительнымъ патріархомъ въ Москвѣ, при немъ былъ экзархъ константинопольскаго партріарха (137), и отъ него — граматы (138): для разсмотрѣнія всего этого ненужно было почти полгода. Что же все это значитъ? — Все это дѣло, совершенно простое и ясное при легкомъ взглядѣ на тогдашнія событія, до крайности трудно и туманно при ближайшемъ знакомствѣ съ источниками и господствовавшими мнѣніями того времени. Потому-то мы такъ и налегаемъ на логичность хода дѣлъ. Она намъ замѣнитъ недостатокъ нѣкоторыхъ положительныхъ данныхъ.

Разгадка этихъ странныхъ событій заключается, какъ намъ кажется, въ слѣдующемъ. Когда патріархъ Ѳеофанъ пріѣхалъ въ Кіевъ, Польша находилась въ самомъ критическомъ положеніи. Съ трехъ сторонъ угрожала ей война — со стороны Швеціи, Россіи и Турціи. Всѣ эти три государства вступили въ дружескія отношенія между собою и предполагали дѣйствовать одновременно и заодно (139). Съ такими врагами не легко было бы справиться Польшѣ даже при самомъ благоустроенномъ ея состояніи; но, на бѣду ея, этого состоянія въ ней вовсе тогда не было. Самая главная ея опора въ готовящейся теперь войнѣ — литовско-русскій народъ былъ взволнованъ неистовствами уніи и, по мѣткому выраженію Лаврентія Древинскаго, не легко могъ подняться угашать пылающія стѣны отечества, когда стѣны его собственныхъ домовъ пылали отъ внутренняго пламени (140). Надежнѣйшая опора изъ этого народа — казаки, теперь еще менѣе были надежны. Они обнаруживали даже готовность присоединиться къ врагамъ Польши. Открылись дружескія ихъ сношенія съ Москвою (141). Турецкое правительство также старалось подкупить ихъ (142). Вотъ въ эти-то страшныя для Польши времена явился среди казаковъ патріархъ Ѳеофанъ. Очень вѣроятно, что его цѣли и дѣла не имѣли ничего общаго съ политикою того времени; но онъ ѣхалъ изъ Москвы и къ нему казаки обращались за разрѣшеніемъ отъ грѣха—ихъ войны съ Москвою (143); онъ былъ турецкій подданный, у котораго не церемонились бы Турки потребовать свѣдѣній о дѣлахъ Польши. Во всякомъ случаѣ онъ могъ имѣть сильнѣйшее вліяніе на умы всѣхъ западно-русскихъ православ-

ныхъ и одного его слова было достаточно, чтобы охладить или разогрѣть усердіе ихъ къ благу Польши. Такая обстановка патріарха озадачила даже православныхъ собственно литовскихъ, и прежде всего виленское братство. Оно какъ бы чуждалось Θеофана сначала и даже постановило нѣкоторое время не имѣть съ нимъ сношеній. Причина этого была, безъ всякаго сомнѣнія, не та, что братство не знало, дѣйствительно ли Θеофанъ патріархъ (144), а то, что братству неизвѣстны были намѣренія казаковъ, среди которыхъ попалъ патріархъ и за которыхъ православные литовскіе жестоко могли поплатиться, не имѣя возможности даже думать, а не то чтобы разсчитывать, что могутъ сложить съ себя власть Польши и замѣнить ее другою, какъ думали и разсчитывали тогда казаки. Впрочемъ, недоумѣнія виленскаго братства разрѣшились, и оно стало дѣйствовать гораздо скорѣе, нежели какъ говоритъ отъ лица его авторъ Weryficatij Niewinności (Мелетій Смотрицкій). Къ маю мѣсяцу, т. е. къ сейму 1620 года, оно увѣрилось, что патріархъ не будетъ запутанъ въ политическія дѣла и что теперь самое удобное время воспользоваться страхомъ Польши, чтобы получить высшую іерархію. Открылись дѣятельныя сношенія его съ казаками и разными областями, чтобы на сеймѣ поставленъ былъ вопросъ о православіи, чтобы отъ Польши требовать свободы православной вѣры и возстановленія православной іерархіи (145). Съ такою именно инструкціею и прибыли на сеймъ послы отъ православныхъ областей. Когда Сигизмундъ узналъ о такомъ требованіи православныхъ, то пришелъ въ неописанный гнѣвъ и изрекъ достопамятныя слова: «скорѣе я лишусь королевской

короны, чѣмъ дамъ вамъ іерархію» (146). Исторія однако показала и въ этомъ случаѣ, что подобныя выраженія легче могутъ имѣть силу въ устахъ папы, нежели въ устахъ короля. Когда знаменитый представитель православныхъ, извѣстный чашникъ волынской земли и членъ виленскаго братства Лаврентій Древинскій сказалъ поразительно-рѣзкую рѣчь о бѣдствіяхъ православныхъ и необходимости для нихъ іерархіи и заключилъ эту рѣчь многознаменательными словами: если не исполнены будутъ теперь наши желанія, то мы принуждены будемъ воскликнуть съ пророкомъ: «суди ми Боже прю мою» (147)! когда въ томъ же смыслѣ, только болѣе ясно сказали послы и отъ могущественнаго гетмана Копашевича-Сагайдачнаго, именно, что казаки не пойдутъ на войну, если желанія православныхъ не будутъ исполнены (148); то Сигизмунду пришлось забыть свое достопамятное изреченіе и, разставшись на время съ іезуитами, послушать разумныхъ внушеній независимыхъ польскихъ патріотовъ, къ которымъ теперь присоединился еще и молодой, храбрый любимый, всѣми неіезуитами — королевичъ Владиславъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда же на словахъ дано было разрѣшеніе патріарху Ѳеофану посвятить православныхъ іерарховъ, иначе едва ли бы казаки не подняли шуму; но когда пришлось составлять конституцію сеймовую; то партіи іезуитской представилась возможность и теперь испортить дѣло православныхъ. Сеймъ теперь былъ чрезвычайный, созванный собственно для совѣщаній о предстоявшей турецкой войнѣ. Теперь легче было, чѣмъ когда либо, отговариваться множествомъ дѣлъ. Вотъ, почему и теперь только въ общихъ выраженіяхъ постанов-

лено жить православнымъ и уніятамъ въ мирѣ, свободно исповѣдуя свою вѣру; и въ отвѣтъ на требованіе православныхъ дать имъ новыхъ іерарховъ подтверждена конституція 1609 года, что западно-русскія епископскія каѳедры должны быть даваемы людямъ греческой Вѣры (149). Мы думаемъ, что эта юридическая неточность непремѣнно взволновала бы православныхъ; но ее вознаградили такими вещами, которыя ни къ чему не обязывали польское правительство, а между тѣмъ очень пріятно должны были щекотать православныхъ и возбуждать въ нихъ самыя богатыя и свѣтлыя надежды. Сигизмундъ, нѣсколько его сановниковъ и даже львовскій архіепископъ какъ будто сговорились, послали патріарху самыя любезныя письма, въ которыхъ высоко чтили его санъ и лице, съ нѣжностію искреннихъ друзей заботились объ удобствахъ его пребыванія въ Литвѣ и особенно путешествія изъ Литвы, даже король приглашалъ Ѳеофана къ своему двору (150). Эти необычайныя ласки рѣшительно ослѣпили православныхъ, какъ дѣйствительно необычайное явленіе. Они поспѣшили избрать кандидатовъ въ санъ митрополита и шести епископовъ. Въ торжественнѣйшій день въ Кіевѣ, 15 августа, когда туда собираются православные со всѣхъ концовъ, откуда слѣдовательно они и могли вынести сильныя впечатлѣнія отъ необычайной милости короля, совершено было посвященіе православнаго митрополита Іова Борецкаго, а за тѣмъ въ ближайшіе дни посвящены и другіе іерархи: Мелетій Смотрицкій на архіепископію полоцкую, Іосифъ Курцевичъ на епископію владимірскую, Исаакій Черницкій на луцкую, Исаія Копинскій на перемышльскую, Паисій Пузына на хельм-

скую и Авраамій Стагонскій на пинскую (151). На нѣкоторыхъ изъ этихъ торжествъ присутствовалъ королевскій чиновникъ и, безъ всякаго сомнѣнія, сообщалъ объ нихъ Сигизмунду подробныя свѣдѣнія (152). Свѣдѣнія эти никакъ не могли быть пріятны, и очень вѣроятно, что Сигизмундъ кипѣлъ теперь гнѣвомъ на Ѳеофана и очень желалъ бы повторить съ нимъ исторію экзарха Никифора. Но обстоятельства опять заставили его быть милостивымъ къ Ѳеофану, опять писать къ нему письма. Ему нужно было, чтобы патріархъ повезъ на Востокъ хорошія извѣстія о Польшѣ и прежде всего, чтобы онъ убѣдилъ и благословилъ казаковъ на войну съ турками, которые уже шли къ предѣламъ Польши, — требованіе, какъ видимъ, необычайно щекотливое для Ѳеофана (153). Тѣмъ не менѣе патріархъ исполнилъ его, убѣжденный словесно королевскимъ чиновникомъ, что за это посвященная имъ іерархія будетъ признана правительствомъ польскимъ (154). Но время скоро показало, что все это былъ чистѣйшій обманъ.

Латинская іезуитская партія никакъ не могла вынести терпѣливо такого оборота дѣлъ, тѣмъ болѣе, что не могла не предвидѣть, какъ трудно исправить его послѣдствія — истребить всѣхъ рукоположенныхъ патріархомъ іерарховъ и тѣмъ болѣе священниковъ. Какъ только выѣхалъ изъ Литвы патріархъ Ѳеофанъ (въ январѣ 1621 г.) она немедленно пустила въ ходъ самыя черныя извѣстія о немъ и его дѣлахъ, — стала доказывать гласно, посредствомъ печатныхъ сочиненій, что Ѳеофанъ вовсе не патріархъ іерусалимскій, а простой человѣкъ — міряшинъ; слѣдовательно,

всѣ посвященные имъ — самозванные іерархи и священники. Мало того, стали доказывать, что Ѳеофанъ шпіонъ турецкаго султана, что онъ склонялъ казаковъ то на сторону Москвы, то на сторону Турціи, и что посвященные имъ іерархи — его орудія, которые и теперь продолжаютъ его дѣла, — что во всякомъ случаѣ они достойны преслѣдованія, какъ люди, рѣшившіеся принять посвященіе на каѳедры, занятыя живыми епископами (уніятскими) безъ дозволенія королевскаго (155). Іезуиты такъ настроили Сигизмунда, что онъ издалъ въ 1621 г. приказъ ловить и казнить новопоставленныхъ іерарховъ православныхъ (156). Іерархи эти, конечно, скрылись въ безопасныя мѣста, по преимуществу въ областяхъ казацкихъ. Съ казаками же плохая могла быть расправа; поэтому всѣ бѣдствія обрушились на бѣдное Виленское братство. Его членовъ обвинили, какъ главныхъ двигателей всего дѣла о возстановленіи высшей западно-русской іерархіи. Ихъ по всему государству объявили врагами отечества, къ нимъ адресовали всѣ обличительныя сочиненія и, недовольствуясь этимъ, подвергали судебнымъ преслѣдованіямъ и уличнымъ побоямъ (157). Къ счастію, въ это время поступилъ въ качествѣ воеводы Виленскаго умнѣйшій администраторъ того времени Левъ Сапѣга, который поусмирилъ немного ярость латинянъ (158). Но еще болѣе помогали братству обстоятельства того времени и его собственныя усилія — вмѣстѣ съ митрополитомъ Іовомъ.

Полякамъ пришлось вскорѣ готовиться къ битвѣ съ турками, — извѣстной, знаменитой битвѣ Хотинской. Казаки начали колебаться и Конашевичъ прямо

объявилъ, что они не пойдутъ на войну, если Поляки будутъ преслѣдовать православныхъ іерарховъ (159). Между тѣмъ, отъ Виленскаго братства и кіевскаго митрополита посланы были печатныя оправданія, въ которыхъ доказывалось, что православные не думали нарушать право короля раздавать епископскія каѳедры, что они этого дѣла не касались, а сдѣлали только церковное дѣло — посвященіе, которое не касается короля и что Ѳеофанъ дѣйствительно патріархъ, въ подтвержденіе чего напечатаны были всѣ письма къ нему короля и сановниковъ польскихъ (160). Наведены были отъ правительства справки на Востокѣ, и оказалось, что Ѳеофанъ дѣйствительно патріархъ іерусалимскій (161). Сигизмундъ опять принужденъ былъ кривить душею и долженъ былъ даже ласково принять и отпустить съ миромъ одного епископа православнаго, присланнаго къ королю для личнаго объясненія и оправданія (162). Православные теперь однако уже невѣрили ласкамъ короля, тѣмъ болѣе, что послѣ Хотинской побѣды латиняне іезуитской партіи на радостяхъ припялись такъ преслѣдовать православныхъ, что между тѣми слышалось сожалѣніе, зачѣмъ не побѣдили турки при Хотинѣ и православные не перешли подъ ихъ власть (163). Къ сейму 1623 года православные сгруппировались въ плотную единодушную массу. Земскіе послы получили надлежащія инструкціи; изъ нихъ составлено извлеченіе и напечатано въ видѣ протестаціи къ сейму всѣхъ православныхъ противъ дѣйствій уніятовъ и латинской партіи. Взялся проводить это дѣло тотъ же чашникъ Волынской земли Лаврентій Древинскій, теперь староста Виленскаго братства. Въ этой протестаціи право-

славные, какъ бы въ противоположность своимъ дѣйствіямъ на сеймѣ 1620 года, опершись уже не на страхъ поляковъ, а на то, спасенію чего теперь поляки больше всего радовались — на свободу польскую. Имъ раскрытъ былъ духъ польской жизни, ея свобода, вѣротерпимость, дѣйствія прежнихъ королей и знаменитыхъ польскихъ людей въ этомъ смыслѣ, дѣйствія самаго Сигизмунда, наконецъ заслуги русскаго народа Польшѣ и все это сопоставлено съ преслѣдованіями православныхъ отъ уніятовъ (164). Положенія эти были очень вѣрно расчитаны: они зашевелили лучшія чувства многихъ членовъ сейма, и состоялась конституція, которая, хотя не рѣшала опять окончательно и точно отношеній между православными и уніятами, но постановляла очень важное дѣло: всѣ судебныя изслѣдованія, приговоры, возникшія между православными и уніятами, направленныя противъ тѣхъ или другихъ, были уничтожены и преданы забвенію (165). Конечно, отсюда могла происходить большая путаница: избитые и ограбленные должны были послѣ этой конституціи утѣшаться, что ихъ не будутъ больше бить и грабить, а православные іерархи, такъ сказать, оставлены были между небомъ и землею, безъ опредѣленнаго положенія; но мы увидимъ, что въ послѣдствіи не разъ выходило еще хуже, когда стали разбирать всѣ подобныя дѣла. Впрочемъ, сущность дѣла не въ этой конституціи, а въ настроеніи членовъ сейма 1623 г. и еще больше въ томъ планѣ примиренія православныхъ съ уніятами, который тогда составился.

Тѣже причины, которыя принудили Польшу допустить возстановленіе высшей православной іерархіи,

дѣлали весьма вѣроятнымъ улучшеніе положенія православныхъ и теперь. Поляки предавались послѣ хотинской побѣды надъ Туркамп восторженной радости, придавали ей даже всемірное значеніе; но въ тоже время они яснѣе, чѣмъ когда либо, видѣли окружавшія ихъ опасности. Три упоминаемые нами врага Польши — Швеція, Россія и Турція открыли имъ четвертаго еще болѣе страшнаго врага внутренняго—литовско-русскій народъ, который очень явно обнаружилъ свою ненависть къ Польшѣ и свои виды на защиту отъ того, другаго или третьяго врага. Нельзя было не призадуматься надъ этою послѣднею опасностію, но, разумѣется, самымъ безразсуднымъ результатомъ этой думы былъ планъ истребить совершенно болѣе крѣпкую силу этого народа, т. е. казаковъ. Люди умные приходили къ другимъ заключеніямъ Они вдумывались въ положеніе этого народа, изслѣдовали причины его вражды къ Польшѣ и очень вѣрно приходили къ тому заключенію, что религіозное раздѣленіе его, произведенное уніею, главнѣйшая причина всего зла. Эти-то люди и соединились съ православными на сеймѣ 1623 г. и совокупными ихъ усиліями сдѣланы были указанныя нами постановленія, направленныя къ признанію гражданскихъ правъ вѣры и іерархіи православной. Но усилія ихъ не ограничивались этимъ. Безъ всякаго сомнѣнія, они очень хорошо знали, что въ Польшѣ, при огромной долѣ самостоятельности каждаго болѣе сильнаго гражданина, законы неспособны утишить разгорѣвшаго фанатизма. Нужны были для этого религіозныя средства— религіозное замиреніе враждующихъ сторонъ. Въ этихъ видахъ свѣтскіе люди литовско-польскаго государства

составили очень искусный планъ религіознаго примиренія между православными и уніятами (166). Планъ былъ очень простъ. Православные и уніяты должны были собраться на соборъ и общимъ совѣтомъ избрать себѣ патріарха. Планъ этотъ при близорукомъ взглядѣ можетъ казаться и утопіею, и нелѣпостію, или какъ хотите; но въ то время онъ не заключалъ въ себѣ ни одного изъ этихъ свойствъ. Составители его имѣли въ виду прежде всего политическіе виды. Избраніе общаго патріарха значительно порвало бы связи литовско-русскаго народа и съ Россіею и съ Востокомъ. Религіозная самостоятельность западной Россіи служила бы тогда прочною гарантіею неразрывности ея съ Польшею. Что же касается до религіозной стороны этого плана, то составители его вовсе не рѣшали, которая сторона одержитъ здѣсь верхъ; кто къ кому присоединится — православные ли къ уніятамъ, или уніяты къ православнымъ. Зная настроеніе умовъ того времени (а составители этого плана, конечно, хорошо его знали), можно было съ значительною вѣроятностію разсчитывать на успѣхъ въ томъ или другомъ случаѣ. Уже тогда многіе уніяты сильно поражены были, какъ мы и указывали, чрезмѣрнымъ сближеніемъ уніи съ латинствомъ и не прочь были возвратить ее назадъ, приблизить къ православію. Съ другой стороны, очень многіе православные, то силою привычки, то вслѣдствіе утомленія отъ насилій, готовы были сближаться съ уніятами, лишь бы только тѣ не были рабами латинянъ и хранили унію отъ наплыва латинскихъ особенностей, т. е. они мирились съ почетнымъ главенствомъ папы, но не мирились съ рабскимъ подчиненіемъ уніи латинству (167). Пред-

полагаемое патріаршество обѣщало пополнить требованія той и другой стороны. Оно неизбѣжно повело бы къ самостоятельности уніи и къ сближенію ея съ православіемъ, особенно когда бы въ нее вступили новые свѣжіе члены — новая іерархія православная и православный народъ, столь долго боровшійся за свои убѣжденія. Конечно, составители этого плана не могли не знать, что найдутся съ той и другой стороны люди, которые рѣшительно отвергнутъ его. Но присматривалсь къ господствовавшимъ мнѣніямъ того времени, мы, повторяемъ, должны признать, что тутъ была большая доля вѣроятности успѣха. Съ своей же стороны мы скажемъ, что совѣщанія объ исполненіи этого плана повели бы даже въ случаѣ не успѣха къ фактическому признанію правъ православныхъ и значительному замиренію ихъ уже потому одному, что потребовалось бы не мало времени на исполненіе его. Но, прежде чѣмъ приступили къ совѣщаніямъ объ исполненіи этого плана, случилось обстоятельство, которое дало совершенно другое направленіе дѣламъ. Жители города Витебска убили полоцкаго и витебскаго уніятскаго архіепископа Іосафата Кунцевича. Обстоятельство это такъ было богато ближайшими и самыми отдаленными послѣдствіями, что стоитъ подробнаго изслѣдованія.

Іосафатъ Кунцевичъ признанъ святымъ мученикомъ уніятскою и латинскою Церковію, восхваленъ восторженными церковными пѣснопѣніями, неизчисленными стихотвореніями, проповѣдями, брошюрами; за нимъ уже въ 1673 году числилось 186 чудесъ (168). Намъ кажется, что съ такимъ историческимъ феноменомъ не слѣдуетъ обращаться легко и сразу, безъ дальнихъ

околичностей попирать воздапную ему честь, не слѣдуетъ и по уваженію къ его почитателямъ, и потому, что у такого человѣка, безъ сомнѣнія, была же особаго рода гармонія убѣжденій и дѣйствій, которая и ему самому казалась хорошею, и плѣнила собою массу единовѣрныхъ ему людей. При оцѣнкѣ такого лица, мы считаемъ за лучшее сперва запрятать подальше наши личныя убѣжденія и чувства, и смотрѣть на факты безпристрастно. Это однако не значитъ, чтобы мы способны были превратиться въ холоднаго, безъучастнаго зрителя дѣлъ Кунцевича. Нѣтъ, выдвигаемые наружу факты будутъ давать постепенно волю нашимъ убѣжденіямъ и чувствамъ, нашимъ симпатіямъ и антипатіямъ; но мы не будемъ класть въ дѣло предзапятыхъ мыслей, а будемъ высказывать ни больше, ни меньше, какъ тѣ убѣжденія, какія у насъ сформировались изъ изученія фактовъ.

Іосафатъ Кунцевичъ, вопреки общему въ Литвѣ того времени желанію, чтобы высшая іерархія была благородной крови, не могъ похвалиться знатностію происхожденія. По торжественному засвидѣтельствованію Лаврентія Древинскаго на сеймѣ 1620 года, онъ былъ сынъ сапожника, жившаго во Владимірѣ Волынскомъ (169). Родился Кунцевичъ 1579 (170). Чѣмъ онъ занимался до двадцатилѣтняго возраста, ремесломъ отца или чѣмъ другимъ, навѣрное не знаемъ; несомнѣнно только, что онъ немного посвящалъ тогда времени наукамъ, потому что образованіе его не простиралось далѣе умѣнья читать славянскія и польскія книги (171). Несмотря однако на этотъ недостатокъ образованія, Кунцевичъ открылъ себѣ широкое поприще дѣятельно-

сти. Въ то время возникла унія и представилась Кунцевичу въ самыхъ свѣтлыхъ чертахъ. Много значило здѣсь то, что онъ родился и жилъ въ Брестской епархіи — епархіи Поцѣя, который поражалъ многихъ безхитростныхъ людей силою своею ума, видимою некренностію своихъ убѣжденій и громаднымъ шумомъ своихъ дѣйствій. Пылкая впечатлительная душа Кунцевича, рѣдко дававшая себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ и впечатлѣніяхъ, сильно была поражена всѣмъ этимъ, и онъ страстно привязался и къ уніи и къ Поцѣю. Около 1604 года Кунцевичъ по торговымъ дѣламъ находился въ Вильнѣ, сблизился съ уніятскими монахами Троицкаго монастыря, рѣшился оставить міръ, и, когда въ этомъ году сюда пріѣхалъ Поцѣй, то онъ былъ постриженъ имъ въ монашество и поступилъ подъ руководство Іосифа Рутскаго, вскорѣ сдѣлавшагося архимандритомъ виленскаго Троицкаго монастыря (172). Здѣсь, по свидѣтельству уніятскихъ писателей, онъ пріобрѣлъ удивительно глубокое и обширное знаніе христіанскаго ученія (173). Не сомнѣваемся въ усердіи и природныхъ дарованіяхъ Кунцевича, но не сомнѣваемся также и въ томъ, что это изученіе, не смотря на зрѣлый возрастъ его, было очень не самостоятельно и очень далеко отъ истиннаго духа христіанства. Кунцевичъ подавленъ былъ двумя тогда великими авторитетами уніи — Поцѣемъ, какъ мы уже сказали, и Рутскимъ, которыхъ былъ восторженнымъ почитателемъ, и отъ которыхъ перенялъ двѣ особенности, которыя только въ человѣкѣ его покроя и образованія могли совмѣщаться, не возбуждая въ душѣ недоумѣній и колебаній, именно: отъ одного — Поцѣя, онъ перенялъ

уваженіе къ остаткамъ въ уніи православія, т. е. къ обрядамъ ея, а отъ другаго — Рутскаго — латинскій духъ уніи, безусловное подчиненіе папѣ и такое же единіе съ латинянами. Къ такому странному складу мыслей не мало располагало Кунцевича сближеніе съ іезуитами, къ которымъ онъ не разъ забѣгалъ въ коллегію (174). Но одно въ особенности обстоятельство объединило, скрѣпило въ мысляхъ его Поцѣя и Рутскаго, унію и латинство, и такъ настропило его душу, что онъ уже естественно, безсознательно пошелъ по тому пути, который привелъ его къ насильственной смерти. Въ 1609 году Поцѣй едва не погибъ въ Вильнѣ отъ ярости раздраженнаго народа. Кунцевичъ и Рутскій (изъ-за котораго началось волненіе народное) явились, какъ мы уже знаемъ, главными глашатаями мученической славы Поцѣя. Какъ долго хранилось въ Кунцевичѣ сильное впечатлѣніе отъ всего этого событія, и къ чему оно окончательно привело его, это увидимъ послѣ, а теперь мы скажемъ, что съ этихъ поръ онъ такъ привязался къ уніи, что рѣшился служить ея интересамъ съ необыкновенною горячностію и подчиненіемъ имъ всего на свѣтѣ. Это настроеніе Кунцевича выразилось въ одной его особенности, которую разсказываютъ уніятскіе писатели, и которая составляетъ чистѣйшую копію іезуитства того времени. Онъ имѣлъ обычай — ходить по улицамъ Вильна, и когда бы то ни было убѣждать попадавшихся ему навстрѣчу ремесленниковъ, нищихъ стариковъ и старухъ, праздношатающихся большихъ и малыхъ,—идти за нимъ въ Троицкій монастырь, и сейчасъ же исповѣдываться. Подобное усердіе встрѣчало не разъ особенно вначалѣ, когда Кунцевичъ еще былъ

діакономъ, между прочимъ, то затрудненіе, что, собравъ толпу людей, готовыхъ исповѣдываться, нужно было еще упрашивать кого либо изъ іеромонаховъ идти исповѣдывать ее, что, по сознанію самихъ уніятскихъ писателей, не всегда обходилось безъ усиленныхъ просьбъ. Затрудненіе это исчезло, когда вскорѣ самого Кунцевича возвели въ священническій санъ, — зато удвоилось и его усердіе. Онъ просиживалъ за исповѣдію по шести часовъ сряду. Мало того, во время путешествій куда бы то ни было, онъ, какъ только останавливался на постояломъ дворѣ, сейчасъ же звалъ къ исповѣди всѣхъ находившихся тутъ, между которыми естественно бывали и не совсѣмъ трезвые. Особенно часто приходилось исповѣдываться въ подобныхъ случаяхъ содержателямъ постоялыхъ дворовъ и ихъ домочадцамъ (175). Съ этимъ-то настроеніемъ, съ этою пламенною любовію къ уніи и желаніемъ спасать чрезъ нее Кунцевичъ вступилъ на архимандрію Бытеньскую, потомъ Жировицкую, далѣе Троицкую Виленскую въ 1614 году, и затѣмъ на Полоцкую и Витебскую архіепископію въ 1617 году, сперва коадъюторомъ (вкакріемъ) Гедеона Брольницкаго, а потомъ (1618 г.) самостоятельнымъ архіереемъ (176). Впрочемъ, сначала, пока жилъ престарѣлый и, какъ видно, очень равнодушный къ уніи Гедеонъ Брольницкій, положеніе Кунцевича было очень фальшивое. Стѣсняемый Брольницкимъ и еще болѣе полоцкими православными, отъ лица которыхъ полоцкій бурмистръ прямо сказалъ новому епископу, что если онъ пріѣхалъ съ уніею, то пусть лучше возвратится назадъ (177), Кунцевичъ могъ обнаружить только одну свою особенность, — видимое благочестіе

и приверженность къ православнымъ обрядамъ. На сторонѣ это ввело въ такое заблужденіе православныхъ, что нѣкоторые изъ нихъ даже въ 1620 году считали его расположеннымъ къ православію, и думали, что онъ поѣдетъ въ Кіевъ къ патріарху Ѳеофану, и вмѣстѣ съ нимъ будетъ рукополагать іерарховъ для западно-русской Церкви (178). Но въ областяхъ полоцкой епископіи, особенно ближайшихъ къ границамъ Россіи, имѣли болѣе ясныя и точныя свѣдѣнія о новомъ епископѣ. Когда онъ поѣхалъ въ Могилевъ въ 1619 году, то жители его заперли городскія ворота и навели на Кунцевича крѣпостныя пушки. Такое откровенное выраженіе чувствъ не обошлось даромъ жителямъ Могилева. Церкви ихъ были запечатаны, священники, не признававшіе власти Кунцевича, разосланы, и нѣкоторые изъ гражданъ попали подъ уголовный судъ (179). Тоже сдѣлано и въ Оршѣ, жители которой, вѣроятно, не болѣе были покорны уніятскому епископу (180).

Какъ видимъ, свѣтская власть усердно дѣйствовала въ пользу Кунцевича. Уніятскому пастырю, по общехристіанскому разумѣнію обязанностей духовнаго пастыря, оставалось тутъ только убѣждать непокорныхъ и отъ себя ничего не прилагать къ мѣрамъ гражданскимъ. Не отвергаемъ, конечно, что Кунцевичъ, какъ свидѣтельствуютъ уніятскіе писатели, и проповѣдывалъ имъ по своему разумѣнію слово Божіе и увѣщевалъ на всѣхъ путяхъ и распутіяхъ, и молился Богу объ ихъ обращеніи въ унію. Но достовѣрно знаемъ, что онъ не ограничивался всѣмъ этимъ и понималъ свое дѣло нѣсколько иначе. Онъ самъ тянулъ къ уніи силою всякаго православнаго, заставлялъ быть уніятомъ (181). Мало

того, Кунцевичъ не оставлялъ въ покоѣ даже мертвыхъ. Такъ въ Полоцкѣ онъ приказывалъ вырывать изъ могилы недавно умершихъ православныхъ, очевидно, злѣйшихъ враговъ своихъ, и отдавать на съѣденіе собакамъ (182). Понятное дѣло, что ненависть къ нему православныхъ должна была достигнуть высшей степени. Ею заражались многіе изъ уніятовъ и отпадали отъ своего епископа. Между тѣмъ, въ 1620 году посвященъ былъ на полоцкую каѳедру православный епископъ Мелетій Смотрицкій, о которомъ здѣсь скажемъ лишь то, что его тогда превозносили до небесъ всѣ православные и что онъ сильно жаждалъ новыхъ отличій на этомъ новомъ поприщѣ. Его краснорѣчивыя посланія, которымъ ничего подобнаго не могло выйдти изъ устъ Кунцевича, расходились быстро по епархіи полоцкой. Жители этой епархіи, оживленные новою силою, толпами бросали унію и группировались въ плотную массу православнаго народа.

Многіе на мѣстѣ Кунцевича пали бы духомъ и смирились бы, хотя на время, предъ такими обстоятельствами. Кунцевичъ, напротивъ, почерпалъ въ этомъ новую энергію, не зналъ покоя ни днемъ ни ночью и призывалъ всѣ власти, всѣ матеріальныя силы для подавленія православныхъ. Власти однако смутились предъ его требованіями. Къ королю, митрополиту Рутскому и гетману литовскому Льву Сапѣгѣ пришли самыя мрачныя извѣстія о настроеніи умовъ областей, составлявшихъ епархію полоцкую, и сильно смутили ихъ. Было отъ чего и смутиться. Мы говорили, что въ восточныхъ областяхъ Литвы, сословія русскаго народа плотнѣе были соединены и болѣе способны къ открытому воз-

станію. Настроеніе это сейчасъ же вызвало родственное себѣ сочувствіе казаковъ, и между жителями этихъ областей и казаками открылись сношенія и совѣщанія о мѣрахъ противъ Кунцевича (183). Эти-то вѣсти произвели то, что началась лихорадочная взаимная переписка между дворомъ, литовскимъ гетманомъ Сапѣгою и митрополитомъ Рутскимъ. Рѣшились умѣрить ревность Кунцевича. Писалъ къ нему въ этомъ тонѣ Рутскій, писалъ и Левъ Сапѣга, возненавидѣвшій теперь унію изъ за смутъ по всему государству (184). Въ этихъ письмахъ Кунцевичу предложены были и религіозныя и гражданскія внушенія. Сапѣга, напримѣръ, писалъ къ нему, что насиліе въ дѣлѣ Вѣры противно Евангелію, противно Церкви Христовой, не имѣетъ оправданія въ примѣрѣ ни одного святаго отца, противно гражданскимъ законамъ Польши, гибельно для нея и по именному повелѣнію короля запрещено Кунцевичу. Но ничто не могло подѣйствовать на Кунцевича. Онъ отвѣтилъ Сапѣгѣ, что спасеніе, т. е. чрезъ унію, выше всего, что предъ нимъ ничто спасеніе государства (185), и приготовился къ новымъ подвигамъ въ пользу уніи — рѣшился ѣхать въ Витебскъ, самое неприступное мѣсто въ его епархіи.

Жители города Витебска, какъ только получили граматы Смотрицкаго, кажется, еще въ 1620 году, торжественно читали ихъ въ ратушѣ и также торжественно составили протестацію противъ Кунцевича. Смыслъ этой протестаціи былъ тотъ, что они не хотятъ знать уніятскаго епископа и будутъ признавать своимъ епископомъ Мелетія Смотрицкаго (186). Рѣшеніе это было такъ единодушно, что въ Витебскѣ оставалось едва нѣ-

сколько уніятовъ. Въ другомъ мѣстѣ такую перемѣну въ народѣ легко было бы, можетъ быть, ослабить; но здѣсь она имѣла много силы и прочности. Населеніе въ Витебскѣ было чисто русское. Поляковъ и вообще латинянъ почти вовсе не было; не было слѣдовательно орудій, посредствомъ которыхъ можно было бы поражать православныхъ. Были здѣсь, правда, въ гродѣ т. е. крѣпости королевскіе чиновники; но они мало имѣли власти надъ городомъ. Жители его издавна пользовались такъ называемымъ магдебургскимъ правомъ т. е. сами управляли городомъ, независимо отъ королевскихъ чиновниковъ. Ко всему этому нужно прибавить сношенія Витебска съ казаками и то чисто случайное обстоятельство, что между гродскими чиновниками было нѣсколько протестантовъ — людей вовсе нерасположенныхъ вредить православнымъ въ пользу уніи (187). Кунцевичъ очень хорошо зналъ настроеніе умовъ Витебщанъ; мало того, онъ зналъ, что рѣшеніе ихъ возбуждаетъ сочувствіе и подкрѣпленіе въ другихъ областяхъ — Могилевѣ, Оршѣ, Вильнѣ и въ самомъ Полоцкѣ. Но, не смотря ни на что, онъ рѣшился ѣхать въ 1622 году въ Витебскъ и утвердить тамъ унію во что бы то ни стало.

Собираясь въ этотъ путь, онъ явно готовился къ смерти и во всю дорогу такъ много говорилъ о своемъ мученичествѣ и, видно, такъ раскрашивалъ его, что возбудилъ отвращеніе и негодованіе въ своей свитѣ, которая просила его оставлять этотъ разговоръ, покрайней мѣрѣ, во время ѣды (188). Очевидное дѣло, что Кунцевичъ хотѣлъ стяжать славу Поцѣя, прославленнаго за мнимое мученичество въ Вильнѣ 1609 г., съ тою только разницею, что разгоряченное воображе-

ніе Кунцевича взяло рѣшительно верхъ надъ разсудкомъ. Кунцевичъ хотѣлъ, во что̀ бы-то ни стало, добиться мученичества, въ чемъ никакъ нельзя подозрѣвать Поцѣя. А какъ скоро образовалось у него такое рѣшеніе; то съ нимъ естественно соединилось и другое, неимѣвшее ничего общаго съ образомъ дѣйствій древнихъ христіанскихъ мучениковъ. Желая, во что̀-бы-то ни стало, быть убитымъ, естественно было подготовлять къ этому своихъ враговъ, дѣйствовать на ихъ страсти, раздражать ихъ. Такъ и сдѣлалъ Кунцевичъ. Онъ явился въ Витебскъ не съ любовію и кротостію христіанскаго пастыря, а съ правами епископа, поддерживаемаго властію гражданскою. Не обращая никакого вниманія на раздраженіе народа, онъ рѣшился отслужить во всѣхъ витебскихъ православныхъ церквахъ и безцеремонно отправлялся совершать богослуженіе то въ ту, то въ другую церковь. Это должно было служить доказательствомъ, что унія вездѣ въ Витебскѣ существуетъ. Въ другихъ мѣстахъ Литвы при подобныхъ обстоятельствахъ случалось обыкновенно такъ, что весь народъ бѣгалъ изъ такихъ церквей. Здѣсь случилось наоборотъ. Народъ къ такимъ церквамъ собирался больше, чѣмъ когда либо, только не съ молитвою въ сердцѣ и устахъ, а съ яростію, и Кунцевичу не разъ приходилось испытывать публичныя оскорбленія. Кунцевичъ какъ будто того только и ждалъ. Немедленно составлялись акты о насиліи и оскорбленіи ему со стороны православныхъ, вносились въ городскія и гродскія книги и призывалась военная сила, чтобы сдѣлать церкви доступными епископу. Церкви очищались этою силою отъ непокорнаго духовенства и народа, и ключи ихъ преда-

вались Куицевичу (189). Кажется, все уже было готово къ народному возстанію. Но этотъ народъ показалъ, что онъ еще можетъ терпѣть, держаться законной колеи. Не даромъ онъ давно пользовался магдебургскимъ правомъ, которое лучше всѣхъ тогдашнихъ средствъ пріучало народъ къ уваженію закона. Православные не считали себя въ правѣ отстаивать силою свои церкви; потому что онѣ находились подъ патронатствомъ короля,—составляли какъ бы собственность государственную, отнимаемую у нихъ теперь отъ имени короля. Но нельзя было оставаться вовсе безъ церквей. Поэтому православные выстроили шалаши на краю города, и тамъ стали собираться совершать свое богослуженіе. Только вещей отнятыхъ церквей, какъ чистой собственности Церкви, а не государства, они не дали уніятамъ и попрятали ихъ у себя, перенося изъ нихъ по временамъ что было нужно въ новоустроенныя церкви (190). Нечего скрывать, что этимъ новымъ положеніемъ не всѣ были довольны. Напротивъ, многіе еще болѣе раздражались этимъ самымъ смиреніемъ, на которое осуждало себя православіе. Но, что всего важнѣе, Куицевичъ не оставлялъ православныхъ въ покоѣ и здѣсь. Онъ подавалъ жалобы, что при этихъ новыхъ церквахъ составляются мятежныя сходки, а между тѣмъ еще съ большимъ усердіемъ отнималъ у православныхъ церкви въ самомъ городѣ. Въ одну изъ такихъ церемоній народъ потерялъ терпѣніе и дошелъ до того, что сбросилъ въ одно мѣсто шапки, что было знакомъ конфедераціи и призыва къ насилію, и Куицевичъ едва спасся отъ народной ярости. — Послѣ того, православные, дѣйствительно, начали совѣщаться

объ убійствѣ неугомоннаго фанатика. Составленъ былъ такой планъ, чтобы городскія власти, на которыя должна была пасть прежде всего отвѣтственность за волненіе—члены ратуши, выѣхали предъ назначеннымъ днемъ изъ города. Люди же, задумавшіе заняться гиуснымъ дѣломъ—убійствомъ, рѣшились, послѣ совершенія его, бѣжать къ казакамъ и поднять ихъ на защиту города, когда власть станетъ преслѣдовать преступленіе. Избранъ былъ воскресный день — 12-е ноября 1623 года. Въ тотъ же день представился взволнованному народу и особенный случай, послужившій предлогомъ къ выполненію задуманнаго плана. Утромъ въ это воскресенье, около осьми часовъ, едва кончилась заутреня, и Іосафатъ удалился въ свой архіерейскій домъ, протодіаконъ его Дороѳей увидѣлъ православнаго священника, который шелъ за городъ въ новоустроенный шалашъ совершать службу, безъ сомнѣнія, не одинъ, а съ народомъ. Трудно разгадать — съ чьей стороны поданъ поводъ къ ссорѣ: но говорятъ, что протодіаконъ сталъ бить священника и, при помощи архіерейскихъ слугъ, втащилъ его въ архіерейскій домъ и заперъ въ кухнѣ. Немедленно раздался набатъ въ колокола ратушный и церковные. Народъ повалилъ къ архіерейскому дому, разбилъ ворота, до смерти прибилъ архіерейскую прислугу; убійцы ворвались въ комнату Іосафата и стали поражать его палками по головѣ, — а одинъ изъ нихъ нанесъ ударъ топоромъ. — Затѣмъ вытащили его надворъ и, замѣчая еще признаки жизни, стали стрѣлять въ него пулями. Несомнѣнно, что въ этомъ убійствѣ главную роль играли какіе-то пришельцы, а не жители Витебска, хорошо знав-

шіе Кунцевича; потому что при этомъ возбудилось въ нихъ недоумѣніе — дѣйствительно ли они убили Кунцевича, а не кого другого. Недоумѣніе возбудила открытая на Кунцевичѣ власяница, которой они никакъ не предполагали на немъ. Тогда же началось разграбленіе дома архіерейскаго и, между прочимъ, погреба, что придало ярости народа новое оживленіе и повело къ новымъ неистовствамъ. Мертваго Кунцевича били, таскали по улицамъ, клали на него убитую его собаку, садились на его обезображенное тѣло даже женщины съ грудными ребенками и распѣвали пѣсни: затѣмъ притащили на высокую гору надъ Двиною и столкнули къ рѣкѣ; наконецъ наполнили власяницу камнями, привязали ее къ тѣлу и бросили Кунцевича въ Двину на самое глубокое мѣсто (191).

Въ январѣ 1624 г. прибыла въ Витебскъ судная коммиссія съ полномочіемъ судить и казнить и открыла свои дѣйствія подъ предсѣдательствомъ виленскаго воеводы Льва Сапѣги, того самаго Сапѣги, который за годъ передъ тѣмъ предостерегалъ Кунцевича отъ опасныхъ послѣдствій его фанатизма. Зная Сапѣгу, какъ одного изъ безпристрастнѣйшихъ людей того времени, нужно было надѣяться, что онъ произведетъ нелицепріятное изслѣдованіе дѣла. Никто, конечно, не думалъ и не ждалъ, что будутъ оправданы убійцы и прямые ихъ участники. Преступленіе и преступники должны были понесть заслуженное наказаніе. Но, безъ всякаго сомнѣнія, многіе ожидали, что будутъ строго изслѣдованы причины преступленія, что будутъ точно разграничены: убійство Кунцевича и волненіе народа, убійцы и народъ, выведенный изъ терпѣнія, и что если

такое разграниченіе не поведетъ къ оправданію многихъ замѣшанныхъ въ преступленіе, то не падетъ тяжестію на весь городъ и, главное, Куицевичъ и унія непзбѣгнутъ осужденія. — Мы не думаемъ, чтобы Сапѣга неспособенъ былъ дать такой именно оборотъ всему дѣлу. Но, къ сожалѣнію, обстоятельства помѣшали этому. Прежде всего, судьи поминутно ожидали нападенія казаковъ (192) и торопились покончить скорѣе свое порученіе. Въ три дня они разобрали преступленіе и казнили преступниковъ. Для суда, хотя гласнаго и открытаго, но касающагося такого запутаннаго и важнаго дѣла, это слишкомъ малый срокъ. Выслушано было собственно только обвиненіе, направленное противъ цѣлаго города и по преимуществу противъ членовъ ратуши, а не противъ главныхъ убійцъ, которые всѣ бѣжали. На оправданіе лицъ, представленныхъ суду, мало обращено вниманія. Вопросъ о дѣйствіяхъ Куицевича вовсе не былъ поднятъ.

Такимъ образомъ суду недоставало и времени для разбора дѣла и дѣйствительныхъ преступниковъ. Судъ непріятный или отказался бы отъ постановленія окончательнаго рѣшенія по такому дѣлу или призналъ бы необходимымъ смягчить наказаніе находившимся въ его рукахъ преступникамъ изъ боязни казнить выше мѣры или безвинно. Судъ по дѣлу Куицевича пришелъ къ совершенно другому заключенію. Онъ явно держался той мысли, чтобы непремѣнно казнить кого либо и казнить, какъ можно строже. Конечно, такая мысль внушалась неимовѣрною гнуспостію и жестокостію преступленія, но извѣстно, что для суда и судей личныя впечатлѣнія не должны служить мѣрою тяжести

судебныхъ приговоровъ, и витебскіе судьи, безъ сомнѣнія, были люди очень привычные къ гнусностямъ испорченной части рода человѣческаго, потому что были судьи постоянные и опытные, а не случайные и новички. — Нѣтъ, такой взглядъ установился у нихъ другимъ путемъ. Вѣсть о смерти Кунцевича разнеслась съ необычайною быстротою. Рутскій, папскій нунцій, латинская и уніятская партія и Сигизмундъ заговорили, какъ одинъ человѣкъ. Казнить, истребить всѣхъ схизматиковъ — раздавалось со всѣхъ сторонъ (193). Недумаемъ, чтобы Сапѣга безъусловно поддавался этому говору общественнаго фанатизма, но безъ всякаго сомнѣнія, онъ былъ убѣжденъ, что если оказать теперь малѣйшее снисхожденіе православнымъ и бросить тѣнь на унію, то исторія Кунцевича можетъ повториться въ очень многихъ мѣстахъ и, очень вѣроятно, начнется всеобщая рѣзня уніятовъ, которая несоспоримо получитъ смыслъ гражданскій и сгубитъ государство (194). Такимъ образомъ витебское дѣло получило политическое значеніе; а извѣстно, что для суда и судей, каковы бы они ни были, нѣтъ ничего хуже, если преступленіе получаетъ смыслъ политическій. Въ такихъ случаяхъ судъ обыкновенно съ величайшимъ трудомъ добивается правды и рискуетъ увлечься временнымъ настроеніемъ общества. Такъ случилось и теперь: православные были наказаны выше мѣры, а уніяты совершенно незаконно избѣгли осужденія. Казнили смертію собственно людей прикосновенныхъ къ преступленію — большую часть членовъ ратуши и нѣкоторыхъ простыхъ гражданъ, лишили магдебургскаго права весь городъ, предоставивъ льготы

однимъ уніятамъ, и наложили на всѣхъ православныхъ контрибуцію въ пользу каѳедры епископа и избитыхъ слугъ его. Логичность дѣла и справедливость требовала, чтобы судьи подвергли отвѣтственности также и нѣкоторыхъ чиновниковъ крѣпости, потворствовавшихъ православнымъ, на что указывалось въ рѣчи адвоката Кунцевича. Особенно слѣдовало подвергнуть суду нѣкоторыхъ православныхъ шляхтичей Витебской области, какъ напримѣръ, Гурку, Киселя—Дрогиницкаго, Япушковскихъ и Котовича, на которыхъ указывалось въ обвиненіи, какъ на участниковъ въ заговорѣ противъ Кунцевича. Но судьи все это оставили въ сторонѣ (195).

Такой поворотъ дѣла имѣлъ громадныя слѣдствія. — Убійство Кунцевича тѣсно связано было съ возстановленіемъ православной іерархіи, и общее мнѣніе признавало се теперь достойною большаго преслѣдованія, чѣмъ прежде. Притомъ неоспоримая связь этого убійства съ общимъ настроеніемъ умовъ православныхъ поставляла и всѣхъ ихъ въ такое же положеніе въ глазахъ латинянъ, въ какое поставлена была православная іерархія. Естественнымъ плодомъ такого положенія было уныніе православныхъ и многократные случаи обращенія ихъ въ унію. Умножались эти случаи еще отъ слѣдующаго обстоятельства. Убитый Кунцевичъ не былъ тронутъ судомъ: онъ оставленъ чистымъ, совершенно безвиннымъ, настоящимъ мученикомъ. Началось восхваленіе его, которому никто не смѣлъ противорѣчить. Пущено было въ ходъ все искуство іезуитское, чтобы окружить самовольнаго, неразумнаго мученика самою яркою славою. Тѣло его

вынуто было изъ Двины и поставлено въ соборной витебской церкви съ пышною торжественностію. Еще съ большею торжественностію отвезено въ Полоцкъ и погребено въ тамошней соборной церкви. Пошли расказы о чудесахъ. Расказывали напримѣръ, что когда убили Кунцевича и тѣло его лежало на площади, то надъ нимъ стало облако и видѣнъ былъ въ немъ свѣтъ—явленіе, какъ видимъ, очень пластичное для разныхъ объясненій. Расказывали, что явившійся на Двинѣ свѣтъ указалъ мѣсто, куда было брошено тѣло Кунцевича, между тѣмъ какъ нельзя вѣрить, чтобы никто изъ остававшихся въ Витебскѣ уніятовъ не наблюдалъ издали, куда бросали тѣло ихъ епископа. Расказывали еще, что когда пришлось облачать въ ризы тѣло Кунцевича вынутое изъ воды, то побѣжавшіе за ризами въ соборную церковь никакъ не могли отпереть сундука, въ которомъ онѣ лежали. Пришлось взять сундукъ и несть къ рѣкѣ. Несущіе въ торопяхъ уронили сундукъ; онъ разбился и оттуда выпали сосуды церковные и будто бы всѣ растановились въ томъ положеніи и порядкѣ, какъ стоятъ обыкновенно на престолѣ. Сейчасъ же оказалось, что по этому мѣсту убійцы тащили прежде тѣло Кунцевича и что здѣсь именно осталась кровь его. — Для большаго эффекта говорили, что сперва выпала чаша и стала какъ слѣдуетъ (очень вѣроятно и естественно), за тѣмъ дискосъ и другія вещи, — эффектъ самъ за себя говоритъ. Въ припадкѣ усердія чтители новаго мученика дошли до того, что указывали, какъ на чудо, на то, что изъ Витебска далеко вышли провожать тѣло Кунцевича сами православные, протестанты, татары и жиды, — чудо, какихъ совер-

шается безъ счету въ исторіи торжествъ и церемоній и къ которымъ нѣтъ ничего легче прибавлять умиленіе собравшагося народа, слезы, рыданія и тому подобныя вещи, что и прибавляютъ уніятскіе писатели, говоря о Кунцевичѣ (196). Въ такомъ ли родѣ были всѣ остальныя чудеса Кунцевича или нѣтъ, — не считаемъ нужнымъ входить въ разсужденія. Намъ это не нужно. Кунцевича мы знаемъ и безъ этого. Коснулись же мы этого предмѣта съ особою цѣлію. Для насъ эти чудеса важны собственно въ томъ отношеніи, что такое усиленное дѣйствованіе на воображеніе народа, въ такую трагическую минуту, когда даже закоренѣлые враги Кунцевича способны были чувствовать состраданіе къ этому несчастному, не могло обойтись безъ важныхъ послѣдствій. За нимъ очень часто и легко слѣдовало убѣжденіе въ святости Кунцевича и истинности уніи. Такимъ образомъ, и съ этой стороны православные получали удары, которые были тѣмъ чувствительнѣе, что уніяты сейчасъ же подвели эти случаи совращенія православныхъ въ унію подъ то правило или положеніе христіанской Церкви, что кровь мучениковъ всегда бываетъ плодоносна, и православные изъ боязни новыхъ бѣдъ не осмѣливались обличать открыто и свободно восторговъ и манифестацій латинянъ и уніятовъ. Словомъ, православные теперь были подавлены и нравственно и физически. Хуже этого положенія, казалось, не могло быть; но за тѣмъ слѣдовало дѣйствительно еще хуже положеніе отъ измѣны православію Мелетія Смотрицкаго, — событіе, стоющее опять самаго подробнаго изслѣдованія; потому что въ немъ каждое явленіе, каждая черта отражаетъ, какъ

въ зеркалѣ настроеніе православныхъ и уніятовъ и дѣйствительный ходъ исторіи уніи. Эти соображенія побуждаютъ насъ еще разъ сдѣлать отступленіе отъ изложенія общей исторіи уніи къ монографіи-очерку жизни одного лица.

Мелетій Смотрицкій.

Мелетій (въ мірѣ Максимъ) Смотрицкій или (какъ онъ самъ подписывался) Смотрѣтскій родился (1578 или 1579 г.) въ аристократическомъ и самомъ образованномъ по тому времени кругу православномъ. Отецъ его — Герасимъ Смотрицкій (прежде вице-капитанъ Каменца Подольскаго) былъ ректоромъ училища, основаннаго въ Острогѣ Константиномъ Острожскимъ (197). Здѣсь молодой Максимъ получилъ первоначальное образованіе ближайшимъ образомъ у Кирила Лукариса, впослѣдствіи константинопольскаго патріарха (198). Въ послѣднихъ годахъ XVI столѣтія отецъ Максима умеръ и онъ остался на попеченіи князя Острожскаго. Князь оцѣнилъ блистательныя способности молодого Максима и рѣшился дать ему самое широкое образованіе, конечно, съ тою цѣлію, чтобы приготовить въ немъ будущаго защитника православія, подобію Кирику Острожскому и другимъ. Такой цѣли въ то время достигали тѣмъ, что обыкновенно отправляли способнѣйшихъ молодыхъ людей за границу. Впрочемъ, это слово — за границу имѣло тогда различное значеніе для людей разныхъ сословій. Юноши — аристократы отправлялись дѣйствительно за границу въ нынѣшнемъ значеніи этого слова; но молодые люди менѣе богатые подъ словомъ за границу разумѣли Польшу и даже центръ Литвы — ясиѣе

сказать — литовско-польскія іезуитскія академіи, куда отправлялись довершать свое образованіе. Страннымъ можетъ показаться такое предпочтеніе іезуитскимъ школамъ, — особенно со стороны православныхъ. Но тогда іезуиты уже успѣли отуманить умы современниковъ всѣхъ вѣроисповѣданій и убѣдить ихъ, что іезуитское образованіе — лучшее средство приготовить искусныхъ борцовъ на поприщѣ религіозной полемики. Этою-то дорогою и повели Смотрицкаго. Въ 1601 г. онъ отправленъ былъ въ виленскую іезуитскую академію, въ которую тогда еще принимали всякаго, не требуя принятія латинства. Тутъ двадцатилѣтній молодой человѣкъ подвергся всѣмъ утонченностямъ іезуитскаго искуства вселять въ душу человѣка латинскія убѣжденія и вскорѣ обнаружилось, что не такъ легко, какъ думали православные, похитить у іезуитовъ тайну религіозной борьбы безъ расплаты своими убѣжденіями, — Смотрицкій сталъ усвоять себѣ убѣжденія латинскія и безъ всякаго сомнѣнія онъ теперь же пропалъ бы для православія, если бы обстоятельства не дали живой пищи для его необычайной, истинно женственной воспріимчивости. Сынъ князя Соломерецкаго отправлялся тогда дѣйствительно за границу для довершенія своего образованія. Къ нему взяли Смотрицкаго въ товарищи. Это путешествіе за границу, пребываніе въ разныхъ университетахъ, какъ напримѣръ въ Лейпцигскомъ и Нюрембергскомъ отрезвили голову Смотрицкаго отъ іезуитскаго чаду (199). Протестанство открыло ему слабыя стороны латинства, которыхъ онъ не замѣчалъ или не уяснилъ себѣ надлежащимъ образомъ. Здѣсь, какъ видно изъ дальнѣйшихъ дѣйствій Смотрицкаго, въ особен-

ности поразило его живое, самодѣятельное участіе протестантскаго народа въ дѣлахъ вѣры, совершенно противоположное рабскому подчиненію его вѣрѣ въ латинскихъ обществахъ, и тѣмъ болѣе въ кругу іезуитовъ. Это дало рѣшительный переворотъ мыслямъ и дѣятельности Смотрицкаго. Онъ увидѣлъ, что и на родинѣ его есть подобная, хотя и отличная отъ протестанства, сила народной вѣры — сила выражавшаяся такъ рѣзко и могущественно въ то время. Около 1610 года онъ возвратился изъ за границы и нѣкоторое время жилъ въ Минскѣ у Соломерецкихъ. Уніятскій митрополитъ тогдашній, Іосифъ Рутскій завязалъ было съ нимъ знакомство и пытался переманить въ унію, но совершенно безуспѣшно (200). Теперь всѣ мысли и чувства Смотрицкаго привязаны были къ православнымъ. Борьба этихъ людей съ уніятами и латинянами за вѣру, борьба ежедневная, кипучая, стоившая имъ многихъ выгодъ жизни, многихъ слезъ и не рѣдко крови — взволновала поэтическую, симпатическую душу молодаго ученаго. Онъ сталъ сближаться съ этими людьми, утѣшалъ ихъ, наставлялъ, и плодомъ этихъ первоначальныхъ сношеній Мелетія съ православнымъ народомъ было знаменитое въ свое время его сочиненіе Θρῆνος — плачь восточной Церкви о бѣдствіи своихъ членовъ, въ особенности тѣхъ, которые падали подъ ихъ ударами и густыми массами шли въ вѣчную гибель, поражая и увлекая за собою прежнихъ своихъ братьевъ. Представленная имъ здѣсь картина положенія бѣдствующей православной Церкви во всѣхъ странахъ и положенія ересей такъ высока и поэтична, что многія ея части могутъ стать рядомъ съ краснорѣчивѣйшими сказаніями и проповѣдями

древнихъ писателей церковныхъ. Сейчасъ обнаружилось, куда поведетъ такое настроеніе автора. Самая книга его — Ѳрипосъ отдана имъ виленскому братству и здѣсь напечатана. Вскорѣ и самъ Смотрицкій поселился въ виленскомъ братствѣ (1617 г.) — этомъ средоточіи борьбы православныхъ за вѣру (201).

Но можно жалѣть со всею справедливостію, что онъ поселился здѣсь, а не остался въ кругу аристократическомъ, — вдали отъ жизненной борьбы и тѣхъ людей, которые вели ее не словомъ только, но и самымъ дѣломъ. Онъ встрѣтился здѣсь, конечно, съ лучшими людьми западно-русской Церкви, но людьми большею частію простыми, незнающими утонченностей мысли, манеръ и жизни, — людьми притомъ слишкомъ самостоятельными и практическими, чтобы увлечься минутнымъ обаяніемъ и безъусловно подчиниться самому свѣтлому авторитету. Постоянное общеніе съ этими людьми въ толстыхъ блузахъ, совѣщанія въ простомъ домѣ, гдѣ рядомъ съ богатымъ аристократомъ садился и разсуждалъ бѣдный сапожникъ — не могли не производить тяжелаго впечатлѣнія на мягкаго, утонченнаго Смотрицкаго, проводившаго до сихъ поръ время въ великолѣпныхъ палацахъ, въ кругу аристократіи. Простая черствая жизнь стала теперь у него въ противорѣчіе съ аристократическою наукою. Пробудилась въ немъ память о виленскихъ знакомствахъ и симпатіяхъ. Смотрицкій возобновилъ ихъ и началъ устроять тайныя свиданія съ виленскими тропицкими базиліанами и латинскими монахами (202) ихъ круга.

Былъ, впрочемъ и другой путь, которымъ онъ, пришелъ къ сближенію съ уніятами и латинянами. Когда Смотриц-

кій вошелъ въ самую колею трудной жизни православныхъ, которою прежде такъ восхищался издали и когда поостыли его прежнія чувства, онъ увидѣлъ необходимость защищать православную истину серіозными, разумными данными науки. Данные эти онъ до сихъ поръ изучалъ въ наукѣ латинской или протестантской. Сильная впечатлительность переносила его то въ ту, то въ другую область, а когда пришлось дать отчетъ въ той и другой системѣ, т. е. въ наукѣ латинской и протестантской, то Смотрицкій обнаружилъ всю несостоятельность своей ученой подготовки и силы своего ума. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что обѣ системы сильны, что истина сама по себѣ относительна, что все зависитъ здѣсь отъ желанія и умѣнія доказать. Захочетъ и съумѣетъ человѣкъ доказать одно, — и будетъ вѣрно; захочетъ и съумѣетъ доказать другое — и другое будетъ вѣрно. Въ сущности этотъ взглядъ Смотрицкаго сложился изъ обѣихъ половинъ образованія его — латинской и протестантской. Протестантская богословская наука, обрывающая столько незыблемыхъ основъ вѣры и однако возбуждающая безчисленное множество религіозныхъ вопросовъ, производитъ такое же безчисленное множество ихъ рѣшеній и уже для спасенія собственнаго принципа — безусловной свободы и возможности изслѣдованія вѣры — должна допустить долю основательности въ каждомъ рѣшеніи религіознаго вопроса и, слѣдовательно, ослаблять абсолютную вѣрность извѣстнаго рѣшенія. Но еще скорѣе и злѣе приводитъ къ тому же всякую нѣсколько свѣжую голову латинская система религіозной науки. Вся она основана на схоластикѣ, т. е. на произвольномъ, поверхностномъ соединеніи религіоз-

ныхъ данныхъ и на столь же поверхностномъ и механическомъ выводѣ изъ нихъ заключеній. Простыя и еще болѣе отупѣвшія головы рабски принимаютъ всю эту систему; но сколько нибудь свѣжія сейчасъ же замѣчаютъ, что тутъ широкое поле произволу и при первой возможности пользуются имъ и тѣмъ легче, чѣмъ больше въ нихъ сознанія собственныхъ умственныхъ силъ. Такъ это случилось и съ Смотрицкимъ. Увлеченный формами латинской и протестантской науки, и еще болѣе обольщенный блескомъ собственныхъ дарованій, онъ пришелъ къ убѣжденію, что все можетъ доказать, и сдѣлалъ одинъ очень недостойный опытъ. Онъ писалъ трактатъ объ исхожденіи Св. Духа и попробовалъ доказать, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына. Проба эта очень понравилась ему, и онъ какъ бы для наглядnаго доказательства ея дѣльности послалъ этотъ трактатъ одному своему пріятелю (православному) на Волынь, и тотъ дѣйствительно убѣдился въ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына (203). Что жъ это, спросятъ насъ вѣроятно наши читатели, это недостойнѣйшій фигляръ въ дѣлѣ религіозномъ, кощунникъ, не имѣющій ни капли вѣры въ своей душѣ, ни даже холоднаго уваженія къ ней? — Очень можетъ быть. Только въ исторіи уніи много такихъ фигляровъ и кощунниковъ, которые однако дѣлались въ послѣдствіи людьми съ очень цѣльными убѣжденіями. Кого не портило тогда іезуитское образованіе и духъ іезуитскаго латинства! И порча эта была тѣмъ яснѣе и чудовищнѣе, чѣмъ зараженный ею былъ дальше и свободнѣе отъ непосредственнаго руководства іезуитовъ. Будь передъ глазами Мелетія Смотрицкаго цѣльная научная система вѣры православной, вооруженная

всѣми пріемами западно-европейской науки, и онъ никогда бы не отступилъ отъ ней. Будь подлѣ него высокій ученый авторитетъ, православный и онъ опять былъ бы неизмѣненъ въ своихъ православныхъ убѣжденіяхъ, — словомъ, будь у него вѣрное, постоянное руководство вѣры, и онъ былъ бы хорошъ. Такъ понялъ Мелетія и виленское братство, только употребило при этомъ не совсѣмъ хорошее средство. Когда эта шаткость Смотрицкаго обнаружилась, виленское братство призвало его въ свое собраніе, сдѣлало solenniter fraternam correctionem (торжественное братское увѣщаніе) и предложило или вонъ идти изъ братства, или, отказавшись отъ всѣхъ латинскихъ связей, принять монашество и оставаться подъ строгимъ надзоромъ братства. Смотрицкій согласился на послѣднее и, безъ сомнѣнія, не потому, чтобы ему не куда было дѣваться, — Рутскій и іезуиты приняли бы его съ распростертыми объятіями, — а потому что эта энергичная мѣра братства произвела на него сильное впечатлѣніе и онъ почувствовалъ свою вину. Нашелся однако человѣкъ, который понялъ всю непрочность такой гарантіи вѣры Смотрицкаго и возсталъ противъ такого кощунства надъ обѣтами монашескими. Тогдашній архимандритъ братскаго св. духовскаго монастыря — извѣстный Леонтій Карповичъ отказывался постригать Смотрицкаго. Но къ сожалѣнію онъ не успѣлъ выдержать своего благороднаго взгляда (204), и Смотрицкій былъ постриженъ подъ именемъ Мелетія и, по свидѣтельству впрочемъ уніятскаго писателя, проводилъ жизнь очень смиренно и въ большихъ подвигахъ иночества (205). Дѣйствительно, въ немъ произошла теперь большая перемѣна, а внѣш-

нія отличія и почести еще болѣе утвердили его въ православіи. Въ 1620 году онъ избранъ былъ архимандритомъ братскимъ послѣ Леонтія Карповича, и въ томъ же году, какъ намъ извѣстно, посвященъ былъ на архіепископію полоцкую, по избранію и предложенію виленскаго братства. Никакъ нельзя думать, что братство легкомысленно такъ возвысило Мелетія. Онъ дѣйствительно и горячо доказывалъ тогда свои православныя убѣжденія. Сочиненія, посланія въ полоцкую епископію сыпались изъ—подъ его пера и живо напоминали Ѳриносъ и лучшіе дни Мелетія. Но едва прошло нѣсколько лѣтъ этой славной дѣятельности, какъ Мелетію предстали новыя искушенія, новыя обстоятельства, глубоко потрясавшія его душу. Соперникъ Мелетія — Іосафатъ Кунцевичъ былъ убитъ, не безъ участія Мелетія, волновавшаго полоцкую епископію своими посланіями, и Мелетію опять пришлось стать лицемъ къ лицу съ тяжелою дѣйствительностію. Голосъ уніятскаго народа обвинялъ его въ смерти Кунцевича (206). Его проклялъ уніятскій митрополитъ Іосифъ Рутскій (207), — удары довольно сильные для такой хрупкой натуры. Правда, Мелетій жилъ теперь безопасно между казаками, даже нѣсколько руководилъ ими (208). Но, если ему трудно было ужиться съ виленскимъ братствомъ, то тѣмъ труднѣе было ладить съ казаками. Опять тяжело стало Смотрицкому, и онъ рѣшился уйти подальше отъ суровой жизни и людей. Онъ вспомнилъ давнюю дружбу Кирилла Лукариса и отправился на Востокъ (въ 1623 или 1624 г.) (209).

Но была у Мелетія и другая причина, вызвавшая это путешествіе. Мы говорили, что въ то время занималъ

многіе умы планъ примиренія между православными и уніятами. Смерть Кунцевича, конечно, разрушила и ту слабую вѣроятность его осуществленія, какая была до сихъ поръ, но, какъ видно, онъ не совсѣмъ потерялъ свою заманчивость для многихъ, особенно для уніятовъ. Примиреніе это, конечно, необходимо предполагало, что будутъ предварительно разрѣшены разные спорные вопросы между православными и уніятами: поэтому чувствовалась необходимость изслѣдовать эти спорные пункты. Мелетій, между тѣмъ, издавна занимался составленіемъ православнаго катехизиса. (210). Вотъ эти-то хлопоты о примиреніи православныхъ съ уніятами обратили теперь на себя вниманіе Смотрицкаго. Въ разрѣшеніи этихъ спорныхъ вопросовъ научнымъ путемъ, въ подготовкѣ основаній для предполагаемаго примиренія Мелетій увидѣлъ лучшее средство выйти снова на видное мѣсто и еще болѣе видное, чѣмъ прежде, ибо въ случаѣ успѣха онъ угодилъ бы и своимъ — православнымъ и чужимъ — уніятамъ. Сейчасъ же его впечатлительному, увлекающемуся уму представилось величіе этого дѣла — примиренія двухъ половинъ русскаго народа, столь давно и жестоко разъединеннаго. Это величайшее ослѣпленіе повело сейчасъ же къ другому. Отъ западной Россіи онъ обратилъ вниманіе на Востокъ и посмотрѣлъ на него столь же поверхностно. О Востокѣ и въ особенности о константинопольскомъ тогдашнемъ патріархѣ Кириллѣ Лукарисѣ въ Литвѣ ходили самые разнообразные слухи. Извѣстно, что тогда на Востокѣ сильно работали и іезуиты и протестанты. Мелетію почему-то показалось, что его уніонныя намѣренія встрѣтятъ полное сочувствіе въ Кириллѣ Лука-

рисѣ, и вотъ онъ принялъ намѣреніе поговорить съ нимъ о предполагаемомъ соединеніи православныхъ съ уніятами и надѣялся получить его согласіе. Съ этими-то цѣлями онъ и отправился на Востокъ (211).

Нельзя сказать навѣрное, какъ бесѣдовалъ Мелетій съ Лукарисомъ, потому что нельзя вѣрить тому, что разсказываетъ объ этомъ самъ Смотрицкій, но несоспоримо, что результатъ былъ неудачный. Мелетій увидѣлъ, что тутъ не можетъ быть ему поддержки и, пострaнствовавъ по Востоку, возвратился назадъ въ Литву, не видавшись уже на возвратномъ пути съ Лукарисомъ. Такъ одна затѣя кончилась полнѣйшею неудачею, но она повлекла за собою сейчасъ же и другую. Еще на пути въ Константинополь Мелетій проговорился передъ своими спутниками о цѣли своего путешествія на Востокъ: спутники эти теперь разгласили тайну своего странника. Но еще прежде ихъ услужилъ ему одинъ изъ его пріятелей, извѣстный въ исторіи уніи перекидчикъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое—Дубенскій игуменъ Кассіанъ Саковичъ, совратившійся еще передъ тѣмъ въ унію. Онъ сталъ разглашать, что Мелетій повезъ на Востокъ пункты соединенія православныхъ съ уніятами и что оттуда онъ привезетъ согласіе на это соединеніе (212). Легко себѣ представить, какъ нерадушно теперь всѣ встрѣтили Мелетія и не легко ему было теперь поселиться гдѣ либо покойно и прочно (213). Но ему необходимо было найти себѣ обезпеченное мѣсто, потому что средства его совершенно истощились во время долговременнаго путешествія. Онъ обратился къ князю Янушу Заславскому, потомку князей Острожскихъ, и тотъ предложилъ своему сыну

Александру Заславскому предоставить Мелетію вакантный тогда Дерманьскій монастырь. Не случись и теперь особенныхъ обстоятельствъ и очень вѣроятно, что Мелетій совершенно оставилъ бы свой планъ примиренія православныхъ съ уніятами и жилъ бы себѣ мирно въ Дерманьскомъ монастырѣ, потому что не могъ онъ теперь не остыть въ своемъ усердіи къ выполненію этого плана послѣ двойной неудачи. Но вмѣсто Мелетія трудился въ этомъ дѣлѣ другой человѣкъ и удачно втолкнулъ Смотрицкаго въ свою колею.

Когда кончился терроръ надъ православными Бѣлоруссіи за убійство Кунцевича и когда православные этой страны, пораженные имъ, притихли, уніятскій митрополитъ Рутскій пришелъ къ убѣжденію, что теперь можно успокоиться на счетъ успѣховъ уніи въ этихъ странахъ и рѣшился обратить все вниманіе на югозападную Россію, по преимуществу на Волынь. Онъ самъ отправился сюда и прежде всего обратился съ воззваніемъ къ магнатамъ югозападной Россіи, чтобы они давали монастыри и приходы не иначе, какъ тѣмъ изъ православныхъ, которые согласятся принять унію. Ближайшимъ плодомъ этихъ усилій Рутскаго было обращеніе въ унію извѣстнаго толкователя Евангелія Транквилліона и упоминаемаго нами недавно Кассіана Саковича. Между тѣмъ, Рутскій узналъ, что Дерманьскій монастырь отданъ Смотрицкому. Рутскій немедленно отправился къ князю Александру Заславскому и съ замѣчательною ловкостію убѣдилъ его отказать Смотрицкому, если тотъ не согласится принять уніи. Устроено было тайное свиданіе Рутскаго съ Смотрицкимъ у князя Заславскаго. Несомнѣнно, что Рутскій не зналъ о затѣе

Мелетія примирять православныхъ съ уніятами, несомнѣнно также и то, что Мелетій теперь колебался согласиться на предложеніе Рутскаго. Но ночь, употребленная Смотрицкимъ на размышленіе, рѣшила дѣло въ пользу уніи и Рутскаго. На утро два давніе врага примирились. Мелетій произнесъ и подписалъ уніятское исповѣданіе вѣры, получилъ разрѣшеніе, и вскорѣ все дѣло отправлено къ папѣ. Но Мелетій не просто совратился въ унію, а очень затѣйливо,—не даромъ онъ думалъ цѣлую ночь. Онъ предложилъ, чтобы, принявъ унію, никому неоткрывать этого, а оставаться наружно православнымъ епископомъ, даже поминать Константинопольскаго Патріарха и имѣть право посвящать священниковъ трехъ ближайшихъ епархій. Для чего же все это? Для избѣжанія скандала и личныхъ выгодъ? Нѣтъ, для болѣе широкихъ цѣлей. У него опять воскресъ планъ примиренія православныхъ съ уніятами, только теперь уже чисто іезуитскій. Онъ задумалъ скрываться для того, чтобы вмѣстѣ съ собою увлечь въ унію побольше людей. Ближайшими жертвами этого искуснаго обмана должны были быть всѣ, которыхъ думалъ Мелетій рукополагать съ этого времени, но и этого мало. Онъ задумалъ вовлечь въ это дѣло и высшую іерархію православную и взволновать всю западно-русскую и даже Восточную Церковь (214). Мы назвали бы этотъ новый планъ Мелетія величайшимъ безразсудствомъ, если бы теперь имѣли дѣло съ Мелетіемъ какого нибудь 1617 или даже 1620 года; но теперь мы имѣемъ дѣло съ пятидесяти-лѣтнимъ старикомъ, убѣленнымъ сѣдинами и извѣдавшимъ многое на своемъ

вѣку; поэтому лучше назовемъ его планъ злостною, глубоко задуманною затѣею.

Вотъ, какъ началъ выполнять этотъ планъ Смотрицкій. Не смотря на всѣ щекотливости, онъ былъ очень близокъ съ православнымъ, западно-русскимъ митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ и Петромъ Могилою, готовившимся тогда вступить въ монашество. Въ 1627 году нѣкоторые іерархи западно-русскіе составили соборъ въ Кіевѣ. Разсуждали здѣсь о благоустройствѣ западно-русской Церкви и, безъ всякаго сомнѣнія, о недавнихъ предложеніяхъ уніятовъ примириться съ ними, о несостоявшемся съѣздѣ, назначенномъ для этого — въ прошедшемъ году въ Кобринѣ. На основаніи современныхъ свидѣтельствъ и самаго хода тогдашнихъ событій можно думать, что ни Іовъ Борецкій, ни Петръ Могила не чуждались сближенія съ уніятами. Но оба очень хорошо понимали, что безъ точнаго опредѣленія условій этого примиренія и безъ надлежащаго подготовленія къ тому народа нельзя ожидать никакого успѣха. Мелетій Смотрицкій предложилъ Іову Борецкому и Петру Могилѣ съѣхаться съ нимъ въ м. Гродекѣ и пообстоятельнѣе переговорить обо всемъ этомъ. Собрались черезъ полгода послѣ этого собора, т. е., въ началѣ 1628 года. Здѣсь, по свидѣтельству Мелетія Смотрицкаго, который одинъ и говоритъ объ этомъ съѣздѣ, Іовъ Борецкій и Петръ Могила поручили Смотрицкому написать разсужденіе о разностяхъ между православіемъ и уніею. Разсужденіе это предположено издать въ свѣтъ и, разсчитывая на успѣшное его дѣйствіе, созвать въ томъ же 1628 году соборъ изъ духовныхъ и міянъ православной западно-русской Церкви и на соборѣ постановить окончательное рѣше-

ніе (215). Само собою разумѣется, что ни Іовъ Борецкій, ни Петръ Могила ничего не знали объ измѣнѣ Смотрицкаго, а Смотрицкій, между тѣмъ, шелъ дальше и дальше путемъ коварства и самообольщенія. Онъ написалъ къ Рутскому, что нашелъ очень расположенными къ уніи Іова Борецкаго и Петра Могилу, и что они ему поручили написать планъ примиренія православныхъ съ уніятами. Фантазія Рутскаго и папскаго польскаго нунція разгорячилась еще болѣе, чѣмъ у Смотрицкаго. Они предложили ему послать и на Востокъ предложеніе объ уніи. Но Смотрицкій понялъ, что латиняне и уніяты хотятъ ужь слишкомъ многаго. Онъ вѣжливымъ образомъ далъ понять, что это напрасныя хлопоты, на Востокѣ не примутъ уніи, и предложилъ другое дѣло болѣе злобное. Онъ вызвался написать къ константинопольскому патріарху Лукарису письмо съ разными вопросами о вѣрѣ, разсчитывая, что тотъ отвѣтитъ неправославно, и что это послужитъ прекраснымъ средствомъ порвать союзъ западно-русской Церкви съ константинопольскою и убѣдить народъ, что тамъ протестанство, а не православіе. Но покамѣстъ, въ ожиданіи этого письма, Мелетій взялся выполнять порученіе, данное ему въ Гродекѣ (216). Настоящая измѣна его православію, свойственное ему увлеченіе, и отчасти своекорыстіе, побудили его дать совершенно другой видъ своему задуманному сочиненію. Онъ развилъ въ немъ чрезвычайно широко свою идею, какая, безъ всякаго сомнѣнія, чужда была и Іову Борецкому и Петру Могилѣ. Началъ онъ съ того, что взялся писать собственно апологію своего путешествія на Востокъ. Можно бы подумать, что перомъ Смотрицкаго здѣсь водило

чистое своекорыстіе, но нѣтъ! Съ нимъ онъ ловко соединилъ и несвоекорыстную цѣль. Онъ представилъ дѣло такъ, что издавна старался изучить православную вѣру, но встрѣчалъ къ тому большое препятствіе въ западно-русской Церкви, въ ея полемическихъ сочиненіяхъ, которыя будто бы переполнены ересью протестантскою и возбуждали всегда его недоумѣнія. Чтобы разрѣшить эти недоумѣнія, онъ отправился на Востокъ, но тамъ вездѣ находилъ и въ сочиненіяхъ, и въ разговорѣ патріарха Лукариса и въ сужденіяхъ другихъ іерарховъ и народа, словомъ, вездѣ и во всѣхъ ересь протестантскую. Это привело его къ тому убѣжденію, что православная вѣра вездѣ погибла и сохранилась только въ латинской Церкви. Послѣ всего этого, онъ перебираетъ разности западно-русской Церкви отъ латинской, и вездѣ доказываетъ истинность латинства. Въ заключеніе, убѣждаетъ православный народъ отвергнуть протестантство и принять латинство (217). Намъ теперь очень понятно, какимъ образомъ сплелась въ головѣ Смотрицкаго такая нить мыслей и насколько она вѣрна; но не на этомъ мы думаемъ остановиться, а на томъ, какъ ловко связаны были эти мысли, и какъ ловко примѣнены имъ.

На трехъ неоспоримыхъ данныхъ основалъ Мелетій Смотрицкій эту новую свою теорію. Во первыхъ. Мнѣніе о распространеніи протестантства на Востокѣ очень было сильно тогда, какъ въ западной Европѣ, такъ и въ Польшѣ и въ западной Россіи. Во-вторыхъ. Здѣсь въ западной Россіи ловчѣе, чѣмъ гдѣ либо, можно было воспользоваться этимъ мнѣніемъ, во вредъ православію. Здѣсь, съ первыхъ временъ уніи, усилившееся

вліяніе мірянъ на дѣла церковныя обнаружило не мало особенностей протестантскихъ, не говоря уже о разныхъ попыткахъ православныхъ сблизиться съ протестантами, о чемъ мы говорили въ свое время. Особенно рѣзко могли теперь выступить наружу разныя протестантскія мнѣнія западно-русскихъ писателей первыхъ временъ уніи, которые, сгоряча опровергая латинство, впадали въ протестантскую крайность. Пока не было въ западно-русской Церкви высшей іерархіи, т. е. до 1620 года, это всестороннее участіе мірянъ въ дѣлахъ вѣры и эти протестантскія мнѣнія ихъ не такъ были видны и указанія на нихъ уніятовъ и латинянъ не много обращали на себя вниманія православныхъ. Но совсѣмъ другое вышло, когда возстановлена была западно-русская іерархія. Тогда естественно должно было уясниться сознаніе о протестантскихъ особенностяхъ мірскаго участія въ дѣлахъ вѣры и протестантскихъ мнѣніяхъ, и возникла нужда установить другой порядокъ религіозной жизни и утвердить твердыя начала православной вѣры, т. е. всестороннее участіе мірянъ въ дѣлахъ вѣры, въ особенности братства должны были потерять часть своей самостоятельности и любимые, прославляемые народомъ до сихъ поръ, писатели должны были потерять свое обаяніе. Къ этому, въ третьихъ, мало по малу присоединилось желаніе, очень странное на первый взглядъ, но очень естественное въ тогдашнее трудное время западно-русской Церкви. Такъ какъ наука православная въ западной Россіи мало еще была развита, а вліяніе Греціи въ слѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, ослабѣло, то передовыя лица западно-русской Церкви, подобно Мелетію Смотрицкому, пользовались въ своихъ

ученыхъ трудахъ двумя иновѣрными богословскими науками — протестантскою или латинскою, и какъ скоро одна оказывалась несостоятельною, то они обращались къ другой. Несостоятельность протестантской науки ко временамъ Мелетія Смотрицкаго уяснилась достаточно: отсюда возникло желаніе держаться ближе къ наукѣ латинской, а отсюда иные шли далѣе и въ нихъ раждалось намѣреніе — сблизиться дѣйствительно и во всемъ съ латинствомъ. Вотъ, почему всѣ планы примиренія уніятовъ съ православными имѣли свой смыслъ, и вотъ почему новая теорія этого сближенія, задуманная теперь Смотрицкимъ, могла имѣть значительный успѣхъ.

Самъ Смотрицкій, не смотря на свой пожилой вѣкъ, воспылалъ юношескимъ восторгомъ отъ этой теоріи, поспѣшилъ сдѣлать два списка своей апологіи путешествія на Востокъ и, отправивъ одинъ на русскомъ языкѣ къ Іову Борецкому и Петру Могилѣ (218), а другой черезъ Кассіана Саковича къ Рутскому для пересмотра, перевода на польскій языкъ и напечатанія (219), съ нетерпѣніемъ ожидалъ результатовъ. Но вышло совсѣмъ иначе, чѣмъ ожидалъ Мелетій Смотрицкій. Исаія Копинскій, православный епископъ Перемышльскій, пребывавшій въ то время въ областяхъ казацкихъ, строгій ревнитель чистоты православія и противникъ всякаго примиренія православныхъ съ уніятами, узналъ о замыслахъ Мелетія, и окружнымъ посланіемъ предостерегъ православныхъ отъ готовящейся опасности (220). Легко поэтому понять, какъ враждебно посмотрѣли теперь Іовъ Борецкій и Петръ Могила на присланную имъ тетрадь Смотрицкаго. Но боясь, вѣроятно, какой либо выходки со стороны его, не сказали ему объ ней

своего рѣшительнаго мнѣнія и только отвѣтили, что пересмотрятъ ее (221). Обольщеніе Смотрицкаго, такимъ образомъ, не было разрушено. Онъ мало также обратилъ вниманія и на дѣйствія Исаіи Копинскаго. Между тѣмъ, Смотрицкій введенъ былъ въ заблужденіе и съ другой стороны. Другъ его Кассіанъ Саковичъ, переводя апологію на польскій языкъ, усилилъ по мѣстамъ уніятскія мысли автора, митрополитъ Рутскій еще прибавилъ кое что отъ себя; затѣмъ, Саковичъ не дожидаясь, чѣмъ дѣло кончится въ Кіевѣ, послалъ переводъ печатать (222). Не предполагая ничего подобнаго т. е. искаженія и выпуска въ свѣтъ своего сочиненія, Смотрицкій отправился къ назначенному сроку на объявленный заблаговременно соборъ въ Кіевѣ, безъ сомнѣнія, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ на счетъ судьбы своей апологіи, но незная вовсе того, что его здѣсь ожидало.

Мечты Смотрицкаго начали разрушаться, какъ только онъ сталъ въѣзжать въ Кіевъ. Здѣсь уже очень хорошо извѣстна была его апологія, получены были даже свѣжіе листы ея изъ Львова. Народъ готовъ былъ излить свое негодованіе на всякаго, кто бы подалъ подозрѣніе, что имѣетъ общеніе съ нимъ. Между тѣмъ, Смотрицкій, ничего не зная, направился къ Печерской лаврѣ къ Петру Могилѣ. Но ему объявили, что его не велѣно пускать сюда, а приказано отправляться въ Михайловскій монастырь. Едва Смотрицкій прибылъ туда, какъ явилась къ нему депутація отъ собора православнаго съ вопросомъ — стоитъ ли онъ при своей еретической апологіи или нѣтъ? Смотрицкій понялъ теперь, что попалъ въ большое затрудненіе, впрочемъ не терялъ надежды уладить его и обратился къ собору съ просьбою допу-

стить его для личнаго объясненія (223). Но сейчасъ же обнаружилось, что эта надежда совершенно напрасна. Слуги и близкіе люди приносили Смотрицкому самыя тревожныя извѣстія о настроеніи народа, въ особенности казаковъ, которые безцеремонно объявляли, что измѣнникъ вѣрѣ и друзья его очень легко могутъ напиться Славуты, т. е. будутъ утоплены. Затѣмъ явилась и депутація отъ казаковъ съ укоромъ и увѣщаніемъ Мелетію. Смотрицкій съ прозрѣніемъ отзывается о своемъ положеніи передъ казаками, которые читали ему уроки назиданія. Но мы въ приведенныхъ же имъ словахъ казаковъ находимъ очень серьезную мысль, какъ ни жестка она. Кровію нашею, говорили они, стяжали мы эту святыню (вѣроятно разумѣлась Кіево-Печерская лавра, не давно отнятая у уніятовъ), кровію заплатитъ и всякій, посрамляющій её. Не кончилась еще эта пытка Смотрицкаго, какъ прибыли нѣкоторые члены собора съ предсѣдателемъ его Борецкимъ и, не вступая съ Мелетіемъ въ длинныя разсужденія объ его апологіи, предложили ему слѣдующіе пункты для подписи — отказаться отъ апологіи торжественно; не писать ничего и ничѣмъ не возмущать православной Церкви и остаться навсегда въ Кіевѣ. Смотрицкій опять просилъ допустить его на соборъ и тамъ общимъ совѣтомъ разобрать дѣло, не разглашая его. Члены собора отказали ему въ этомъ, по очень понятной причинѣ и оставили на письмѣ свои пункты. Мелетій поправилъ ихъ т. е. смягчилъ выраженія и съ этими измѣненными пунктами отправился ко всенощной въ Печерскій монастырь наканунѣ Успенія, расчитывая, вѣроятно, что въ Церкви члены собора будутъ къ нему болѣе снисходительны и, можетъ быть,

согласятся замять все дѣло. Но опять жестоко ошибся въ своемъ расчетѣ. Едва онъ явился въ Церковь, какъ поднялось сильное смятеніе въ народѣ, а члены собора были еще менѣе сговорчивы. Мелетій тогда будто бы сказалъ, что соглашается на все невольно, и подписалъ свои исправленные пункты. Волненіе утихло, а на слѣдующее утро совершена была замѣчательная церемонія въ Кіево-печерской Церкви. Митрополитъ, епископы и въ числѣ ихъ Мелетій соборно совершали литургію. Послѣ евангелія всѣ вышли на амвонъ. Розданы были всѣмъ зажженныя свѣчи и листы апологіи Смотрицкаго. Намѣстникъ Смотрицкаго по виленской архимандріи взошелъ на каѳедру (kazalnicę) и прочиталъ отреченіе Мелетія отъ апологіи. Митрополитъ Іовъ произнесъ проклятіе на это сочиненіе и на Кассіана Саковича и тутъ же вмѣстѣ съ другими разорвалъ листы апологіи и потушилъ свѣчу. Рвалъ листы и тушилъ свѣчу также и Смотрицкій (224).

Совершилось новое превращеніе Смотрицкаго, впрочемъ, дѣйствительно наружное, вынужденное. Но какъ однако Мелетій допустилъ такое посрамленіе? Какъ въ немъ не достало духу принести себя въ жертву своимъ убѣжденіямъ? Трудно доискаться дѣйствительныхъ причинъ этой слабости. Самая простая и вѣрная — это страхъ, свойственное Мелетію малодушіе вблизи дѣйствительной опасности. Но выше всякаго сомнѣнія, что искреннее убѣжденіе въ своихъ заблужденіяхъ и искреннее желаніе быть православнымъ не имѣли здѣсь мѣста. Въ самомъ скоромъ времени, едва ли не черезъ нѣсколько дней послѣ собора, Смотрицкій бѣжалъ изъ Кіева въ Дерманьскій монастырь и сдѣлался еще болѣе

рьянымъ уніятомъ, воодушевляясь теперь, конечно, больше злобою противъ православныхъ и желаніемъ мести за свое униженіе, нежели дѣйствительнымъ убѣжденіемъ въ истинности уніи и латинства.

Такъ какъ эти превращенія Смотрицкаго слѣдовали быстро одно за другимъ; то, кажется, оба враждебные лагеря — православные и латинствующіе узнали въ одно и то же время, что имъ измѣнилъ онъ. По всему видно, что недоумѣніе латинянъ и уніятовъ было очень велико. Весь планъ ихъ соединить православныхъ съ уніятами — планъ такъ искусно задуманный и такъ заботливо взлелѣянный, теперь обнаружился и разрушился. Но какъ отказаться отъ него, какъ было сознаться предъ всѣми, что ими было задумано гнусное дѣло? Уніяты въ такомъ случаѣ обыкновенно поступали такъ, что начинали дѣйствовать совершенно открыто, облекая тѣ же дѣйствія въ формы видимо-строгой законности и искренности. Такъ они поступили и теперь. Хотя всѣмъ имъ было ясно, болѣе чѣмъ когда либо, что православные теперь ни за что не захотятъ мириться съ ними, тѣмъ не менѣе они въ 1629 году, т. е. въ слѣдующемъ же году, испросили у короля дозволеніе составить во Львовѣ соборъ, для примиренія православныхъ съ уніятами. Въ двадцатыхъ числахъ октября 1629 года въ предмѣстьи Львова начали показываться экипажи уніятскихъ духовныхъ властей, которыя тутъ же останавливались и поджидали другихъ. Затѣмъ всѣ вмѣстѣ торжественно двинулись въ городъ. Эта пустая торжественность вскорѣ превратилась въ серьезную — религіозную торжественность. Уніятскія власти начали совершать службы то въ уніятскихъ

церквахъ, то въ костелахъ, и на одной изъ такихъ службъ іезуитъ Бембусъ сказалъ длинную, напыщенную проповѣдь о соединеніи церквей и съ убѣжденіемъ православнымъ пристать къ уніи. Можно было подумать, что въ самомъ дѣлѣ тутъ затѣвается что-то серьезное, тѣмъ болѣе, что однажды, при выходѣ Рутскаго изъ одной православной церкви, куда онъ пришелъ, вѣроятно, подъ предлогомъ осмотрѣть это вновь построенное зданіе, латиняне стали кричать: «zgoda, zgoda, unia!» (примиреніе, примиреніе, унія!). Между тѣмъ, на дѣлѣ не было тутъ ничего серьознаго, ни малѣйшихъ задатковъ уніи. Здѣсь не было ни одного православнаго епископа, не устроилось ни одного серьезнаго совѣщанія съ православными. Разыгрывалась просто комедія и вотъ какимъ образомъ. Православные очень хорошо знали, что отъ этого съѣзда не могло быть никакого толку, но имъ не хотѣлось навлечь на себя гнѣвъ короля, если они, по его приглашенію, не явятся совсѣмъ на соборъ, имъ предписанный. Поэтому, собравшись сами въ Кіевъ, они отправили на этотъ соборъ только нѣкоторыхъ свѣтскихъ и духовныхъ членовъ братства (225). Такъ, напримѣръ, сюда прибыли князь Пузына и Лаврентій Древинскій. Уже одно имя этихъ людей достаточно ясно говорило, что никакого успѣха въ совѣщаніяхъ быть не можетъ. Но и эти люди сочли нужнымъ, по извѣстнымъ уже намъ побужденіямъ, показать видимые признаки охоты къ сближенію съ уніятами. Вотъ почему они допустили Рутскому войти въ православную церковь и сказать имъ нѣсколько словъ. Вотъ почему они даже пригласили Рутскаго и его братію въ домъ братскаго священника и угостили ихъ. Но

и сквозь эту миролюбивую оболочку пробилась желчь у православныхъ на унію и уніятовъ. Колкими остротами приправлена была бесѣда ихъ съ Рутскимъ въ домѣ братскаго священника. Обнаружилось наконецъ дѣйствительное настроеніе и уніятовъ съ латинянами. Послѣ всѣхъ вѣжливостей, миролюбивыхъ встрѣчъ, угощеній и дружескихъ прощаній, іезуитъ Бембусъ открыто уже проклиналъ православныхъ съ каѳедры, а уніяты протестовали противъ нихъ и при послѣднемъ свиданіи съ ними сами отказались отъ всякихъ дальнѣйшихъ сношеній по дѣлу взаимнаго примиренія. Такимъ образомъ, уніятамъ не удалось ни выдержать логичность своихъ дѣйствій, ни привлечь открыто въ унію людей съ настроеніемъ Смотрицкаго, на которыхъ они, безъ сомнѣнія, много расчитывали и что составляло единственно серьозную сторону львовскаго съѣзда (226).

Но мы впали бы въ большое заблужденіе, если бы думали, что дѣйствія Мелетія Смотрицкаго, вызвавшія этотъ безполѣзнѣйшій съѣздъ, не имѣли въ другихъ отношеніяхъ важныхъ послѣдствій. Не только уніятскіе писатели, но и православные говорятъ, что вслѣдъ за Мелетіемъ многіе обратились изъ православія въ унію (227). Что же именно увлекало ихъ? — вопросъ, по нашему мнѣнію, очень серьезный въ исторіи уніи. Что совратился въ унію высшій членъ западно-русской іерархіи — архіепископъ, — это не многихъ увлекало за нимъ; потому что въ западно-русской Церкви многіе архіереи измѣняли своей вѣрѣ и народъ довольно уже привыкъ къ подобнымъ явленіямъ. Съ другой стороны, народъ этотъ былъ слишкомъ самостоятеленъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Гораздо важнѣе въ

этомъ отношеніи были личныя особенности Мелетія, независимо отъ его сана. Мелетій былъ связанъ узами дружбы и знакомства съ очень многими людьми: всѣ эти друзья и знакомые, безъ сомнѣнія, глубоко теперь призадумались надъ его превращеніями. Но, что еще важнѣе, Мелетій былъ лучшимъ руководителемъ всего православнаго литовско-русскаго народа. Густыя массы этого народа схватывали каждое его слово и шли немедленно по его указанію. Многіе изъ этихъ людей принесли при этомъ много жертвъ, — поплатились гражданскими преимуществами, достояніемъ и свободою, и вотъ всѣ они теперь узнали, что ихъ руководитель отказался отъ своихъ убѣжденій, отъ своего дѣла и громко провозглашаетъ и кается, что самъ заблуждался и другихъ вводилъ въ заблужденіе. Конечно, это признаніе много теряло своей силы отъ того, что случилось съ Мелетіемъ въ Кіевѣ, но Мелетій не молчалъ и объ этомъ дѣлѣ, а со всѣми подробностями описалъ кіевскій соборъ съ своей точки зрѣнія и пустилъ это сочиненіе (Protestatia) по всей Литвѣ. Не отвергаемъ, что и этотъ его разсказъ справедливо былъ заподозрѣваемъ, тѣмъ болѣе, что противъ него было издано отъ православной іерархіи описаніе кіевскаго собора, но нельзя было не убѣдиться во многомъ, что говорилъ Смотрицкій и объ чемъ умалчивало православное описаніе кіевскаго собора и другія полемическія сочиненія, написанныя противъ Смотрицкаго. Но, что еще болѣе важно, такъ это тѣ взгляды, которыя теперь развивалъ Мелетій касательно всей западно-русской Церкви. Мы ихъ уже излагали. Здѣсь мы только сформируемъ ихъ въ той точности, какую имъ придалъ въ это время Смотрицкій.

Онъ сталъ развивать свою прежнюю мысль, что наука богословская западно-русской Церкви, всѣ сочиненія ея писателей страдаютъ протестантствомъ. Православные обличили преувеличеніе Смотрицкаго, но они допустили основную его мысль, осудили поименованныхъ имъ писателей, и на томъ же кіевскомъ соборѣ 1628 года постановлено было, чтобы безъ духовной цензуры никто не издавалъ сочиненій, касающихся вѣры (228). Затѣмъ переходя отъ науки къ жизни, Смотрицкій доказывалъ, что выраженіемъ здѣсь протестантства служатъ — низшее духовенство, распоряжающееся дѣлами церковными во вредъ власти епископской и въ особенности братства (229). Между братствами главное вниманіе его обратило на себя братство виленское, и онъ написалъ объ немъ цѣлое сочиненіе (Paraenesis), въ которомъ старается собрать всѣ щекотливыя стороны и увлечь его за собою въ унію (230). Обвиненія его крайне преувеличены, но неоспоримо, что они производили сильное впечатлѣніе. На нихъ не послѣдовало отвѣта, но, кромѣ того, всѣ видѣли, что теперь западно-русская Церковь въ лицѣ Петра Могилы занялась новымъ устройствомъ братствъ на юго-западѣ Россіи, въ большей зависимости отъ іерархіи. Какъ бы то впрочемъ ни было, но неоспоримо, что, со временъ послѣдняго совращенія Смотрицкаго, виленское братство болѣе и болѣе теряло свое значеніе.

Уніятскіе и латинскіе писатели говорятъ, что православные такъ возненавидѣли Мелетія, что въ 1633 году подослали къ нему отравителя, который будто бы и отравилъ его. Мы можемъ не принимать этого извѣстія потому именно, что оно пріурочено къ 1633 году. Те-

перь Смотрицкій много потерялъ изъ своего прежняго значенія и мало уже былъ опасенъ православнымъ. За годъ до его смерти умеръ Сигизмундъ III, и событія уніи съ шумомъ устремились по другому направленію, при чемъ личность Смотрицкаго совершенно терялась изъ виду, хотя и нельзя сказать, чтобы выработанные имъ взгляды не оставили никакихъ слѣдовъ.

II.

Времена уніи отъ смерти Сигизмунда III до присоединенія къ Россіи Малороссіи. — Возстановленіе правъ православной западно-русской Церкви.

Сорокъ пять лѣтъ царствовалъ Сигизмундъ III, и во все это время служилъ интересамъ латинства съ изумительною вѣрностію и усердіемъ. Сорокъ пять лѣтъ доказывалось, что единство вѣры, въ смыслѣ латинянъ, составляетъ первѣйшую цѣль литовско-польскаго государства и что отъ достиженія этой цѣли оно должно ожидать себѣ всѣхъ благъ. Цѣль эта однако и въ сорокъ пять лѣтъ не была достигнута. Иновѣрцевъ къ концу царствованія Сигизмунда, конечно, было меньше, но это уменьшеніе куплено было слишкомъ дорогою цѣною и не обѣщало въ будущемъ ничего добраго. Швеція и Россія, на соединеніе которыхъ съ собою сильно расчитывала Польша, отшатнулись отъ нее еще больше прежняго, благодаря прежде всего неумолимому фанатизму Сигизмунда. За тѣмъ и въ тѣхъ областяхъ, которыя составляли литовско-польское государство, то тамъ, то здѣсь пробивалась мысль объ отторженіи отъ Польши и подчиненіи одному изъ сосѣднихъ правительствъ (въ Пруссіи, Ливоніи, въ Бѣлоруссіи и Малоросіи), вслѣд-

ствіе чего Швеція, Россія и Турція всегда имѣли предлогъ къ успѣшной войнѣ съ Польшею. Сами поляки не разъ раздѣляли эту мысль, только они думали не предаваться другому государству, а Сигизмунда изгнать изъ Польши вмѣстѣ съ іезуитами (въ 1593 и 1607 г.).

Но эти видимыя, осязательныя бѣдствія литовско-польскаго государства отъ фанатизма Сигизмунда еще малы въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, которыя скрывались внутри и не легко могли быть подмѣчены и исправлены заблаговременно. Латинскій фанатизмъ Сигизмунда, основанный на величайшемъ произволѣ, внесъ страшный деспотизмъ въ конституціонное государство и раздѣлилъ его, и безъ того склонное къ разрушенію, на двѣ враждебныя, но совершенно равно деспотичныя половины. Одни—іезуитской партіи, благоговѣли предъ величіемъ королевской власти и возненавидѣли всею душею польскихъ республиканцевъ, а республиканцы потеряли теперь и остатокъ своего уваженія къ королевской власти и дошли до убѣжденія, что противленіе ей—долгъ гражданина. А такъ какъ первые, слѣдуя іезуитскимъ началамъ не были разборчивы въ средствахъ; то и послѣдніе съ отчаянія бросились по тому же пути. Въ общей сложности у тѣхъ и другихъ сталъ выходить вездѣ произволъ, деспотизмъ, при чемъ естественно господство матеріальной силы стало закономъ, правомъ, а недостатокъ этой силы обязанностію подчиняться. Но мало было для Польши и этого бѣдствія. Православные западно-русскіе, всегда отличавшіеся глубокимъ уваженіемъ и покорностію къ королямъ, стали, вслѣдствіе фанатизма Сигизмундова, переходить на сторону республиканской партіи, а король, видя все таки въ право-

славныхъ большую покорность себѣ, по неволѣ склонялся на ихъ сторону, въ особенности на сторону казаковъ, и такимъ образомъ и самъ былъ въ противорѣчіи съ своими основными религіозными цѣлями и, что еще важнѣе, клалъ сѣмя раздора между русскими своими подданными и польскими. Такимъ образомъ, король враждовалъ съ своими подданными изъ-за религіозныхъ и гражданскихъ началъ жизни, и подданные при немъ враждовали между собою больше, чѣмъ когда либо, и въ религіозныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Общій результатъ царствованія Сигизмунда коротко можно выразить такъ: государство потеряло много земель и оставшіеся въ немъ граждане сдѣлались хуже. Въ религіозныхъ дѣлахъ латиняне увеличивались въ числѣ, а иновѣрцы уменьшались; но увеличившіеся латиняне испорчены были іезуитами — стали дурными латинянами, между тѣмъ, какъ уменьшившіеся иновѣрцы стали крѣпче въ своихъ убѣжденіяхъ, тверже, т. е. лучше, чѣмъ прежде.

Сорокъ пять лѣтъ, мы сказали, продолжался такой гибельный порядокъ: въ эти сорокъ пять лѣтъ нельзя было не понять, хоть на половину, неминуемую гибель такой жизни. Сознаніе всего этого, дѣйствительно, было у многихъ людей и высказалось, какъ сейчасъ увидимъ, со всею ясностію, немедленно послѣ смерти Сигизмунда. Уяснена была именно та главная причина, отъ которой произошло все зло, т. е. что гибельно слитіе интересовъ государства съ интересами латинства. Но, при глубокомъ благочестіи польскаго народа и при всеобщемъ въ то время господствѣ іезуитовъ, нельзя было прямо и рѣшительно напасть вообще на іезуитское латинство Польши. Поэтому лучшіе люди того времени

и во главѣ ихъ самъ избираемый король Владиславъ напали на очевидное, богатое доказательствами, обнаруженіе іезуитства — на унію. Нападки эти имѣли всѣ признаки безпристрастія и видъ необходимости, вызванной западно-русскими православными. Православные, дѣйствительно, прекрасно воспользовались такимъ благопріятнымъ поворотомъ обстоятельствъ.

Еще не погребено было тѣло нелюбимаго короля Сигизмунда, какъ во всѣхъ областяхъ литовско-русскихъ обнаружилось сильное движеніе на защиту вѣры — движеніе, живо напоминавшее всѣмъ памятные годы 1599, 1607, 1609 и 1621—1623, когда всѣ лучшіе люди православные, всѣ партіи, всѣ сословія дѣйствовали за одно, въ защиту своей вѣры и своимъ единодушіемъ и стойкостію приводили однихъ латинянъ въ изумленіе, а другихъ въ ужасъ. Благодаря возстановленной православной іерархіи, которая съумѣла оживить падавшія силы православныхъ, благодаря шумной дѣятельности Мелетія, возбудившей вниманіе къ вѣрѣ въ самыхъ равнодушныхъ къ ней людяхъ, благодаря далѣе благопріятному повороту обстоятельствъ, указанныхъ нами выше, теперь снова всѣ партіи и всѣ сословія православнаго народа выступили, какъ одна масса, — обстоятельство въ высшей степени важное!

Мы видѣли, что ко временамъ смерти Купцевича вопросъ объ уніи мало по малу началъ переходить изъ высшихъ сословій въ низшія и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ колеи конституціонной — изъ колеи законности на путь произвола и насилія. Теперь благородныя и образованныя лица снова пробуждаются къ прежней своей дѣятельности, берутъ въ свои руки дѣло православія и

усиливаются снова поставить его въ область права и закона. Какъ они его поставили и на долго ли, сейчасъ увидимъ.

Какъ только собрались сеймики для избранія пословъ на конвокаціонный сеймъ, вездѣ въ областяхъ русскихъ вопросъ о возстановленіи правъ православія поставленъ былъ въ посольской инструкціи наряду съ важнѣйшими вопросами государства (231). Въ двухъ главныхъ пунктахъ тогдашняго православія западно-русскаго явилось прекрасное содѣйствіе этимъ добрымъ намѣреніямъ. Виленское братство къ избирательному сейму составило и издало цѣлое сочиненіе, какъ выраженіе мыслей православнаго народа и какъ руководство для православныхъ пословъ на избирательномъ сеймѣ (232); а въ Кіевѣ былъ избранъ и посланъ на сеймъ знаменитый представитель православія — кіевопечерскій Архимандритъ Петръ Могила, пользовавшійся и между православными и между латинянами большимъ уваженіемъ.

Чего же именно добивались православные? — Они подняли вопросъ о старинныхъ, признанныхъ законами Польши и прежнею жизнію, гражданскихъ правахъ православія, отнятыхъ у него покойнымъ королемъ и переданныхъ уніятамъ. Отсюда само собою вытекало заключеніе, что унія незаконно пользуется своими правами, они должны быть у ней отняты и сама унія уничтожена (233). Само собою разумѣется, что латиняне и уніяты, осудившіе съ 1596 года православіе на уничтоженіе, не хотѣли слышать о требуемомъ теперь православными уничтоженіи уніи. Тѣ и другіе раздѣлились на два, крайне враждебные лагеря, между которыми, повидимому, не могло быть никакаго прими-

ренія. Его дѣйствительно и не было бы даже въ малѣйшей части, если бы оно не было тѣсно связано съ избраніемъ новаго короля, потому что православные объявили, что не приступятъ къ избранію короля, если не будутъ исполнены ихъ требованія. Представилась слѣдовательно настоятельнѣйшая нужда примирить на чемъ нибудь обѣ стороны, т. е. склонить обѣ стороны на взаимныя уступки. Теперь-то и выступили на сцену указанные нами поляки, враждебные іезуитству и уніи, а со стороны православныхъ выдѣлились люди, давно привыкшіе къ вѣротерпимости и къ той мысли, что пусть себѣ существуетъ унія, лишь бы она не нарушала правъ православія. Составлена была коммиссія изъ тѣхъ и другихъ, подъ предсѣдательствомъ избираемаго короля Владислава, и поставила вопросъ такъ: что православіе и унія должны раздѣлить соразмѣрно права и имущества и жить свободно и мирно. Въ слѣдующихъ главныхъ пунктахъ формулировано было это требованіе. 1) Свобода вѣры русской, т. е. православной и уніятской. Свобода эта должна была обнимать лица русской вѣры, т. е. іерархію и паству: учрежденія западно-русской Церкви и уніятской, т. е. братства, училища, богадѣльни, типографіи, и вообще имущество; 2) Іерархіи русской, какъ тогда называли, должно быть двѣ — православная и уніятская съ равными правами и средствами. 3) Всѣ люди русской вѣры, т. е. по тогдашнему разумѣнію, и православные и уніяты, вольны подчиняться той или другой іерархіи, по требованію своей совѣсти, — православные свободно обращаются къ своей іерархіи, уніяты къ своей, и тѣ и другіе могутъ мѣнять вѣру безъ всякаго стѣсне-

нія (234). Въ этихъ общихъ пунктахъ, повидимому, не было ничего труднаго къ исполненію, но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ другое. Предстало необычайное затрудненіе, какъ распредѣлить мѣста служенія и имущества для той и другой іерархіи. Коммиссія поступила въ этомъ дѣлѣ слѣдующимъ образомъ. Она признала яснымъ и неоспоримымъ, что тутъ православнымъ нужно дать, отнявъ отъ уніятовъ, но она также признала и то, что нельзя ни дать всего первымъ, ни отнять всего у послѣднихъ. Поэтому коммиссія рѣшилась въ этомъ трудномъ дѣлѣ держаться не только историческихъ правъ обоихъ вѣроисповѣданій, но и дѣйствительнаго, настоящаго ихъ положенія. На этомъ основаніи нѣкоторыя епископіи, монастыри, церкви и имѣнія положено отнять отъ уніятовъ и отдать православнымъ. Тутъ же и поименованы были нѣкоторые изъ этихъ предметовъ (235). Но коммиссія сочла еще нужнымъ, и очень справедливо, назначить комиссаровъ, которые бы изслѣдовали на мѣстахъ положеніе православія и уніи, руководствуясь тѣмъ, сколько въ каждомъ мѣстѣ православныхъ и уніятовъ и сколько въ соотвѣтствіи съ этимъ должно быть у тѣхъ и другихъ церквей, монастырей, имуществъ церковныхъ. Такимъ образомъ, можно видѣть, что этотъ проэктъ, по отношенію къ древнему положенію православія, узаконялъ ущербъ ему, потому что не возстановлялъ всего древняго, прежняго для западно-русской Церкви, и узаконялъ многое, незаконно пріобрѣтенное унією; но, по отношенію къ тогдашнему дѣйствительному положенію того и другого вѣроисповѣданія, онъ давалъ дѣйствительно много православнымъ и наносилъ сильный ударъ уніи.

Многіе православные остались очень недовольны этимъ проэктомъ (236), но неоспоримо, что они были гораздо терпѣливѣе и умѣреннѣе уніятовъ и латинянъ іезуитской партіи. Громъ и молнія раздались въ этомъ послѣднемъ двойномъ лагерѣ, когда сдѣлались извѣстны положенія этого проэкта. Они не хотѣли было сначала ни объ чемъ слышать. Но православные обратились къ прежнему убѣдительному средству: объявили, что не приступятъ къ избранію короля и не примутъ избраннаго, если эти требованія не будутъ приняты и подтверждены клятвою короля и закономъ государства. Стали теперь опять лицемъ къ лицу двѣ силы — одна сорокъ пять лѣтъ пріобрѣтавшая перевѣсъ, другая въ сорокъ пять лѣтъ не давшая убить себя. Избирательный сеймъ дѣйствительно готовъ былъ превратиться въ два военные стана и открыть настоящую войну. Тогда-то опять выступили впередъ люди, о которыхъ мы выше говорили—люди, понимавшіе весь вредъ іезуитскаго, фанатическаго латинства. Они-то подъ видомъ посредниковъ взялись нанести ударъ іезуитскому латинству и уніи и провести требованія православныхъ. Для этого они употребили такое средство, которое было большою новостью въ польской конституціи и которое составляетъ лучшую характеристику началъ, развитыхъ въ Польшѣ Сигизмундомъ III. Дѣло это стоитъ подробнаго объясненія.

Извѣстно, что каждый польскій король, вступая на престолъ, клялся исполнять опредѣленныя обязательства, предлагаемыя каждому новому королю народомъ. Обязательства эти, какъ и естественно, не всегда были выраженіемъ всеобщихъ нуждъ и желаній народа. Вну-

тренній разладъ Польши болѣе и болѣе уменьшалъ такія единодушныя, всеобщія требованія и пораждалъ требованія партій, предлагаемыя одной и отвергаемыя другой. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣло рѣшало большинство, и король клялся на тѣхъ пактахъ конвентахъ, которыя предлагало избиравшее его большинство. Но теперь въ разбираемомъ нами случаѣ оказалось, что требованія православныхъ, хотя и самыя законныя — все-таки требованія меньшинства, отвергаемыя большинствомъ. Какъ принять такія требованія, какъ клясться въ ихъ исполненіи? Партія людей, о которыхъ мы говорили, и самъ король Владиславъ, чтобы положить конецъ непримиримому раздору, порѣшили слѣдующимъ образомъ: избираемый король самъ взялъ на себя это дѣло, самъ рѣшился включить требованія православныхъ въ пакта конвента и клясться въ ихъ исполненіи, т. е. Владиславъ въ этомъ отношеніи поставилъ свою королевскую власть выше народнаго представительства. Это было нарушеніемъ польской конституціи, впрочемъ нарушеніемъ собственно для такихъ людей, которые сами вовсе не уважали этой конституціи и сорокъ пять лѣтъ попирали ее, т. е. іезуитская партія. Эта партія въ свою очередь поступила теперь тоже очень замѣчательно. Она не рѣшилась явно возстать противъ короля во имя польской конституціи, давно ею попираемой, но противопоставила рѣшенію его авторитетъ тоже высшій въ ея глазахъ польскаго народнаго представительства, т. е. власть папы. Она потребовала, чтобы въ проэктѣ возстановленія правъ православныхъ внесено было выраженіе—salvandis juribus Romanae Ecclesiae (т. е. права православ-

ныхъ возстановляются съ сохраненіемъ законовъ римской Церкви) и настояла, чтобы къ папѣ отправленъ былъ запросъ, согласенъ ли онъ на такое возстановленіе правъ православныхъ (237). На первый разъ такъ все дѣло и замялось: король былъ избранъ, но когда собрались народные представители на первый сеймъ по избраніи Владислава, когда пришлось внести требованія православныхъ въ собраніе польскихъ конституцій, тогда опять раскрылась вся трудность дѣла. Латиняне іезуитской партіи предложили православнымъ или ожидать отвѣта папы, или предложить дѣло на разсужденіе сейма: но православные, основываясь на томъ, что король уже клялся исполнить ихъ требованія, считали ихъ покончеными и не хотѣли слышать ни о salvandis juribus Romanae Ecclesiae, ни объ отвѣтѣ папскомъ, въ смыслѣ котораго никто не сомнѣвался, ни наконецъ о новомъ разсужденіи сейма объ этомъ дѣлѣ: они требовали рѣшительно внесенія своихъ условій, въ конституцію и исполненія ихъ, и опять объявили, что безъ этого не допустятъ сеймъ ни до какого дѣла (238). Тогда Владиславъ опять обратился къ прежнему средству и, убѣдивъ православныхъ оставить сеймъ въ покоѣ, рѣшился самъ исполнить данныя имъ обѣщанія. Дѣйствительно онъ взялся за это дѣло. Онъ далъ православнымъ отъ своего имени дипломъ, которымъ позволялъ избрать и поставить себѣ новаго митрополита — Петра Могилу; въ областяхъ, населенныхъ почти исключительно православными, возстановлялъ православныя епископіи, именно: Львовскую, Перемышльскую и Луцкую съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы епископскія имѣнія отданы были православнымъ по смерти владѣвшихъ ими

уніятскихъ епископовъ; отдѣлялъ отъ Полоцкой архіепископіи часть съ населеніемъ по преимуществу православнымъ — Мстиславскую и Могилевскую, и открывалъ здѣсь новую православную епископію; давалъ право всякому быть православнымъ или уніятомъ и свободно относиться къ православной или уніятской іерархіи и разослалъ комиссаровъ, которые на первый разъ должны были въ каждомъ городѣ Литвы — возвратить православнымъ по одной церкви (239).

Какъ ни мало эти распоряженія отвѣчали ожиданіямъ православнаго народа, и даже постановленіямъ избирательнаго сейма, но и они не могли быть вполнѣ приведены въ исполненіе. Тутъ-то и оказалось, что королевская власть безъ поддержки сеймовыхъ членовъ и большинства народа слишкомъ мало имѣла значенія. Конечно, никто не могъ попрепятствовать избранію и посвященію митрополита и новыхъ епископовъ православныхъ, потому что это была область на половину чисто королевской власти и на половину чисто церковной. Оказалось также невозможнымъ помѣшать утвердиться Львовскому епископу и Мстиславскому, потому что одинъ утвердился на старомъ мѣстѣ, гдѣ только титуловался уніятскій епископъ (Львовскій), а другой на новомъ (въ Могилевѣ) никѣмъ фактически незанятомъ и среди православнаго народа. Но вовсе неизвѣстно, чтобы прочно утвердились епископы Перемышльскій и Луцкій. Неизвѣстно также, чтобы въ Литвѣ возвращены были православнымъ какія церкви. Зато несомнѣнно извѣстно, что королевскіе комиссары не допущены были возвратить православнымъ церковь, напримѣръ, въ Минскѣ и даже мѣста, для постройки церквей, въ

Вильнѣ (240). «Конституція 1633 года отложила окончательное успокоеніе православныхъ до слѣдующаго сейма», говорили уніяты, «нужно и ждать этого сейма». «Да, дипломъ короля православнымъ незаконно данъ», прибавляли другіе. Королевскій чиновникъ притомъ видѣлъ, что тутъ же уніяты собирали съ оружіемъ своихъ монастырскихъ крестьянъ, а православные тоже сходились со всѣхъ сторонъ и готовы были брать церковь съ бою. Тогда королевскому чиновнику приходилось уже думать о другомъ дѣлѣ—отклонить кровопролитіе: онъ торопился прочитать королевскую грамату, занести протестъ противъ уніятовъ и поскорѣе уѣхать (241).

Такая дерзость уніятовъ никакъ не могла быть наказана. За нихъ сильно дѣйствовала цѣлая латинская партія и сильно смущала Владислава. Мы знаемъ, что вопросъ о возстановленіи правъ православныхъ предоставленъ былъ рѣшенію папы, и что туда отправлено было посольство, въ которомъ былъ и уніятскій епископъ Корсакъ. Онъ такъ взволновалъ римскую курію, что конгрегація распространенія вѣры немедленно признала незаконными всѣ распоряженія короля. Папскій нунцій въ Польшѣ получилъ приказаніе отклонить короля и поляковъ отъ православныхъ (242). Партія латинская смѣлѣе и смѣлѣе поднимала голову. Но поднимали голову также и казаки. Таково было положеніе дѣла, когда наступилъ сеймъ 1635 года. Король и лучшіе люди употребили еще одну попытку преодолѣть козни латинской партіи. Они объявили, что возстановленіе правъ православныхъ вовсе не означаетъ, что король и Польша одобряютъ ученіе православныхъ. Это

чисто гражданское дѣло, необходимое для успокоенія взволнованнаго народа. Эта свѣжая мысль, это отдѣленіе интересовъ вѣры и интересовъ государства, въ первый разъ мелькнувшія въ лучшихъ головахъ поляковъ, въ такое критическое время, такъ поразили народныхъ представителей, что права православныхъ внесены были въ сеймовую конституцію, здѣсь даже сказано было, что утверждаются всѣ постановленія короля. Іезуитская партія такъ взволнована была этимъ, что вооружила противъ короля всѣхъ своихъ приверженцевъ, даже канцлеры подписывали эту конституцію съ оговорками, что они это дѣлаютъ по необходимости и протестуютъ противъ такихъ милостей короля къ православнымъ. Партія эта теперь стала распускать слухи, что король пересталъ благоволить къ уніи, къ чему папа обязалъ еще Сигизмунда, что онъ хочетъ уничтожить унію. Владиславу вовсе не хотѣлось раздражать іезуитской партіи, ему нужно было расположеніе ея, чтобы она не мутила сеймовъ. Поэтому, желая показать, что онъ равно готовъ покровительствовать и православнымъ и уніятамъ въ ихъ законныхъ дѣлахъ, Владиславъ далъ и уніятамъ дипломъ, которымъ утверждалъ за ними все, чѣмъ они владѣли въ настоящее время. Уступая настойчивости ихъ, онъ даже постановилъ, чтобы, напримѣръ въ Минскѣ, православные не имѣли ни одной церкви (243). Это, очевидно, значило, что ниспровергаются прежнія распоряженія короля о возвращеніи православнымъ церквей. Понятно, что такой поворотъ дѣла долженъ былъ очень взволновать православныхъ. Смущенный до крайности Владиславъ рѣшился наконецъ обратиться къ старому средству, объявилъ, чтобы пра-

вославные съѣхались съ уніятами, примирились и избрали себѣ общаго патріарха (244). Но на такую приманку никто уже не обратилъ вниманія. Раздраженіе обѣихъ сторонъ осталось прежнее, если еще не усилилось, и дѣла пошли ни по волѣ короля, ни по волѣ іезуитской партіи, а по началамъ болѣе глубокимъ и самобытнымъ.

Средоточіе западно-русскаго православія въ Малороссіи.

Не напрасно уніяты въ союзѣ съ іезуитскою партіею такъ встревожились, когда со вступленіемъ на престолъ Владислава поднятъ былъ вопросъ о предоставленіи православнымъ гражданскихъ правъ. Много конечно здѣсь значило неоспоримое желаніе Владислава и окружавшихъ его друзей оказать справедливость столь давно угнѣтаемой массѣ несчастнаго западно-русскаго народа. Но, собственно говоря, не это тревожило уніятовъ и іезуитовъ. Они, безъ сомнѣнія, лучше другихъ понимали, какъ слаба въ Польшѣ власть короля, а съ нею и всѣ его желанія; знали они также хорошо и то, что не многіе поляки поддерживаютъ короля въ дѣлѣ православныхъ. Гораздо важнѣе для нихъ были домогательство и поддержка этихъ правъ, выходившія изъ самаго западно-русскаго народа, — и именно изъ Малороссіи. Здѣсь то они видѣли главную опасность для уніи и, надобно отдать имъ справедливость, ихъ проницательность въ этомъ случаѣ была очень дальнозоркая. Дѣйствительно, въ Малороссіи образовалось теперь такое средоточіе силъ православія, что ему должна была уступить воля какого угодно короля и требованія какой

угодно партіи, хотя бы то и іезуитской. Въ Малороссіи унія съ самаго своего начала меньше, чѣмъ гдѣ либо, могла раскидывать свои сѣти; но силы народа, противодѣйствовавшаго ей, не вдругъ сгруппировались и получили историческое значеніе для всей Литвы. Соединеніе и сознаніе этихъ силъ началось собственно съ 1620 года, съ возстановленія высшей западно-русской іерархіи. Сюда естественно обращались взоры православныхъ потому уже, что тутъ былъ центръ духовной ихъ власти. Между тѣмъ, сами уніяты и латиняне усилили вниманіе и заботы народа православнаго къ этому средоточію. Они, какъ намъ извѣстно, преслѣдовали эту іерархію полицейскими и судебными мѣрами. Мало того, съ 1624 года Рутскій сосредоточилъ на Малороссіи все свое вниманіе, даже переѣхалъ поближе къ Кіеву и закинулъ сѣти на всѣ монастыри и приходы Волыни и Задиѣпровья, плодомъ чего было совращеніе въ унію нѣсколькихъ видныхъ православныхъ людей, особенно Мелетія, и потомъ — невознаградимое посрамленіе уніи чрезъ того же Мелетія. Всѣ эти обстоятельства постоянно затрогивали, раздражали лучшія стороны многочисленнаго, сильнаго народа и, какъ естественно бываетъ въ такихъ случаяхъ, укрѣпляли его и дѣлали болѣе и болѣе способнымъ къ упорной борьбѣ. Вотъ, въ этомъ-то средоточіи и скрывались теперь всѣ главнѣйшіе задатки исторіи уніи, отсюда выходили желанія, требованія, разлетавшіяся по всей Литвѣ, обхватывавшія всю массу православнаго литовско-русскаго народа и вызывавшія затѣмъ тѣ или другія мѣры въ уніятскомъ и латинскомъ обществѣ. Историку уніи необходимо поближе присмотрѣться къ этому средоточію и поточнѣе

опредѣлить главнѣйшія направленія, исходившія отсюда. Это дастъ возможность видѣть сразу характеръ событій и лицъ того времени, какъ въ православномъ, такъ и въ уніятскомъ и латинскомъ обществѣ.

Два элемента развились въ этомъ малороссійскомъ средоточіи православія западно-русскаго, — элементъ нравственный и элементъ матеріальный, — яснѣе говоря, здѣсь благоустроилась іерархія, развилось духовное просвѣщеніе съ одной стороны, и казачество взялось защищать вѣру — съ другой. Такимъ образомъ, вышла новая странность въ исторіи уніи, именно: въ то время, какъ въ Польшѣ правительство и отчасти латинское общество начали разъединять церковные и гражданскіе интересы, въ православномъ обществѣ оба эти интересы стали сливаться въ одинъ интересъ, — народный. Какъ они слились, на долго ли, и какъ все это имѣло вліяніе на дѣйствія уніятскаго и латинскаго литовско-польскаго общества, — это мы постараемся показать въ двухъ нижеслѣдующихъ отдѣлахъ.

Петръ Могила и его значеніе въ исторіи уніи.

Въ Малороссіи, какъ въ самой здоровой части литовско-русскаго народа, образовался, при указанныхъ нами выше обстоятельствахъ, самый строгій взглядъ на православіе и унію, взглядъ, устранявшій всякія сдѣлки православныхъ съ уніятами во всѣхъ отношеніяхъ, въ догматахъ ли то вѣры или въ правахъ гражданскихъ. Представителями такого взгляда были архимандритъ Кіево-печерскій Исаія Копыстенскій, протопопъ слуцкій Андрей Мужиловскій (245), но еще болѣе извѣстнымъ по своему вліянію на народъ въ этомъ отношеніи былъ

Исаія Копинскій, человѣкъ самаго цѣльнаго характера и неоспоримой честности, къ которому, къ сожалѣнію, исторія оказалась самою несправедливою. Благодаря смутнымъ обстоятельствамъ времени, онъ перебывалъ во всѣхъ, кажется, главнѣйшихъ монастыряхъ Малороссіи, особенно съ 1620 года, когда сдѣланъ былъ перемышльскимъ епископомъ (246), и самымъ блистательнымъ образомъ ознаменовалъ свою ревность къ православію въ 1628 году, когда раскрылъ неожиданно для всѣхъ, самыя тайныя козни Мелетія Смотрицкаго (247). Это усердіе Копинскаго къ Церкви, безъ сомнѣнія, и было главною причиною, что въ 1628 году онъ сдѣланъ былъ епископомъ смоленскимъ, а по смерти Іова Борецкаго въ 1631 году избранъ западно-русскимъ митрополитомъ (248). Годъ спустя Исаіи Копинскому открывалась еще болѣе блистательная дѣятельность. Мы уже знаемъ, что въ то время умеръ Сигизмундъ и православные со всѣхъ концовъ группировались для защиты вѣры, въ чемъ, какъ естественно было ожидать, примѣтъ личное участіе самъ митрополитъ. Но тогда уже совершенно ослабѣвали силы Исаіи, — онъ тогда былъ дряхлымъ, болѣзненнымъ старикомъ. А между тѣмъ, подлѣ него былъ человѣкъ, котораго появленіе въ средѣ православной западно-русской іерархіи составляло необыкновенное въ церковной исторіи явленіе. Это былъ извѣстный уже намъ воеводичъ молдавскій Петръ Могила. Исаія и всѣ православные, видимо, привыкали видѣть въ Могилѣ будущаго митрополита. Онъ былъ архимандритомъ Кіево-печерскаго монастыря; ему съ общаго согласія неисключая и Исаіи, поручили главное управленіе Кіевскою братскою школою (249). Его то и

избрали теперь депутатомъ на сеймъ отъ іерархіи (250), тѣмъ болѣе, что Могила имѣлъ личныя связи со многими польскими аристократами и былъ извѣстенъ избирасмому королю Владиславу.

Мы не могли отыскать ни инструкціи, данной безъ всякаго сомнѣнія по этому случаю, Петру Могилѣ, ни подробныхъ извѣстій о дѣйствіяхъ его на избирательномъ сеймѣ. Но, судя по тогдашнему настроенію православныхъ малороссійскихъ и по нѣкоторымъ даннымъ изъ жизни Могилы, можемъ принять за несомнѣнное, что изъ Кіева онъ не вывезъ на сеймъ порученія о сдѣлкахъ съ уніятами, объ уступкахъ въ ихъ пользу. Ему здѣсь поручили добиваться полнаго возстановленія западно-русскаго православія и полнаго уничтоженія уніятской Церкви. Это былъ голосъ и іерархіи западно-русской и обычное требованіе казаковъ. Но мы знаемъ, что въ этомъ дѣлѣ приняли участіе аристократы и шляхтичи малороссійскіе и литовскіе: они даже явились на сеймѣ главными двигателями дѣла православныхъ. Конечно, и эти люди получали на своихъ областныхъ сеймахъ инструкціи въ такомъ смыслѣ, что вездѣ православіе должно быть возстановлено, а унія уничтожена, получали они даже подтвержденія добиваться именно такого рѣшенія (251). Но какъ ни ревностны были эти послы, а все же они были шляхтичи; надъ ними тяготѣло вліяніе польское и искательство польскихъ милостей, до такой степени, что одинъ изъ нихъ со слезами просилъ на сеймѣ одну придворную знаменитость (Оссолинскаго) не ставить ему въ счетъ одной пустой оговорки (252). А между тѣмъ, дѣло православныхъ и безъ того было трудное. Каждое новое прѣніе на сеймѣ по-

казывало, что желая получить что нибудь въ пользу православія, необходимо было уступить кое что и даже не мало въ пользу уніи. Мы знаемъ, что такъ и сдѣлали православные послы. Въ этой то средѣ — православной — аристократической, допустившей уступки въ пользу уніи, и очутился Петръ Могила, — средѣ, которая, очевидно, ставила его въ противорѣчіе съ ожиданіями духовенства и народа малороссійскаго. Есть твердое основаніе думать, что сначала Петръ Могила былъ строго вѣренъ данному порученію, остался недоволенъ уступками уніятамъ и даже писалъ изъ Варшавы въ Кіевъ, чтобы православные не принимали такого неполнаго возстановленія правъ западно-русской Церкви (253). Къ сожалѣнію, обстоятельства тогда же заставили Петра Могилу успокоиться и на этихъ не полныхъ правахъ. Собственно говоря, почти для всей Малороссіи права западно-русской Церкви вполнѣ были возстановлены. Уніи и безъ того мало здѣсь было мѣста. Получено было даже значительное приращеніе этихъ правъ: Кіевская школа получила титулъ коллегіи, что почти равносильно было названію — академія. Для Петра Могилы, лелѣявшаго уже и тогда эту школу, это должно было показаться большимъ подаркомъ со стороны короля, подаркомъ, при которомъ легче уже было смотрѣть на упорство латинской партіи отдать все западно-русской Церкви. А тутъ еще явилось желаніе — быть Могилѣ митрополитомъ, не дожидаясь смерти Исаіи Копинскаго. Темное это дѣло, какъ и многія дѣла въ исторіи уніи. Нельзя разобрать, откуда вышло это желаніе. Но вотъ, обстоятельства, нѣсколько разъясняющія эту темноту. Владиславъ охотно согласился на по-

ставленіе Могилы митрополитомъ и далъ ему настольную грамоту. Петръ Могила тогда же, послѣ избранія короля отправился въ Львовъ, пригласилъ туда изъ Валахіи митрополита съ епископами, и былъ ими рукоположенъ въ санъ западно-русскаго митрополита (254). Говорятъ, прислано было и согласіе Константинопольскаго патріарха (255). Всѣ эти доказательства законности новаго сана Могилы безспорно были очень важны; но важно было тоже отсутствіе общаго народнаго избранія, тѣмъ болѣе, что объ этомъ прямо говорилось въ королевскомъ дипломѣ къ православнымъ, — и за тѣмъ также важно было существованіе стараго митрополита, правильно избраннаго и уже пользовавшагося митрополичьими правами. Можно было опасаться, что отсюда выйдетъ большая смута, тѣмъ болѣе, что Петръ Могила очень рѣшительно поступилъ, какъ съ старымъ Исаіею, такъ и съ его приверженцами (256). Петра Могилу, уступившаго уніятамъ и занявшаго такъ несвоевременно мѣсто стараго ревнителя православія, очень легко могли заподозрить въ томъ же, въ чемъ заподозривали во времена Смотрицкаго, т. е. въ нетвердости въ православіи. Но, къ счастію, хотя и съ горемъ пополамъ, вышло на оборотъ. Противники Могилы сочтены были склонными къ уніи и нерѣдко отсылались къ казакамъ для окончательной расправы (257). Этотъ, самъ по себѣ не важный фактъ ясно показываетъ, что Петръ Могила успѣлъ заслужить сильное расположеніе казаковъ, что, впрочемъ, и неудивительно. Онъ знакомъ былъ съ ними еще съ Хотинской битвы, въ которой участвовалъ, будучи свѣтскимъ человѣкомъ, и вмѣстѣ съ ними пользовался расположеніемъ любимаго ими короля Владислава. Из-

вѣстно также, что его поддерживали сблизившіеся съ нимъ малороссійскіе сеймовые депутаты (258). Такимъ образомъ, два сильныя сословія — шляхетство и казачество были на сторонѣ новаго митрополита. Но, безъ сомнѣнія, самою главною поддержкою Могилы, привлекавшею къ нему всѣ сословія, были тогдашнія трудныя времена западно русской Церкви, требовавшія на митрополичьемъ престолѣ самаго энергическаго человѣка, какимъ и былъ Могила, — и наконецъ тѣ широкія задачи въ устройствѣ западно-русской Церкви, которыя уже тогда довольно ясно заявилъ Петръ Могила и которыя мы считаемъ необходимымъ разобрать и оцѣнить со всею, возможною для насъ тщательностію. Конечно, мы здѣсь не разумѣемъ подробностей, потому что это завело бы насъ слишкомъ далеко.

Петръ Могила, какъ только поселился въ Кіевѣ и принялъ монашество (въ концѣ 1627 или въ началѣ 1628 г.), немедленно поставилъ главнѣйшею задачею своей дѣятельности — поднять науку православную въ западно-русской Церкви. Самъ онъ высказалъ на это дѣло такія мысли. По его мнѣнію, главною причиною упадка православія въ западно-русскомъ народѣ былъ упадокъ просвѣщенія. Поэтому, онъ рѣшился устроить школу, чтобы воспитать въ вѣрѣ юношество и даже возвратить заблуждшихъ т. е. отпадшихъ отъ православія (259). Точнѣе сказать, — Петръ Могила видѣлъ, что иновѣріе въ его время облекалось въ строгія научныя формы, а православіе не имѣло ихъ; поэтому многіе вѣрующіе увлекались въ иновѣріе, — и хранители православія чувствовали сильную потребность противостоять иновѣрію, при другихъ средствахъ защиты — силѣ вѣры и

благочестія, съ тѣмъ же орудіемъ, т. е. облекая свои истины въ такія же строгія и точныя научныя формы. Послѣ совращенія Мелетія Смотрицкаго, чуть не увлекшаго самого Петра Могилу, эта истина должна была представляться и самому Могилѣ и другимъ со всею своею убѣдительностію. Отсюда — у Петра Могилы желаніе выработать свою православную науку и посредствомъ ея отражать иновѣріе и утверждать въ православныхъ ихъ вѣру. Но откуда было взять такую науку? Въ западной Россіи, повидимому, не предстояло большаго труда разрѣшить этотъ вопросъ, потому что тамъ была уже такая наука, и по временамъ очень развитая. Живо было преданіе о знаменитой Острожской школѣ, подарившей западно-русской Церкви столько книгъ и ученыхъ людей. Существовали, хотя и въ слабомъ видѣ, родственныя ей школы братскія — львовская и виленская. Въ самомъ Кіевѣ была уже школа братская Богоявленская, съ которою Могила соединилъ свою и былъ главнымъ ея начальникомъ. Во всѣхъ этихъ школахъ преобладалъ элементъ греческій, пересаженный съ Востока такими умными людьми, какъ элассонскій митрополитъ Арсеній, экзархи — Кириллъ Лукарисъ и Никифоръ. Не было, конечно, въ этихъ школахъ многочисленныхъ классовъ, не давались въ ней ученыя степени и титулы; но литературные памятники, выходившіе въ ихъ кругѣ, какъ исторія флорентійскаго собора, Перестрога, Эктезисъ и т. д. показывали, что здѣсь созрѣвали и крѣпли богатыя мысли и свѣжія убѣжденія (260). Къ сожалѣнію, Петръ Могила, какъ иностранецъ и притомъ наблюдатель только остатковъ этой науки, не могъ понять бо-

гато жизненныхъ началъ, сохранявшагося прежняго образованія. Его поражала вездѣ видимая скудость этой науки. Но, что̀ всего важнѣе, его поражала, какъ и многихъ западно-руссовъ этого времени, другая наука, существовавшая подлѣ, со всѣми обманчивыми признаками великолѣпія, которая, казалось, обладала тайною убѣждать человѣка въ чемъ бы то нибыло, т. е. наука іезуитская, съ которою тогда уже многіе православные были знакомы и, казалось, похитили у іезуитовъ эту тайну. Да, наконецъ, и самъ Петръ Могила получилъ западно-европейское, латинское образованіе, которое тогда было очень близко къ іезуитскому. Всѣ эти обстоятельства и привели Петра Могилу къ тому, что онъ рѣшился пересадить на православную западно-русскую почву латинскую, схоластическую науку по образцу литовско-польской іезуитской схоластики. Съ этою цѣлію онъ еще въ 1628 году отправилъ въ іезуитскія школы нѣсколькихъ молодыхъ людей (261), и въ 1632 году, при ихъ содѣйствіи, устроилъ вновь Богоявленскую братскую школу, въ которой теперь стали господствовать латинскія руководства, латинскій языкъ и многіе порядки іезуитскихъ школъ (262). Что же такое была эта реформа Петра Могилы, эта схоластика, перешедшая въ Кіевъ?

Мы уже имѣли случай въ исторіи образованія Мелетія Смотрицкаго высказать, какъ понимаемъ латинскую іезуитскую схоластику. Для ясности повторяемъ принятое нами краткое опредѣленіе ея. Схоластика, намъ извѣстно, есть искусственное сопоставленіе понятій, фактовъ безъ ихъ внутренней живой связи и искусственный, механическій выводъ слѣдствій безъ соображенія и

соотвѣтствія ихъ съ здравымъ смысломъ и дѣйствительностію. Слѣдовательно, эта научная форма или метода, по самому существу своему, такова, что естественно ведетъ къ обѣдненію мысли и къ формализму. Въ латинской Церкви это свойство схоластики имѣетъ глубокій смыслъ. Латинство, въ которомъ очень многое построено невѣрно, только прикрыто искуственностію, боится живаго прикосновенія здоровой науки. Поэтому тамъ очень важно, чтобы изучающій вѣру, держался такой научной методы, при которой — полная воля заниматься искуственною перестановкою и передѣлкою внѣшнихъ свойствъ предмета, но при которой очень трудно добраться до сущности дѣла. Для подобной цѣли схоластика — превосходное средство: она даетъ видимую, кажущуюся истину и убиваетъ даже охоту изслѣдовать добросовѣстно и съ любовію живую сторону дѣла. Въ православной Церкви, допускающей самое широкое, добросовѣстное, благородное научное изслѣдованіе, схоластика не имѣетъ жизненной опоры, и тѣмъ менѣе она могла имѣть эту опору въ западно-русской Церкви, въ которой бурная жизнь то и дѣло предлагала наукѣ живые вопросы о вѣрѣ. Но при малѣйшемъ успокоеніи этой Церкви, при малѣйшемъ довольствѣ ученыхъ добытыми изслѣдованіями, схоластика могла и здѣсь обнаруживать свои свойства. Она, такъ сказать, постоянно дѣлала ученымъ вызовъ переливать изъ пустаго въ порожнее. Заняты были эти ученые серьезнымъ, животрепещущимъ дѣломъ? — они не слушались этого вызова; не заняты? — схоластика такъ и лилась изъ ихъ устъ. По этому-то со временъ Петра Могилы духовная литература въ западной Россіи, несмотря на множество

сочиненій и ученыхъ людей, показываетъ въ историческомъ своемъ развитіи несоспоримое оскудѣніе содержанія и болѣе и болѣе возрастающее господство внѣшнихъ формъ, такъ что параллель этой литературы съ современною ей іезуитской литературою, литовско-польскою поразительна. Это сближеніе кіевской и іезуитской науки шло однако гораздо далѣе. Латинская схоластика тѣсно связана была съ латинскимъ языкомъ, который въ Кіевской академіи, какъ и въ школахъ іезуитскихъ сталъ господствующимъ. Имъ говорили и часто писали школьники, наставники, ученые. Родной языкъ менѣе и менѣе имѣлъ доступу къ наукѣ. Образованные люди болѣе и болѣе выдѣлялись отъ массы народа, рвалась связь науки съ жизнію. Не то было въ прежнихъ школахъ западно-русскихъ. Тамъ обученіе шло, главнымъ образомъ, на родномъ языкѣ. Ученики на немъ обучались, наставники на немъ учили, ученые на немъ писали. Наука тогда была въ полномъ смыслѣ развитіемъ и уясненіемъ народной мысли, — чѣмъ меньше всего могла похвалиться тогда наука кіевская. Но, что всего важнѣе, латинская схоластика, неразрывно соединялась съ латинскою мыслію. Изучая эту схоластику, необходимо было изучать многочисленныя, схоластическія сочиненія въ латинскомъ духѣ, — и труднѣе всего было отдѣлить здѣсь форму отъ содержанія. Конечно, люди передовые, даровитые преодолѣвали этотъ трудъ, благодаря въ особенности кипучей жизни, которая раньше всякой науки выработала различіе между православіемъ и неправославіемъ и развила въ народѣ тонкое чутье этого различія. Но не всѣ образованные люди были даровитыми и не всегда жизнь была такою чудною руководитель-

ницею. Ученый слабый, лѣнивый или слишкомъ торопливый, наконецъ, всякій ученый, занятый труднымъ вопросомъ легко дѣлалъ промахъ, бралъ готовую латинскую мысль, не подозрѣвая ея латинскаго характера. Отсюда между западно-русскими учеными чаще и чаще стали появляться люди съ болѣе или менѣе значительными латинскими мнѣніями и вообще въ западно-русскую литературу стало проникать латинство (263). Но это еще не вся бѣда отъ латинской схоластики, введенной Петромъ Могилою въ западно-русскія училища. Посредствомъ научнаго преобразованія, Петръ Могила, мы видѣли, слилъ латинскую схоластику съ высшими западно-русскими народными интересами, отъ чего выходили нерѣдко обратные результаты, — высшій народный интересъ западно-русскій, — православныя убѣжденія, — сливался съ латинскими элементами схоластики — съ латинскими убѣжденіями. Но въ другой половинѣ литовско-польскаго государства, въ самой Польшѣ, эти же латинскіе элементы еще тѣснѣе связаны были съ народностію польскою. Отсюда вытекалъ тотъ естественный результатъ, что православный, родясь съ схоластикою, родился нетолько съ латинствомъ, но и съ Польшею. Это тѣмъ чаще и легче случалось, что всѣ свободныя, образованныя сословія православнаго литовско-русскаго народа болѣе или менѣе давно уже подвергались польскому вліянію, посредствомъ непзчислимыхъ условій общей политической жизни и частныхъ сношеній съ поляками. Народное мнѣніе иногда очень мѣтко обозначало такое претвореніе русскаго въ поляка. Такъ объ извѣстномъ миротворцѣ казаковъ съ поляками Адамѣ Кисслѣ говорили, что въ немъ только кости православныя,

русскія, а все остальное — латинское и польское. Для иныхъ же и эта незавидная характеристика была слабою. Такъ авторъ извѣстной лѣтописи XVII столѣтія Іерличъ, человѣкъ независимый по средствамъ и неоспоримо православный, ни однимъ словомъ не измѣнилъ своему полному сочувствію къ Польшѣ и легко смотрѣлъ на великія событія своей Церкви и своего народа, — на раздирающія душу страданія ихъ отъ польскаго іезуитскаго латинства, отъ польской народности. Нужно ли послѣ этого удивляться, что кіевская схоластика много содѣйствовала не только религіозному, но и гражданскому сближенію болѣе или менѣе образованныхъ русиновъ съ поляками, и въ такой же мѣрѣ отдѣляла ихъ отъ родной массы народа, имѣвшаго способность не понять ни мнимыхъ прелестей латинской схоластики, ни хваленыхъ преимуществъ польской жизни.

Какъ же все это могло быть допущено? вѣроятно спросятъ насъ наши читатели. Какимъ образомъ западно-русскіе православные, особенно Малороссы, такіе строгіе ревнители православія, были такъ слѣпы, что не увидѣли этихъ результатовъ кіевской схоластики и дозволили ей у нихъ поселиться и укорениться? Народъ вѣрно понялъ характеръ и слѣдствія преобразованія, произведеннаго Петромъ Могилою. Какъ только заведены были эти новые порядки, — въ народѣ поднялось такое сильное волненіе, что нужно было бояться не только за цѣлость новой школы, но и за жизнь новыхъ учителей. А какъ разлилось широко это волненіе, — видно изъ того, что въ защиту новой школы нужно было писать и издавать цѣлое сочиненіе (264). Неоспоримо однако, что въ этомъ волненіи была сильная

примѣсь козней іезуитскихъ, что, безъ сомнѣнія, и помѣшало правильному разъясненію дѣла (265). Впрочемъ, и безъ этого были многія обстоятельства, которыя рѣшительно затрудняли уразумѣніе дѣйствительныхъ, окончательныхъ результатовъ латинской схоластики и заставляли терпѣть ее, по временамъ даже очень любить.

Какъ ни опасна была затѣя—воспользоваться латинскими, схоластическими, научными формами для уясненія истинъ православныхъ, но мы уже замѣчали, что были люди, которые неподвергались этой опасности. Вотъ обстоятельства, которыя уменьшали эту опасность и сглаживали непріятное впечатлѣніе, возбужденное ею въ народѣ. Духъ православной Церкви такъ крѣпокъ, что способенъ оживить даже схоластическую науку. Въ особенности въ западно-русской Церкви того времени онъ былъ сильно возбужденъ во всѣхъ вѣрующихъ безпрерывными бѣдствіями. Онъ такъ наполнялъ сердца ихъ, что часто его не могли сдавить и исказить никакія схоластическія формы и скорѣе случалось, что самыя эти формы изгибались или лопались, и живая православная мысль изливалась изъ души самаго записнаго схоластика. Это дало возможность западно-русскимъ ученымъ, не смотря на всеподавляющее, мертвящее вліяніе схоластики, широко развертывать свою дѣятельность и постоянно затрогивать вниманіе общества. Оживляемые истиною своей вѣры и возбуждаемые тревожными обстоятельствами жизни, они вступили въ неутомимую борьбу съ уніею, латинствомъ, не оставляли безъ опроверженія и другія вѣроисповѣданія, какъ напримѣръ, секты протестантскія и даже іудейство и магоме-

танство. Въ тоже время ученые представители іерархіи разработывали съ положительной стороны православную науку по всѣмъ ея отраслямъ, выработали, какъ результатъ всего, православный катихизисъ, столь необходимый для народа, и посредствомъ церковнаго краснорѣчія, блистательно ими развитаго, переводили свою ученую работу въ сознаніе этого народа, поддерживали связь науки съ живымъ убѣжденіемъ меньшихъ братій (266). Связь эта какъ науки съ жизнію, такъ и Кіевской академіи съ народомъ, поддерживалась еще тѣмъ, что, благодаря разъединенію и упадку малороссійской аристократіи, Кіевская академія болѣе примкнула къ среднему сословію. Классы ея наполняли, по преимуществу, бѣдные шляхтичи и мѣщане, пользовавшись отъ нея и матеріяльными пособіями. Такой порядокъ живо напоминалъ столь любимыя народомъ школы прежняго времени и приготовлялъ почитателей и защитниковъ академіи въ массѣ народа, въ той средѣ, гдѣ скорѣе всего могло усилиться нерасположеніе къ кіевской схоластикѣ. Ученые кіевскіе вышли за предѣлы Кіева, разсѣялись по всей Литвѣ, вышли даже за предѣлы своей родины, въ Россію, — и вездѣ были большею частію единственными двигателями образованія. Все это были слишкомъ важные и блистательные плоды реформы Петра Могилы, плоды очень способные закрыть собою дурныя стороны ея. Ученая часть іерархіи, благодаря этой реформѣ, постоянно стояла подъ знаменемъ борьбы съ нападающимъ иновѣріемъ и — передоваго участія въ просвѣщеніи народа, — а это такое знамя, что вездѣ, гдѣ только іерархія становилась подъ нимъ, непремѣнно пріобрѣтала сильное вниманіе и глубокое

сочувствіе общества. Такъ было и съ западно-русскою іерархіею. Она привлекала къ себѣ все, что было умнаго и дѣльнаго въ западно-русскомъ обществѣ. Лучшимъ доказательствомъ этого значенія іерархіи западно-русской временъ Петра Могилы была сильная тревога іезуитовъ, и, что еще важнѣе, всеобщее сочувствіе ей и всеобщее оживленіе западно-русскихъ братствъ (267), хотя неоспоримо, что теперь братства должны были потерять значительную долю прежняго, слишкомъ ужь самостоятельнаго участія въ дѣлахъ церковныхъ. Такимъ образомъ, западно-русская іерархія, посредствомъ реформы Петра Могилы, пріобрѣла много и нравственной, непосредственной силы надъ народомъ и чрезъ братства, имѣвшія и тогда еще не мало знатныхъ членовъ, приготовляла сильную гражданскую поддержку себѣ въ кругѣ административномъ, судебномъ и на сеймахъ. Не этимъ ли и нужно объяснять прежде всего то, что не смотря на явную уступку Владислава уніятамъ въ послѣднее время, вскорѣ онъ опять принялъ сторону православныхъ и въ 1641 году провелъ на сеймѣ одну мѣру величайшей важности: изъялъ уголовныя дѣла между уніятами и православными изъ вѣденія смѣшаннаго трибунальнаго суда, тогда уже совершенно парализованнаго іезуитами, перенесъ ихъ въ непосредственное вѣденіе сейма, а дѣла ихъ гражданскія, рѣшавшіяся доселѣ мѣстными судами, перенесъ въ свой, такъ называемый, реляціонный судъ (268). Трудно рѣшить, какъ далеко подвинулись бы дѣла православныхъ этимъ новымъ путемъ, и что произошло бы отъ смѣшенія хорошихъ и дурныхъ слѣдствій реформы Петра Могилы, если бы они предоставлены были естественному разви-

тію. Но въ это самое время, когда реформа эта окрѣпла, выдвинулась другая сила православнаго народа подъ тѣмъ же видимымъ знаменемъ вѣры — сила казачества, и стала дѣйствовать по своéму. Намъ теперь приходится разсмотрѣть, какъ дѣйствовала эта новая сила, какъ она слилась съ новоприобрѣтенною силою іерархіи и что изъ этого вышло въ исторіи уніи? Вопросы эти такъ важны, что мы считаемъ необходимымъ прежде всего поближе познакомиться съ казачествомъ.

Казачество, его характеръ, планы, участіе, въ дѣлахъ вѣры, положеніе уніятской и православной іерархіи во время смутъ казацкихъ, до присоединенія Малороссіи къ Россіи.

О казачествѣ много написано и много пишется теперь. Сначала въ нашей литературѣ господствовалъ тотъ взглядъ, что казаки—герои западно-русской народности (269), живо напоминающіе героевъ временъ Гомера, почему, вѣроятно, Энеида и нашла себѣ хотя и забавное приложеніе къ малороссійской жизни (270). Затѣмъ, появился совершенно противоположный взглядъ, по которому казаки вообще — это изверги русской государственной жизни, люди, вышедшіе изъ государства, потому что не могли въ немъ ужиться. Взглядъ этотъ, систематически развитый г. Соловьевымъ (271), совершенно сходится съ взглядомъ на казаковъ польскихъ писателей, съ тою только разницею, что польскіе писатели, имѣя въ виду по преимуществу малороссійскихъ казаковъ, называютъ ихъ извергами польской государственной жизни (272). Въ настоящее время въ на-

шей литературѣ сглаживаются эти крайности и дѣлаются попытки сблизить съ казачествомъ весь малороссійскій народъ (273). Мы больше раздѣляемъ этотъ послѣдній взглядъ, чѣмъ другіе, и понимаемъ историческое развитіе казачества слѣдующимъ образомъ (274).

Изучавшимъ самостоятельно русскую исторію извѣстно, что нигдѣ въ Россіи народъ не мирился такъ мало съ татарскимъ игомъ, какъ въ западной ея половинѣ, около древняго средоточія русской жизни — Кіева и въ древнемъ Галицкомъ княжествѣ. Самый поэтическій образъ этой непримиримости съ татарскимъ міромъ, этой любви къ независимости, нарисованъ намъ лѣтописцами въ Даніилѣ Галицкомъ. Долго этотъ князь не хотѣлъ слѣдовать примѣру восточно-русскихъ князей, отправлявшихся иногда слишкомъ торопливо къ Батыю на поклоненіе, но наконецъ необходимо было и ему сдѣлать тоже. И вотъ, Даніилъ побывалъ у Батыя, обласканъ имъ, утвержденъ во власти; но никакая татарская милость, никакія азіятскія ласки не въ состояніи примирить благороднаго князя съ ненавистнымъ игомъ и съ тѣмъ униженіемъ, какому онъ подвергся, поклонившись азіятскому правителю. Чувство стыда мучитъ его во всю жизнь (275). Не одинъ князь Даніилъ гнушался такъ рабствомъ: народъ раздѣлялъ его чувства, поддерживалъ его затѣи свергнуть ненавистное иго, и когда увидѣлъ невозможность достигнуть этого собственными силами, то мало по малу сталъ привыкать къ столь же ненавидящей это иго Литвѣ, чтобы не подвергнуться участи восточной Россіи.

Въ такомъ народѣ, понятно, очень легко могла образоваться прочная сила для противодѣйствія татарскому

міру. Удаленіе татаръ къ востоку Россіи и политическія связи съ ними литовскихъ князей — Ольгерда, Витовта и Ягеллы надолго отсрочили развитіе этой силы, нерѣдко даже искажали ее (276); но какъ она была живуча въ малороссійскомъ народѣ — это показало слѣдующее обстоятельство. Извѣстно, что въ XV столѣтіи, когда разшаталась орда Сарайская, начало образоваться новое средоточіе ея въ Крыму, вскорѣ вступившее въ политическую связь съ Турціею. Татары теперь снова придвинулись къ Малороссіи и жестоко давали чувствовать свое сосѣдство опустошительными набѣгами. Огромную важность въ исторіи казачества имѣла особая манера крымскихъ татаръ опустошать западную Россію, (какъ и восточную). Крымскіе татары, не столько занятые порабощеніемъ себѣ этой страны, сколько тѣмъ, чтобы плѣнниками и плѣнницами ея наполнять свой рынокъ рабовъ для всего турецко-азіятскаго міра, набѣгая на западную Россію, губили не только ея матеріальныя богатства, но вмѣстѣ съ тѣмъ похищали и людей ея—мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Это заставило самый народъ, помимо административныхъ распоряженій правительства, выдѣлять изъ себя лучшихъ, храбрыхъ людей, которые отражали бы эту разрушительную орду татарскую и отбивали у нея плѣнниковъ. А такъ какъ эти плѣнники, похищаемые татарами, гибли не только для общественной и частной жизни своей страны, но и для вѣры, то естественно, цѣлію ихъ освободителей стало и знамя вѣры, и тѣмъ выше оно могло подняться, что въ татарское иго чувство благочестія сильно возбуждено было во всемъ русскомъ народѣ, а въ западной Россіи къ началу казаче-

ства еще образовались вездѣ извѣстныя намъ братства, съ которыми поразительно сходна первая, извѣстная намъ корпорація казаковъ (277). Географическое и политическое положеніе юго-западной полосы Россіи само показало, гдѣ лучше всего этимъ борцамъ съ татарскимъ міромъ, этимъ освободителямъ отъ ихъ плѣнниковъ основать свое пребываніе. Это приднѣпровіе — пунктъ соединенія трехъ міровъ — русскаго, литовско-польскаго и татарскаго — мѣсто самое больное у этихъ міровъ, самое богатое по разнымъ приключеніямъ, и наконецъ, такое, обладаніемъ котораго никто не могъ похвалиться, ни Россія, ни Польша, ни татары. Вотъ *главныя* обстоятельства, вызвавшія, по нашему мнѣнію, появленіе казачества. Отсюда видно, что по своему происхожденію, по первоначальной идеѣ, — эта корпорація отражала въ себѣ самые свѣтлые, дорогіе интересы и чувства народа. Народъ болѣе или менѣе ясно и сохранилъ въ памяти эту дивную основу казачества, и окружилъ ее самою пламенною любовію, и самыми поэтическими образами въ своихъ народныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ. По первоначальному происхожденію, по первоначальной идеѣ казаки дѣйствительно были народными героями. Но извѣстно, что какъ скоро геройство становится постоянною, вѣковою профессіею цѣлой корпораціи людей, то непремѣнно искажается и гибнетъ. Такъ случилось и съ казаками. Весьма важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣло одно уже то, что казаки свое геройство должны были упражнять надъ татарами. Постоянныя столкновенія съ этими азіятскими варварами болѣе и болѣе обобщали между казаками варварскіе, азіятскіе пріемы, обычаи, понятія. Вотъ, отрядъ уда-

лыхъ малороссовъ, бросившихъ родныя пепелища и семейную жизнь для борьбы съ татарами, нагоняетъ этихъ варваровъ, обремененныхъ добычею христіанскою. Видъ плѣнниковъ, можетъ быть друзей, родныхъ, воспламеняетъ ихъ патріотическія и религіозныя чувства, которыя еще болѣе усиливаются, когда плѣнъ отбитъ и освобожденные плѣнники обмѣниваются съ своими освободителями задушевными, глубокими чувствами. Но вотъ, у татаръ отбита и вещественная добыча, на половину, если не совсѣмъ, неизвѣстнаго происхожденія. Но вотъ, казаки проникаютъ въ самые улусы татарскіе, отправляются въ окрестности константинопольскія, на черноморскіе берега Азіи и производятъ тоже, что дѣлали въ Россіи татары, т. е. грабятъ, жгутъ, бьютъ на смерть, и это они дѣлаютъ не разъ, не два, а тысячи разъ: это ихъ профессія, рыцарское ремесло, если такъ выразиться. Что же должно было выйти изъ такой неестественной преемственности, и нерѣдко даже совмѣстности добрыхъ и дурныхъ чувствъ, добрыхъ и дурныхъ дѣлъ? То, что обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ въ жизни человѣческой: зло беретъ верхъ надъ добромъ. Тоже случалось и съ дивною по началу корпораціею казацкою. Въ нее болѣе и болѣе стали проникать хищническіе, разбойничьи обычаи, порядки, наклонности, неизмѣримо далекія отъ христіанскихъ взглядовъ и правилъ. Вліяніе азіятства такъ глубоко проникло въ казачество, что даже внѣшній видъ казака—его бритая голова съ хохломъ, т. е. съ самымъ малымъ остаткомъ европейскаго обычая носить волосы, его обыкновеніе сидѣть съ поджатыми ногами, большая часть его одежды — показывали въ немъ болѣе азіятца,

нежели европейца. Это уклоненіе казачества отъ первоначальныхъ его основъ шло почти одновременно и другимъ путемъ. Профессія биться требовала постоянной работы и за недостаткомъ ея въ татарскомъ мірѣ, побуждала искать врага, гдѣ бы то ни было. И это тѣмъ легче могло случиться, что благодаря безусловной свободѣ вступать въ казачество, его болѣе и болѣе наполняли люди со всѣхъ концовъ міра. Конечно, это не мало дало казачеству хорошихъ героевъ, но большинство приходящихъ были люди, неужившіеся въ обществѣ, искатели приключеній и нерѣдко преступники. Масса этихъ людей болѣе и болѣе придавала цѣлямъ казачества безхарактерность и дѣлала ихъ просто ремесленниками выгоднаго, кулачнаго боя, гдѣ бы то ни было.

Политическія обстоятельства содѣйствовали также очень много этому уклоненію казаковъ отъ ихъ первоначальной цѣли — борьбы съ татарскимъ и турецкимъ міромъ. Политическая вражда Польши и Россіи дѣлала часто необходимымъ какъ для той, такъ и для другой, имѣть на своей сторонѣ крымскихъ татаръ. Для Польши эта необходимость становилась тѣмъ настоятельнѣе, что она болѣе и болѣе подвергалась опасности отъ Турціи, которой Крымъ былъ всегда готовымъ орудіемъ. Такимъ образомъ, сама Польша должна была удерживать казаковъ отъ единственно хорошаго ихъ дѣла — войны съ татарами и турками, и этимъ поневолѣ заставляла ихъ искать себѣ дѣятельности въ другихъ мѣстахъ, — т. е., прежде всего въ самой Польшѣ. Смутныя времена въ Россіи уклонили на время казаковъ сюда и Польша нашла въ нихъ даже огромную помощь

въ своихъ походахъ на Россію. Но кончились времена смутныя, казаки примирились съ Россіею и снова стали лицемъ къ Польшѣ и далеко уже съ инымъ лицемъ. Они въ смутныя времена пріобрѣли еще больше смѣлости и необузданности, чѣмъ прежде (278). Теперь-то и должно было обнаружиться во всей ясности есть-ли что-либо сродное между казачествомъ и Польшею, и какъ крѣпко это сродство.

Повидимому, между казачествомъ и Польшею было нѣсколько крѣпкихъ связей, которыя могли упрочить политическій союзъ между ними. Какъ въ Польшѣ, такъ и въ казачествѣ преобладали демократическія начала. Въ Польшѣ даже существовала корпорація людей, повидимому, однородная съ казачествомъ. Здѣсь было, такъ называемое, рыцарство, — масса людей, у которыхъ война была обыкновеннымъ ремесломъ, но которые не составляли постояннаго войска, а послѣ войны расходились по домамъ, особенно знатныхъ вельможъ, до первой новой войны, гдѣ съ ними рядомъ становились казаки, какъ равные съ равными. Но все это были слабыя узы. Не говоря уже объ аристократіи Польши, столь чуждой казачеству, — польская жизнь представляла господство гражданскаго элемента; въ ней даже въ самыя воинственныя времена военные люди никогда не могли стать выше гражданскихъ. Въ казачествѣ наоборотъ — это была военная республика съ задачею, цѣлію чисто военными и притомъ съ желаніемъ дѣйствовать независимо. Это противорѣчіе началъ жизни таково, что раньше или позже необходимо должно было повести къ столкновенію между казаками и поляками. Оно еще улегалось кое-какъ, пока Польша была воин-

ственна, слѣдовательно, имѣла работу для казаковъ, пока власть въ ней короля была сильна и казаки съ нимъ однимъ имѣли дѣло и наконецъ, пока весь западно-русскій народъ пользовался сколько-нибудь мирнымъ положеніемъ и, слѣдовательно, не имѣлъ особенныхъ побужденій поддерживать казаковъ. Но всего этого не стало съ смертію великаго польскаго короля Стефана Баторія. Польша, какъ мы уже замѣчали, болѣе и болѣе становилась въ положеніе державы слабой, защищающейся. Въ то же самое время, власть королевская болѣе и болѣе стала въ ней ослабѣвать; на счетъ ея усиливались магнаты, забирали въ свои руки власть вообще и надъ казаками тѣмъ болѣе, что увидѣли въ нихъ опасное орудіе, которымъ могли воспользоваться короли для усиленія своей власти. Со вступленіемъ на престолъ Владислава, большую часть жизни проведшаго вблизи казаковъ и очень ихъ полюбившаго, не оставалось у поляковъ никакого сомнѣнія въ томъ, что у короля есть именно этотъ планъ. Поэтому-то, главнымъ образомъ, они теперь съ лихорадочною торопливостію забираютъ въ свои руки власть надъ казаками; наказываютъ жестоко ихъ шалости, уменьшаютъ ихъ число, затрудняютъ поступленіе къ нимъ новыхъ людей, отнимаютъ право независимаго управленія, наводняютъ казацкія области своими чиновниками и войсками и вездѣ и во всемъ даютъ казакамъ чувствовать свою спѣсь, свое шляхество, забывая, что казаки и по акту присоединенія Малороссіи къ Польшѣ, и въ самой жизни, особенно на войнѣ, становились съ ними рядомъ, какъ равные съ равными (279). Всѣ эти несправедливости, наконецъ, узаконяются сеймовымъ поста-

новленіемъ 1638 года, по которому уничтожаются всѣ права казаковъ, они становятся въ положеніе одинаковое съ крестьянами (280), и такъ какъ король Владиславъ все таки продолжаетъ любить и тайно покровительствовать имъ, несмотря на постановленія сеймовъ, то поляки еще болѣе ненавидятъ и угнѣтаютъ казаковъ.

Измѣряя тогдашнія силы казаковъ и свободныхъ сословій Польши, очень можно думать, что Польшѣ удалось бы задавить казачество совершенно, еслибы этому не помѣшалъ новый элементъ, оживившій казачество необычайною силою. Совершенно случайно съ политическимъ угнѣтеніемъ казаковъ совпадало, какъ намъ извѣстно, угнѣтеніе всего литовско-русскаго народа изъ-за уніи. Унія поднимала противъ Польши и перепробовала всѣ силы православнаго литовско-русскаго народа. Подняла она православную аристократію, — та пала, ополячилась и еще усилила Польшу. Подняла среднее сословіе—бѣдное шляхетство и мѣщанство: они вели упорную борьбу, но стоя на конституціонной почвѣ, тогда какъ Польша въ дѣлѣ уніи руководствовалась деспотизмомъ, не успѣли восторжествовать и сдѣлали только то, что раскрыли неисцѣлимую язву Польши хаосъ свободы и деспотизма. Дошла очередь и до крестьянства. Унія затронула въ немъ священнѣйшую сторону жизни — убѣжденія вѣры — и этимъ лучше всего уяснила крестьянству, что есть же у человѣка права, которыхъ не долженъ трогать самый полновластный господинъ, самый неистовый помѣщикъ, и если онъ попираетъ такое право, то чтоже такое его собственныя права надъ крестьяниномъ? Сосѣдственное казачество давало на этотъ вопросъ и практическій и

теоретическій отвѣтъ. Оно охотно принимало къ себѣ бѣглецовъ изъ этого народа, поощряло его къ этому и страдая само, объявляло чаще и чаще о незаконности угнѣтеній поляками и его и всего литовско-русскаго народа. Между тѣмъ, поляки замѣтили эту жизненную связь казаковъ съ крестьянами и одновременно съ угнѣтеніемъ первыхъ усиливали угнѣтенія послѣднихъ, наконецъ на тѣхъ и другихъ обрушили неистовства уніи, что скоро увидимъ подробнѣе.

Извѣстно, что одинаковое несчастіе сближаетъ самыхъ разнохарактерныхъ людей, а тутъ еще было единство народности, вѣры, сосѣдство!

Само собою разумѣется, что это сближеніе казаковъ съ земледѣльческимъ народомъ оживило казачество небывалою до тѣхъ поръ силою. Оно снова воскресило ихъ первоначальную задачу, снова поставило ихъ въ положеніе героевъ. Теперь со всею ясностію представилась казакамъ задача спасти отъ поляковъ народность, вѣру, независимость свою и своего народа,—задача, которая, какъ очевидно, способна была воодушевить даже самыхъ испорченныхъ между ними, живительно подѣйствовать на весь литовско-русскій народъ и надѣлать бездну зла Польшѣ. Вотъ обстоятельства, среди которыхъ выступилъ истинный типъ казачества — храбрый и коварный, благочестивый и неистовый Богданъ Хмѣльницкій, лично оскорбленный поляками и лично обласканный и поощренный къ возстанію королемъ (281). Но это послѣднее обстоятельство — личное расположеніе Владислава къ Хмѣльницкому, а также вообще къ казакамъ и всему литовско-русскому народу затруднило казакамъ уразумѣніе настоящихъ ихъ силъ и дѣйстви-

тельнаго ихъ призванія. Хотя не было никакого сомнѣнія въ готовности народа возстать вмѣстѣ съ казаками, хотя еще яснѣе было видно, что у нихъ съ поляками не можетъ быть прочнаго дѣйствительнаго мира, и нерѣдко крайняя казацкая партія прямо высказывала мысль о совершенномъ разрывѣ съ Польшею; но Хмѣльницкій сначала пошелъ къ другой цѣли. Онъ задалъ себѣ сначала какъ будто скромную цѣль — возстановить прежнее положеніе казаковъ, увеличить ихъ и упрочить самостоятельное, независимое отъ польской шляхты управленіе. О народѣ и вѣрѣ онъ сначала немного думалъ — началъ возстаніе безъ народа и, кажется, имѣлъ въ виду облегчить только его положеніе, посредствомъ православныхъ чиновниковъ и помѣщиковъ, и дать православной Церкви на самомъ дѣлѣ тѣ права, какія ей предоставилъ Владиславъ (282). Но тогда же при первыхъ успѣхахъ въ борьбѣ съ поляками и особенно, когда умеръ любимый король Владиславъ, у Хмѣльницкаго болѣе и болѣе разширялась задача. Онъ уже прямо обратился къ народу съ призывомъ къ возстанію (283) и въ его словахъ и дѣйствіяхъ пробивались мысли о полной независимости Малороссіи отъ Польши (284).

Но что же Хмѣльницкій готовилъ теперь народу, какую положительную, ясную цѣль указалъ ему? Окрестные народы и ласкатели изъ самихъ казаковъ величали Хмѣльницкаго княземъ малороссійскимъ. Многое показываетъ, что и самъ Хмѣльницкій не чуждъ былъ этой мысли. Но такая затѣя противорѣчила бы основному праву казачества — управляться добровольно избираемыми гетманами. Хмѣльницкій не посмѣлъ стать выше своего положенія. Оставалось, значитъ, для народа яс-

нымъ одно, что онъ весь войдетъ въ казачество, что теперь изъ всего западно-русскаго народа будетъ одно казачество, независимое отъ Польши, (285), т. е., что образуется военная республика — такое государство, несостоятельность котораго раньше или позже должна была непремѣнно обнаружиться. Народъ, поднятый Хмѣльницкимъ — бить поляковъ, дѣйствительно билъ ихъ, гналъ помѣщиковъ, топилъ жидовъ, ксендзовъ и уніятовъ, но не зналъ на чемъ и какъ остановиться, и дошелъ до того, что просто грабилъ и губилъ и чужое и свое, и чужихъ и своихъ (286). Хмѣльницкій, неуспѣвшій во время оживить народное движеніе не казачествомъ, а гражданскою цѣлію, которая бы обуздывала страсти, долженъ былъ сдѣлать другой промахъ. Повинуясь необходимости и, конечно, давнимъ наклонностямъ казачества, онъ призвалъ на помощь крымскихъ татаръ — азіятскихъ разбойниковъ, которые никакъ не могли принести дѣйствительной пользы народу, и измѣняли ему на каждомъ шагу. Неудачи не замедлили появиться одна за другою. Омрачили они даже лучшее торжество Хмѣльницкаго—Зборовское дѣло. Пришлось допустить мысль старую о политическомъ союзѣ съ Польшею, но такъ какъ было еще много силы у Хмѣльницкаго, а у Польши мало, то можно было Хмѣльницкому предложить Польшѣ самыя тяжелыя условія, именно увеличить казаковъ до сорока тысячъ (т. е. оставить ихъ въ прежней силѣ и потерять всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые пошли въ казаки), предоставить казацкому гетману самостоятельное управленіе всею Малороссіею, сравнять казаковъ и ихъ старшинъ съ шляхтою, допустить на сеймъ, и наконецъ дать особен-

ную льготу всему литовско-русскому народу — вездѣ истребить унію, а православную Церковь поставить въ правахъ рядомъ съ латинскою (Зборовскій договоръ) (287). Хмѣльницкій, все еще ослѣпленный своими успѣхами, имѣлъ, кажется, заблужденіе думать, что Польша исполнитъ эти требованія,—Польша, тогда, конечно, крайне обезсиленная, но вмѣстѣ съ тѣмъ, до послѣднихъ основъ источенная уже іезуитскими началами, освящающими всякую измѣну въ интересахъ общества. Заблужденіе это, какъ прежде, такъ и теперь поддерживалось тѣмъ еще, что и новый король Янъ Казиміръ — братъ Владислава, бывшій іезуитъ и кардиналъ, показывалъ нѣкоторое расположеніе къ казакамъ. Но сеймъ 1650 г. ясно показалъ, что казакамъ нечего ждать отъ Польши исполненія договора Зборовскаго. Да и самимъ казакамъ нельзя было исполнить его (288). Хмѣльницкій согласился на сорокъ тысячъ казаковъ, а между тѣмъ, весь народъ желалъ быть въ казачествѣ. Война снова запылала, только еще съ меньшимъ успѣхомъ для народнаго дѣла. Татары снова измѣнили, казаки стали терпѣть пораженія, пришлось принять еще менѣе выгодныя условія — (Бѣлоцерковскій трактатъ), двадцатитысячное число казаковъ, обязанность возвратить лишнихъ казаковъ въ крестьянство, подчинить все крестьянство прежнимъ помѣщикамъ и для православія требовать только свободы, уравненія съ уніею (289). Но теперь и эти условія какъ поляки, такъ и казаки меньше готовы были исполнить, чѣмъ прежде. Поляки ободрились, а народъ, который такъ жестоко обманулся въ своихъ надеждахъ, проклиналъ Хмѣльницкаго. Тогда-то выступила наружу мысль о подчиненіи Малорос-

сіи Россіи — мысль давняя, которой проблески видны были еще во времена Сигизмунда, при гетманѣ Конашевичѣ (290), которая уяснилась въ послѣдніе годы митрополита Іова Борецкаго (291), и которую партія казаковъ съ самаго 1648 года, т. е. съ возстанія Хмѣльницкаго проводила и въ Москвѣ, и въ Малороссіи (292). Теперь народное дѣло имѣло всѣ задатки успѣха, не только потому, что пріобрѣтало отъ Россіи громадную силу и силу родственную, но и просто уже потому что народу открывалась ясная, опредѣленная, политическая жизнь. Въ 1654 году совершилось это соединеніе, и Алексѣй Михайловичъ для упроченія его началъ войну съ Польшею. Молніею пролетѣла свѣтлая надежда лучшей жизни по всему западно-русскому краю. Походъ Алексѣя Михайловича въ Литву походилъ на торжественное путешествіе давняго, природнаго государя. Города сдавались одинъ за другимъ, не исключая самаго Вильна — центра Литвы. Ораторскія рѣчи, народная радость и благодарность лились рѣкой. Польша, казалось, неминуемо погибнетъ, тѣмъ болѣе, что тогда же ее наводнили Шведы. Но этого однако не случилось, не погибла Польша, не остались за Россіею и всѣ тѣ, которые въ 1654—1655 годахъ считали себя русскими подданными, — не остались по разнымъ причинамъ, но главнымъ образомъ по двумъ — потому что казачество не нашло въ Россіи той воли, къ какой привыкло, а за казачествомъ и народъ, прежде столь восторженно встрѣтившій русскихъ, мало по малу охладѣвалъ къ нимъ, благодаря прежде всего необузданности и хищничеству московскихъ бояръ. Какъ бы то ни было, однако Россія теперь навсегда пріобрѣла себѣ въ Западной Россіи

громадную массу людей искренно ей преданныхъ и немалая часть ихъ самымъ дѣломъ оставалась подъ ея властію, и если не всегда пользовалась общественнымъ спокойствіемъ, при продолжавшихся смутахъ казацкихъ, то по крайней мѣрѣ пользовалась первѣйшимъ благомъ жизни — спокойствіемъ и свободою своихъ религіозныхъ убѣжденій (293).

Посмотримъ теперь, каково было положеніе уніятской и православной іерархіи въ этихъ смутахъ и переворотахъ народной жизни.

Въ началѣ волненій казацкихъ, сопровождавшихся многими неудачами народнаго дѣла, уніяты очень торжествовали и пользовались всѣми плодами успѣха. Какъ ни мало тогда поляки уважали унію, какъ ни ясно это неуваженіе выказывалось въ королевскихъ граматахъ православнымъ, но не смотря на все это, общество польское больше чѣмъ когда либо поддерживало унію, какъ противоядіе, по его мнѣнію, стремленіямъ литовскорусскаго народа. Поэтому за новыми чиновниками для казачества и всей Малороссіи всегда тянулся длинный хвостъ іезуитовъ и уніятовъ, которые съ необыкновенною торопливостію утверждались на новоселья— на благодатной землѣ малороссійской — этой Палестинѣ, текущей медомъ и млекомъ, по отзыву самыхъ поляковъ. Возникали быстро іезуитскіе коллегіи, костелы, уніятскіе приходы. Православіе тѣснили со всѣхъ сторонъ. Въ особенности услужпвали въ этомъ послѣднемъ отношеніи малороссійскіе, ополячившіеся помѣщики, когда уже и іезуитамъ и уніятамъ плохо приходилось на новосельи, да и вообще когда плохо было въ малороссіи всякому поляку. Эти помѣщики для личныхъ

мірскихъ и для религіозныхъ цѣлей употребили особое орудіе, которое было такъ ненавистно для народа, что слѣды этой ненависти остались въ малороссійскомъ народѣ до сихъ поръ и вѣроятно не скоро исчезнутъ, даже при возможно лучшемъ успѣхѣ новаго органа евреевъ, — Сіонъ. Мы разумѣемъ отдачу въ аренду имѣній и церквей малороссійскихъ евреямъ.

Въ польскомъ государствѣ страшно развито было обыкновеніе давать въ аренду имѣнія. Арендаторство требовало столько людей, ловкихъ—извлекать изъ имѣній послѣдній доходъ, что къ этому дѣлу давно допущены были здѣсь евреи, которые, такимъ образомъ, дѣлались господами крестьянъ. Указанныя нами выше обстоятельства побудили ополячившихся малороссійскихъ помѣщиковъ давать чаще и чаще аренду своихъ имѣній въ Малоросіи жидамъ. А такъ какъ эти помѣщики всѣ были изъ православныхъ и имѣли, слѣдовательно, патронатство надъ своими церквами, то теперь, подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма они вспомнили объ этомъ патронатствѣ и передавали его жидамъ вмѣстѣ съ арендою. Теперь, конечно, патронатство получило особый смыслъ, присвоенный не единственно жидами, но развитый ими до крайности. Они съ православныхъ церквей считали себя въ правѣ получать доходъ и обложили платою всѣ церковные обряды и вещи. Что это было за ужасное дѣло, можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія обстоятельствъ, которыя мы беремъ изъ дѣйствительности. Вотъ приближается торжественнѣйшій для христіанъ день — Пасха Христова. Народъ угнѣтенный, убитый, слѣдовательно, особенно настроенный къ благочестію, собирается изъ разныхъ

мѣстъ къ православной церкви, можетъ быть единственной, на далекое растояніе. Прежде всего,—онъ неможетъ войти въ церковь до заката солнца: ключи отъ церкви у жида, а у него еще шабашъ; затѣмъ,—торгъ съ нимъ о платѣ за предстоящую службу, за церковную утварь. Но вотъ, торгъ кончился, церковь отперта и началось величайшее Христіанское торжество. Однако еще не конецъ униженію несчастнаго народа. Едва онъ успѣлъ помолиться въ церкви, едва услышалъ радостное: «Христосъ воскресе», какъ его благочестивое настроеніе омрачается новою, гнусною сценою. Еврей тутъже у церкви торгуется и собираетъ плату за освящаемую пасху. Кто въ состояніи изобразить, что происходило тогда въ душѣ этого народа, которому приходилось видѣть такое странное сопоставленіе жидовъ его времени съ жидами временъ Спасителя (294)!... Дорого поплатились за это жиды, которыхъ казаки немогли видѣть на своей землѣ, дорого поплатились помѣщики, но также дорого поплатились и уніяты. Ихъ неменьше, какъ и жидовъ, мучили, топили и вѣшали — казаки и взволнованный народъ (295). И тѣмъ хуже пришлось уніятамъ, что казаки проникали во всѣ закоулки Литвы, заходили даже въ самую Польшу, и даже послѣ успѣховъ Польши надъ казаками уніяты немогли смѣло показываться въ Малороссіи. Частная, личная месть замѣняла здѣсь мѣсто открытаго, оффиціальнаго преслѣдованія (296). Притомъ, во время этихъ народныхъ смутъ, потрясшихъ все государство, во время набѣговъ гайдамаковъ, нехотѣвшихъ знать никакихъ договоровъ Хмѣльницкаго съ Польшею, разрушилось страшно, благосостояніе уніятской іерархіи, — ея богатѣйшія имѣнія, столь привле-

кательныя для людей, любящихъ при вѣрѣ имѣть вкусный кусокъ хлѣба, и столь пригодныхъ (имѣній) для іезуитскихъ козней противъ православія (297). Приостановилась рѣшительно дѣятельность уніятской іерархіи, а тутъ еще толки о томъ, что унія гибельна для государства, что ее нужно уничтожить. Два уніятскихъ Митрополита умерли отъ этихъ невзгодъ уніи—одинъ въ Римѣ — Рафаилъ Корсакъ, преемникъ Рутскаго, и другой въ Украинѣ — Антоній Селява (298).

Далеко лучше было положеніе православной іерархій, но тоже не безъ затрудненій и щекотливостей. Казаки, какъ мы видѣли, объединили свое гражданское дѣло съ интересами вѣры, добивались правъ своей Церкви. Этому немогла несочувствовать іерархія. Преемникъ Петра Могилы, Сильвестръ Коссовъ ѣздилъ даже въ Варшаву, думая, что поляки дѣйствительно допустятъ его въ Сенатъ. Но эти надежды и права православія скоро оказались призрачными, а между тѣмъ казаки и взволнованный народъ доказывали объединеніе своихъ гражданскихъ и религіозныхъ интересовъ такими дѣлами, которыя непмѣли ничего общаго съ Христіанствомъ и способны были внушить омерзеніе порядочному язычнику. Конечно, многіе простые священники, тѣсно связанные съ народомъ и по своему происхожденію и по своему образованію: брали фактъ, какъ онъ былъ, народъ мучилъ, казнилъ Поляковъ и уніятовъ за вѣру, и они одобряли это, хвалили (299). Но образованная іерархія, особенно высшая, немогла дать своего одобряющаго слова въ подобномъ разгарѣ страстей. Впрочемъ, были и другія причины, устранявшія западно-русскую іерархію того времени отъ народнаго дѣла. Каза-

ки объявили войну всему шляхетскому, всему польскому, а эта іерархія почти вся была шляхетская, владѣла подобно польскимъ помѣщикамъ крестьянами и, что особенно важно, близка была къ полякамъ по степени и началамъ своего латинскаго, схоластическаго образованія.—Поэтому, невооружаясь явно противъ казацкихъ утопій, крайностей, что было бы и слишкомъ опасно, она примкнула къ партіи извѣстнаго Адама Киселя — партіи, желавшей прочнаго и законнаго союза казачества съ Польшею (300). Партія эта состояла изъ православныхъ помѣщиковъ Малороссіи и большинства горожанъ. Между тѣмъ, Малороссія присоединилась къ Россіи. Положеніе западно-русской іерархіи стало еще болѣе затруднительнымъ. Возникъ новый вопросъ—кому ей подчиняться теперь—по прежнему-ли, Константинопольскому патріарху, или Московскому, какъ желалъ Алексѣй Михайловичъ. Западно-русская іерархія рѣшилась неизмѣнять своего прежняго положенія и уклонилась отъ предложеній Алексѣя Михайловича (301). Но этимъ не устранены были щекотливости и мало по малу стали обнаруживаться и производить весьма важныя послѣдствія.

III.

Исторія распространенія уніи послѣ присоединенія къ Россіи Малороссіи. — Новая попытка возстановить религіозныя права литовско-русскаго народа. — Новое уничтоженіе ихъ. — Оживленіе фанатизма уніятовъ. — Новыя права ихъ. — Іерархическія смуты въ православномъ литовско-русскомъ мірѣ. — Уничтоженіе православія въ Галиціи и Волыни. — Состояніе уніи во всей Литвѣ. — Борьба уніи съ Бѣлорусскимъ православіемъ въ XVIII столѣтіи.

Почти четверть столѣтія (отъ смерти Сигизмунда до присоединенія къ Россіи Малороссіи 1632—1655 г.) прошла въ безплодныхъ попыткахъ возстановить права и спокойствіе православной западно-русской Церкви. Въ предъидущей статьѣ мы указывали частныя причины этой неудачи. Считаемъ необходимымъ теперь сгруппировать ихъ въ одно и выяснить ихъ дѣйствительный смыслъ. Это дастъ намъ возможность уловить главнѣйшія нити послѣдующихъ дѣлъ уніи, дѣлъ, передъ которыми, можно сказать, ничто всѣ прежнія ея дѣла, если имѣть въ виду степень ихъ жестокости, и которыя способны озадачить людей, самыхъ равнодушныхъ къ страданіямъ человѣческимъ.

Читатели могли замѣтить въ предъидущей статьѣ,

что поляки и западно-руссы, устроя мировыя сдѣлки между собою, рѣже всего останавливались на томъ неоспоримомъ фактѣ, что и православіе и унія существуютъ дѣйствительно, имѣютъ многочисленныхъ послѣдователей и что, слѣдовательно, естественнѣе и полезнѣе всего не поднимать вопроса объ ихъ существованіи въ литовско-польскомъ государствѣ, — о томъ, быть или не быть здѣсь тому или другому вѣроисповѣданію, а только устроить ихъ свободное и мирное существованіе вмѣстѣ, безъ нарушенія правъ обоихъ вѣроисповѣданій и общественнаго спокойствія. Напротивъ, чаще всего устроялось такъ, что унія или осуждалась на совершенное уничтоженіе во всемъ литовско-польскомъ государствѣ, или пріобрѣтала такія права, которыя должны были вести къ совершенному, повсемѣстному уничтоженію западно-русскаго православія. Эти крайнія рѣшенія вызывались очень многими обстоятельствами. Тутъ много значили—переполненная мѣра страданій западно-руссовъ изъ-за уніи, и запосчивость казаковъ съ одной стороны, и крайнее развитіе іезуитскаго фанатизма въ полякахъ, ихъ ожесточеніе противъ западно-руссовъ, съ другой. Но нельзя остановиться на однихъ этихъ причинахъ, уничтожавшихъ возможность прочнаго мира между поляками и западно-русскими. Тутъ были и другія причины болѣе серьознаго и прочнаго свойства, такія, которыхъ не могли уничтожить никакое забвеніе прошедшаго, никакая гуманность, никакая вѣротерпимость.

Народныя смуты въ Польшѣ въ эту четверть столѣтія подняли вопросъ о политическомъ союзѣ западной Россіи съ Польшею, о рѣзкомъ различіи племенныхъ

особенностей этихъ двухъ вѣтвей славянскаго народа, особенностей, между которыми различіе вѣры выдвинулось на первый планъ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, которое надѣлало столько бѣдъ, Польша обязана прежде всего уніи. Унія придумана была, какъ лучшее, связующее звѣно православныхъ западно-руссовъ съ латинянами — поляками. Понятно теперь, что западно-руссы, спасая себя отъ національныхъ притязаній Польши, напали больше всего на это связующее звѣно, а поляки хватались за него каждый разъ, какъ только оказывалась возможность возобновить свои притязанія на безусловное господство надъ западно-руссами, на ополяченіе ихъ. Унія ополячивала западно-руссовъ; западно-руссы не могли терпѣть ее, а поляки не хотѣли разставаться съ нею. Такимъ образомъ, теперь интересы вѣры, не смотря на ихъ видимое раздѣленіе, плотнѣе, чѣмъ когда либо слились съ политическими интересами и западно-руссовъ и поляковъ. Въ сравненіи съ прежнимъ временемъ теперь вышла вотъ какая странность. Прежде король (Сигизмундъ III) съ своею партіею поддерживалъ это слитіе интересовъ вѣры и государства и, какъ выраженіе его — унію, а литовско-польское общество, какъ православное, такъ въ значительной части латинское, противилось этому. Теперь на оборотъ: король, даже два короля, одинъ за другимъ (Владиславъ и Янъ Казиміръ) старались, и нерѣдко со всею искренностію, разрушить эту теорію; но ни православное, ни латинское общество не хотѣли допустить для себя этого раздѣленія интересовъ религіозныхъ и политическихъ, напротивъ сливали ихъ каждое по своему, еще больше чѣмъ прежде. Само собою разу-

мѣется, что теперь Владиславъ и Янъ Казиміръ должны были испытать большую неудачу въ своемъ планѣ, чѣмъ Сигизмундъ въ своемъ, и борьба между уніей и православіемъ должна была сдѣлаться гораздо упорнѣе и жесточе, чѣмъ прежде; она стала теперь въ полномъ смыслѣ народною, національною борьбою. Къ этому нужно еще прибавить, что во время смутъ въ эту четверть столѣтія, Польша довела свою власть королевскую до страшнаго ничтожества. Въ тоже время она почувствовала признаки своей политической смерти, и это чувство невольно освѣжали православные западно-руссы, обращаясь къ Россіи съ мольбою о защитѣ одновременно съ литовско-польскими протестантами, обращавшимися съ тѣмъ же къ Швеціи и за тѣмъ къ Пруссіи. Это прибавленіе обстоятельствъ, сейчасъ указанныхъ нами, очень важно для насъ. Оно объяснитъ намъ не мало странностей въ исторіи уніи послѣ присоединенія къ Россіи Малороссіи и, между прочимъ, ту странность, о которой намъ сейчасъ приходится говорить.

Извѣстно, что въ государствѣ здоровомъ, сильномъ не только матеріально, но и нравственно, измѣнники его не могутъ пользоваться хорошимъ положеніемъ, хотя бы они возвратились къ нему добровольно, оставлены были правительствомъ невредимыми и хотя бы ихъ было не одинъ, два, а цѣлая толпа. Но въ слабомъ, близкомъ къ смерти государствѣ чаще всего бываетъ такъ, что эти люди, возвращаясь назадъ, получаютъ больше выгодъ, чѣмъ прежде спрашивали. Оно принимаетъ ихъ съ распростертыми объятіями и даетъ все, чего бы они ни пожелали. Во время казацкихъ смутъ Польша не разъ осуществляла въ своей жизни это жал-

кое явленіе. Но никогда она не осуществляла его такъ поразительно, торжественно, какъ въ 1658—9 году.

Когда неоспоримый, живой фактъ страшной потери—присоединеніе къ Россіи Малороссіи—ударилъ со всею силою въ отуманенныя головы религіозныхъ и политическихъ фанатиковъ Польши, то партія чисто народная, слишкомъ четверть столѣтія работавшая напрасно для примиренія съ Польшею литовско-русскихъ православныхъ, получила возможность, хотя конечно грустную, при первомъ благопріятномъ случаѣ вознаградить свои неудачи блистательнымъ образомъ, къ сожалѣнію очень непрочнымъ. Гетманъ Выговскій, выхватившій власть у Юрія Хмѣльницкаго, сейчасъ же послѣ смерти Богдана, измѣнилъ новому своему отечеству—Россіи и передался съ значительною частію казаковъ на сторону Польши (302). Заключенъ былъ при этомъ между казаками и Польшею извѣстный Гадячскій договоръ (1658 г.), которымъ Польша съ полною охотою, сразу дала прежнимъ своимъ измѣнникамъ то, чего не могъ добиться страшный Богданъ Хмѣльницкій съ цѣлымъ западно-русскимъ народамъ. Она предоставила имъ почти полную самостоятельность, щедрою рукою надѣлила ихъ своею нобилитаціею (дворянствомъ) и, что собственно насъ занимаетъ, согласилась вполнѣ возстановить западно-русское православіе, поставила его въ правахъ рядомъ съ латинствомъ, а унію рѣшилась истребить во всемъ государствѣ (303). Нельзя думать, что эта новая, небывалая уступчивость Польши была не болѣе, какъ старый обманъ. Уступки православнымъ теперь дѣлались такъ, какъ никогда не дѣлались прежде. Они буквально, во всей полнотѣ внесены въ

сеймовую конституцію, чего никогда не бывало; въ исполненіи ихъ клялись не только люди, заключившіе Гадячскій миръ, но клялся торжественно король; клялись два первые представителя латинскаго духовенства Примасъ и Виленскій епископъ; клялись канцлеры и выборные отъ сейма; (304) наконецъ назначена многочисленная коммиссія изъ духовныхъ и свѣтскихъ людей для возстановленія вездѣ православія, — коммиссія съ правами трибунальныхъ судей, и ея дѣйствія, какъ и вообще постановленія Гадячскаго трактата, гарантировались еще тѣмъ, что малѣйшее нарушеніе ихъ одной стороной уничтожало обязательства другой (305). Въ серьозности и искренности всего этого дѣла убѣждаетъ насъ, кромѣ необычайной его торжественности, еще одно обстоятельство. Польша того времени, поставленная на краю погибели двумя сильными государствами Россіею и Швеціею, пришла къ убѣжденію, что эту гибель причинили ей двѣ новыя вѣры — унія и протестантство и что спасеніе ея возможно только при существованіи двухъ старыхъ вѣръ — латинства и православія. Поэтому она рѣшилась уничтожить двѣ новыя вѣры и возстановить въ прежнихъ, древнихъ отношеніяхъ двѣ старыя, при которыхъ Польша такъ была сильна до XVI столѣтія, когда въ ней не было ни уніи, ни протестантства. Эта мысль постоянно пробивается въ Гадячскомъ договорѣ, ее признали обязательною для себя обѣ стороны — православная и латинская (306).

Чтоже, много въ самомъ дѣдѣ пришесла пользы эта торжественная, единодушная, такъ крѣпко обставленная сдѣлка? Долго польскіе патріоты могли потирать се-

бѣ руки отъ удовольствія, что устроили такое великолѣпное дѣло (307)? А православные западно-руссы много разъ вздохнули свободно? Нѣтъ и нѣтъ! Гадячская сдѣлка, при всей своей торжественности и единодушіи заключавшихъ ее, была въ высшей степени непрактична. Оказалось невозможнымъ, какъ и слѣдовало ожидать, истребить ни унію, ни протестантства, потому что оба вѣроисповѣданія имѣли многочисленныхъ, усердно-преданныхъ послѣдователей; оказалось также невомножнымъ удержать казаковъ въ вѣрности Польшѣ; т. е. гадячская сдѣлка лопалась при первомъ прикосновеніи къ дѣйствительности. Для латинской іезуитской партіи, которая умолкла теперь подъ громомъ бѣдъ, достаточно было уже одной этой непрактичности Гадячскаго договора, чтобы снова поднять голову. Едва кончился сеймъ 1659 г. и стала собираться коммиссія для выполненія гадячскихъ условій о вѣрѣ, какъ латинская партія въ союзѣ съ уніатскою заговорила съ прежнею силою и съ привычнымъ искуствомъ стала переворачивать установившіеся во время гадячской сдѣлки взгляды на унію. Она стала убѣждать, что не унія причиною бѣдствій Польши, а православіе, что унія давно существуетъ какъ законное, согласное съ латинствомъ вѣроисповѣданіе, а православіе въ лицѣ казаковъ и взволнованнаго народа не обѣщаетъ ничего вѣрнаго, напротивъ, оно обличаетъ въ православныхъ русскія стремленія, которымъ унія—лучшее противодѣйствіе (308). Посыпались протесты противъ гадячскихъ условій; посланы жалобы къ папѣ (309); выступилъ во всеоружіи іезуитской схоластики и поддержки Гавріилъ Калснда — сперва архіепископъ полоцкій (до 1664 г.) потомъ администраторъ

митрополіи (до 1666 г.) и наконецъ уніятскій митрополитъ, и такъ успѣлъ отуманить глаза, что на сеймахъ съ 1662 года одно за другимъ слѣдовали такія толкованія всѣхъ уступокъ въ пользу православія, что читая ихъ, нельзя надивиться той страшной порчѣ политическаго смысла и нравственности, какую произвели къ тому времени въ Польшѣ іезуиты съ своею уніею. Всѣ эти яснѣйшія уступки въ пользу православныхъ — Зборовская, Гадяческая объяснены были такъ, что изложенныя въ нихъ права относятся собственно къ уніятамъ (310). Мало того, уніяты получили еще новое преимущество, которое передало въ ихъ полное распоряженіе всѣхъ православныхъ литовско-русскихъ. Уніятскій митрополитъ Коленда получилъ отъ Яна Казиміра дипломъ, по которому ему дано право назначать на всѣ духовныя вакансіи греческой вѣры лицъ по своему непосредственному усмотрѣнію и своею собственною властію (311). Это значило, что уніятскій митрополитъ могъ назначать на всѣ духовныя мѣста помимо прихожанъ, помимо патроновъ, помимо сеймовыхъ избраній и даже помимо короля, т. е. назначать безпрепятственно усердныхъ своихъ слугъ, проникнутыхъ такою же нетерпимостію, какъ и онъ, и назначать не только на уніятскія вакансіи, но и на православныя, потому что въ дипломѣ было сказано вообще о вакансіяхъ греческой вѣры, подъ которою разумѣли всегда въ такомъ опредѣленіи и унію и православіе (312).

Такимъ образомъ, второй уже король польскій начиналъ свое царствованіе возстановленіемъ правъ православныхъ и оканчивалъ совершеннымъ уничтоженіемъ ихъ! Могущество латинской іезуитской партіи было

такъ велико, она такъ искусно возбуждала и объединяла съ своими цѣлями всѣ стремленія народа, что передъ нею безсильны были лучшія, благороднѣйшія намѣренія королей и ее не могли сломать самыя ужасныя бѣдствія Польши. Два короля, говоримъ, Владиславъ и Казиміръ, вступая на польскій престолъ съ трезвою мыслію и рѣшимостію осуществлять ее, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неблагодарнѣйшей, утомительной борьбы, падали духомъ, подчинялись этой партіи и налагали тяжелую руку на православныхъ, а уніятовъ поглаживали съ самою нѣжною заботливостію, не смотря на то, что самыя простыя указанія здраваго смысла и самыя ясныя требованія польской политики противорѣчили такому образу дѣйствій. Понятно теперь само собою, что если величайшія бѣдствія Польши не могли сломать іезуитской партіи и помочь православнымъ, то малѣйшій успѣхъ польскаго государства, малѣйшіе проблески прежняго его могущества способны были придать ей еще большую смѣлость и неуступчивость. Обстоятельства дѣйствительно повернули тогда же въ эту сторону и доставили новое торжество и іезуитству и уніи. Два страшные врага Польши, Россія и Швеція, при первой встрѣчѣ на землѣ, которую воевали и покоряли, перессорились между собою, благодаря особенно совѣтамъ Австріи, и обратили оружіе другъ противъ друга. Польша начала оправляться и отражать порознь и шведовъ и русскихъ; области, завоеванныя тѣми и другими, мало по малу были возвращаемы назадъ, и Польша заключила миръ сперва съ Швеціею (1660), потомъ и съ Россіею (1667 г.). Повидимому, для іезуитства и уніи въ этомъ поворотѣ обстоятельствъ не было ничего особенно радостнаго,

тѣмъ болѣе, что и Россія и Швеція, заключая миръ съ Польшею, гарантировали спокойствіе совѣсти своихъ единовѣрцевъ въ польскомъ государствѣ. Дѣла, по видимому, должны были возвратиться къ прежнему порядку. Но іезуиты и уніяты сочли нужнымъ пустить новую пыль въ глаза всѣмъ и ознаменовать возстановленіе своего господства новымъ фокусомъ.

Во время кончившейся теперь войны главною квартирою русскихъ былъ большею частію Полоцкъ — мѣсто дѣятельности Іосафата Кунцевича, котораго русскіе, естественно, не имѣли причины уважать и чтить благодарною памятію. Латиняне и уніяты ожидали, что Іосафатъ непремѣнно накажетъ русскихъ, и распускали объ этомъ въ народѣ чудесныя предсказанія и знаменія. Года однако проходили и Іосафатъ не наказывалъ русскихъ; они одерживали побѣду за побѣдою. Но вотъ протестантская Швеція помогла уніятскому святому; русское оружіе, раздѣленное противъ двухъ враговъ, начало ослабѣвать, какъ мы уже замѣчали. Оказалось возможнымъ вставить тутъ Іосафата Кунцевича. Случилось однажды (1660 г.), что въ польскомъ войскѣ, собиравшемся начать битву съ русскими, назначенъ былъ пароль: «Іосафатъ Кунцевичъ». Въ этотъ день ничего особеннаго не случилось, но на слѣдующій день поляки одержали побѣду и вспомнили, что, вѣдь, у нихъ пароль не перемѣненъ, остался тотъ же: Іосафатъ Кунцевичъ; *значитъ* (!?) Іосафатъ Кунцевичъ помогъ одержать эту побѣду. Іезуиты и уніяты зашумѣли. Дали знать сейму о такомъ необычайномъ событіи; сочли даже нужнымъ для большаго эффекта отыскать въ войскѣ, одержавшемъ побѣду, такого православнаго, который

бы согласился явиться на сеймъ и пересказать все это чудо (313). Приняли слѣдующее рѣшеніе: Іосафатъ Кунцевичъ признанъ былъ святымъ (beatificatus), хотя съ большимъ трудомъ, еще въ 1642 году, но не канонизованъ (т. е. тѣло его не признано нетлѣннымъ (314). Теперь король и сеймъ нашли удобнымъ доставить Іосафату эту новую честь и отправили (1661 г.) посольство къ папѣ Александру VII съ просьбою причислить Іосафата къ канонизованнымъ святымъ. Хлопоталъ объ этомъ протоархимандритъ Базиліянскаго ордена Іаковъ Суша. Папа, конечно, очень справедливо нашелъ страннымъ такое доказательство нетлѣнія Іосафата, и не исполнилъ просьбы; онъ только утвердилъ (1665 г.) составленное Сушею описаніе жизни и чудесъ Іосафата (315). Тѣмъ не менѣе уніяты нашли возможнымъ продолжать поднятый шумъ о Іосафатѣ. Когда началась война съ Россіею за Малороссію, уніятскій митрополитъ Антоній Селява, спасаясь самъ отъ русскихъ, взялъ съ собою и гробъ Іосафата изъ Полоцка. Гробъ этотъ странствовалъ много и долго. Онъ былъ въ Жировицахъ, въ Замостьѣ, въ Вильнѣ (316). Вотъ теперь-то (1666—8 г.) уніяты воспользовались поднятымъ шумомъ. Они начали торжественно вести Іосафата къ Полоцку, что подало поводъ къ безконечнымъ церемоніямъ и новымъ чудеснымъ сказаніямъ, отъ которыхъ, не легко было православнымъ, тѣмъ болѣе, что *тогда же* они имѣли неосторожность утверждать, что переносится и перевозится *пустой* гробъ (317). Случилось еще, что съ этимъ оживленіемъ религіознаго фанатизма совпало нѣсколько конфедерацій противъ короля Казиміра, т. е. совпала разнузданность латинскаго общества,

во время которой прекращалась законная власть, умолкали суды, когда, слѣдовательно, іезуиты и уніаты могли разгуливать на просторѣ, дѣлать, что угодно, съ иновѣрцами и никого не бояться.

Въ этомъ омутѣ народныхъ страстей король Янъ Казиміръ окончательно палъ духомъ и отрекся отъ польскаго престола (318). Въ междуцарствіе послѣ Яна Казиміра, во время полнаго, безусловнаго господства главной партіи, т. е., латинской, іезуитской, обнаружилась со всею ясностію вновь пріобрѣтенная сила уніи. Рядомъ съ голословными, обманчивыми завѣреніями правъ и спокойствія диссидентовъ, сдѣлано было тогда, между прочимъ, такое постановленіе, что отступники отъ уніи должны быть наказываемы также, какъ и отступники отъ латинства, т. е. изгнаніемъ изъ отечества (319). Само собою разумѣется, что при такомъ настроеніи польскаго общества ничего не могъ уже сдѣлать въ пользу православныхъ и новоизбранный король (1669 г.) изъ народа — Михаилъ Вишневецкій, русскій по происхожденію и человѣкъ правдиваго, благороднаго характера. Онъ при всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ долженъ былъ идти по старой дорогѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что даже и не пробовалъ возобновлять безуспѣшныя попытки Владислава и Казиміра улучшить положеніе православія, а сразу подтвердилъ всѣ права уніятовъ и ласкалъ ихъ до конца своего недолговременнаго царствованія. На бѣду еще православнымъ уніятскій митрополитъ Гавріилъ Калеида лично пользовался особеннымъ расположеніемъ Короля Михаила (320).

Между тѣмъ, еще при Казимірѣ выдвинулся въ Польшѣ необыкновенный человѣкъ своего времени — Янъ

Собѣсскій, которому суждено было огласить славою польскаго оружія весь христіанскій міръ и воскресить Польшу на короткое время къ прежнему могуществу. По странному стеченію обстоятельствъ, это могущество Польши, эта слава польскаго оружія, даже прекрасныя качества Собѣсскаго, какъ человѣка, тяжело отозвались на несчастныхъ литовско-русскихъ православныхъ, для которыхъ все обращалось въ горе — и счастіе и несчастіе Польши, и благородство и низость ея правителей.

Янъ Собѣскій живо напомнилъ полякамъ славнаго Баторія. Подобно Баторію, Собѣсскій составилъ широкій планъ борьбы съ турками и, какъ извѣстно, выполнилъ его гораздо болѣе Баторій, — онъ поражалъ на каждомъ шагу турокъ въ Польшѣ и даже спасъ отъ нихъ Австрію. Эти блистательные успѣхи польскаго оружія тѣсно связаны были народнымъ мнѣніемъ съ судьбою всего западнаго христіанства. На Собѣсскаго смотрѣли какъ на героя латинскаго міра, защитника латинства и такое мнѣніе тѣмъ болѣе дѣлало шуму, что Собѣсскій дѣйствительно глубоко былъ привязанъ къ латинству и неоспоримо имѣлъ въ виду доставить ему величіе и славу борьбою съ турками (321). Въ государствѣ съ преобладающимъ іезуитскимъ латинствомъ всегда ужъ такъ бываетъ, что торжество его немедленно возбуждаетъ и усиливаетъ въ латинянахъ ненависть къ иновѣрцамъ и фанатическое понужденіе ихъ къ принятію латинства. Такъ случилось и при Янѣ Собѣсскомъ. Едва избранный по смерти Михаила (1674) на польскій престолъ Собѣсскій успѣлъ вложить мечь въ ножны, чтобы короноваться польскою короною, какъ латинская партія немедленно представила его вниманію своихъ птенцовъ —

уніятовъ, и Собѣскій далъ имъ два диплома, которыми утверждалъ всѣ до сихъ поръ пріобрѣтенныя ими, незаконныя права (322). Неизвѣстно, какъ широко уніяты воспользовались бы своимъ выгоднымъ положеніемъ,— оживленною ненавистію латинской партіи къ православнымъ и своими новыми привиллегіями, еслибы дѣла въ православномъ литовско-русскомъ мірѣ шли своимъ прежнимъ порядкомъ, т. е. еслибы православная іерархія по прежнему была благоустроена и уніятамъ оставалось бы дѣйствовать только снизу, посредствомъ гоненія православнаго народа. Послѣдующая исторія Бѣлорусскаго православія, имѣющая нѣкоторую связь съ этимъ временемъ, наводитъ насъ на очень широкія предположенія. Но покамѣстъ мы должны сказать, что обстоятельства значительно измѣнили обыкновенный образъ дѣйствій уніятовъ, по-крайней-мѣрѣ, на время отвлекли ихъ вниманіе въ другую сторону.

Мы говорили въ свое время, что какъ ни велики были смуты въ областяхъ, присоединившихся къ Россіи въ 1654—5 г., но тамъ было одно благо, изъ-за котораго можно было примириться со всѣми невзгодами жизни— тамъ было спокойствіе православной вѣры. Въ этомъ отношеніи присоединеніе Малороссіи къ русскому царству было свѣтлымъ явленіемъ въ исторіи литовско-русскаго народа; но по отношенію къ тѣмъ областямъ литовско-русскимъ, которыя остались подъ властію Польши, это свѣтлое явленіе омрачилось ужасными послѣдствіями. Всѣ православные, оставшіеся подъ этою властію, и такъ ясно показавшіе готовность порвать съ нею всѣ связи, очутились въ положеніи измѣнниковъ Польши, которымъ короли могли объявлять какую

угодно амнистію, - но которымъ не прощало польское общество, особенно іезуитская партія, находившая въ этомъ обстоятельствѣ прекрасный предлогъ вдвойнѣ преслѣдовать ихъ и какъ измѣнниковъ отечества, и какъ нетерпимыхъ иновѣрцевъ. Само собою разумѣется, что многіе православные считали рѣшительно невыносимымъ такое положеніе, и одни измѣняли своей вѣрѣ и своей народности, а другіе, избѣгая этой крайности, естественно переходили въ-другую, — переселялись въ Россію. Отъ этого западно-русское православіе теряло много слабыхъ членовъ (переходившихъ въ унію или латинство), но теряло также много и хорошихъ, потому что такими и были въ большинствѣ люди, переселявшіеся въ Россію. Эта эмиграція причиняла невознаградимую потерю литовско-русскому православію. Особенно огромная потеря, въ этомъ отношеніи, происходила въ томъ классѣ людей, который нужнѣе всего и былъ для поддержанія литовско-русскаго православія, т. е. въ іерархіи. Изъ этой іерархіи переходили въ Россію такіе люди, какъ Симеонъ Полоцкій, Лазарь Барановичъ, не говоримъ о лицахъ позднѣйшаго времени, которыхъ списокъ очень длиненъ. Мы не преувеличимъ дѣла, если скажемъ, что тогда Литва походила на Ирландію недавно прошедшаго времени. Люди, необходимѣйшіе для важнѣйшаго и труднѣйшаго дѣла, исчезали одни за другими. А между тѣмъ, положеніе западно-русской іерархіи и безъ того было такъ трудно, что требовало самыхъ умныхъ и энергичныхъ людей.

Вмѣстѣ съ заднѣпровьемъ, населеннымъ казаками, фактически перешло подъ власть Россіи и средоточіе іерархическаго управленія западно-русской Церкви —

Кіевъ. Митрополитъ всей западно-русской Церкви очутился за границею западной Россіи, оставшейся подъ властію Польши. Сношенія его съ этою частію паствы и паствы съ нимъ затруднились до крайности, и тѣмъ больше могло здѣсь встрѣтиться препятствій, что мало по малу начало осуществляться желаніе русскаго правительства, чтобы кіевскій митрополитъ зависѣлъ отъ московскаго патріарха (323). Но самымъ важнымъ для православныхъ затрудненіемъ, которое отсюда вышло, было то, что сама западно-русская православная іерархія раздѣлилась на партіи — одна стремилась своими симпатіями къ Москвѣ, другая ратовала за прежнее положеніе, за подчиненіе митрополіи константинопольскому патріарху. Каждая изъ этихъ партій старалась имѣть на митрополичьемъ престолѣ своего человѣка. Поэтому вскорѣ случилось такъ, что въ то время, какъ русская половина западной Россіи избирала своего кандидата, польская выставляла своего. Оказывалось два митрополита (324); открылся широкій просторъ страстямъ человѣческимъ въ святомъ дѣлѣ, открылся и обыкновенный результатъ такихъ обстоятельствъ. Часть іерархіи, желавшая имѣть для Литвы своего, независимаго митрополита, стала примыкать къ Польшѣ и затѣмъ къ уніи.

Въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія Львовскій епископъ—Іосифъ Шумлянскій и кандидатъ на епископію Перемышльскую—Иннокентій Винницкій рѣшились воспользоваться этими обстоятельствами. Они вошли въ тайныя сношенія съ польскимъ правительствомъ свѣтскимъ и духовнымъ, и изъявили готовность принять унію (325). Въ проэктѣ, составленномъ по этому

случаю, дѣла вѣры занимаютъ послѣднее мѣсто,—главное въ немъ — обезпеченіе матеріальными средствами принимавшихъ унію. Особенно заботился о себѣ Іосифъ Шумлянскій. Онъ требовалъ, чтобы вещественныя блага львовской епископіи и кіевской митрополіи соединены были въ одно, чтобы львовская епископія обогащена была донаціями и даже, чтобы папа далъ ему денежныя средства (326). Но Іосифъ Шумлянскій и Иннокентій Винницкій съ немногими единомышленниками очень хорошо понимали, что имъ при всѣхъ вещественныхъ благахъ будетъ очень неудобно, если они одни примутъ унію, безъ паствы. Первыя времена уніи могли представить очень убѣдительныя примѣры подобнаго положенія, да и уніятамъ съ іезуитами немного было пользы отъ обращенія въ унію однихъ этихъ лицъ, особенно въ такое время, когда польское латинство торжествовало свои успѣхи въ борьбѣ съ магометанствомъ и способно было затѣвать самые широкіе планы. Составленъ былъ и теперь самый широкій планъ распространенія уніи и нужно даже сказать, какъ ни странно это можетъ показаться съ перваго раза, планъ самый либеральный.

Въ 1679 году православные и уніятскіе граждане литовско-польскаго государства взволнованы были королевскимъ универсаломъ такого содержанія: король отъ всей души желаетъ согласія и единодушія своихъ подданныхъ, но видитъ, что между православными и уніятами нескончаемый раздоръ. Король желаетъ прекратить этотъ раздоръ и приглашаетъ православныхъ и уніятовъ всѣхъ чиновъ и званій на братскій разговоръ въ Люблинъ. Но объ чемъ же бесѣдовать этимъ ста-

рымъ знакомымъ? Въ королевскомъ универсалѣ указывалось на одинъ матеріалъ бесѣды очень заманчиваго и въ то же время очень безразличнаго въ дѣлахъ вѣры свойства. Тамъ говорится, чтобы обѣ стороны захватили съ собою свои граматы, привиллегіи, очевидно, съ тою цѣлію, чтобы сличить ихъ, разсудить и установить законныя, мирныя отношенія между православными и уніятами, что для государства, безспорно, было очень важно и давало право Собѣсскому даже приказывать, чтобы всѣ, имѣвшіе какое нибудь старшинство, непремѣнно прибыли на Люблинское собесѣдованіе (327). Но въ граматѣ короля къ тогдашнему уніятскому митрополиту Кипріану Жоховскому говорилось прямо, чтобы на этомъ съѣздѣ было разсужденіе о дѣлахъ вѣры и разсужденіе самое широкое; — Жоховскій долженъ созвать для этого всѣхъ лучшихъ ученыхъ своей іерархіи (328). За этимъ, конечно, дѣло не стало.

Въ январѣ 1680 года по прекрасной санной дорогѣ понеслись въ Люблинъ со всѣхъ концовъ Литвы уніяты разнообразнѣйшихъ чиновъ, митрополитъ, епископы, протоархимандритъ Базиліанскаго ордена, опаты (настоятели) монастырей, протоконсульты, консульты, секретари, проповѣдники, духовники, и просто ученые иноки этого ордена. Прибыли нѣкоторые латинскіе епископы и коммиссары, назначенные для этого королемъ (329). Прибылъ также Іосифъ Шумлянскій и нѣсколько православныхъ игуменовъ и мірянъ. Люблинскіе іезуиты съ латинскимъ и уніятскимъ народомъ приняли ихъ съ распростертыми объятіями. Іезуиты предложили свой костелъ, гдѣ въ полномъ собраніи всѣхъ членовъ съѣзда совершена уніятскимъ епископомъ тор-

жественная обѣдня съ высокопарною проповѣдью изъ текста: да вси едино будутъ. Послѣ обѣдни іезуитскіе школьники встрѣтили вышедшее собраніе своею процессіею съ пѣснями, поздравленіями. «Аѳины, Геликонъ, Парнассъ, восклицаетъ при этомъ Кохановскій, описавшій этотъ съѣздъ, ничто въ сравненіи со всѣмъ этимъ!» Тутъ же князь Димитрій Корибутъ Вишневецкій предложилъ залы своего дворца и свое радушіе членамъ съѣзда. Нужно бы ожидать здѣсь новыхъ восторговъ отъ автора, описавшаго Lubelskie Colloquium, но онъ ихъ уже не дѣлаетъ, да они дѣйствительно были бы теперь не у мѣста, потому что затѣмъ немедленно послѣдовали совершенно иного рода событія (330).

Въ тотъ же день получено было отъ короля письмо, которое такъ поразило люблинское собраніе, что оно, выслушавъ его, altum ingemuit, (громко застонало). Король потребовалъ, чтобы Люблинскій съѣздъ былъ перенесенъ въ Варшаву для устраненія слѣдующаго затрудненія. Луцкое православное братство, безъ сомнѣнія, узнавшее тайную сдѣлку Шумлянскаго съ уніятами, обратилось къ королю съ просьбою отсрочить совѣщаніе и дать православнымъ дозволеніе снестись пока съ восточными патріархами. Король писалъ главному члену съѣзда Кохановскому, что отказалъ членамъ Луцкаго братства въ этой просьбѣ, и задержалъ ихъ у себя, но во всякомъ случаѣ убѣждаетъ собраніе переселиться въ Варшаву; тутъ имъ будетъ поудобнѣе, затрудненія уладятся, да и король теперь не можетъ отпустить отъ себя сенаторовъ въ Люблинъ, въ качествѣ его коммиссаровъ (331). Члены собранія, по выраженію Кохановскаго, готовы были пѣшкомъ идти въ Варшаву, но они

ясно поняли, что этотъ подвигъ не принесетъ никакой пользы, потому, между прочимъ, что въ то же время, какъ Луцкое православное братство устроило Люблинскому съѣзду такой сюрпризъ, и папскій нунцій наложилъ желѣзные оковы на жителей новыхъ Аѳинъ, Геликона, Парнаса. Онъ запретилъ имъ приниматься за разсужденіе о положеніяхъ латинства, разбирать и доказывать ихъ православнымъ, и требовалъ, чтобы собраніе ограничилось только отеческимъ увѣщаніемъ, принятіемъ покорности и присоединеніемъ схизматиковъ (332). Нужно предполагать, что протоконсульты, консульты, секретари и вообще доктора Базиліанскаго ордена, приготовлявшіеся, безъ сомнѣнія, и не безъ труда, къ самому широкому состязанію съ православными, сильно поморщились отъ этого новаго сюрприза, и прежде ихъ поморщился протоархимандритъ Базиліанскій, напрасно собравшій въ Люблинъ этихъ ученыхъ мужей насчетъ ордена, а тутъ король предлагаетъ еще новыя издержки, хочетъ переселить этихъ борцовъ въ Варшаву также напрасно. Къ большему огорченію члены съѣзда еще узнали, что даже протестанты дѣйствуютъ противъ нихъ за одно съ православными, изъ боязни, чтобы съ присоединеніемъ къ уніи православныхъ, не пришлось имъ однимъ выносить иго латинскаго деспотизма, за что̀ Жоховскій счелъ умѣстнымъ выбранить ихъ жестоко, и кстати назвать Лютера и Кальвина karmnemi wieprzami diabelskiemi (откормленными боровами діавола) (333). Словомъ, Люблинскій съѣздъ увидѣлъ, что ему въ Люблинѣ ничего нельзя сдѣлать и также ничего нельзя будетъ сдѣлать въ Варшавѣ. Поэтому онъ отказался отъ королевскаго приглашенія

ѣхать въ Варшаву (334) и объявилъ, что унія возвращается домой (Jednośé S. powraca do domu) (335). «Было прекрасное стадо рыбъ», заканчиваетъ авторъ Colloquium, но не далось поймать..., было прекрасное стадо овецъ, но не хотѣло войти во дворъ овчій верховнаго римскаго пастыря и соединиться съ тѣми, которые слушаютъ его голоса и не столько боятся его, сколько любятъ (336). Или короче и яснѣе: изъ этой громадной, великолѣпной затѣи вышло, благодаря вмѣшательству Луцкаго православнаго братства, magnum nihil (великое ничто), какъ выражается тотъ же авторъ (337).

Дѣйствительно люблинское собраніе обратилось въ ничто, даже положимъ, въ великое ничто, но нельзя того же сказать о той тайной сдѣлкѣ, въ которую вступилъ съ уніятами Шумлянскій, и которой Люблинскій съѣздъ былъ только широкимъ развитіемъ.

Когда главные члены Люблинскаго съѣзда отказались ѣхать въ Варшаву подъ предлогомъ неудобствъ зимняго путешествія, то Король предложилъ имъ пріѣхать туда лѣтомъ (338). Уніяты хотя нерѣшительно отвѣтили на это новое предложеніе (339), но не видно, чтобы они имъ воспользовались. Нѣтъ въ памятникахъ никакого слѣда, чтобы они снова побезпокоили православныхъ новымъ приглашеніемъ на собесѣдованіе, да оно, какъ мы видѣли, и не могло обѣщать ни малѣйшаго успѣха. Но Іосифъ Шумлянскій и Иннокентій Винницкій сочли неблагоразумнымъ дѣломъ отказаться отъ этого предложенія. У нихъ были сильныя побужденія напрашиваться на унію. Одному хотѣлось быть митрополитомъ и владѣть митрополичьими имѣніями, другой имѣлъ болѣе скромную цѣль — сдѣлаться Перемышльскимъ еписко-

помъ, а между тѣмъ Жоховскій просилъ короля отказать ему въ этомъ, пока онъ остается православнымъ. Поэтому оба искателя земныхъ благъ поспѣшили (1681 г.) въ Варшаву и передъ папскимъ нунціемъ приняли унію (340). Оба они добивались и теперь, чтобы снова созвать съѣздъ и опять составили планъ соединенія православныхъ съ уніятами (341); но всѣ хлопоты оказались напрасными. Мало того, Шумлянскому и Винницкому съ немногими друзьями вскорѣ пришлось самимъ скрывать, что они приняли унію.

Оба эти епископа, старавшіеся съ такими усиліями измѣнить своей вѣрѣ, достигли главной своей цѣли — личныхъ выгодъ, по крайней мѣрѣ, навѣрно знаемъ о первомъ изъ нихъ — Іосифѣ Шумлянскомъ. Онъ еще въ 1673 году получилъ въ администрацію Кіевскую митрополію при Львовской епископіи (342), а въ 1677 г. нѣкоторыя имѣнія ея (343). Но обстоятельства, хотя, конечно, не къ пользѣ православныхъ, какъ бы нарочно устроялись такъ, чтобы мучить этихъ недостойныхъ людей.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1686 году, Янъ Собѣсскій заключилъ съ Россіею миръ, по которому, между прочимъ, Польша обязывалась возстановить православныя епископіи — Львовскую и Перемышльскую (344). Шумлянскому и Винницкому приходилось, такимъ образомъ, лишиться всѣхъ благъ, пріобрѣтенныхъ принятіемъ уніи. Теперь оказалось, что имъ лучше бы быть православными, и вотъ по какимъ особенно причинамъ. Тогда же Кіевъ окончательно былъ уступленъ Россіи и Перемышльскій епископъ Гедеонъ Четвертинскій, котораго они тоже хотѣли было затя-

путь въ унію (345), рѣшился положить конецъ двусмысленному положенію Кіевской митрополіи. Онъ сблизился съ вѣрнымъ Россіи Гетманомъ Самойловичемъ и, будучи избранъ на митрополичій престолъ, призналъ надъ собою власть Московскаго Патріарха, даже посвященъ былъ въ Москвѣ (346). Такимъ образомъ, средоточіе западно-русской Церкви совершенно было оторвано отъ областей ея, остававшихся подъ властію Польши, и Шумлянскому очень можно было расчитывать, что большое число западно-русскихъ православныхъ будетъ чувствовать настоятельную нужду въ высшемъ іерархѣ мѣстномъ. Шумлянскій не задумался воспользоваться и этими обстоятельствами. Такъ какъ онъ въ Варшавѣ принималъ унію, по всему видно, не гласно (347), то продолжалъ считать себя православнымъ и требовалъ отъ литовско-русскихъ православныхъ подчиненія себѣ, какъ администратору Кіевской митрополіи. Отъ этого новаго фарса Шумлянскаго приходилось очень плохо тѣмъ православнымъ, которые отказывались отъ повиновенія ему! Онъ наѣзжалъ на ихъ приходы и жестоко расправлялся съ ихъ священниками (348). Но не лучше было и тѣмъ, которые ему подчинялись. Поляки стали неблагосклонно смотрѣть на эту неожиданную ревность Шумлянскаго къ православію и начали его тѣснить. Тогда Шумлянскій опять взялся за унію, принялъ ее и сталъ тянуть къ ней за собою свою паству (349). Особенное вниманіе его обращено было на Львовское православное братство. Онъ дѣйствовалъ на него то ласками, то гоненіями и таки дождался, что оно приняло унію. Возгорѣвшаяся тогда вновь Шведская война, при новомъ уже королѣ Августѣ

II (или Саксонскомъ) разстроила благосостояніе братства; а Шумлянскій не давалъ возстановить его иначе, какъ подъ условіемъ принятія уніи. Въ 1708 году совершился этотъ грустный фактъ (350), — погибла эта древняя опора западно-русскаго православія — Львовское братство, принесшее столько добра этому православію и перенесшее изъ-за вѣры столько мукъ отъ уніятовъ и латинянъ. Оставалось еще въ значительной силѣ новѣйшее православное братство — Луцкое, оказавшее такое видное вліяніе на дѣла своей Церкви во время Люблинскаго съѣзда, но и оно къ этому времени очень ослабѣло и разъ только еще заявляло свое существованіе. Епископъ его области Діонисій Жабокржицкій принялъ въ 1702 году унію. Луцкое братство пожаловалось Петру I-му. Жабокржицкій былъ схваченъ и заточенъ въ Россіи. Но когда поставленъ былъ новый православный епископъ Кириллъ Шумлянскій, то братство уже не могло удержать его; Кириллъ принужденъ былъ удалиться (1712 г.) въ области русскія; а Луцкое братство исчезло безслѣдно, когда и какъ, ничего неизвѣстно (351).

Такимъ образомъ, къ началу XVIII столѣтія унія, повидимому, покончила свое дѣло. Всѣ литовско русскія области польскаго королевства испытали на себѣ ея удары и православные вездѣ были подавлены на столько, что *сами*, *своими* собственными средствами не могли уже противопоставить ей серьозныхъ затрудненій. Опустошительнымъ ураганомъ прошла она по всѣмъ странамъ литовско-русскимъ и вездѣ оставила развалины древняго, обширнаго зданія. Разразилась она въ Вильнѣ и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, поколеба-

ла могущество Виленскаго братства; разразилась въ Бѣлоруссіи и кровію ознаменовала свои успѣхи; взволновала Малороссію и, хотя сама облилась кровію, но разшатала вновь образовавшееся здѣсь іерархическое средоточіе западно-русскаго православія; сгруппировались остатки этой іерархической силы въ Галиціи и Волыни и около нихъ религіозныя чувства народа, — унія и здѣсь разразилась и истребила ихъ.

Если бы составить карту тогдашней западной Россіи съ обозначеніемъ особыми красками православныхъ и уніятовъ, на подобіе напримѣръ этнографической карты Россіи Кеппена, то чертежнику пришлось бы распорядиться указанными ему двумя красками слѣдующимъ образомъ. Онъ сейчасъ сообразилъ бы, что въ краскѣ для обозначенія православныхъ можно сдѣлать большую экономію. Для нее онъ выбралъ бы самую тонкую кисть и, начиная съ западной полосы Литвы, прилегающей къ восточнымъ границамъ Польши, обозначалъ бы православіе только небольшими точками. Точки эти ему пришлось бы учащать и увеличивать по мѣрѣ удаленія отъ этихъ восточныхъ границъ Польши, но нигдѣ его кисти нельзя было бы размахнуться, безъ боязни намѣтить православными уніятовъ. Меньше было бы экономіи въ краскѣ и меньше нужно было бы осторожности при обозначеніи уніятовъ. Чертежникъ выводилъ бы длинные, большіе узоры около прежнихъ точекъ православія, по сосѣдству съ Польшей и вспомнилъ бы о благоразумной осторожности, только разрисовывая Бѣлоруссію и около заднѣпровской Малороссіи. Затѣмъ самому чертежнику и первому разсматривающему эту карту бросились бы въ глаза такія явленія. На картѣ

оказалось бы больше всего уніятовъ и меньше всего православныхъ изъ крестьянъ; изъ мѣщанъ и бѣдныхъ шляхтичей преобладающая краска была бы уніятская, но значительна также была бы и православная; а краски, обозначающей мѣсто жительства дворянъ меньше всего было бы какъ у православныхъ, такъ и у уніятовъ. Наконецъ, того и другаго поразило бы такое странное явленіе, что за всѣмъ тѣмъ, на картѣ—слишкомъ много пустаго мѣста. Знающій дѣло объяснилъ бы имъ, что пустое мѣсто, очень значительное, занимаютъ латиняне, почти исключительно вышедшіе въ латинство или прямо изъ православія, или черезъ унію. Этимъ путемъ можно бы получить наглядное доказательство той, неподлежащей сомнѣнію, истины, что унія, послѣ слишкомъ вѣковыхъ трудовъ, для себя собственно — выработала не много, но очень много для латинства. Въ этомъ отношеніи она показывала изумительное безкорыстіе, которое однако принято было поляками съ самою черною неблагодарностію.

Слишкомъ столѣтіе трудилась уніятская Церковь для своего распространенія. Для этого дѣла она выдвигала всѣхъ своихъ лучшихъ людей, нещадила усилій, подвергалась всевозможнымъ нареканіяхъ, приносила даже кровавыя жертвы, а латинство пожинало плоды ея трудовъ. Уніятская Церковъ была наемницею латинской, рабою, незнающею ни отдыха, ни сладости труда. Мало того, латинское, польское общество пришло къ убѣжденію, что унія уже довольно сдѣлала, чтобы сдѣлать еще что нибудь дѣльное, что пора уничтожить ее и замѣнить чистымъ латинствомъ. Въ этихъ видахъ въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія составленъ бывъ планъ

уничтоженія литовской уніи, распространенъ по всему государству и предложенъ даже на сеймѣ. Объ этомъ мы будемъ говорить подробно въ слѣдующемъ томѣ нашихъ изслѣдованій. Здѣсь только скажемъ, что этотъ планъ необходимо добивалъ всѣ нравственныя силы уніи и, что еще болѣе важно, возбуждалъ въ ней заботливость уже не распространяться, а сохранить себя отъ латинства. Такимъ образомъ, враги уніи перемѣнились: не православные, а латиняне стали ея главными врагами. При этомъ естественно бы ожидать, что уніятская Церковь потеряетъ всякую охоту распространяться и православные станутъ жить мирно. Къ этому дѣйствительно и направлялась исторія уніи, какъ увидимъ въ свое время. Но уніи недали послѣдовать этой логичности. Она должна была ознаменовать послѣднее время своего существованія еще одною странностію, безжизненная, убитая латинствомъ—принуждена была распространяться, и хотя старческія ея силы со стономъ просили покоя, распространялась съ такимъ неистовствомъ и жестокостію, что при первомъ взглядѣ этотъ, послѣдній въ исторіи распространенія уніи, рядъ явленій способенъ до крайности озадачить всякаго, кто мало знакомъ съ этимъ дѣломъ. Неуглубляясь въ дѣйствительный смыслъ этихъ явленій, въ дѣйствительныя побужденія, движущія силы ихъ, можно въ самомъ дѣлѣ подумать, что теперь-то въ XVIII столѣтіи унія и распространялась, что тутъ-то и вся ея исторія. Такъ большею частію въ нашей литературѣ и понимаютъ эти послѣднія времена уніи (352). Мы рискуемъ возбудить много нареканій, но, не смотря на то, утверждаемъ со всею рѣшительностію, что тутъ—меньше всего исторіи

уніи. Сама унія тутъ меньше всего дѣйствовала и меньше всего пріобрѣтала. Вотъ краткій расказъ объ этихъ временахъ уніи—краткій потому что тутъ, по нашему разумѣнію, было не распространеніе, а гибель уніи—гибель, о которой мы будемъ говорить съ надлежащими подробностями въ слѣдующемъ томѣ нашихъ изслѣдованій.

Мы разсказывали, какъ въ шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія поднятъ былъ вопросъ о канонизаціи Іосафата Кунцевича, оживившій уніятовъ къ новой ревности распространять свое вѣроисповѣданіе и легшій новою тяжестію на православныхъ, особенно въ Бѣлоруссіи—мѣстѣ служенія Іосафата Кунцевича. Видѣли мы также, что въ скоромъ однако времени вниманіе уніятовъ отвлечено было въ другую сторону — къ Галиціи и Волыни, гдѣ имъ представилась возможность уничтожить православную высшую іерархію и убить послѣдніе остатки православія. Во время этихъ послѣднихъ хлопотъ, продолжавшихся сорокъ лѣтъ, въ уніятахъ легко могли ослабѣть восторженныя чувства къ Іосафату и Бѣлоруссія моглабы вздохнуть немного свободнѣе, но она имѣла несчастіе къ началу XVIII столѣтія снова приковать къ себѣ вниманіе и уже не столько уніятовъ, сколько латинянъ.

Когда во всѣхъ литовско-русскихъ областяхъ изчезли одинъ за другимъ православные іерархи, одна Бѣлоруссія сохраняла у себя епископа, благодаря близости къ Кіеву и Россіи. Эта особенность Бѣлоруссіи, естественно, обращала на себя вниманіе уніятовъ, тѣмъ болѣе, что теперь у нихъ всѣ почти митрополиты выходили изъ Полоцкихъ архіепископовъ и обыкновенно удер

живали за собою эту епархію. Такимъ образомъ, Бѣлорусскій православный епископъ, находившійся, по географическимъ понятіямъ уніятовъ, въ области Полоцкой архіепископіи, сталкивался прямо съ уніятскимъ митрополитомъ и черезъ него обращалъ на себя вниманіе и силы всѣхъ уніятовъ. Къ несчастію, совершенно постороннія обстоятельства еще болѣе вызвали и эти силы и это всеобщее вниманіе уніятовъ къ Бѣлоруссіи.

Въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія началась снова война Швеціи съ Польшею. Въ Польшѣ очень нелюбившей своего короля Августа II, была сильная партія, благопріятствовавшая Швеціи и посредствомъ ея желавшая имѣть новаго короля — Станислава Лещинскаго. Съ Августомъ соединился его союзникъ Петръ I, сталъ помогать ему и въ 1705 году самъ прибылъ въ Полоцкъ. Партіи, какъ тогда ее называли, народной очень ненравилась эта помощь Августу Петра. Полоцкіе базиліане, какъ люди, душею и тѣломъ преданные этой партіи, которая сосредоточивала въ себѣ все латинское,стали вредить Петру, сносились съ Шведами и народною партіею, передавали имъ извѣстія и позволяли себѣ высказывать дурные отзывы о Петрѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, Петру желательно было имѣть благовидный предлогъ, чтобы раздѣлаться съ этими безпокойными людьми. Предлогъ этотъ скоро представился. Однажды Петръ I, проходя мимо Базиліанскаго монастыря, во время вечерни, полюбопытствовалъ посмотрѣть уніятское богослуженіе, вошелъ въ церковь и затѣмъ хотѣлъ войти въ алтарь. Уніятскіе монахи воспылали ревностію и не пускали его въ алтарь, съ дерзостію называя еретикомъ, потомъ съ такоюже дерзостію отвѣ-

тили ему, когда Петръ, увидѣвъ изображеніе Іосафата, спросилъ: чей это образъ; дошло даже до свалки, очень опасной. Полоцкимъ базиліанамъ пришлось жестоко расплатиться за всѣ непріятности Петру (353), но дѣло не кончилось расплатою ихъ однихъ. Петръ возненавидѣлъ всею душею всѣхъ уніятовъ и занимая своими войсками многія области Польши, далъ русскимъ приказаніе ловить уніятскихъ іерарховъ, такъ что тѣ сочли благоразумнымъ дѣломъ запрятаться въ глубь Польши (354).

Литовско-русскіе православные очень ободрялись: освѣжилась снова ихъ надежда на Россію и они засыпали русское правительство своими жалобами и просьбами о заступничествѣ. Такой образъ дѣйствій православныхъ не только былъ естественный, но имѣлъ и явные признаки государственной закопности. По условіямъ Андрусовскаго мира и потомъ вѣчнаго мира съ Польшею Россія получила право защищать своихъ единовѣрцевъ въ этомъ государствѣ (355) и еще до Петра напоминала объ нихъ Польшѣ. Но со временъ Петра изъ этого права Россія сдѣлала уже постоянное и самое обширное употребленіе. Русскіе резиденты въ Польшѣ уже постоянно наблюдали за положеніемъ въ ней православныхъ, разсылали даже особыхъ агентовъ по областямъ. Этимъ путемъ собирались разныя, подробныя свѣдѣнія, сообщались русскому правительству и возвращались къ польскому въ видѣ представленій и требованій. Польскіе короли обыкновенно были очень внимательны къ этимъ представленіямъ, требованіямъ и принимали не мало мѣръ къ ихъ исполненію. Но все это ничего незначило. Короли польскіе XVIII столѣтія не

имѣли никакой власти, вся власть сосредоточивалась въ рукахъ аристократовъ, между которыми самую сильную партію составляли люди, ненавидѣвшіе всѣ окрестныя правительства, подозрѣвая ихъ въ намѣреніи уничтожить самостоятельность Польши. Партія эта, въ которой союзъ короля Августа съ Россіею не имѣлъ никакой популярности, приходила каждый разъ въ ярость, какъ только русскій резидентъ доводилъ до свѣдѣнія польскаго правительства страданія православныхъ и требовалъ ихъ прекращенія. Само собою разумѣется, что іезуитамъ все это было истинною находкою. Подъ ихъ вліяніемъ возбудилась къ православнымъ литовско-русскимъ ненависть во всѣхъ полякахъ. Всѣ поляки стали смотрѣть на этихъ несчастныхъ литовско-русскихъ православныхъ, какъ на самыхъ ненавистныхъ людей, по отношенію къ которымъ все позволительно. А что было непозволительно въ тогдашней Польшѣ, если подходило вѣрно или невѣрно подъ народныя требованія или даже требованія сильной партіи? Тогда-то началась истинно невообразимая мука литовско-русскихъ православныхъ. Избить, истязать православнаго, отрѣзать ему руку, убить наповалъ—поляку того времени ничего не значило. Нѣкоторые изъ этихъ патріотовъ, которыхъ имя останется неизгладимымъ пятномъ въ польской исторіи, доходили въ своей безумной жестокости до самой утонченной изобрѣтательности. На свадьбѣ, напримѣръ, въ пьяномъ видѣ рѣшали отправляться громадною толпою въ мирные города и селенія и разомъ, ударами сабель, обращали къ уніи тысячи православнаго народа, подъ предводительствомъ двухъ епископовъ латинскаго и уніятскаго (356). Дру-

гіе, чтобы показать больше омерзенія къ православнымъ, посылали за десятки верстъ за палачемъ для казни беззащитнаго народа, виновнаго только въ томъ, что въ его жилахъ текла русская кровь, а въ душѣ мерцалъ потухающій свѣтъ православной вѣры (357). Польское королевское правительство стонало отъ затрудненій, вызываемыхъ этими варварскими дѣлами; краснѣли и вопіяли даже папы и ихъ польскіе нунціи (358). Но все было напрасно. Опьянѣвшая народная ярость, разнузданная со всѣхъ сторонъ и на всѣхъ путяхъ жизни, ничего не хотѣла знать. Всему этому могъ быть одинъ конецъ — гибель Польши, что и начало исполняться съ первыхъ временъ царствованія Екатерины II.

Трудолюбивый, добросовѣстный Бантышъ-Каменскій собралъ документы этого ужаснаго времени съ такою тщательностію, которая, безъ сомнѣнія, не скоро уступитъ мѣсто другой. Мы и отсылаемъ туда нашихъ читателей, желающихъ знать побольше фактовъ этого рода. Мы ихъ здѣсь только формулировали, приводили къ основнымъ ихъ мотивамъ и беремъ только выработанныя ими данныя. Изучая книгу Бантышъ-Каменскаго и сравнивая ея факты съ доступными намъ рукописными документами архива уніятской митрополіи, хранящагося въ Святѣйшемъ Сунодѣ, мы составляли своего рода статистику, вычисляли кто, когда и какъ въ это время преслѣдовалъ православныхъ. Оказалось, что больше всего, жесточе всего занимались этимъ дѣломъ польскіе аристократы, шляхтичи, затѣмъ іезуиты. Уніяты почти вездѣ занимали второе мѣсто, были больше подставными лицами. Затѣмъ, въ этихъ неистовствахъ, на половину православныхъ обращали въ унію, на половину

прямо въ латинство. Этотъ ходъ дѣла былъ самый логичный, какъ это намъ уже понятно. Доведенная до ничтожества унія не могла здѣсь занять первенствующаго положенія, если бы даже хотѣла, а поляки, застигнутые явными признаками погибели своего отечества, съ естественною въ такихъ случаяхъ торопливостію спѣшили доканчивать главное дѣло уніи — ополячивать литовско-русскихъ православныхъ. Въ этомъ отношеніи они стали точь въ точь въ такое положеніе къ литовско-русскимъ православнымъ, въ какомъ не разъ стояли къ западнымъ славянамъ австрійскіе нѣмцы — параллель, конечно, не лѣстная для польской націи, но совершенно вѣрная. Она до того вѣрна, что даже результатъ вышелъ тотъ же: борьба между православіемъ и уніею, поддерживаемая въ послѣднее время самыми искусственными, неестественными средствами въ видахъ Польши, повела къ быстрому возстановленію въ западной Россіи и православной вѣры и русской народности (359). Но объ этомъ рѣчь будетъ въ слѣдующемъ томѣ.

Конецъ второго тома.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Литовск. церковн. унія, Т. I, стр. 175—176.

2) Происхожденіе, характеръ и дѣйствія этой партіи прекрасно очерчены въ недавно изданномъ сочиненіи: Słowo dzieiów polskich Koronowicza, три тома. Конечно, такой отзывъ о сочиненіи Короновича мы не относимъ ни къ его патріотическимъ мечтаніямъ, ни къ взглядамъ на унію и православіе, обнаруживающимъ въ авторѣ совершенное непониманіе исторіи обоихъ вѣроисповѣданій въ литовско-польскомъ государствѣ.

3) Мы здѣсь касаемся нѣсколько и тѣхъ положеній, какія высказаны въ первомъ томѣ нашихъ изслѣдованій. Къ этому побуждаетъ насъ внутренняя связь самыхъ событій, о которыхъ будемъ говорить, и то, что теперь мы нѣсколько болѣе разработали нашъ взглядъ на это дѣло. Не скромъ, впрочемъ, что имѣемъ и еще одно побужденіе обратить вновь особенное вниманіе на историческую почву, на которой выросла унія. Къ этому побуждаетъ насъ г. Соловьевъ, уничтожающій ее совершенно, по необъяснимому для насъ заблужденію, г. Соловьевъ отрываетъ унію и отъ древней исторіи литовско-польской и вообще отъ гражданской жизни этого государства. Оттого она выходитъ у г. Соловьева

сборомъ случайныхъ фактовъ, выдвинутыхъ какъ-бы какою-то капризною судьбою для непостижимаго глумленія надъ несчастнымъ литовско-русскимъ народомъ.

4) Вотъ грамата папы, которая можетъ дать нѣкоторое понятіе о правахъ уніи. Clemens episcopus servus servorum Dei. Ad perpetuam rei memoriam.

Decet Romanum Pontificem, eos qui pravis schismatum erroribus relictis, ad s. Matris Ecclisiæ unitatem redierunt, specialibus favoribus prosequi, ut illi in ejusdem Ecclesiæ fide et obedientia eo constantius perseverent quo cumulatioribus beneficiis se affectos esse perspexerunt. Cum itaque Venerabiles Fratres Hipatius Protothorius Vlodimiriensis et brestensis, ac Cyrillus Exarcha Luceoriensis et ostrogiensis Episcopi nationis Ruthenæ seu Russiæ, suo et Venerab. Fratrum Michaëlis Archiepiscopi Metropoliæ Kijovien. et Haliciens. et totius Russiæ, Gregorii Archiepis. Nominati, electi in episcopum Polocens. et Vitepscens. Michaëlis Episcopi premisliens. et sanboriens. Gedeonis Leopoliens (оба эти имена внесены сюда на основаніе грамать, отвергнутыхъ еще прежде ими обоими), Dionisij Episcopi Chelmens. et Belzen. Leontii Episcopi Pinscen. et Turovien. postea defuncti, etiam Ionæ Archimandritæ Kobrynen. Ecclesiæ S. Salvatoris, deinde electi in episcopum Pinscen. et Turovien. loco dicti Leontii Episcopi defuncti nomine, qui antea cum Romana Ecclesia non communicabant, sed proprii sermonis et idiomatis usu retento, Greco ritu vivebant ad nos et ad sedem Apostolicam nuper accesierint, ac tam privato amborum (т. е. Поцѣя и Терлецкаго) quam praedictorum Michaelis episcopi et aliorum episcoporum communi et procuratorio nomine se et alios in ejusden Ecclesiæ gremium recepi et tanquam

membro suo capiti uniri supplicaverint, fideique Orthodoxæ proffessionem juxta formam Graecis in hoc sancta Sede praescriptam integre et ad verbum fecerint et emiserint, nobisque et Apsstolicæ Sedi debitam obedientiam et subjectionem praestiterint et perpetuo praestare promiserint. Nosque more pii Patris ipsos universumque eorum clerum et populum Ruthenæ seu Russiæ notionis in ejusdem Ecclesiæ gremium receperimus, et tenquam membra in Christo unitati Ecclesiæ restituerimus et incorporavemus. Ac praeterea ad nostram erga ipsos charitatem ostendentam, magis, omnes sacros Ritus et ceremonias, quibus idem Archiepiscopus seu Metropolita, Episcopi et Clerus praedicti juxsta ss. Patrum Graecorum instituta in Divinis, ac sacrosanctæ Missæ Sacrificio, et sacramentorum administratione, aliisque sacris functionibus utuntur, dum modo veritati et fidei Catholicæ non adversentur ac communionem cum Romana Ecclesia non excludant?! (Какъ это возможно было сдѣлать, вѣроятно ни самъ папа, ни принявшіе унію епископы не понимали) ex Apostolica benegnitate eadem permiserimus, concesserimus et indulserimus, aliaque fecerimus, quae in nostris sub plumbo confectis Litteris. Dat. Kal. Jan. praesentis anni plenius continentur (указывается на грамату, въ которой обширно описывается пріемъ въ Римѣ епископовъ Colloqui Lub. стр. 42—43). Cupientes nunc eosdem ulterioribus gratiis prosequi, cum provincia Russiæ seu Ruthena, longo intervallo a Romana Curia distet et propterea episcopis qui pro tempore eliguntur valde incommodum futurum sit, ad Apostolicem Sedem pro suæ electionis confirmatione accedere, seu etiam alios, qui eorum nomine hujusmodi confirmationem petant et ad eadem Sedem trans-

mittere, eorum in hac parte commodis et indemnitati, quantum cum Domino possumus consulere volentes, motu proprio et ex certa scientia nostra, ac de Sedis Apostolicæ potestatis plenitudine, hac nostra perpetuo volitiva, constitutione statuimus et ordinamus, ut quandocunque posthoc, aliquas ex praedictis eorum cathedralibus ecclesiis, seu sedibus Episcopalibus Vlodimiriens. etiam invicem Pinscen. et Turovien. pariter invicem Premyslien. et samborien. similiter invicem Chelmen. et Belscenz. et invicem Leopolien. et Camenec. et invicem perpetuo, vel aliis unitis seu annexis pastoris solatio destitutas seu vacantes, juxta morem, seu modum illis permissum, Electus seu nominatus fuerit, a praedicto Archiepiscopo, Metropolita Kioviensi et Haliciens. nunc et pro tempore existenti, auctoritate et nomine Sedis Apostolicae confirmari et institui, eique munus consecrationis impendi possit et debeat, ac ut si Electus, seu nominatus et confirmatus vel institutus ab eodem Archiepiscopo, Metropolita vel de ejus licentia ab alio Catholico Antistite ejusdem notionis, graliam et communionem Sedis Apostolicæ habente, duabus vel tribus Episcopis Catholicis ac similem communionem habentibus assistentibus, munus consecrationis hujusmodi suscipere, idemque Antistes illi dictum munus impendere valeat, super quo ipsi tum in Episcopo pro tempore electo seu nominato et confirmato, quam Archiepiscopo Metropolitano pro tempore existenti, plenam, amplam et liberam potestatem per praesentes concedimus et indulgemus. Verum cum Sedes Archiepiscopales, seu Metropolitanas, Ecclesias Kiovienses et Halicienses praedictas, similiter invicem perpetuo, vel alias unitas seu annexas per obitum vel alias quovismodo quandocunque tam forsan in Romana Curia quam

extra eam ubilibet pastoris solatio destitui, seu vocare contigerit, volumus et parimodo et auctoritate perpetuo statuimus et ordinamus ut is qui in Archiepiscopum, seu Metropolitam juxta eorum morem, seu modum illis permissum pro tempore similiter electus seu nominatus fuerit, electionis, seu nominationis suæ constitutionem et institutionem seu provisionem nec non muneris consecrationis licentiam, a Nobis et a Romano Pontifice pro tempore existente petere et obtinere omnino tueatur et debeat. Volumusque et similiter perpetuo statuimus, ut litterae confirmationis seu institutionis et provisionis hujusmodi et licentiæ prædictæ in eadem Curia officiales, ad quos spectat, per viam secretam, gratis expediantur, decernentes sic et non aliter, quoscunque lucides et commissarios quacunque auctoritate et dignitate fungentes, sublata eis aliter judicandi et interpretandi facultate et auctoritate judicari et definiri debere. Irritum qnoque et inane, si secus, super his a quoque, quavis auctoritate scienter vel ignoranter, contigerit obtentari, non obstantibus quibuscunque Apostolicis, ac in universalibus, provincialibus et synodalibus concyliis editis generalibus, vel specialibus Constitutionibus et ordinibus caeterisque contrariis quibuscunque; volumus autem præsentium exemplis etiam impressis Notarii publici manu subscriptis et sigillo personæ in dignitate ecclesiastica constitutae obsignatis eadem prorsus fides in judicio et extra illud ubique locorum habeatur, quae haberetur iisdem praesentibus, si essent exhibitæ vel ostensae. Nulli ergo omnino hominum liceat hanc paginam, vivorum statutorum, ordinationis, concessionis, indulti, decreti et voluntatis infingere, vel ei ausu temerario contraire. Siquis autem hoc attentare praerumpserit indignationem omnipotentis Dei et Beatorum Petri

et Pauli Apostolorum ejus, se noverit incursurum. Datum Romæ apud Sanctum Petrum anno incarnationis dominicae, Millesimo quingentesimo nonagesimo septimo, quinto Kalend. Martii Pontificatus nostri anno quinto. Blanucano Coll. Lub. стр. 44—45.

5) Исторія Руссовъ Конисскаго. Чт. Общ. Исторіи и Древностей 1846 г. № 2 Стр. 28.

6) Исторія домогательствъ уніятскихъ іерарховъ занимать сенаторскія мѣста рядомъ съ латинскими іерархами довольно замѣчательна. Ее поднялъ собственно князь Острожскій. Епископы воспользовались этою счастливою мыслію и внесли ее въ условія уніи. Король согласился и обѣщалъ хлопотать объ этомъ предъ сеймомъ. Папа также просилъ короля и народъ польскій доставить эту честь епископамъ, принявшимъ унію; но обѣщаніе все-таки неисполнялось; даже незнаемъ былоли оно представляемо на усмотрѣніе сейма. Явное дѣло, что ни король, ни латинская партія не очень заботились объ этой чести уніятскихъ іерарховъ. Чтоже за причина такого ихъ невниманія къ своимъ новымъ братьямъ? Очень важная. Еслибы уніятскіе епископы получили мѣста въ сенатѣ, то имѣлибы самостоятельный голосъ по всѣмъ вопросамъ объ уніи. Унія тогда могла бы образоваться въ сильное, самостоятельное вѣроисповѣданіе, а этого вовсе ненужно было латинянамъ. По ихъ взгляду унія должна была находиться всегда въ ихъ рукахъ и отъ нихъ ожидать всѣхъ милостей; потому что въ такомъ только случаѣ они могли вести ее къ латинству.

7) Вотъ короткій списокъ милостей, излитыхъ королемъ на іерарховъ, принявшихъ унію: въ 1596 г. Кириллъ Терлецкій получилъ въ пожизненное управленіе

Кобринской Спасскій монастырь (Акт. Западн. Россіи Т. 4. № 96); Діонисій Збируйскій — Пинскій Лѣщинскій Николаевскій монастырь (тамъже № 112); Полоцкій Архіепископъ Германъ — Загорское имѣніе (тамъ же № 115).

1597 г. Михаилъ Рогоза — Кіевопечерскій монастырь (тамъ же № 123).

1599 г. Поцѣй получилъ митрополію, Кіевопечерскій монастырь, — остался брестскимъ епископомъ и еще получилъ слуцкую архимандрію (тамъ же №№ 143 и 147).

Іона Гоголь изъ архимандрита кобринскаго сдѣланъ Пинскимъ епископомъ (тамъ же № 85). Протонотарій митрополичій Григорій, въ монашествѣ Германъ — полоцкую архіепископію (тамъ же № 86).

8) Обѣ граматы указаны въ первомъ томѣ нашихъ изслѣдованій см. примѣч. 425 и 431.

9) Авторъ Перестроги такъ разсказываетъ дѣла посольствъ православнаго и уніятскаго, явившихся въ Варшаву съ Брестскаго собора: съ тымъ (т. е. съ просьбою о низложеніи іерарховъ, принявшихъ унію) коли послове (православные) до Варшавы пріѣхали, заразъ начали ихъ намовляти лагодными словесы, абы того занѣхали (оставили — бросили) и замолчали, и обѣцано (обѣщано) имъ за тое ласку господарскую (милость государеву) справити (выхлопотать, доставить); а коли того на нихъ не могли перемочи (вынудить), непripустили ихъ до отправованія (исполненія) того посельства. А въ томъ часѣ тые отступницы (уніяты) пріѣхали и опую свою мнѣманую (мнимую) згоду (согласіе — унію) оповѣдили (разсказали, объявили); противко чему опые послове освѣдчилися (заявили) о свое посельство. За великимъ

о то воланіемъ (требованіемъ) на короля и указованіемъ гвалту (насилія) отправовати ихъ (выслушать ихъ рѣчи) казано. Якожъ отправляли, и оные тожъ (что постановили на Брестскомъ соборѣ) королеви оповѣдили и свѣдчилися (и объявили), иж ихъ (принявшихъ унію епископовъ) за пастырей непріимуютъ и о иншихъ пастырѣхъ до тыхъ достойностей (сановъ) епископій и митрополіи просятъ; и гды бы (когда бы) того отрымати (получить) не могли, иж (то) на сеймѣ мовити хотятъ и свѣдчитися хотятъ явнѣ. А въ томъ часѣ оные отступницы взявши листы съ канцеляріи господарской и маючи промоторовъ (споспѣшниковъ) Мацѣевскаго, бискупа луцкаго, который прудко (скоро) на краковское бискупство вступилъ, и канцлера литовскаго (Льва Сапѣгу), который самъ недавно отъ православія отступивши и римлянином заставши, великимъ гонителемъ на Церковь Божію засталъ, — и такъ оныя отступницы Церковь Божію почали воевати (Акт. Запад. Рос. № 149, стр. 215. 1-й сто бл.). Какого рода были упоминаемые здѣсь листы или граматы полученные изъ королевской канцеляріи, мы сейчасъ увидимъ въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ.

10) Основанія эти изложены въ опредѣленіи уніятскаго Брестскаго собора, указанномъ нами въ первомъ томѣ въ примѣч. 431. Тѣже основанія приводятся съ приличнымъ распространеніемъ въ граматѣ Сигизмунда къ литовско-русскому народу, изданной послѣ Брестскаго собора, вѣроятно по просьбѣ уніятскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ Варшаву вмѣстѣ съ послами православными. Здѣсь разсказывается такая исторія: — единеніе церквей существовало вездѣ съ древнѣйшихъ вре-

менъ, — существовало оно и въ западной Россіи, но разрушено было греческими патріархами. О возстановленіи его въ литовско-польскомъ государствѣ хлопотали многіе короли польскіе — предки Сигизмунда; наконецъ Сигизмунду удалось устроить это дѣло. Епископы западно русскіе всѣ изъявили на это согласіе и за исключеніемъ Михаила Перемышльскаго и Гедеона Балабана подчинились папѣ, приняли унію, неизмѣнія ничего въ своей вѣрѣ. Такому великому и законному дѣлу, введенному іерархами Церкви должны подчиниться всѣ и т. д. Акты Запад. Рос. Т. 4. № 114.

11) Мы отчасти уже видѣли эти основанія православныхъ изъ словъ автора «Перестроги», приведенныхъ въ примѣчаніи 9. Точнѣе эти данныя представлены авторомъ Апокрисиса. По свидѣтельству его, православные между прочимъ такъ разсуждали: за которыми (намовами — совѣщаніями) обачились мы тое, ижъ тыи духовныи (принявшіе унію) ачкольвекъ (хотя) опатренья (обезпеченія) и добра (имѣнія) для добраго урядовъ отправованья отъ речи посполитой сдавна наданныи и до урядовъ духовныхъ привязаны зъ ласки его кр. м. (королевской милости) ведле (согласно, по) звычаю взяли, однакъ урядъ самъ, зверхность и власть ихъ духовна власне (конечно, именно) не отъ свѣтской зверхности, але отъ особъ духовныхъ и Церкве святой на нихъ есть вложенъ. Протожъ духовенство наше (разумѣются здѣсь всѣ присутствовавшіе на духовномъ Брестскомъ православномъ соборѣ — Никифоръ, Кириллъ Лукарисъ, Гедеонъ, Михаилъ и др.) передъ нами членками (членами) Церкве святой будучи, въ своей моцы (власти) быти разумѣли тое, ижъ забѣгаючи (предупреждая) дальшему

Церкве святой згоршенью (соблазну — повреждению), не безъ сердечной жалости, учинили, же имъ яко омыльнымъ (ложнымъ) кривоприсяжнымъ, а найвысшей нашей духовной зверхности отпорнымъ пастыремъ духовный урядъ зверхностію и властію надъ собою черезъ декретъ послушенство имъ выповѣдаючи (отказывая), отняли... Чтося зась тычетъ (чтоже касается) опатренья а добръ взглядомъ (касательно) добраго уряду отправованья имъ наданныхъ, тогды и съ тыхъ, абыся далей, яко негодныи нетѣшили, промышляючи мы свѣтскіи, послались мы послы до его кр. м. просячи унижене... абы его кр м. взглянувши въ слушность декрету противъ тымъ духовнымъ учиненного (декретъ этотъ приведенъ нами въ I т. въ прим. 424), взглянувши въ звычаи давныи, взглянувши въ права, въ привилеи, въ конфедераціи, присягою своею утверженыи, черезъ дальшее тыхъ омыльныхъ пастыровъ при ихъ достоинствахъ заховыване, въ вѣрѣ и набоженствѣ и сумнѣняхъ нашихъ кгвалту намъ не чинити, але овшемъ (напротивъ) оныхъ, яко явныи отступники отъ хлѣба имъ южъ неналежачого, отстрыхнувши, (отстранивъ), пнше, которые бы власне релѣи Греческой были, владыки и митрополита на тыи добра намъ подати рачилъ..... обѣцуемо тое собѣ подъ вѣрою сумнѣньемъ (совѣстію) и поцтивостями нашими (честью нашею) за насъ и потомки наши, же тымъ митрополитѣ и владыкомъ черезъ декретъ осужонымъ неподлегати (неподчиняться) послушенства жадного (никакого) неотдавати, ани имъ власти надъ собою въ мѣстцѣхъ въ речи посполитой и нашихъ маетностяхъ (имѣніяхъ) ростяганья (растягать — rosciągać — простирать) допущати, овшемъ (напротивъ) ей, также декретомъ и по-

ступкомъ вшелякимъ и экзекуціямъ ихъ съ тоей причины походячимъ, еслижбы якіи уразы уросли, ведлукъ можности застановлятися будемо, при святой вѣрѣ нашей, пану Богу на крещеніи отданой и при правдивыхъ пастыряхъ церкве святой, а особливо патріархахъ нашихъ моцно (крѣпко) стоячи..... листъ 4—5. Самая инструкція, которой здѣсь изложенъ проектъ, напечатана въ Архивѣ Югозапда. Рос. ч. 1. т. 1. стр. 509 — 517. Тамъ привѣденныя нами мысли православныхъ изложены съ большею подробностію и нѣсколько смягчены. Православные въ этой инструкціи благодарятъ короля за то, что онъ дозволилъ составить соборъ для разсужденія объ уніи и прислалъ своихъ пословъ; неотказываются отъ соединенія съ латинскою Церковію, но желали бы устроить это дѣло со всею торжественностію и основательностію, какихъ требуетъ самое дѣло. Затѣмъ говорятъ, что усматриваютъ слѣдующія причины, препятствующія этому соединенію: 1, что западно-русская Церковь подчинена Константинопольскому Патріарху: поэтому они неосмѣливаются рѣшать дѣла уніи на помѣстномъ соборѣ, чтобы ненанести оскорбленія своему патріарху и всей восточной Церкви, тѣмъ болѣе, что когда патріархъ Константинопольскій призванъ былъ на феррарскій соборъ (флорентійскій) для соединенія церквей, то не пренебрегъ и рускою Церковію (т. е. призвалъ туда рус. митроп. Исидора); 2., православные нерѣшаются ввѣрить дѣла уніи нѣкоторымъ епископамъ своимъ, поспѣшно взявшимся за нее, какъ лицамъ заподозрѣннымъ, чтобы неиспортить самаго дѣла. 3., ученіе римской Церкви во многомъ противорѣчитъ ученію православной Церкви, и потому безъ обсужденія всего

этого цѣлою восточною Церковію нельзя заключать уніи, а когда все это будетъ обсужено и улажено, тогда они готовы принять унію. Затѣмъ, православные излагаютъ слѣдующія мысли, которыя считаемъ нужнымъ выписать здѣсь буквально: Теразъ иначей бачачи, же того неучинили (т. е. необсудили и нерѣшили дѣла уніи вселенскимъ соборомъ) певни суть (православные), же ваша королевская милость, яко панъ мудрый, онымъ за злое нетолько не мати, але тежъ и похвалити такъ размысльное въ той мѣрѣ поступоване будешь рачилъ (благоволишь). Притомъ заразъ, найяснѣйшій, милости вый королю, то ихъ милость черезъ насъ до вѣдомости вашое королевское милости доносятъ, иж тамъже на томъ сенодѣ, явне того, съ певныхъ доводовъ, дошли, же митрополитъ Кіевскій и съ нѣкоторыми владыками противко присязе своей, при свеченю (при посвященіи) патріарше Константинопольскому оддашной, противъ свежему (недавнему) нетолько словному, але и листовному обѣцаню своему, противъ канономъ Церковнымъ, черезъ давные концилін (соборы) ухваленымъ, противъ правомъ и свободомъ нашимъ, противъ листомъ светое памети небозчика (покойника) короля Стефана, окромъ головное згоды папежа его милости съ патриярхами ничого такого непозволяючимъ (*), мимо звычай антецессоровъ своихъ, мимо трансъакціе и постановленья съ

(*) Издатели архива Югозападной Россіи въ объясненіе этого мѣста приводятъ разныя постановленія Литовско-Польскаго правительства отъ 1576 г. обезпечивавшія вообще права западно-русской Церкви, которыя будто бы здѣсь и разумѣли православные. Вовсе не то они здѣсь разумѣли. Разумѣли они просто универсалы короля Стефана Баторія отъ 1584 г. 21 января и отъ 1585 г. 18 мая, напечатанные также въ Апокрисисѣ (л. 8), на который

ихъ милостями паны римское релии чинепые (разумѣются акты гражданской уніи и сеймовыя постановленія, обезпечивавшія права совѣсти православныхъ), мимо ведомость и позволене ихъ милости (православныхъ) частые ихъ милостей напоминания и протестацие зневаживши безъ вшелякие слушные причины, до новотние (новой) южъ зверхности ее привезалъ, а такъ се самъ съ тое владзы, которая ему первей служила, вызулъ (извергъ себя, лишился), до чого и церковный правовѣраго духовенства, отъ котораго власне духовная зверхность даванал бываетъ, противко нему декретъ, послушенство ему выповѣдаючи и юрисдицию одтинаючи (отсѣкая), приступилъ.... Дальше тѣже мысли, какія мы выписали изъ Апокрисиса, т. е. что принявшіе унію іерархи должны быть низложены и на мѣсто ихъ поставлены другіе.

12) Вотъ, какъ Сигизмундъ заключилъ свой обширный универсалъ, содержаніе котораго мы кратко изложили въ примѣчаніи 10: Што (т. е. весь ходъ уніи) мы вамъ всѣмъ ознаймуемъ, абы есте съ того тѣшились и хвалу Господу Богу всемогущему въ троицы славимому, съ нами сполнѣ (вмѣстѣ) единымп усты и единымъ сердцемъ воздавали, а плонныхъ (пустыхъ) повѣстей и письмъ отъ людей упорныхъ и неразсудныхъ

здѣсь между прочимъ ссылаются издатели, въ которыхъ Стефанъ, утверждая вообще свободу вѣры православныхъ, освобождаетъ ихъ отъ соблюденія новаго календаря и запрещаетъ преслѣдовать ихъ за это, потому что они безъ призволенья старшого патріархи своего до той потребы календаря новаго кгвалтомъ примушены быти немаютъ... поневажъ православнымъ отъ стараго календаря пропису отступити и *обряды* и святые дни отъ звыклого бѣгу отмѣнити безъ патріарховъ позволенія бынаймнѣйся имъ негодитъ.

отщепенцовъ неслухали и непріимовали и вѣры имъ недавали; а старшихъ своихъ, митрополита и владыковъ, яко власнаго архіепископа и епископовъ своихъ, во всякой учтивости маючи, послушенство имъ звыклое чинили и отдавали и противъ нихъ небунтовалися и молодшимъ бунтоватися недопущали.... (Далѣе осуждается Гедеонъ и Михаилъ и запрещается имъ повиноваться....) А нжъ бы то всимъ ку вѣдомости прышло и отъ каждого выполнено было, вамъ воеводамъ, старостамъ, державцамъ, тивуномъ, самимъ и намѣстникомъ и врядникомъ ихъ, также войтомъ, бурмистромъ, райцамъ, лавникомъ приказуемъ, штобы есте и сами тому постановленью сыноду Берестейкаго *ни въ чемъ противны небыли*, и другихъ подданыхъ нашихъ, которые бы тому спротивлялися *карали;* а сесь листъ нашъ вездѣ при костелахъ, Церквахъ и на торгахъ, копии съ его списуючи прибивати и то всимъ къ вѣдомости приводити велѣли *конечно*, *иначей того нечинячи*... Акт. Запад. Россіи т. 4. № 114 стр. 156-157.

13) Этимъ сами собою разрѣшаются слѣдующія, невольно возникающія недоумѣнія: какимъ образомъ литовско-русскій народъ такъ долго терпѣлъ неистовства уніи и почему возстаніе поднялось въ низшемъ его сословіи, лишенномъ выгодъ конституціонной жизни.

14) Volumina Legum въ польскомъ переводѣ т. 2, стр 124. Акт. Виленскаго съѣзда см. ниже; Supplementum Sinopsis л. 2, протестація князя Острожскаго.

15) Король, аристократія и среднее сословіе недавно вели борьбу за свои права. Лучшее изслѣдованіе этого вопроса — Słowo dziejów polskich — Koronowicza три тома.

16) Многое изъ написаннаго тогда недошло до насъ, но по библіографическимъ указаніямъ мы знаемъ, что разные универсалы частныхъ лицъ и цѣлыхъ корпорацій разсѣваемы были по всей Литвѣ и Польшѣ. Часто случалось, что они прибивались къ дверямъ церквей и костеловъ, на площадяхъ, рынкахъ, при въѣздѣ въ городъ, деревню. — Чтобы видѣть какъ усиленно работали тогда ученые люди, довольно указать на сроки, въ которые выходили важнѣйшія сочиненія первыхъ временъ уніи. Напримѣръ. Едва кончился соборъ Брестскій, бывшій въ первой половинѣ Октября 1596 г. какъ въ томъ же году явились два описанія его. Эктезисъ и Obrona Brzeskiego Soboru. Едва прошло полгода отъ собора, какъ издана въ 1597 г. очень объемистая книга Апокрисисъ, въ слѣдующемъ году или въ началѣ 1599 года — его опроверженіе Антиррисисъ на западно-русскомъ нарѣчіи, а въ слѣдующемъ 1600 г. на польскомъ. Этотъ быстрый по тогдашнему выходъ книгъ объясняется между прочимъ тѣмъ, что тогда кромѣ постоянныхъ типографій въ городахъ и мѣстечкахъ было немало странствующихъ, которыя переходили съ мѣста на мѣсто и, такъ сказать, искали сочиненій для печати.

17) Королевскіе универсалы, судебныя изслѣдованія заключали въ себѣ цѣлые богословскіе трактаты. Стоитъ брать на выдержку этого рода памятники, изданные въ Актахъ Западной Россіи, въ Грам. виленскихъ и минскихъ, въ Архивѣ Югозападной Россіи, и въ каждомъ почти можно найти подтвержденіе высказанной нами мысли. Много скуки наводитъ эта страсть чиновниковъ литовско-польскихъ къ авторству, но нерѣдко

приходится и чувствовать живую благодарность къ нимъ за подобное увлеченіе.

18) Такъ напримѣръ мы знаемъ, что Скарга издавалъ нѣсколько разъ свое сочиненіе o jedności Kościoła Bożego потому между прочимъ, что первое изданіе его истреблено было православными. Знаемъ также, что Апокрисисъ посвященъ Яну Замойскому въ надеждѣ, что имя этого любимца народа спасетъ книгу отъ сожженія. Этого рода автодафе съ особеннымъ усердіемъ, какъ извѣстно, занимались іезуиты. Отсюда очень сильно распространилось между учеными мнѣніе, что все важное изъ западно-русской литературы истреблено: отсюда, между прочимъ, слабое усердіе къ отыскиванію памятниковъ уніи и пренебреженіе къ тѣмъ, которые попадаются подъ руки, какъ будто въ нихъ одно—пустое. Загадочность заглавій и схоластическая скорлупа ихъ содержанія довершили это пренебреженіе.

19) Стоитъ сличить Антиррисисъ и Homilyie Pocieja, несмотря на то, что Антиррисисъ писанъ подъ руководствомъ самаго Поцѣя. Крайнее же проявленіе взглядовъ на унію въ духѣ латинскомъ—это Iedność Kościoła Bożego Skargi.

20) Особенно сильный споръ объ этой неопредѣленности уніи былъ въ началѣ XVII столѣтія въ Вильнѣ. См. сочин. Polityka popow i mieszczan miasta Wileńskiego и Antigrafi.

21) Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно сочиненіе «Перестрога» папеч. въ 4 томѣ Акт. Запад. Россіи подъ № 149.

22) Таково извѣстное уже намъ сочиненіе Апокрисисъ.

23) Граматы, письма, сочиненія латинскія и уніятскія какъ будто всѣ написаны на эту тему. Вездѣ величіе, сила папы и выгоды быть подъ его властію. Этимъ направленіемъ особенно отличаются сочиненія Скарги, напримѣръ o iednosci Kościoła Bożego; Na treny i lamenty Theophila Orthologa.

24) Таковы всѣ универсалы Сигизмунда объ уніи. Тѣже мысли высказываются у Скарги. Въ послѣдствіи времени очень много занимался этимъ вопросомъ Мелетій Смотрицкій въ своихъ уніятскихъ сочиненіяхъ.

25) Мысли эти раскрываются въ Апокрисисѣ и въ особенности во Θриносѣ Мелетія Смотрицкаго.

26) Антирризисъ, Homilyie Pocieja, Polityka popow...

27) Апокризисъ, Antjgrafi и всѣ протестаціи православныхъ противъ уніи.

28) Посланіе александрійскаго патріарха Мелетія Поцѣю и отвѣтъ послѣдняго 1599 — 1601. Къ князю Острожскому писалъ даже самъ папа. Supplem. ad his. Russiæ monumt. №№ 54—55.

29) Весь этотъ разсказъ мы основываемъ на многочисленныхъ свидѣтельствахъ, изложенныхъ въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ и на столь же многочисленныхъ протестахъ православныхъ, которыя очень долго было бы перечислять. Перечисленіе въ сокращеніи всѣхъ важнѣйшихъ столкновеній уніятской іерархіи съ паствою и православныхъ съ гражданскими властями читатели найдутъ ниже въ актѣ Виленскаго съѣзда 1599 г.

30) Авторъ Апокрисиса, писавшій свое сочиненіе въ 1597 г. говоритъ: а вступокъ того (т.е. гоненія на православныхъ) въ добрахъ и мѣстахъ его королевской милости напередъ учинено. Лис. 52.

31) Протестаціи эти православные начали писать еще за долго до Брестскаго Собора 1596 г. Такъ авторъ Апокрисиса говоритъ, что килька ихъ т. е. протестацій подано было въ Вильнѣ и между ними найдокладнѣйшіе двѣ — одна въ Августѣ року 1595, другая въ Априлю 1596 г. Напечатаны ли они гдѣ нибудь или нѣтъ незнаемъ. Затѣмъ здѣсь же приводятся двѣ протестаціи, внесенныя сейчасъ же послѣ варшавскаго сейма 1596 г. раньше брестскаго собора—одна 5 Мая въ варшавскій судъ отъ князя Острожскаго, другая въ судъ Радзіевскій отъ всѣхъ пословъ православныхъ. Первая, кромѣ Апокрисиса, гдѣ она издана въ переводѣ—на западно-русскомъ нарѣчіи, напечатана въ Архивѣ Югозападной Россіи (стр. 533—534) изъ актовъ владимірскихъ—на польскомъ языкѣ, на которомъ и внесена была въ книги варшавскаго суда. Впрочемъ въ подлинникѣ, т. е. на польскомъ языкѣ, она явилась въ печати очень давно, именно напечатана въ Supplementum Synopsis (стр. 1—2 изд. 1632 г) съ нѣкоторыми варіантами противъ изданія въ архивѣ, хотя очень незначительными. Тогда же 6 Мая 1596 г. издана была протестація отъ имени князя Друцкаго-Горскаго. Напечатана изъ владимірскихъ актовъ въ Архивѣ Югозападной Россіи стр. 534—536. Въ томъ же 1596 г. обращена въ протестъ инструкція православныхъ пословъ, отправляемыхъ съ собора къ королю и внесена въ новогрудскія трибунальныя книги и въ судебныя книги владимірскія. Архивъ Югозап. Рос. стр. 518. Казалось бы довольно уже православные протестовали противъ уніи, но вотъ что еще говоритъ объ этомъ въ 1597 г. авторъ Апокрисиса: назбытъ быся (слишкомъ бы) тыи книжки отповѣди нашей

(т. е. Апокрисисъ) продолжити мусѣли, гдыбыся (еслибы) всѣ протестаціи тутъ выписывати мѣли, которые черезъ релѣи греческой людей за услышаньемъ о замышленью митрополита и владыковъ з строны отданыя послушенства папежови римскому суть учинены. Ледва который есть край (страна), ледва которое воеводство, въ которомъ одно (лишь) найдуются восточной церкве сынове, абы напоминанья зъ стороны того, до старшихъ духовныхъ и протестации противко нимъ дѣятися не мѣли. — Для образца выписываемъ протестацію князи Острожскаго изъ Апокрисиса на Западно-русскомъ нарѣчіи: Я Константинъ княжа Острожское, воевода Кіевскій, маршалокъ Земли Волынской, Староста Владимірскій до суду кр. его милости и книгъ сейму Варшавскаго нынѣшнего пришедши оповѣдамся: иж два владыкове, Ипотей Володимірскій и Кириллъ Терлецкій Луцкій безвѣдомости инших духовныхъ и насъ всѣхъ релѣи греческой такъ народу шляхетского, яко и человѣка посполитаго, ехавши до обчего (чужаго) панства мимо старшихъ и преложоныхъ духовенства своего подъ которыхъ послушенствомъ завжды бывали, невѣдомо до послушенства иншого себе сами а снать и насъ всѣхъ и духовныхъ нашихъ, въ тое затягаючи, поддали и за старшого собѣ иншую особу признали и нѣкоторыи, новыи речи (вещи) въ релѣи нашей небываные, до нашего набоженства неналежные оттеля принесли. Зачимъ бачачи мы великую отмѣну черезъ особы выше менованые въ старожитной релѣи нашей а звлаща правомъ, вольностямъ нашимъ привилеомъ и конфедераціи варшавской речь противную злецплисьмы были (поручили) всѣ обыватели Земле волынской, кіевской, брослав-

ской, русской и нѣкоторые зъ великого княжества Литовскаго посломъ нашимъ тутъ на сеймѣ просьбы наши до его королевской милости донести, абы его королевская милость таковыхъ духовныхъ праву нашему противныхъ терпѣти допущати намъ нерачилъ водлугъ правъ нашихъ упривилеованыхъ и конфедераціи о то чиненой отъ продковъ его королевской милости и самого намъ поприсяжоныхъ заховати рачилъ, а намъ не иншей вѣры и послушенства, одно отъ старшихъ греческой церкве владыками дати рачилъ. А нжъ на тотъ часъ отъ его королевской милости одержатисьмы того немогли, яко черезъ послы наши, такъ и самъ съ особы моей на остатнемъ дню сейму во второкъ оповѣдали есьмо и освѣдчили его королевской милости пану нашему и всему сенату и нашомъ посломъ земскимъ не зъ упору ани съ васни едно остерегаючи правъ и вольностей нашихъ нжъ владыкъ таковыхъ послове наши, такъ и мы сами и человѣкъ посполитый въ маетностяхъ нашихъ слухати и пхъ за духовные наши мѣти, также и въ добрахъ нашихъ терпѣти нехочемо и юрздикціи имъ ростягати недопустимо. Толки теперь самъ отъ себя зособна въ тыжъ слова въ томъ всемъ, яко выше поменено есть противъ особамъ выше меноваинымъ протестую и освядчаю и притомъ освядченю моемъ поки ми права ставати будетъ стояти хочу и буду. Дѣялося у Варшавѣ на головномъ сейме въ среду року 1596 г. Апокр. л. 9.

32) Въ королевскихъ граматахъ къ литовско-польскимъ чиновникамъ часто встрѣчаются такія слова: маемъ того вѣдомость, нжъ ваша вѣрность невѣдать за якою причиною, або рачей зухвалостію нетолько сами спротивляетеся, але, што большей, и поповъ зъ моцы

и владзы Отца митрополита выймуете, чинячи все противъ владзы, моцы зверхности истолько отца митрополита, але и нашей господарской: што мы слышали невдячное то отъ васъ пріймуемъ. Акт. Запад. Росс. т. 4. № 124. или: Маемъ того справу, ижъ твоя милость, пане староста, вступаючися въ справы духовные, вряду вашому свѣтскому неналежные, священниковъ церквей русскихъ съ моцы и владзы велебного отца Михайла Рогозы, митрополита кіевскаго... своволнѣ выймусте и подъ владзу свою привлащаете... Тамъже № 126.

33) Акты Запад. Рос. т. 4. № 98. Дѣло было такого рода. Митрополитъ Михаилъ Рогоза осудилъ на Новогрудскомъ соборѣ Виленскаго проповѣдника Стефана Зизанія, какъ еретика, король утвердилъ этотъ приговоръ и съ своей стороны осудилъ Стефана на изгнаніе изъ Виленскаго братства и изъ литовско-польскаго государства. Стефанъ жаловался трибунальному суду на неправильное осужденіе его соборомъ, на то, что онъ неподлежитъ суду митрополита отступившаго отъ православія, а подлежитъ суду Константинопольскаго Патріарха и Виленскаго братства, какъ проповѣдникъ ставропигіальнаго братства, котораго духовенство, по правамъ братства, не можетъ быть судимо и смѣняемо мѣстною духовною властію безъ участія въ этомъ дѣлѣ братчиковъ или патріарха, т. е. Стефанъ жаловался на нарушеніе своихъ правъ признанныхъ и теперь нарушенныхъ государственною властію. Трибуналъ призналъ Стефана правымъ, а митрополита превысившимъ свою власть и, слѣдовательно, косвенно осудилъ и самаго короля, утвердившаго приговоръ митрополита. Сигизмундъ, оставляя въ сторонѣ личное свое оскор-

бленіе, выставляетъ на видъ, что трибуналъ неимѣетъ права вмѣшиваться въ суды церковные. Дѣйствительно, трибуналъ неимѣлъ права вмѣшиваться въ суды чисто церковные, разбирать духовныя тяжбы между членами одного и тогоже вѣроисповѣданія, но могъ разбирать тяжбы между членами разныхъ вѣроисповѣданій, соединенныя съ нарушеніемъ ихъ гражданскихъ правъ. Дѣло Стефана такого именно рода и было. Сигизмундъ конечно показывалъ, какъ будто не знаетъ, что Рогоза и Зизаній уже не одного вѣроисповѣданія и что братство Виленское имѣетъ особыя права, признанныя государствомъ, даже по отношенію къ своей іерархіи. Не знаемъ, что отвѣтилъ Виленскій трибуналъ на эту грамату Сигизмунда, но знаемъ, что послѣ онъ не разъ разбиралъ дѣла между православными и уніятами, необращая вниманія ни на какія софизмы латинской партіи. — Подробному изслѣдованію мы подвергнемъ этотъ вопросъ въ своемъ мѣстѣ.

34) Акт. Запад. Рос. т. 4. № 149. стр. 221—222.

35) Смотр. Примѣч. 33.

36) Актъ Виленскаго съѣзда 1599 г.

37) Гедеонъ, какъ извѣстно, былъ почти постоянно въ щекотливыхъ отношеніяхъ къ львовскому братству. Съ какимъ усердіемъ уніяты слѣдили за этою борьбою Гедеона съ Львовскимъ братствомъ, и какъ они старались этимъ путемъ погубить его, это видно лучше всего изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ 1599 г. тяжба Гедеона съ Братствомъ львовскимъ должна была поступить на рѣшеніе сейма. Митрополитъ Михаилъ Рогоза вообще не легкій на подъемъ для другихъ дѣлъ уніи, какъ только узналъ объ этомъ, немедленно написалъ

письмо къ самому королю, чтобы эта тяжба отсрочена была до его пріѣзда на сеймъ, что онъ самъ будетъ обвинителемъ Гедеона, — на пользу Братства Львовскаго, можно бы подумать? Нѣтъ, Михаилъ составилъ нѣсколько пообширнѣе взглядъ, при которомъ выгоды Львовскаго братства должны были исчезнуть сами собою: онъ хотѣлъ быть обвинителемъ Гедеона за церковную смуту вообще?! Акт. Запад. Рос. т. 4. № 139. Къ крайнему огорченію Михаила и всѣхъ его друзей Львовское братство примирилось съ Гедеономъ.

38) Вотъ какъ происходило это возмутительное дѣло имѣвшее впрочемъ историческихъ послѣдствій. Экзархъ Никифоръ, послѣ Брестскаго собора, пребывалъ въ Острогѣ, откуда выходили и воззванія къ православнымъ непринимать уніи и ученыя сочиненія, доказывавшія ложность этого вѣроисповѣданія (1). Никифоръ, стоявшій во главѣ этого ученаго общества, естествен-

---

(1) Въ Острогѣ въ это время была уже цѣлая корпорація ученыхъ, между которыми немало было грековъ. Особенно извѣстенъ между этими учеными Острожскій клирикъ Василій авторъ исторіи флорентійскаго собора и книги о единой вѣрѣ—опроверженія сочиненія Скарги o jedności Kościoła Bożego. Очень вѣроятно, что Никифоръ содѣйствовалъ подобнымъ трудамъ своими совѣтами. Авторъ Перестроги говоритъ о Никифорѣ между прочимъ слѣдующее: и самаго отца Никифора, который васъ (разумѣетъ епископовъ, принявшихъ Унію) судилъ писаніемъ и *книжками своими*, васъ обволялъ, того великаго протосинкела въ заточенье отпровадивши уморили. Акт. Запад. т. 4. № 149, стр. 225. столб. 1. Можно навѣрное сказать, что сочиненіе Эльтезисъ, въ которомъ изложена исторія Брестскаго собора, написано подъ руководствомъ Никифора, если не имъ самимъ (переведенное тогда же на польскій языкъ). Тамъ находятся документы и свѣдѣнія, которыя могли быть сообщены автору только Никифоромъ. Самый тонъ сочиненія нѣсколько отличенъ отъ другихъ полемическихъ сочиненій того времени, именно —тонъ спокойный, торжественный, какъ бы безучастный.

но возбуждалъ тѣмъ большее ожесточеніе противъ себя уніятовъ и латинянъ (1), но его никакъ нельзя было погубить путемъ обыкновеннаго преслѣдованія, потому что онъ находился подъ защитою могущественнаго и вліятельнаго вельможи — князя Острожскаго. Враги Никифора, руководимые Ипатіемъ Поцѣемъ, воспользовались слѣдующимъ обстоятельствомъ. Князь Острожскій отправилъ однажды повѣреннаго своего въ Валахію за покупкою лошадей. Этимъ случаемъ воспользовались пребывавшіе въ Острогѣ греки и послали съ повѣреннымъ князя письма на Востокъ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ сдѣланы были рѣзкія выраженія о смутномъ положеніи Польши по случаю уніи и — восхваленія турецкому Султану за сохраненіе правъ вѣры Грековъ. Письма эти, благодаря безразсудству княжескаго повѣреннаго, потерявшаго ихъ вмѣстѣ съ деньгами, были вскрыты въ Шаргородѣ, городѣ Яна Замойскаго, тогда врага князя Острожскаго. Этими обстоятельствами и воспользовались поборники уніи. Письмо, заключавшее въ себѣ рѣзкіе отзывы о Польшѣ, и похвалы о султанѣ приписано Никифору, препровождено къ королю, который потребовалъ къ себѣ экзарха на судъ, какъ государственнаго измѣнника. Князь Острожскій самъ повезъ Никифора въ Варшаву. Назначены были судьи изъ

---

(1) Оскорбительные слухи о Никифорѣ враги его распространяли еще во время Брестскаго собора; такъ они разсказывали, что Никифоръ вовсе не Экзархъ патріарха Константинопольскаго, а шпіонъ турецкаго султана, самозванно принявшій на себя духовный санъ. Все это видно изъ рѣчи Никифора къ Православному Собору, въ которой онъ жалуется между прочимъ на эти клеветы и обѣщаетъ лично явиться къ королю къ будущему сейму и оправдать себя. Экгезисъ стр. 18.

сенаторовъ, конечно, преданныхъ королю, началось изслѣдованіе дѣла. Для большаго успѣха враги Никифора прибавили еще обвиненіе, будто Никифоръ нетолько теперь, но и прежде дѣйствовалъ во вредъ Польшѣ, во время недавней войны съ Турціею по дѣламъ Валахіи. Но всѣ ихъ усилія оказались напрасными. Никифора пришлось оправдать, несмотря ни то, что на экзархъ немогъ объясняться свободно съ судьями по незнанію Польскаго языка, ни его адвокатъ съ нимъ, по незнанію Греческаго или валахскаго языка. Присутствіе князя Острожскаго связывало руки и обвинителямъ и судьямъ. Никифоръ, казалось, былъ спасенъ; но князь Острожскій заблаговременно сталъ торжествовать оправданіе Никифора, и этимъ испортилъ все дѣло. Смотря на обвиненіе Никифора, какъ на козни уніятовъ и латинянъ, князь воспользовался настоящимъ случаемъ, чтобы излить на нихъ всю свою горечь, сильно накипѣвшую въ немъ и на авдіенціи у короля осыпалъ его жесткими попреками за нарушеніе правъ западно-русской Церкви, за потворство поборникамъ уніи, и недожидаясь отвѣта короля, вышелъ отъ него въ сильномъ гнѣвѣ. — Король очень желалъ помириться съ Острожскимъ, которымъ немогъ не дорожить и послалъ убѣждать его сблизиться съ нимъ, обѣщая освободить Никифора. Но столѣтній старикъ рѣшительно вышелъ изъ себя и забылъ всѣ правила благоразумія. Онъ непошелъ назадъ къ королю, а только послалъ ему такой отвѣтъ, который немогъ обѣщать ничего добраго: пусть съѣстъ себѣ Никифора, сказалъ онъ и удалился (1). Слова Князя исполнили, хотя не-

(1) Всѣ эти свѣденія мы заимствовали изъ двухъ главныхъ источниковъ—

буквально, но тѣмъ неменѣе неутѣшительно для Никифора. Его признали виновнымъ (2), заточили въ Маріенбургскомъ Замкѣ и по свидѣтельству православныхъ писателей уморили голодомъ (3), а по словамъ уніятскихъ писателей отослали по истеченіи нѣкотораго времени на Востокъ (4). Зная, какъ знаменитъ былъ Никифоръ на Востокѣ и какія имѣлъ сильныя связи при турецкомъ дворѣ и ненаходя потомъ его тогда на востокѣ мы съ большею вѣроятностію можемъ думать, что такъ или иначе, но онъ кончилъ дни свои въ литовско-польскомъ государствѣ. Считаемъ нужнымъ также замѣтить, что всѣмъ дѣломъ о Никифорѣ заправлялъ, по свидѣтельству уніятскихъ же писателей, Поцѣй (5), а это

изъ слѣдственнаго дѣла о Никифорѣ напечатаннаго въ 4 т. Акт. Зап. Рос. № 117 и изъ Перестроги. — Тамъ же № 149 стр. 216—220.

(2) Авторъ Антиррисиса говоритъ, что на Никифора жаловались Александрійскій патріархъ и послы Волошскіе стр. 151.

(3) Перестрога. Акт. Запад. Р. т. 4, № 149 стр. 220.

(4). Stebelskiego Żywoty SS. Ewfrozyny i Parascewij. T. II стр. 177. Примѣчаніе. Никифоръ... po otprawionej tam (въ Маріенбургѣ) pokucie z Królewswa Polskiego powagą monarchi Zygmunta III (Поцѣй) wygnał i zagranice wypędzit. Отсюда это извѣстіе взялъ Островскій. Dzieje i prawa Kośc. Polskiego т. 3 стр. 201.

(5) Nic wszakże na to (на противодѣйствіе уніи православныхъ) niedbaiąc Hypacyusz (Поцѣй) zaczął w powierzonej sobie od Niebieskiego Gospodarza winnicy nie leniwie pracować, za zązwszy od korzenia wypleniać to, co było szkodliwego, I tak naprzód owego zdrajcę i buntownika Nicefora protosyggeła, który r. 1596 w Brzesciu w kamienicy na zborzyszczu Nieunitow z Aryanami Nowochrzczencami (съ протестантами) i Kalwinami Zasiadał i na onym prezydował nie tylno kapłanem nie będąc, ale ledwie mając, na sobie dyakonskie święcenie, przyprawiwszy o pokutę, u Malborku (въ Маріенбургѣ) w więzieniu, do którego iako szpieg i zdrajca króla i Rzeczypospolitej polskiej seymowym wyrokiem był dany... и далѣе то, что мы выписали въ предъидущемъ примѣчаніи. Steb. т. II, стр. 177. Pierwszym nowego Metropolity (Поцѣя) było dziełem wyplenic ten kąkol (т. е. ипатріи

одно уже ручается намъ за то, что Никифора не выпустили изъ литовско-польскаго государства.

39. Изсл. Лит. Церков. Уніи т. I, стр. 137.

40. Dz. ks. Helw. wyz. Łukasz. т. I, стр. 116—123.

41. Актъ этого съѣзда напечатанъ въ описаніи Кіевософійскаго собора митр. Евгенія въ русскомъ переводѣ стр. 68—79 и на польскомъ языкѣ въ Dz. Kościoła Helw. wyzn. Łukaszewicza т. I, стр. 124—135. Выписываемъ его здѣсь на польскомъ языкѣ, такъ какъ, намъ кажется, это подлинный актъ и потому что въ переводѣ митр. Евгенія встрѣчаются нѣкоторыя опущенія и неточности. My rady, dygnitarze, urzędnicy, rycerstwo i inni korony Polskiej W. X. Litewskiego i Państw do nich należących obywatele tak greckiej od cerkwie oryentalnej podanej, a zwierzchność patryarchow oryentalnych przyznawającej, jako i Ewangelickiej konsensem Sandomirskim

---

будто бы Востока), ktorego owoce niemniej kościoła Grecko—polskiego spokojności, iako i całej Polski bezpieczeństwu groziły. Umyślił on ścigać samego herszta wzmagającej się intrygi, aby ta pozbawiona swej głowy wzrostu dalszego spodziewać się nie mogła. A że mniemany ow Exarcha Rusi Niceforo, na żadne pogrożki Metropolity względu mieć niechciał, lubo to już całej Polszcze wiadomo było, iż oszust ten, ledwie diakońskie święcenie maiąc, nie w charakterze swoim, ale w protekcij Xiążęcia Konstantego (Острожскаго) zaufał; Hippacjusz udał się prosto do króla i stanów, zapozwał go rzed sąd seymowy, a tam za szpiega i zdrajcę Rzeczypospolitej uznany naprzod na pokutę do Malburga odesłany był, a potym z kraju na zawsze wywołany. Ostrowski. Dz. i praw. Kośc. Polsk. m. 3 стр. 200—201.

Мы нарочно выписали рядомъ эти два свидѣтельства, чтобы можно было видѣть, какъ первое разукрашено въ послѣднемъ. Мы изложили дѣло Никифора держась строго слѣдственнаго акта объ немъ и сличая всѣ другія извѣстія, касающіяся этого лица. Подробныя свѣденія о жизни Никифора читатели могутъ найти въ нашей статьѣ объ немъ, напечатанной № 11 духовнаго журнала «Странникъ» за 1860 г.

roku 1570 w jedność spojonej religii nasladowcy, którzy w Pana Boga ,w Tróycy iedynego wierzymy i wyznawamy, a konsens zgodny na posłuszenstwo słowa Bożego z sobą trzymając, Chrystusa Pana za iedyną i prawdziwą głowę i pasterza Cerkwi i zborow naszych mamy, uważając z pilnoscią fundusze, prawa i przywileje ludziom religii greckiej nadane, tudziesz też konfederacyą generalną między rozroznionymi w wieze roku 1573 dwudziestego osmego dnia stycznia, podczas interregni od rad duchownych i swieckich i stanow inszych rzeczypospolitej i miast uczynioną obowiązkami przysięgi, wiary, poczciwosci i sumnienia utwierdzoną i w przysięgach, tudziesz też w konfirmacyach praw przez króle polskie i wielkie książęta litewskie, pany nasze czynionych, więc i w konstytucyach seymowych częstemi wzmiankami rzetelnie obwarowaną (ktora to konfederacya jako do tego nas obowiązuje, abyśmy pokoj między sobą zachowywali, a zabiegaiąc temu, jakoby dla różnej wiary i odmiany w kosciołach w podawaniu mieszkanców tych państw będących, krew niebyła przelana i nikt konfiskacyą dobr, podciwoscią, więzieniem i wygnaniem nie był penowan, abyśmy zwierzchności żadnej i urzędowi do takowego progressu niepomagali i owszem choć by też za pretextem decretu, abo postępkiem jakim sądowym kto to czynić chciał żebysmy temu zabiegali, tak osobliwie i to warowała, aby w podawaniu króla IMC. będące beneficïa kosciołow greckich, ludziom tej ze wiary greckiej dawane były), uważaiąc przytym, że przeciw tej konfederacyi, przeciw przywilejom i listom, któremi ważność nabożeństwa iest obwarowana i przeciw zwyczajowi, jaki tu krol J. M. pan nasz dzisiejszy raczył zastać, siła nam się uraz, oppres-

syi, grawamin i gwałtow, coraz to większych od rozmaitych osob, a najwięcej od stanu duchownego i od niektòrych rzymskiego nabożenstwa ludzi dzieje, a tak już często, że już prawie żaden kąt tych szerokich państw żadnego powołania człowiek od nich nie iest wolny, ale niemi wszyscy, acz rożni z różnych miast tak dotykani i ociążeni bywają, że już wolnością i oyczycom a synom tey rzeczypospolitej należącą, ani względem uczciwego życia, ani względem bezpieczeństwa zdrowia, ani względm dobr i dostatkow swych słusznie się przechwalać nie możem.. Już nam powiększej części, cerkwie, monastery, kościoły, zbory jedne z haniebnem łupieżtwem, z wielkim okrucienstwem, z rozlewaniem krwie, z mężoboystwy, z niesłychánem pastwieniem się nie tylko nad żywymi, ale i nad umarłymi, poburzono, powojowano i popustoszono; drugie za pretextem dekretów przez duchowne rzymskie zaraz i sądzące i instygujące i sprawy praktykujące niesłusznie otrzymanych, odstrychnąwszy nas od władzy i od podawania w nich, poodejmowano i dekreta dalej konfederacyi przeciwne do starostw na exekucyą odsełając, odejmować usiłują. Za której exekucyi pretextem już się do niektorych krwawe szturmy i najazdy działy, już interdykty na niektorych miejscach zaczęły, ktòremi schadzek nabożnych swobodnie, nabożeństwa, pogrzebow i inszych chrzescianskich spraw wolnie odprawiać i gwoli temu cerkwi i kościołow sobie budować zabroniono. Iuż duchowni presbiterowie swieszczęnicy, ministrowie i kaznodzieje nasi dla stateczności w religij swej rozmaicie prześladowani, w domiech swych nachodzeni i wyłupowani, łżeni, despectami rozlicznemi kaznieni, banitowani, wyganiani, od majętnosci i dobr swych odpychani, upraszywaniem pod

sobą kadukow w osobie potomstwa swego ukrzywdzani na drodze dobrowolnej i w miesciech rzeczypospolitej łapani, w więzieniu rozmaitym niesłychanym sposobem dla większej męki i udręczenia trzymani, bici, topieni, zamordowani bywają, a na to mieysce wtrącają i rozkazują a przymuszają poniewolnie słuchać pasterzow, które za odstępniki patryarchow oryentalnych mamy i którym, rozumiemy, że beneficia nie pod posłuszenstwo rzymskiej religij nadane, a w podawaniu króla I. Mci będące, a zatym odmianie i wprowadzeniu rzymskiego nabożenstwa niepodległe, żadnym sposobem służyć niemogą. Które to jednak beneficia ci odstempcy od dawnej zwierzchnosci przeciw częstym prożbom, postulatom i protestacyom naszym i po dziś dzień trzymają a prawie krom nadzieje ich przywrócenia, gdyż nadzwyczaj przeszły, żaden już który by wprzód posłuszenstwa papierzowi nie obiecał, przystępu do nich niema, gdyż w rzeczach cerkiewnych o duchowienstwo zachodzących ludziom religij greckiej, im dalei tem bardziej, nadobyczay starożytny zabraniane bywa dokładanie się patryarchow oryentalnych i potrzebne dla rządu z nimi się porozumiewanie. Już na gwałtach mieyscom i osobom, usłudze nabożenstwa oddanym czynionych, mało mając, rzucaią się i na swieckie osoby, osobliwie mieyskiego stanu, z przyczyny samej różności religij (o ktroej już drugdzie w miesciech rzeczypospolitey cudzoziemskim sposobem inkwizycye czynią), od cechow, rzemiosł, handlow, kupiectwa, a nawet i mieszkania w miescie one odstrychając, nierówność kondycyi, niegodność w swiadectwach wiary, nawet nieprzystojne urodzenie im, zwłaszcza dzie szlub przez duchowne nasze dawany, coraz to gęsciej zadawając, rodzicom córek własnych zamąż dawanie z ręku

subtelnie wyjmując, mężatki do tarasow swych rzymskich duchownych skazując i o swieckie kontrakty z strony małżeństw czynione, onym sąd przywłaszczając dochodzi i nas szlacheckiej kondycyi ludzi, ktorzy choć jednakośmy się i w równej ważności, jako i rzymskiej religij ludzie w tej rzeczypospolitej zrodzili, choć we wszech ciężarach i powinnosciach iednako z nimi pociągani, choć do usługowania krolowi J. M. i rzeczypospolitej jednaką chęć w sobie znajdujemy, choć we wszystkiem cnoty, wiary i przystojnosci swej tak przestrzegamy, że z łaski Bożej na nas nic nieprzystojnego od przeciwnikow pokazac się nie może; przecie im dalej tem znaczniej, przez to samo, iż przy religij statecznie stoimy, przez subtelne praktyki duchownych rzymskich od ozdob i chleba rzeczypospolitej odstrychani bywamy i do senatorskich mieysc, do dygnitarztw, urzędow starostw, do dzierżaw, i do inszych funkcyi pożytecznych, a nawet i do posług rzeczypospolitej takiego, jakiego inni przystępu mieć niemożemy, owszem i w prywatnych swych sprawach i w akcessyach do takiego dobrego mienia i potężności, miasto chęci i przychilności znaczne zatrudnienia i przeszkody uznawamy, a urazy, krzywdy i szkody swe uskarżając się i sprawiedliwosci, obrony i pomocy w nich płaczliwie żebrząc, miasto pocieszenia jakiego, posmiewiska, kontempty, pod czas z denegowaniem i audyencyi złączone, odnosimy. Więc obiecanego processu konfederacyi, którymby te urazy i excessy acz nie napotym zawciągnione być mogli, nie tylko uprosić nie możem, ale też już deklaracye jawne i w pismach przez duchowne rzymskie wydanych, czytamy i od swieckich na seymikach, seymach i inszych sądziech coraz to częściej słyszymy, że konfederacyi nie

tylko za prawo nie mają, ale też chwalić, trzymać ją za rzecz sumnieniu swemu przeciwną, poczytują. Czem wszystkiem znieważają i targają ten jedyny związek wewnętrznej zgody, miłosci, dufnosci i pokoju pospolitego, który uważnie od przodkow naszych i nas czyniony i trzymany, sławę mądrosci i postronnych z nas przykład biorących nam zjednał, a nas choć rozmaicie urażonych, a w wraziech ratunku teraz nieznajdujących, puki takie deklaracye nie zakraczały jakożkolwiek wżdy, przy nadziei obaczenia (upomiętania) gwałtownikow zastawując, ubezpieczał. Teraz już takie declaracyie, ktore za odpowiedz stają od nich siłę maią, więc rozmaite a coraz to znaczniejsze od nas się odłączenia, stronienia, na hańbę, groźby i kąsanie się przeciwko nam zakładanie się, iż do kilku lat nabożeństwa nasze ustać muszą; nuż owe rożne wykrzyki i *ludzie przeciwne* nam z pokazowaniem snadności *wyniszczenia* nas i z dawaniem *benedykcyi* na nas *podbudzania*, tudzież też na *ligi*, bractwa nowotne i insze *bunty* wzglądając a przytym pospolitego pobłażenia wtych uraziech naszych podczas i przymieszawania się do nich *statuum, jurisdictionum* et officiorum, postrzegając miasto ulżenia coraz to większej opressyi a strzesz Boże jawnego i okrutnego (jako w inszych krolestwach przez te, ktore u siebie we wszystkie rządy wtrącające się widzimy instrumenta (iezуиты) były sposobione) natarcia na się obawiać się musiemy. Zaczem juz nam potrzebnie, a prawie poniewolnie o sobie i bezpieczeństwie swym obmyslować i temu jakoby to nas niedolegało teraz i napotem zabiegać przychodzi, a to tem pilniej i ostrużniej, że baczymy, że się w tem obmyslowaniu nie tylko prywatne nasze: ale i pospolite dobro, a dalej mowiąc nie tylko ca-

łość praw i swobod pospolitych prawami i przysięgami utwierdzonych, nie tylko bezpieczeństwo i zdrowie rzeczypospolitej, ale i zartrzymanie chwały Bożej zamyka. Na co naywiększy respect mając, my greckiej i ewangelickiej religii ludzie stanąwszy na fundamencie raz przez rzecz pospolitą założonym i dotąd przez nas swiątobliwie krom respectu na inszych onego odbiegając, trzymanym, to iest na przypomnionej konfederacyi generalnej warszawskiej, względem której i rzymskiego nabożeństwa ludziom, którzy w pokoju i zgodzie według obowiązku jego z nami żyć chcą, (iakich iż siła iest niewątpimy), miłość, życzliwość i wszelką braterską powinność nieodmiennie oddawać chcemy, a przytym stosując się protestacyi przeciw postępkom i dekretom konfederacyi przeciwnym czynionych i chcąc tych ktorzy tę konfederacyą odrzucają, gwałcą i dalej gwałcić chcą, zamysłom wstręt uczynić i bezpieczenstwo swe przeciw gwałtom i oppressyom obwarować, przez to pisanie obowiązujemy się i pod obowiązkami w konfederacyi generalnej opisanemi wszyscy wobec i każda część i osoba zosobna to sobie za nas i za potomki nasze prawdziwie a szczerze przed Panem Bogiem wszechmogącym, ktory nie bywa wysmiewan obiecujemy i przyrzekamy, że tej konfederacyi przestrzegając, a zatem nauki chrzescianskiej i wolnego według konfederacyi nabożeństwa odprawowania niechcąc za pomocą Bożą ani gwałtem ani pretextami pewnemi sobie odjąć dopuszczać, cerkiew, zborów, kosciołow, w naszej władzy będących i podawania w nich wspulnie strzedz i ochraniać i wszelkie mieysca, a pogotowiu: osoby na posługę nabożeństwa odłączone i oddane, jako nad obroną konfederacyi zawarte w statecznej swej obronie, da Pan Bóg,

chować i zatrzymać. A z strony tego, jakoby przeszłe urazy uleczone były, excessy pokarane, naprawione i na potem zawsciągnione na seymikach, seymach i inszych pospolitych urzędziech, u stanow rzeczy postolitej, a osobliwie u krola J. M. w którego miłostiwej łasce i uważnem w doległosci nasze weyrzeniu niezwątpiewamy, pilnie, zgodnie i spornie się starać, a w tej wierze między sobą żadnego braku i rozłączenia (względem rożnosci nabożeństwa i ceremonij podług zwyczaju w cerkwiach i wzborach odprawowania) nieczynić, owszem ieden drugiego mianowicie grek inszych greków i ewangelikow, a zasię i ewangeliki inszych ewangelikow i grekow, albo ktoregokolwiek z nich krzywdę, szkodę wraz i uciążenie dla albo względem religii odnoszone oznajmować, a gwoli temu rad i konsultacyi za obwieszczeniem nieomieszkiwać będziemy, jeżliby (czego Panie Boże racz uchować) ci od przysięgi swej i od konfederacyi odstępni umysłu swego i przedsięwzięcia niebraterskiego nie odmienili, a nam wyżej pomienionym chcieli gwałt jaki i przykrośći czynić, tak w religii greckiej, jako i ewangelickiej, targając się na nas ktorym kolwiek sposobem i zabraniając nam nabożeństwa naszego, albo popędliwie postępując przeciwko osobom i mieyscom nabożeństwu oddanym ktorej kolwiek religij, albo ręce gwałtowne jadowitym umysłem przeciw nam podniesione wyciągając albo też urzędy zwyczajne religiom naszym odmieniać i onych umniejszać albo wniwecz obracać chcąc. Także też gdzieby kto podawania, nadania, skarby, składy, kollekty, majętnosci ruchome i nie ruchome, summy, albo krótko mowiąc, dobra jakie kolwiek cerkiewne, zborowe kościelne, bądz gwałtem, bądz sądowym pretextem brać i odcymować chciał,

a pogotowiu, dzieby komu z nas, albo z naszych względem religii rzeczą samą gwałt się stał, a osobliwie gzieby za pretextem dekretu confederationis przeciwnego do exekucyi jakiej przystępować w którym kraiu miano, tedy bez wszelkiej wymowki (gdyż żadna większa i powinniejsza nad tę, która chwałą Bożą, kościoł iego i zkonfederowaną bracią zachodzi, potrzebna być niemoże) tak wszyscy społnie jako jedna która-kolwiek nas część, a nawet i osoba pojedynkiem, do której by jedno o tym wiadomość przyszła na mieyscu, lubo przedsięwziętego, lubo uczynionego gwałtu i na termin exekucyi, jako do gaszenia ognia spolnego bieżeć a in defectu możności przybycia personalnego przynaymniej przez posłańca nad swem mieyscu assystęcyą subministrować, a posiłek i rachunek uciężonym i w nie bezpieczęstwie będącym dawać, a tak już nie słownie w wierze, pokoju, summieniu i wolności nabożenstwa, osob, tudzież i mieyse nabożęnstwu oddanych bezpieczenstwa, a przytem dobr kościelnych, cerkiewnych, całości, krom oglądania się na jakie trudności i bezpieczenstwa i krom litowania pracy i kosztu podług naywiększej możności i umiejętności postrzegać będziemy. W czem dla snadnieyszego z sobą się porozumiewania, dla obwieszczenia o excessach i o terminach exekucyi i o zjazdach bytności naszej potrzebujących, mianowalismy zaraz i obrali między sobą generalne prowizory albo obmyślowacze pokoiu cerkwi i zborow naszych Chrześcianskich, mianowicie z porządku ludu religii greckiej obralismy z senatu:

1. Oswieconego księcia J. Mc Konstantego Ostogskiego, wojewodę Kijowskiego;

2. Oswieconego Księcia J. Mc Alexandra Ostrogskiego woiewodę Wołyńskiego;

3. Księcia J. Mci Hrehora Janguszkę Koszerskiego, kasztelana Bracławskiego; a z rycerstwa zaś:

4. J. Mść XX. Adama i

5. Mikołaja Wiszniowieckich,

6. Księcia Joachima Koreckiego;

7. Księcia B. Rożynskiego;

8. Księcia Jeżego Horskiego;

9. Kniazia Bohdana i

10. Jwana Solmierskiego;

11. Pana Jana Tryznę;

12. Pana Andrzeja i

13. Alexandra Zaborowskie;

14. Pana Horskiego;

15. Pana Jeżego Kideja;

16. Pana Lubańskiego;

17. Pana Stefana Łożkę, Marszałka Mozyrskiego;

18. Pana Litynskiego;

19. Kniazia Jerzego Puzynę.

Zasię z posrodka ludzi religii ewangelickiej mianowaliśmy senatory tak z korony, jako jako i z W. X. Litewskiego:

20. Oswieconego Księcia J. M. Krystofa Radziwiłła, woiewodę Wilenskiego;

21. Jasnie W. JM. PP. Andrzeja Leszczynskiego Brzezkomuwskiego:

22. Pana Jana Abramowicza Smolenskiego;

23. Pana Krzystofa Zienowicza Brzesciuskiego;

24. Pana Fabiana Cemę Malborskiego, — woiewodow;

25. Wielmożnych Pana Jana Zorzażewskiego Poznańskiego,

26. Pana Jana Zborowskiego gnieznienskiego;

27. Pana Mikolaja Naruszewicza Zmudzkiego;

28. Pana Czaplica Kijowskiego;

29. Pana Jerzego Korsaka Połockiego;

30. Pana Jana Zienowicza Witebskiego;

31. Pana Piotra Dorohostayskiego Minskiego;

32. Pana Piotra Niszczynskiego, Belzkiego,

33. Pana Andrzeja Firleja Radomskiego,

34. Pana Andrzeja Męczeńskiego, Wileńskiego,

35. Pana Jana Drohojowskiego, Sanockiego;

36. Pana Usowieckiego Chełmskiego;

37. Pana Ruszkowskiego Przemęckiego,

38. Pana Adama Balinskiego, Bydgorskiego kasztelanow i

39. Pana Krzystofa Monwida na Dorohostajach marszałka naywyższego W. X. Litewskiego; zasię z rycerstwa z korony i wojewodzw tych, które się na Lubelskim Trybunale sądzą:

40. J. M. Pana Andrzeja Szafranka starostę Lelowskiego;

41. Pana Andrzeja Reja,

42. Pana Marcina Krezę;

43. Pana Gaspara Kępskiego;

44. Pana Waleryana Kotka;

45. Pana Krzysztofa Pawłowskiego;

46. Pana Zygmuta Palczewskiego;

47. Pana Hieronima Czyżewskiego ż Czyżowa;

48. Pana Gniewosza starostę Lutowickiego;

49. Pana Piotra Gołuchowskiego;

50. P. Stanisława Stadnickiego na Łancucie
51. P. Jana Bała;
52. P. Marcina Chrząstowskiego;
53. P. Samuela Trojeckiego;
54. P. Fredra z Krakowca,
55. P. Jerzego Stona,
56. P. Czaplica sędziego ziemskiego Łuckiego;
57. Pana Jana Potockiego, starostę Kamienieckiego;
58. P. Jakuba i
59. Krzysztofa Siemińskie, wojewodzicze Podolskie;
60. Pana Andrzeja Rzeczyckiego, — podkomorzego Lubelskiego;
61. P. Krzysztofa Reja;
62. P. P. Jana
63. Piotra i
64. Adama Gorayskie
65. P. Lipskiego, — Belzkiego;
66. Mikołaia Ostroroga;
67. Pana Jahodyńskiego sędziego Ziemskiego Belzkiego.
68. P. Kaspra Kosinskiego;
69. P. Pirocinskiego, podkomorzega Bracławskiego. Zasię z tych koronnych województw, które się na trybunale piotrkowskim sądzą:
70. P. Pana Jerzego Latalskiego;
71. Pana Wacława Leszczyńskiego;
72. Pana Sędziwoja i
73. Jakuba Ostrorogi;
74. P. Andrzeja Tomickiego;
75. P. Andrzeja Zarębę z Kalenowy;
76. P. Andrzeja Grudzickiego;
77. P. Woyciecha Witosławskiego;

78. P. Stanisława Pogorszelskiego, podsędka ziemskiego Kaliskiego

79. P. Zygmunta Grudzinskiego;

80. P. Chryzostoma Marszewskiego;

81. P. Michała Białosliwskiego;

82. P. P. Jana i

83. Marcina Broniewskich

84. P. Piotra Żychlinskiego

85. P. Paleckiego;

86. P. Jana Chrystopurskiego, stolnika Sieradzkiego

87. P. Widawskiego;

88. P. Wawrzyńca Niemajowskiego;

89. P. Andrzeja Krotowskiego wojewodzicza Jnowrocławskiego;

90. P. Niszczyckiego, starostę krasnickiego;

91. P. Zalinskiego podkomorzego Rowskiego;

92. P. Stanisława Siewierskiego, starostę Ostszeszowskiego;

93. P. Rymuna Ostromęckiego;

94. P. Adryana Chelmickiego;

95. P. Woyciecha Dorpowskiego. Zasię z Wielkiego Księstwa Litewskiego:

96. J. M. Księcia Jerzego Radziwiłła, wojewodzicza Nowogrodzkiego;

97. Jana Chlebowicza, stolnika W. X. Lit.

98. P. Adama Galwasza, starostę Dynaburskiego;

99. P. Mikołaja Zienowicza, podkomorzego Oszmianskiego;

100. P. Melchiora Pietkiewicza pisarsza Wilenskiego;

101. Kniazia Jarosława Hołowczynskiego na kniazicach;

102. P. Piotra Stabrowskiego starostę Kieydonskiego;
103. Kniazia Fiedora Druckiego Horskiego;
104. P. Fiedora Pocieja sędziego ziemskiego;
105. P. Andrzeja Jundziłła, marszałka Wołkowyskiego;
106. P. Sebastyana Parosza;
107. Pawła Wereszczakę, podstolego Brzeskiego;
108. P. Jakóba Siemaszkę;
109. P. Romana Rawta;
110. P. Romana Wasilewicza Korsaka;
111. P. Kniazia Jerzego Sokolinskiego;
112. P. Druckiego, podkomorzego Witepskiego;
113. P. Hrehorego Sapiehę podkomorzego Orszanskiego;
114. Kniazía Jana Druckiego—Horskiego;
115. P. Melchiora Szemeta;
116. P. Woyciecha Radziminskiego podkomorzego Żmudskiego;
117. P. Jana Hołownie, — pisarza ziemskiego Wołkomirskiego;
118. P. Andrzeja Stankiewicza, starostę minskiego,
119. P. Jarosra Wołczka;
120. Kniazia Zyzenskiego, starostę, Rzeczyckiego;
121. P. Jana Jundziłła.

Do Których to pomienionych prowizorow, tak wszystkich wobec, jako i do którego kolwiek z nich wedle bliżności mieszkania urażony w wolności religij i względem religij, a rady i ratunku potrzebujący uciekać się, a oni zatem i każdy z nich wedle tego, jesli i jaką potrzebę obaczą, inszych obwieszczać, a o pożytecznej a pociesznej odprawie zaciągnionej sprawy principaliter staranie czynić mają, a to staranie wprzednie głownych sprawach, aby tem snadniej skutek swoj brać mogło, potrzebnie się być

nam zdadzą synody, które, aby tem gromadnieysze bywały, obiecujemy to sobie pod temiż pomienionemi obowiązkami, że kiedy grecy synod generalny złożą, a potrzebować tego będą, tedy ewangelicy na ten ich synod, albo samo przez się, albo przez posły pojadą, a z drugiej strony też gdy ewangelicy synod generalny wedle dawnego zwyczaju składania synodow złożą, a potrzebować tego będą, tedy greckiej religij ludzie na ich synod, lubo sami przez się, lubo przez posły przybędą i tak spólnie jedni drugich ciężary znosząc, z obustron radą się i pomocą ratować, a jako ci, ktorzysmy według konfederacyi generalnej zawżdy sobie wiary dotrzymywali i jako jedno ciało pod jedną głową Chrystusem Panem tę zgodę i związek między sobą wiecznemi czasy (nigdy nieodstępując, ani się albo słowy uszczypliwemi urażając) za pomocą Bożą zatrzymować będziemy, którą to zgodę pod obowiązkami konfederacyi generalnej wyrażonemi między sobą uczynioną, utwierdzając oboyga tak greckiego, jako i ewangelickiego nabożenstwa ludzie rękami swemi podpisali i pieczęci swe do niej przycisnęli do lepszej istoty. W. Wilnie we srodę pierwszą po swiątkach roku 1599.

42. Dz. kść. Helweck. wyznania Łukaszewicza t. 1, стр. 124. — Изъ духовенства православнаго на этомъ съѣздѣ были: грекъ Лука Митрополитъ Бѣлградскій, Исаакъ игуменъ Дубенскій и Гедеонъ архидіаконъ Дубинскій. Епископы Гедеонъ и Михаилъ были тоже приглашены, но непріѣхали.

43. Вотъ этотъ проектъ составленный протестантами. Rozumiemy iż z duchownymi greckimi nie taki, jaki z Rzymiany będzie spor o to, ieżliż piśmo s. fundamentem ma bydź i normą wiary, a sędziem kontrowersyi.

Wielki to będzie stopień do uczynienia zgody, ile gdy zaraz z stromy tego się od nich rezolucya z naszą zgodna wezmie, które księgi za *canonicos*, a które za *apocryphos* przyjmują, i gdy pokażą exemplarz greckej biblij, który za autentyczny poczytują. Bo stosując z nim wykład nasz Brzeski, ile in novo testamento gdzie praeter Matheum, iż wszystko po grecku zaraz pisano, nie trzeba się do żydowskiego języka referować, tuszymy, że rożnicę nie znajdą. Zgodziwszy się o fundamencie, a na nim stanąwszy, iść porządkiem do artykułow wszyskich wiary i nauk, w których z nimi zgodę mamy i tę zgodę sobie przyznać i oswiadczyć cum specificatione articulorum przeciw wszelakim inaczej zozumiejącym heretykom, a osobliwie przeciw papieżnikom in doctrina de unico Capite ecclesiae Christi, de Coena Domini sub utraque specie participatione, de ratione et integritate in Eucharistia rei coelestis et terrenae, de purgatorio, de matrimonio sacerdotum etc. Co żeby tym łatwiej bydź mogło, rzeklibyśmy, żeby się od nich domagać confessiones aliquas fidei catholicas, z której radziej niż z pospolitej opinij myślącemu o zgodzie, religij sądzić należy. Lecz iż bez omyłek podobno w nich nie iest, które drabając, miasto ugody ad dyssidium majus non sine exarcebatione graecorum przyjść by mogło, przeto zda nam się consultius podać im swoją konfessią sandomirską, aby w niej zganili co, jeśliż mogą słusznie, a ieśliż niemogą, aby się do niej przychilili, oną podpisali, co sobie ponich w siła artykułach obiecujemy. O pochodzeniu Ducha S. kontrowersye zrobi nieco trudności. Lecz jeśliż dla niej zjednoc zenie in reliquis niemogłoby bydź czynione, niech inni o tem sądzą. Widzielismy skrypty niektórych niemieckich naszych theologów,

którzy utrzymują, że kontrowersya ta niebyła dość ważna do dyzunij pomiędzy łacinskim a greckim kosciołem. Co się nas tyczy, kto rzecz pilnie uważy: ledwie się tego nie domaca, że grecy lubo o słowa się z nami swarzą, jednak bez mało o rzecz z nami się niezgadzają, przyznawając, że *emanat*, *profluit* Duch Swięty od Syna i inszych takich terminow przykładem swych greckich doktorow używając, które æqui pollent *procedenti*, którego się chronią, w pismie go niewidząc. Logomachia nie życzylibyśmy aby miała unioni szkodzić. Z ludzmi wyznania augsburskiego w materyi tej o sacramentach nie zewszystkiem się zgadzamy, jednak spolnymiśmy się konsensem sandomirskim zdjęli, kontrowersyom dalszym i obraźliwszym przez okreslenie terminow mowienia zabiegłszy. Azaźby i tu dla nasladowania tego uczynić się nie mogło? a to tem łatwiej, że o tym dogmacie rzadziej snadź, niż o sacramentach na kazaniach mowić przychodzi. Rożnica o wzywaniu swiętych — obiednia, — naywiększa ich zdaniem iest zawada do spólności nabożeństwa. Obiednią z cerkwi ich wyrzucić, to rzecz, ile tak zrazu, ledwie podobna. Otem by tedy tylko zrazu obmyslować, ażeby zostawiwszy im ceremonie, które *tolerari possunt*, [illegible] bydź odrzucona zabobonna w wzywaniu swi[illegible]ych *idolatria* i inne bardziej w oko wpadające b[illegible]ędy. Przeciw czemu naywięcejby teraz przed roz[illegible]mową trzeba gotować swiadectwa z oyćow s. k[illegible]oscioła greckiego; ażeby niemogła bydź kontrow[illegible]ersya o pewnosć autorow, mieysca annotować [illegible] w exemplarzach greckich, których jako naywięcej potrzebaby zgromadzić do Wilna podczas colloquium. Gestum artolatriæ (преклонение), że i te mysląc de mediis przytoczymy, iż snadź trudno by zrazu znięsć krom obra-

żenia pospolitego człowieka, który nagłą zmianą obrażony, do papierzstwa żeby się nie udał, obawiać się trzeba. Nie wiemy, zdrożnaliby na ten czas się kontentować, aby presbiterowie greccy sami naprzód zstrony tego, dostateczną declaracyą dawszy, potem *publice* na kazaniach pospolitemu człowiekowi to, naprowiając błędy, opowiadali (jako się to w niektórych ewangelickich zborach, gdzie klęcząc sakrament biorą, zachowuje), że te klękania nie mają bydź i nie bywają czynione przed chlebem widzialnym i w sakramencie dawanym, ale przed samym Panem Bogiem, do którego k niebu w gurę serca podnosić trzeba, na widomych się elementach nie zasadzając. Tymże kształtem, iż grecy obrazy malowane mają, lubo rytemi się brzydzą, rozumielibyśmy, jeśliż by się, coby było liepiej, zaraz znieść nie mogły, aby zwyczajem w kościołach augustyańskich konfessyi używanem przeciw adoracyi ich z pisma s. i doktorów za pokazaniem naszych, nauka od presbiterow przechowana była, a z czasem za wykorzenieniem idolatryi z serc, snadniej by przyszło i same obrazy znieść. Teraz tylko w toby *per ista media* potrafić, aby przy nabożeństwie ludzi religij greckiej bez skrupułu sumnienia mógł bywać ewangelik, a to tym umysłem, aby się oni też naszym nabożeństwem niebrzydzili. Zaczem bać się nie trzeba, aby ewangelikow do nich co odstawać miało, owszem rzecz pewna, żeby siła grekow ewangelikami prawdziwymi i doskonałymi zostawało, ile gdy by już rozmowa z prezbitery ich nastąpiła poufała ministrow naszych, którzy ich nauką przewyższają. Więc i szkoły zatem mogły by bydź wspolne w powiatach, na które *sumtu* od nich siła by przybyła, a nauczyciele umieiętni rzadko by się ich religij nalezeli. Więc i synody podczas

mogły by bywać z nimi wspólne in districtibus, na których in rebus minucioribus et odrophoris, gdzieby się im ieszcze podczas akkommodowali (jako test: obchodzenie z nimi w niektórych mieyscach swiąt wedle starego kalendarza, używanie przasnego chleba w eucharystyi i t. d.) siła by to ważyło do pozyskania ich i do zabieżenia apostazyom ich do papiezstwa teraz spospolitowanym, więc: do zachowywania oppressyi przez ludzie religij rzymskiej czynionych, ile gdy przykładem naszym, który jak widać, niektórzy już sobie smakują i seniory swieckie, którzyby *cum ipsis consilia communicarent*, między sobą postanowione mieli. Na to wszystko respekt mając, zaradzając pokojowi i bezpieczeństwu naszych kosciołow, więc tem snadniejszemu siła ludzi do prawdy poznania potargnieniu i rozszerzeniu, rozumiemy, że każdy pobożny te rzeczy wedle możności raczej promowować, niż, czego Boże uchowaj, rozpierać będzie wolał. Dz. kść. Helw. wyzn. Lukaszewicza t. 1 str. 120—123.

44. Вотъ какое свидѣтельство объ этомъ дѣлѣ приводитъ Лукашевичъ въ Dz. kosc. Helw. wyzn. t. 1, str. 134. Jerzy Rekuć uczony minister zboru ewangelickiego w Królewcu tak o niej (konfederacyi—Виленскомъ съѣздѣ) sądzi, w liscie pisanym dnia 14 października 1719 r. do Jabłonskiego: Posełam W. Panu Dobr. kopią konfederacyi Rusi z ewangelikami, którąś W. M. Pan Dobrod. sobie przysłać kazał. Wiemci ja żem ją dla W. M. Pana Dobrzieja przepisywał gdym jeszcze Berlinskie gymnazyum frekwentował: natenczas i dla siebie przepisałem i ztego ieszcze ekzemplarza każdemu potrzebniejszemu kopie udzielam. Konferując tu jednak mój ekzemplarz z samym originałem, postrzegłem, że ta confederatio est imperfecta,

bo tylko z naszych niektórzy podpisali się, a z Rusi mało kto. Do drugich podpisow tylko są spatia zostawione i wosk do pieczenci położony, ale na onych żadne imie nie zapisane, ani pieczęć przycisniona. Mojem tedy zdaniem, jesli można, tylko kopiami ludzi tych (?) kontentować, bo gdy do prezenty originału przyjdzie, wszystko razem upadnie: bo te *lacunae* «są niemylnym znakiem, iż ckatholicus consensus między niemi niebył.» Другое свидѣтельство въ такомъ же смыслѣ оставлено православными. Книга о единой вѣрѣ о Юнитахъ, глава изъ сочиненія Копытенскаго Полиподія.

45. Metropolita Michał Rohoza tyle sobie pod ostatnie życia i dostojenstwa swego lata zadawał pracy, tyle hazardow dla dobra i umocnienia unij poczynił, iż smiele twierdzić można, że trudy i *zgryzoty* na które go jako naczelnika cały ten wystawił interes smierć iego w roku 1599 przyspieszyły. Ostrow. Dz. kościoł. polsk. т. 3, стр. 200. Иначе это дѣло разсказываетъ современникъ Михаила авторъ Ѳрииоса—Мелетій Смотрицкій—обращаясь къ Поцѣю отъ лица Восточной церкви, онъ говоритъ: Wspomni synu, cosię nad bracią twoją mało przed tym stało, którzy na tej że słabej drodze (unii) byli. Nad przodkiem, mówię, twoim, ktorego się ty successorem Metropolskiego stolca być mianujesz i (z) inszymi iego i twemi spółbiskupami, którzy was i wiarą i uczynkami nasladowali. Jako powszystek czas żywota swego ustawicznym sumnienia szczypaniem zwyciężony, jawnie przed niektóremi, że są zawiedzieni wyznawali i wgłębokosc złości przyszedłszy desperowali. Ow (Михаилъ Pороза) abowiem ieszcze żywym będąc, jako umarły chodził i

smierć nagłą, desperackie głosy wypuszczając, podjął.... Ѳриносъ стр. 76.

46) Авторъ Antigrafi (изд. 1608 г.) такъ описываетъ состояніе уніятскаго духовенства: Powiedż że mi teraz (обращается къ сочинителю книги: Heresiæ Ignorancyo y Polityka popow i mieszczan bratstwa wilenskiego... книги, кажется, утраченной) czy nie jawnie się tacy między waszą odstępną sektą naydują duchowni, którzy już po poswięceniu na stan presbiterski żonę nieszlubną wziąszy y dla tego mieysca u prawowiernych utraciwszy u was nietylko mniemane kapłaństwo przy samym waszym starszym (którego niesłusznie mianujecie Metropolitem), odprawują: ale ieszcze i przełożonemi duchownemi, a nawet i wikariami jego się postawieni (кажется несомнѣнно, что здѣсь указываетъ авторъ на Сенчиловича и Заславскаго, съ которыми познакомимся вскорѣ). A że i drudzy temu podobni (opusciwszy dalsze i grubsze kraje) w samym stołecznym miescie Wilenskim nie najdują się waszyż odstępni popowie, którzy... z wtóremi żonami od podobnych sobie apostatow za dozwoleniem starszego swego sluby biorą, a wziąwszy po staremu bez żadnej przenazy odprawują. A co gorsza złoczyncy jawni y dekretami sądów głównych trybunalskich przekonani (указывается здѣсь, безъ всякаго сомнѣнія, на протодіакона Антонія Грековича, который за блудъ съ монахинею Катериною Лычанкою и бѣгство изъ монастыря братскаго осужденъ былъ виленскимъ трибуналомъ на смерть, но спасся перешедши въ унію. Это обширное дѣло полное ужаснаго скандала, напечатано отдѣльною брошюрой. Москва. 1860 г. Мы не разсказываемъ его здѣсь подробно, потому-что оно

мало имѣетъ серьезнаго значенія въ уніи: оно важно только въ томъ отношеніи, что изъ-за него потянули на судъ Поцѣя, защищавшаго Грековича, но подобныхъ случаевъ есть нѣсколько съ болѣе приличною и важною обстановкою; ихъ мы и приведемъ въ свое время). Aza u was miesca nie mają, aza tak jako i dzudzy popi u ołtarza cerkiewnego przy tymże waszym starszym nie ministrują... ta to iest węda, którą najwięcej ryb ustawicznie z ieziora cerkwi Chrystusowej ci odstępni pastyrze wyciągają, iz każdemu wszystko, co się podoba byleby ony za starsze swoje miał i posłuszeństwo im w sprawach duchownych oddawał, czynić dopuszczają. Aby każdy wiedząc to, że żadnego tak wielkiego występka, tak srogiego excessu, tak brzydkiego Bogu i ludziom grzechu nie masz któryby tym dziurawym posłuszeństwa ich płaszczykiem pokryty u nich bydź niemogł do tej wszystko pozwalającej zwieszchnosci (po zbrojeniu zwłaszcza czego kolwiek y zasłużeniu godnego zato karania) prawie oslep się udawał czego ja tu jako rzeczy wszystkim jawnej exaggerować niechcąc do drugich twoich artykułów przystępuję. Antigrafi стр. 1—2. Конечно, бывали случаи, какъ увидимъ, что и въ православіе изъ уніи возвращались люди дурные, но каждый согласится, что тогда въ православіи дурнымъ людямъ немного было радости и надежды на хорошее житье; поэтому немногіе и рѣшались на такое обратное превращеніе.

47). Акт. Зап. Рос. № № 142-143.

48) Жизнь Поцѣя, конечно въ панегирическомъ духѣ, написана прото-архимандритомъ, а потомъ Владимірскимъ и Брестскимъ епископомъ, Львомъ Кишкою. Жизнеописаніе это помѣщено при собраніи проповѣдей

Поцѣя изданныхъ тѣмъже Кишкою въ 1714 г. подъ Заглавіемъ: Kazania i Homilie Męża Bożego Hipacyusza Pocieja Metropolity Kijowskiego.

49) Мы увидимъ, что дѣйсвительно такіе кружки образовались послѣ Виленскаго съѣзда. Особенно прочный кружокъ образовался въ Вильнѣ и въ союзѣ съ нимъ въ Волынской области подъ руководствомъ одного знаменитаго прокуратора Виленскаго съѣзда подскарбія Волынскаго—Лаврентія Древинскаго и Виленскаго братства.

50) Stebelski. Żywoty ss. Parasc. i Ewfros. m. 1. Opisanie znacznieyszych awtorow ksiąg ich подъ словомъ: Pociej Hipacyusz. Собраніе правъ западно-русскихъ митрополитовъ, составленное Поцѣемъ, дополнено было и издано въ 1632 году виленскимъ троицкимъ братствомъ уніятскимъ, подъ заглавіемъ: Prawa i przywileje nadane religij greckiej w iedności z kosciołem Rzymskim będącej.

51. Эту мысль проводилъ Поцѣй въ своемъ собраніи правъ. Въ 1605 Поцѣй даже потребовалъ, чтобы судъ призналъ ее вѣрною. Извѣстно, что въ этомъ году онъ представилъ въ Виленскій магистратъ документъ о существованіи уніи въ Запад. Р. Церк. въ 1476 г. Акт. Запад. Рос. т. 4. № 164—Что Поцѣй писалъ о разныхъ предметахъ уніи гораздо ранѣе 1605 г., это видно изъ одного мѣста Перестроги», гдѣ упоминается о литературной дѣятельности его рядомъ съ другими событіями, случившимися никакъ непозже 1600 г. Акт. Запад. Рос. т. 4. № 149 стр. 225.

52) Акт. Зап. Рос. т. 4. № 143. Въ этой грамотѣ между прочимъ говорится: Што (назначеніе Поцѣя Митрополитомъ Кіевскимъ) вамъ *всѣмъ* такъ преложоннымъ духовнымъ, яко и свѣтскимъ религѣи русской людемъ

до вѣдомости черезъ сесь листъ нашъ подаючи, абы есте велебнаго отца Митрополита Ипатія за пастыря приявши и подъ послушенствомъ Костела повшехнаго римскаго, а подъ зверхностію его яко старшого пастыря будучи, всякое послушенство и учтивость ажъ до живота его отдавали, хочемъ мѣти и приказуемъ.

53) Вскорѣ мы увидимъ, что на этомъ основаніи онъ предалъ гражданской власти многихъ членовъ Виленскаго Магистрата.

54) Вотъ это описаніе: Drugiego (на полѣ Połocki Herman, въ мірѣ Григорій, бывшій протонотарій митрополита Михаила Рогозы)... mało nie przednieyszego tej waszej unij forytora sprawiedliwym sądem pańskim, jeszcze za żywota, zły duch częstokroć i przy samym nabożeństwa przezeń odprawowaniu z niezmiernym wszystkich tam będących ludzy postrachem, po cerkwi tam i siam srodze, straszliwie szukał i zaczętej przezeń liturgij (авторъ Перестроги разсказываетъ, что тоже случилось при самомъ посвященіи Григорія въ санъ епископа Акт. Зап. Рос. т. 4, № 149, стр. 209, столб. 1) aż i do samej smierci skonczyć nigdy niedopuścił. Trzeci (Piaski Hohol) jako oculati testes powiadają, ożarszy się gorzałki, z dobrą pokutą i poprawą żywota swego szyje złamał. Czwarty (Chełmski — Діонисій Збпруйскій) ieszcze przed tą apostazyą (za to, że już zostawszy władyką, przeciw swej zakonniczej regule z żoną, ale nie jak z siostrą mieszkał) w klątwę albo excomunicacią od zwierzchniego pastyrza swego będąc włożony, z takowąż, jako i wzwyż mienieni pokutą żywota swego dokonał. Piąty a ten nabliższy twoj (Поцѣя) kolega, ktory (Łucki władyka Terlecki) z tobą w

zawołanym poselstwie do Rzymu jezdził, mężobójstwem, wszeteczeństwem i innemi temu podobnemi cnotami, o których wszystek Łucki powiat bardzo dobrze wie, nie pojednokroć siebie przyozdobiwszy i jeszcze za żywota nosa na twarzy z dworskiej choroby pozbywszy za drugimi się pospieszył. Ѳрпносъ л. 76. Писано 1610 года.

55) Сочиненія и дѣйствія Поцѣя приведены въ большую извѣстность уніятскими и латинскими писателями, и мы познакомились со всѣми ими: но нигдѣ ненаходимъ извѣстій о сношеніяхъ Поцѣя съ подчиненными ему епископами. Всѣ его усилія теперь направлены были къ тому, чтобы приготовить уніи новыхъ людей. Такъ онъ выдвинулъ Іоспфа Рутскаго, Іосафата Кунцевича и другихъ.

56) Впрочемъ, заботливость Поцѣя объ этихъ епархіяхъ находила нѣкоторую поддержку въ томъ, что онъ еще до вступленія въ званіе Митрополита получилъ немало архимандрій въ свое управленіе въ разныхъ епархіяхъ. См. прим. 7. Черезъ нихъ то онъ могъ нѣсколько содѣйствовать успѣхамъ уніи въ другихъ епархіяхъ. Кромѣ того, по его внушенію дѣйствовали многіе изъ низшаго духовенства этихъ епархій и свѣтская власть.

57) Королевская грамата о назначеніи Поцѣя въ Митрополиты. Акт Зап. Рос. т. 4. № 143. 1., про то и добра вси до Митрополіи Кіевской належачые фольварки, мѣщанъ въ мѣстахъ нашихъ господарскихъ, князьскихъ, паньскихъ, и земянскихъ будучихъ, подданныхъ осѣдлыхъ, со всякою ихъ повинностью и данью, чого одно бывшые Митрополитове въ держанью были и уживали, ничего съ тыхъ добръ невыймуючи, совсимъ на все,

велебному Отцу Ипатію даемъ и симъ Листомъ нашимъ утверждаемъ.....

58) Акт. Зап. Рос. т. 4. № 14.

59) Тамъже № 142 и 143; 144 и 153. 1 и 11.

60) Synopsis — извѣстія подъ 1584, 1585 и 1591 г. О православныхъ церковныхъ братствахъ св. Флерава стр. 45-68.

61) Акт. Запад. Рос. т. 4. № № 92, 94. 98, 101.

62) Тамъ же № 142.

63) Собраніе древнихъ граматъ и актовъ городовъ: Вильна, Ковна... ч. 2. № 10.

64) О дѣятельности Парѳеновича См. Акт. Запад. Рос. № № 41, 116.

65) Тамъже № 116.

66) Акт. Запад. Гос. т. 4. слич. №№ 145 и 166.

67) Королевская грамата о назначеніи Поцѣя подписанная 26 Сентября 1599 г. а распоряженія Поцѣя противъ православныхъ писаны 24 сентября того же года. Тамъ же. Слич. № 143 и 142.

68) Тамъ же № 41, 94.

69) Тамъ же слич. № 149 стр. 225. стол. 1. № 142, 144, 145.

70) Тамъ же слич. №№ 159 и 146.

71) Synopsis подъ 1601 г. слич. Акт. Запад. Рос. т. 4. № 159.

72) Уніятскій писатель сочиненія: Relacya y uważenie postępkow niektórych około cerkwi Ruskich Wileńskich roku 1608 y 1609 г., — такъ описываетъ жизнь Самуила Сенчиловича: Сенчиловичъ, по его словамъ, родился въ Вилнѣ, растратилъ полученное отъ родителей наслѣдство, ведя жизнь раскошную и развратную: за

разныя преступленія и даже убійство былъ осужденъ на изгнаніе изъ отечества, но спасся принятіемъ монашества въ супрасльскомъ монастырѣ. Тамъ вмѣстѣ съ Архимандритомъ Массальскимъ возмущалъ иноковъ противъ Церковной власти (т. е. противъ уніи), но былъ изгнанъ оттуда патрономъ этого Монастыря (Тышкевичемъ). Тогда Сенчиновичъ обратился къ Митрополиту Поцѣю съ раскаяніемъ (т. принялъ унію), который три года держалъ его въ большой милости. Здѣсь Сенчиловичъ, говоритъ авторъ, показывалъ такое смиреніе, что всѣ дивились такой перемѣнѣ въ немъ. Temi tedy, продолжаетъ авторъ, zmyslonemi postępkami swemi tak się był wkradł w łaskę wszystkich, a osobliwie oyca Metropolity (Поцѣя), że go na stan kapłanski poswięcił, a potym Archimandrytą Wileńskim uczynił. Rozdział drugi (сочиненіе безъ означенія страницъ). Слич. Акт. Запад. Рос. т. 4, № 156. Тамъ же № 166.

73. О Варѳоломеѣ Заславскомъ тотъ же авторъ Relacyi сообщаетъ такія свѣдѣнія, тамъ же во 2 главѣ. Baltromiej Zasławski jakowego był zachowania sama relacia popow przemyslskich na urzędzie grodzkim Przemyslskim uczyniona dosyć znacznie wyswiadcza, którą ja dla wiadomosci wszystkich od słowa do słowa, jako się w sobie ma, tu położę:

Ad officium et acta przemysleń. Castrens. Capitanealia przemyslens. personaliter venientes Religiosi et Nobiles Demetrius Sidorski protopopa, alias Namiestnik, Joannes Nicolinski, Theodor Tatomir, Demetrius Burda Namiestnik Dubienski, Petrus Juriewski et Thoma praesbiteri, atque Jgnatius Diakon vicarij alias Kryłoszanae Ecclesiae Cathedralis Przemysliens. religionis et ritus graecorum. Re-

quisiti existentes de quodam popone Bartholomeo seu Vartholomeo, qui praeteritis annis Jarosławia ob scelera cum quodam femina perpetrata aufugiens, nunc Wilnae flagratur, tale testimonium pertribuerunt: Jż ten Bartłomiej malarczyk, będąc rodzic z Halicza ubogich rodzicow, którzy i teraz we Lwowie z zarobku żyją, schował się żaczkiem (zkąd teraz zaszkowskim abo żaszkowskim nazywa się), przy szkołach ruskich po różnych mieyscach, potym w Jaroslawiu przy Jakowie Grzodzie namiestniku Jarosławskim lat kilka szkołą trzymając zmieszkał i za namową y przywadem tegoż Grzody namiestnika Jarosławskiego od nieboszczyka sławnej pamięci xiędza Michała Kopystenskiego Władyki przemyslskiego bezżennym poslubiwszy dziewictwo popem postawion został. Na upewnienie wiárą i rękojemstwo zań tegoż Grzody przysięgą obudwu potwierdzone przy którym to Grzodzie w Jarosławiu rok abo kilka zmieszkawszy ten Bartłomiej popem w dziewicznym stanie, a potym siostrę rodzoną tegoz Grzody popa Jarosławskiego pannę, która już była do Lwowa zamąż zmowiona, jedno ze wespół z nim przy bracie swym tym to namiestniku Jarosławskim mieszkała, zwiodł, że od niego brzemienia dostawszy, y dziecię stracili, zaczym niemogąc tam już w Jarosławiu z nią mieszkać dłużej, uciekli oboje do Podtelicza ośm mil od Jarosławia, z diocezij władyctwa przemyslskiego i tam to u powinnych tej to zwiedzionej kryjomie pokiby ozdrowiała z mieszkawszy, zjechali na Wołyń, a ztamtąd do Wilna, o co nieboszczyk władyka przemyslski, jako krzywoprzysięzcę i zbrodnika (gdyz bez przysięgi pszczeń o zachowaniu dziewictwa uczynionej niezostał by był popem. Abonem po poswięceniu na kapłaństwo, małżeństwa kanony koscielne za-

braniają) tego Bartłomieja popa zbiega wyklął y pomienio ny Jakób' Grzoda Namiestnik Jarosławski rękojmia jego długo był wniełasce nieboszczyka oto także prędko i namiestnictwa Jarosławskiego postradał. A ten Bartłomiej bojąc się karania, które by go było nie minęło, wracać się tu i do tegó czasu niesmiał. Quod sic non aliter fieri praenominati recognoscentes sub onere conscientiae fideliter et vere recognoverunt. Act. in Carts. przemysliens. Sabbato post Dominicam exaudi proxim. Anno Dn. 1609. Этотъ Варѳоломей, подобно Сенчиловичу, обратился къ митрополиту Поцѣю, принялъ унію, понравился ему и былъ сдѣланъ въ Вильнѣ протопопомъ. Авторъ говоритъ, что объ этомъ дѣлѣ, какъ и о жизни Сенчиловича, упоминаетъ православный писатель сочиненія — Antigrafi. Дѣйствительно, мы уже видѣли (см. примѣч. 46), что этотъ авторъ явно указываетъ на этихъ людей, хотя и не называетъ ихъ по именамъ. Это то обстоятельство и побудило насъ помѣстить здѣсь это любопытное юридическое свидѣтельство.

74) Объ этихъ попыткахъ Поцѣя примирить съ собою православныхъ и объ отказѣ ему послѣднихъ глухо упоминаетъ Несторъ Козмеричъ подляшскій протоіерей въ посланіи къ православному духовенству. Акт. Запад. Рос. т. 4, № 179.

75) Справа братства виленскаго передъ судомъ трибунальнымъ 1605 г. Synopsis подъ 1605 г. Акт. Зап. Рос. т. 4, № 159. Исторію всего этого дѣла увидимъ послѣ.

76) Акт. Зап. Рос., т. 4, № 145. Изъ этого документа видно, что еще въ 1599 г., нѣкоторые изъ членовъ виленскаго магистрата стороны русской, бывшіе въ то

же время членами виленскаго православнаго братства, уже отпали и отъ православія и отъ братства, иначе они никакъ не жаловались бы Парѳеновичу намѣстнику уніятскаго монастыря на то, что Стефанъ Зизаній, братскій проповѣдникъ, остается въ Троицкомъ монастырѣ. Одинъ изъ жаловавшихся Парѳеновичу, именно — Илья Исаковичъ, находится въ спискѣ братчиковъ 1584 г. Справа виленскаго братства, стр. 30, фамилія же другаго (Григорія Ѳеодоровича), очень можетъ быть родныхъ его также встрѣчается въ томъ же спискѣ.

77) Vilno Kraszewskiego. т. 2, стр. 437—439.

78) Рутскій пришелъ къ уніи почти такимъ же путемъ, какъ и Поцѣй. Онъ происходилъ отъ благороднаго православнаго рода, вышедшаго изъ Россіи и жившаго около Новогрудка. Въ юности сперва принялъ протестантство, потомъ стараніями іезуитовъ обращенъ въ латинство. Стараніями тѣхъ же іезуитовъ отправленъ былъ для окончательнаго образованія въ Римъ, въ греко-славянскую коллегію и оказалъ такія блистательныя, по взгляду латинянъ, успѣхи, что былъ названъ атласомъ Церкви. Но римская конгрегація propagandæ fidei разсудила, что этому атласу лучше украшать уніятскую Церковь, чѣмъ латинскую, и Рутскій противъ воли долженъ былъ перейти изъ латинства въ унію и отправленъ въ Литву къ Поцѣю. Этого-то Рутскаго Поцѣй посвятилъ въ монахи и помѣстилъ въ Троицкомъ монастырѣ для устройства уніятскаго братства. Żywoty SS. Eufrozyny i Parascewij. Stebelski. T. 2, стр. 181—184. Примѣч. подъ буквою т. Описаніе Кіево-Соф. собор. стр. 153. Synopsis подъ 1608 г.

79) Вотъ какъ описываетъ все это дѣло авторъ сочиненія — Relacia... Szło im (т. е. Сенчиловичу и Заславскому, которые, по словамъ нашего автора złosliwą przyjaźń między sobą zawarli) tylko o to jakimby sposobem do tego przystąpić mogli (т. е. изгнать Рутскаго), Sienczyło Archimandryta udawać pokątnie począł przed pany Burmistrzami i innemi ludzmi, jakoby jego M. Oyciec Metropolita przemyslał o zgubie i zniszczeniu religij ich greckiej, oyca Ruckiego, którego sam wczesna postrzygał i z nim przez kilka lat żył, za łacinnika i kapłana kościoła Rzymskiego udawał, twierdząc, iż to przedsięwzięcie iego było, aby Cerkiew S-tej Troyce iezuitom podał i regułą S-tego Bazylego w Jezuicką obrócił, y tym zamysłem mieszkanie w Monastyrze S-tej Troycy zakonnikom murował, które aby do skutku swego nie przychodziło fortylami róznemi przeszkadzał... z przeciwnikami naszemi już pokątne namowy i umowy czynił i ich rady i pomocy zażywał... Rzucili się toby (Сенчиловичъ и Заславскій) do takowych złych sposobow dnia 10 Decembra (1608 r.) schadzkę potajemnie sobie w nocy w domu jednego mieszczanina Wileńskiego złożyli i tam się zszedłszy z drugiemi popami i swieckimi ludzmi bractwa wileńskiego nowej Cerkwi (Св. Духа) postanowili to naprzod wypowiedzieć solenniter posłuszeństwo Jego Mości Oycu Metropolicie potym w sequester i possessią swoją Cerkwi i skarby pobrać. Szło im tylko o monaster S-tej Troyce, gdzie Oyciec Rucki z czerncami mieszkał, skąd niemogąc go prawnie i słusznie wyrugować, gwałtem wyrzucić takim sposobem postanowili: w Niedzielę to iest 15 Decembra mieli się wszyscy zniść na jutrznią i tam według osobliwego zwyczaju na Sławosłowie albo

ad laudes mieli soborem ubrawszy się wyniść y Oyca Ruckiego z sobą zaciągnowszy, w posrod Cerkwi stanąć, ktorego Archimandryta miał, porwawszy gwaltem, pospolstwu wydać, mowiąc te slowa (które hersztom za hasło były dane) wynidz wen (won) haeretyku, niemasz tu co czynić. A te konjuracie swoje stwierdzając, szli do przeniesienia S-go Mikołaja, tamże na Ewangelij S-tej, popowie ubrawzy się w stuły, poprzysięgali.... Relacia rozdział 3.

80) Тамъ же.

81) Объ окружныхъ граматахъ виленскаго братства, къ сожалѣнію не сохранившихся, часто упоминаетъ тотъ же авторъ въ главѣ 4 и 5. Замѣчательно, что это средство предложилъ виленскій съѣздъ 1599 г. Братство значитъ слѣдовало его постановленіямъ и, какъ увидимъ, не напрасно.

82) Акт. Запад. Рос. т. 4, № 159. Исторія объ уніи Бантышъ-Каменскаго стр. 65—66. Synopsis подъ 1607 годомъ. Въ Акт. Запад. Рос. т. 4, № 128 помѣщена позывная королевская грамата Поцѣю и Терлецкому за введеніе уніи по жалобѣ пословъ волынской земли поданной еще въ 1598 г. Но въ Перестрогѣ напечатанной въ томъ же томѣ Актовъ № 149, стр. 220—221 говорится, что Поцѣй съ Терлецкимъ сами ее составили, чтобы уклониться отъ другого позва болѣе важнаго, именно позва о убійствѣ уніятами одного священника.

83) Этотъ вопросъ имѣлъ громадное значеніе въ литовско-польскомъ государствѣ и нѣкоторые даже находятъ причину паденія Польши въ томъ, что неудалось разрѣшить его справедливо. Третій и отчасти второй томъ сочиненія Koronowicza, Slowo dziejow polskich за-

ключаютъ въ себѣ обширныя изслѣдованія вопроса о роздачѣ общественныхъ должностей или что тоже общественныхъ имуществъ, соединенныхъ съ ними.

84) Бант.-Камен. стр. 66. Примѣч. ш. Synopsis подъ 1607 г. Stebalski Żywoty SS. Eufr. i Parasc. т. 2, стр. 177—178, примѣч. Ostrowski Dz. i prava Kosc. Polsk. т. 3, стр. 205—206.

85) Тамъ же.

86) Тамъ же. Стебельскій и Островскій.

87) W tym się seym przybliżał na ktory się on (Сенчиловичъ) z pomocnikami swojmi gotował, spisy strojąc i kogo mogł za sobą fortelem zdradliwym udawaniem pociągał. Częste kollekty od pospolitego człowieka pieniądze wyciągali. Universały do rożnych powiatow sobie i przedsięwzięciu swemu podobne rospisywali, któremi wiele ludzi, a zwłaszcza duchownych pobuntowali. Relacia... rozdział 3. Экзархъ кіевской митрополіи Подляшскій протопопъ Несторъ Козменичъ въ своемъ посланіи къ пинскому духовенству говоритъ, что виленскіе послы, отправлявшіеся на сеймъ въ началѣ января 1609 года, заѣзжали къ нему и что этими послами, кромѣ Сенчиловича, были: священно-инокъ отецъ Павелъ, отецъ Леонтій Священникъ Воскресенскій Виленскій, іеродіаконъ отецъ Макарій Кголимонтъ, панъ Арнольфъ Вприковскій, дворянинъ его королл милости, староста братства церковнаго виленскаго, панъ Иванъ Порошко, панъ Тимоѳей Репницкій, панъ Миколай Воронецъ, панъ Логинъ Карповичъ и другихъ немало. Акт. Зап. Рос., т. 4, № 179.

88) Бант.-Кам. стр. 66—67. Relacia rozdz. 4. Synop-

sis подъ 1609 г. Stebelski т. 3, стр. 178 примѣч. Ostrowski Dz. Kosc. Polsk., т. 3, стр. 206.

89) Тамъ же Relacia, Synopsis, Stebelski i Ostrowski. Въ собраніи польскихъ конституцій напечатано такъ, какъ хотѣли уніяты: wolno prawem czynienie przed Trybunałem compositi judicij zostawujemy. Volumina legum на польскомъ языкѣ т. 2, стр. 465.

90) A przed skończeniem seymu J. M. Oyciec Mitropolit (Поцѣй), obawiając się, aby ze złożeniem słusznym i prawnym Sięczyła Archimandrya Wilenska z jakim niebezpieczeństwem nie wacowała, uprosił u J. K. M. przywilej na to Archimandryctwo oycu Ruckiemu, który zaraz ztamtąd do Wilna odjechał, mając listy J. K. M. do uszędu mieyskiego, gdzie J. K. M. roskazować raczy, aby te cerkwie, które swawolnie popi niesłusznie z possessiej J. M. Oyca Metropolita odjęli przywrocone onemu zaś byli. Relacia rozdz. 4.

91) Relacia rozdział 5. Собраніе граматъ городовъ: Вильна, Ковна... ч. 2, № 18. — Грамата Рутскому на архимандрію Троицкую. — Тамъ же. Собраніе граматъ г. Вильна... № 19.

92) Королевскій чиновникъ отвѣчалъ собравшимся православнымъ, что во время передачи монастыря, ему никто не объявилъ протеста, что онъ свое дѣло сдѣлалъ по приказанію короля и затѣмъ уже не имѣетъ никакой власти, что православные должны оставить его въ покоѣ и искать своего дѣла законнымъ судомъ. Собраніе граматъ городовъ—Вильна, Ковна, Трокъ... ч. 2, № 18. Замѣчательно, что громадная толпа народа, окружавшая при этомъ королевскаго чиновника, раздраженная до крайности беззаконными дѣйствіями унiятовъ и само-

го короля, спокойно выслушала объясненіе этого чиновника и не сдѣлала ему никакого насилія, на которое онъ не премянулъ бы указать въ своемъ вводномъ (письмѣ) листѣ, въ которомъ самъ разсказываетъ все это дѣло.

93) A gdy Oyciec Rucki z Warszawy jeszcze przed skonczeniem seymu do Wilna przyjechał y wziąwszy przez Dworzanina J. K. M. w possessią M. S. Tróyce, listy one J. Kr. M. (т. е. грамоту о назначеніи Рутскаго архимандритомъ Троицкаго монастыря и о подчиненіи ему Виленскихъ церквей) na urzędźie oddał, prosząc, aby wedlug roskazania J. K. M. execucja bez odwłoki była czyniona, Panowie Burmistszowie roczni Lawice Ruskiej to jest niejaki Jwan Tupieka a Jzak Kononowicz, będąc teyże hordy bratczykami lekce sobie te listy i roskazanie J. Kr. M. poważyli, bo je nieuważnie po stole pomykając, swoje jakieś na pargaminie pisane (граматы на патронатство над Троицкимъ монастыремъ) nad nie przekładali, a zatym respons na nie od dnia do dnia odkładali, praktyki stroili, przed pospolstwem je czytali, obciążając na pana (короля), iż zatym wielkie krzywdy ponosili i tak lud pospolity wzruszywszy onego dnia, którego respons dawać mieli, przyść na ratusz kazali, który z wielkim tumultem przyszedł i znieważeniem urzędu mieysca J. K. M. Abowiem do izby radzieckiej cisnąc się, u drzwi zawiasy wyłamali i do niej się wdarli, gdzie okrzyk uczyniwszy, cerkwie aby niebyły w possessią Jego Mosci Oyca Metropolity wydawane wołali: Et ex procacitate ingenij (Tacit. libr. 11)?!, która iest jako choroba wrodzona molochu (еще бы...) siła mowili. A panowie Burmistrzowie oto nie niedbali i owszem im w tym pobłażali, nawet smieli to wyrzec: dał się (prawi) znać Gdansk królowii

w Wilnie toż mu się dostać może (передъ тѣмъ было страшное возмущеніе въ Берлинѣ (Гданскѣ) противъ Сигизмунда III за его ревность къ Латинству и преслѣдованіе протестантовъ). Taki to iest (замѣчаетъ авторъ) duch pokory tej bezecnej sekty (т. е. православныхъ)?!! Relacia rodział 5.

94) A Sieneczyło z drużyną swoją do Wilna po seymie przyjechawszy, do buntow i sedycij się zwykłej rzucili, abowiem pozwał y Jego mość oyca Metropolitę także i oyca Ruckiego do Tribunału głownego swieckiego przeciwko prawu w statucie (rozdz. 3. artk. 32) i w konstytucij (1609 r) opisanemu, jakoby mu mieli monaster S. Tróyce gwałtem odjąć, a zatym mieli popaść w winę w konstytucij seymu niedawno przeszłego opisaną. Jnterim na jawne znieważenie starszeństwa od Boga y J. K. M. podanego, nic niedbając na klątwę pastyrza swego publice nie z zwykłą pompą służbę Bożą y inne cerkiewne ceremonie smiał odprawować, to iest ubrawszy się w koronę Arcybiscupią y z pastorałem processią stroił (трудно рѣшить былъ ли Сенчиловичъ просто въ облаченіи Архимандричьемъ или онъ въ самомъ дѣлѣ надѣлъ Архіепископскую митру съ крестикомъ на верху и бралъ Архіерейскій посохъ — хранившіеся при соборѣ и, какъ видно, вмѣстѣ съ другими вещами перешедшіе тогда во владѣніе православныхъ), wszystko lekce sobie ważąc i owszem hardzie pogrożki krwie rozlaniem strojąc pospolstwo pobudzał.... Relacia rozdział 5.

95) Тамъ же.

96) Тамъ же rozdział 6. Этотъ судъ и въ особенности пунктъ обвиненія Тупеки и Кононовича очень замѣчательны. Вотъ какъ описываетъ это дѣло извѣстный

намъ уже авторъ Relacii. Dwa rayce Jwan Tupieka i Jzak Kononowicz przed J. K. Mość przez Justygatora byli pozwani in crimine lesae Majestatis. A punckta, na które się powinni byli sprawić te im były podane, które ja tu położę, aby każdy obaczyć mogł, iż nie dla religij (jako oni т. е. православные — zbrodnię pokrywając smieją udawać)?!!, ale dla tych przyczyn, które swą wolą i rebelią pachną.

Punct 1. Seditiones, tumultus, rebelliones et illiciata conventicula czynili.

2. Decreta, privilegia, mandata J. K. M. iedne znieważali, a drugie supprimowali.

3. Do tribunału na zniesienie zwierzchnosci J. K. M. et privilegiorum tum et decretorum actiones moverunt et conjurationes eorum obtinerunt.

4. Fide fragos, excommunicatos et bannitos fovent et protegunt.

5. Litteras S. Regis M (ajestatis) actis civilibus publice inglossari non premiserunt Magistratumque civilem tunc temporis dishonorarunt.

6. Daninem i listom J. K. M. przyganiali.

7. Mandaty króla J. M. po różnych niezwykłych mieyscach z ratuszu one wziąwszy do wykładu tumultantibus donosili.

8. Gdańsk J. K. M. exprobrowali, a zatym Wilnem grozili.... A mianowicie iż niejakiego paroszka (священника — уменьшительное отъ paroch) z tamtego bractwa Wilenskiego buntownika wysłali na granice Moskiewskie, uskarżając się i kłamliwie udając, jakoby J. K. M. miał następować gwałtem na sumnienia i religią ich (обстоятельство тогда очень щекотливое, потому что Сигизъ

мундъ въ это время хлопоталъ о престолѣ Московскомъ). Po tych dowodach do Justygatora wniesionych w tajemnej radzie czytany był ow rotuł zamkniony Burmistrzow Wileńskich przed J. K. M. z tych wszystkich dowodów i skrutyniej reos perduellionis et criminis laesae majestatis J. K. M. onych dwóch pomienionych Burmistrzow sprawiedliwym wyrokiem swoim osądzić raczył... rozdział 6.

97) Сперва отняли каѳедральную митрополичью церковь Пречистенскую. Тамъ же rozdział 6. Odbieranie innych cerkwi na inszy czas odłożywszy dla pewnych przyczyn, a osobliwie dla tego, że snać ow Bartłomiej (Заславскій) bywszy protopopa na to się wsadził, aby jaki tumult przy odbieraniu cerkwie przeniesienia s. Mikołaja, gdzie i sam do tego czasu mieszkał i skarby cerkiewne chowane były, nie wszczął: na co się był dobrze przygotował.... i tak hardzie ten bezecny człowiek przy tej cerkwi ostać myślił, że też onego cudownego obrazu panny Naswiętszej (który tam na ten czas w skarbie chowany był) wydać panom Burmistrzom niedopuścił, aby J. K. Mość z królową iej mością i z królewiczem u S. Troyce (gdzie był i dla przysłuchania się nabożeństwu Ruskiemu, a osobliwie dla niego przyjechać raczył) widzieć mogł?! Тамъ же roz. 7.— Какъ не благодарить автора за эту наивную откровенность, такъ дивно разъясняющую дѣло, которую онъ дозволилъ себѣ, безъ сомнѣнія, въ томъ предположеніи, что читатели его — незлобивыя дѣти, которые такъ и повѣрятъ благочестію Сигизмунда. — Potym dnia 9 Augusta znowu J. Kr. M. zesłać zaczył tegoż dworzanina (Сенковскаго), który insze cerkwie w sequestr swój wziowszy dnia 11

Augusta Jego M. Oycu Matropolicie w pierwszą possessią oddał; skarby wszystkie panom Burmistrzom rewidować i zrejestrować roskazał, króre na ten czas w cerkwi przeniesienia S. Mikołaja do czasu słusznego schowane były.... Тамъ же. Значитъ и Варѳоломей оттуда былъ изгнанъ и все перешло въ руки Поцѣя.

98) Мѣщанинъ этотъ назывался Иванъ Тупека. Безъ всякаго сомнѣнія это тотъ самый Иванъ Тупека бурмистръ, котораго осудилъ королевскій судъ. Замѣчательно, что ни одинъ изъ уніятскихъ писателей нехочетъ знать, кто былъ убійца. — Они недаромъ скрывали это. Имъ, какъ и королевскому суду никакъ нехотѣлось видѣтъ въ дѣйствіяхъ людей подобныхъ Тупекѣ связи съ дѣлами религіозными — съ тѣмъ гоненіемъ, какому Поцѣй подвергъ православныхъ.

99) Relacia Rozdz. 7.

100) Тамъ же.

101) Братство начало строить Церковь Св. Духа съ цѣлію помѣститься при ней еще въ 1596 г. Акт. Запад. Рос. т. 4. № 101. Впрочемъ до 1609 года несоставляло Троицкаго Монастыря и только въ этомъ году окончательно утвердилось при Духовскомъ монастырѣ. Собр. грам. Вил. т. 2. №№ 23 и 24. Prawa i przywileje.... изд. 1632 г. стр. 42—50.

102) Тамъ же Собраніе граматъ г. Вильны...

103) Тамъ же.

104) Акт. Запад. Рос. т. 4. № 185 и 176.

105) Stebelski żywoty SS. Ewfroz. i Parascewij, т. 2, стр. 180 прим̃ч.

106) Актъ Виленскаго съѣзда 1599 см. выше прим. 41.

107) О церковныхъ братствахъ свящ. Флерова. Въ

этомъ сочиненіи, какъ мы уже упоминали въ первомъ томѣ, собрано немало свѣденій о братствахъ изъ общедоступныхъ источниковъ.

108) Особенно много было такихъ братствъ въ Галицкой области. Акт. Запад. Рос. Лѣт. Льв. Братст. подъ 1590—1 г. Акт. Зап. Рос. т. 4, № 48.

109) Справа Виленскаго братства стр. 29-40; Памятн. Кіевск. Ком. т. 1. 1. № 1, т. 2. 1. № XII.

110) Акты Запад. Рос. т. 4. № 146.

111) Тамъже № 179.

112) Акт. Запад. Рос. т. 4. № 146. Лѣтопись Львовскаго братства. Опис. Кіев. Соф. Соб. стр. 152.

113) Акты Запад. Рос. т. 4. № 169.

114) Описаніе Кіев. соф. Собор. стр. 154.

115) Галицкій Епископъ Іеремія Тисаровскій рукоположенъ по порученію Константинопольскаго патріарха Валахскимъ Митрополитомъ. Weryficacia niewinności стр. 15. Опреслѣдованіяхъ Тисаровскаго. Акт. Запад. Рос. т. 4. № 174, 176.

116) Wiara prawosławna... Kuleszy стр. 262—263. Dz. Kos. Polsk. Ostrowski т. 3, стр. 208.

117) Hierarchia—Dubowicza стр. 155. Żywoty SS. Ewfroz. i Parasc. т. 2, стр. 181, 184, 191.

118) Дѣло Архива бывшей уніятской коллегіи № 4. Мы приведемъ этотъ памятникъ въ 3 томѣ нашихъ изслѣдованій.

119) Описаніе Кіево-Соф. Собор. стр. 153. Synopsis подъ 1614.

120) Кулеша разсказываетъ, что когда Рутскій въ Нѣсвижской Іезуитской школѣ готовился къ принятію монашества, что могло быть никакъ не позже 1605 г. то

Богъ открылъ ему, что его преемникъ на митрополичьей каѳедрѣ уніятской будетъ Рафаилъ Корсакъ. Wiara praw. стр. 252—263. Вотъ какъ далеко простиралось предвѣденіе Рутскаго.

121) Какъ смѣло православные относились къ Рутскому это видно изъ того, что какъ только онъ объявилъ себя митрополитомъ, по выраженію автора Синопсиса, и въ 1614 году пріѣхалъ въ Вильно, чтобы вступить въ управленіе митрополичьею каѳедрою, то со всѣхъ сторонъ въ Польшѣ и Литвѣ посыпались протестаціи противъ незаконнаго вступленія его на митрополію, или какъ говоритъ указанный нами авторъ, przeciwko niesłusznemu najazdowi J. M-ci. Synopsis подъ 1614 г.

122) Relacia i uważenie postępkow... rozdział 6.

123) Уніятскіе и Латинскіе писатели, разумѣется, даютъ совсѣмъ другой видъ этому дѣлу. Представляя вездѣ унію страдающею отъ православныхъ, они говорятъ объ этомъ времени, что послѣ нападенія Тупеки на Поцѣя, король Сигизмундъ розослалъ по всему государству строжайшія предписанія, чтобы вездѣ сохранялось спокойствіе и что поэтому Рутскій въ первое время своего правленія пользовался кой-какимъ (siakimtakim) спокойствіемъ. Steb. т. 2. стр. 184. Ostrowski т. 3. стр. 207.

124) Левъ Кревза такъ описываетъ это дѣло: Niektóre zacne osoby, pragnący zgody między nami w religij greckiej rozróżnionemi т. е. между уніями и православными, potrzebowały po nas, żebyśmy sami z sobą w miłości braterskiej, na iedno się miejsce zszedłszy o uspokojeniu zobopólnym mowili i acz druga strona (православные) zrazu na toż przypadała, do rozmów jednak braterskich (nie z

naszej przyczyny) nieprzyszło. Lecz iż się już było na to zaniosło, chcąc, żeby tak słusznemu takich ludzi żądaniu z naszej pzynajmniej strony jakkolwiek wygodziło... naznaczylismy dzień pewny, miejsce i czas, na który zaprosiliśmy ludzi zacnych w Wilnie pod ten czas będących tak z naszej strony, jako i przeciwnej, którzy widząc rzecz słuszną przybyli i łaskawie słuchali, widzieli też księgi słowienskim ięzykiem częścią pisane, częścią drukowane z których samych łacinskiego i greckiego ięzyka na ten czas xiąg zaniechawszy, wszystkiegośmy dowodzili. Obrona jednosci Cerkiewnej przedmowa. Авторъ сочиненія Examen Obrony Weryfikacij описываетъ тоже дѣло гораздо ясиѣе, онъ говоритъ: przed trzema laty (сочиненіе писано 1621 г. диспутъ былъ 1617 г.) za pracą i usilnym staraniem J. W. X. Biskupa Wilenskiego (т. е. Латинскаго, которымъ тогда былъ Евстафій Волловичъ (Wilno. Krasz т. 2. стр. 506 — 507.) już przyszło było do tego, żeście wy sami (авторъ обращается къ Виленскому православному братству) pozwolili o tych różnicach naszych mówić z nami i pewny czas już był naznaczony i ludzie zacni i przodkujący u was stanu swieckiego już sie skłonili byli do słuchania nas z sobą mowiących, tameście się ze wszystkiemi trudnosciami swemi wywarli byli, które wam według zdania waszego wstręt czynili, j zatoż J. M. X. Biskup wszystko czynił, jakoscie sami chcieli, miejsce i czas jakiscie sami obrali, duchownych nabożeństwa Rzymskiego niemiało być nikogo oprocz J. M. samego ze dwiema duchownemi i to nie jako dysputujących, albo informujących, lubo też to dyrygujących jeno mere słuchających, a w żadną się rzecz nie wstępujących, z swieckich nabożeństwa Rzymskiego żaden nie miał być,

jeno którego byście wy sami przypuscić chcieli, by i upewnienie dać tego J. M. X. (biskup) gotow był na pismie, sbierzcie się jeno z pamięcią, a przyznaycie, jak się Boga boicie, jesli nie tak było, zapomnieć niemogliście, bo trzy lata temu, i jużescie się ukontentowali byli, czekaliscie z nami pospołu dwóch niedziel od siebie naznaczonych, już to tam i sędziego i o pozwolenie patryarsze koniec był. Lecz jako wy w sprawach swoich jestescie niestawiczni i odmienni i lekkomyslni, tak i w słowach, trzema dniami przed tą dysputacią przysłaliscie do J. M. xiędza Biskupa, wymawiając się z tej zobopulnej z nami rozmowy, na którą juz zjechali się byli niektórzy ludzie zacni nabożeństwa naszego. A co się tam powiedziało, o sędziego (o którego trudność czynicie) i tu się krociuchno namieni, że dysputacici sędziego niepotrzebują, ieno słuchaczow, dekretow tam żadnych nie piszą, ani ich publikują, niemasz tam aktora, reum i inszych sądowi należących okolicznsci (стр. 40—41).

125) Весь этотъ предметъ подробно будетъ разсмотрѣнъ нами въ 3-мъ томѣ нашихъ изслѣдованій. Здѣсь мы только слегка его касаемся, на сколько это нужно для объясненія исторіи распространенія уніи.

126) Акт. Запад. Рос. т. 4, № 189. Это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ документовъ уніятскихъ, совершенно ошибочно приписанный издателями Актовъ Зап. Россіи православнымъ. Не православные, а уніаты просятъ здѣсь Рутскаго не смѣшивать ихъ вѣры съ латинствомъ и ихъ самихъ съ латинянами. Въ этомъ убѣдится каждый, кто прочитаетъ этотъ документъ. Мы приведемъ его въ своемъ мѣстѣ.

127) Архивъ бывшей уніятской коллегіи дѣло № 4.

Здѣсь провинціалъ брестской епископіи Антоній Тупальскій, въ послѣдствіи протопресвитеръ и предсѣдатель виленской православной консисторіи, въ прошеніи на высочайшее имя (1809 г.) по дѣлу о возстановленіи литовской митрополіи прекрасно разсказываетъ исторію такъ называемыхъ каѳедральныхъ капитулъ первоначальныхъ, ихъ отношеній къ епископамъ и ослабленія ихъ епископами въ пользу Базиліанскаго ордена, начиная со временъ Рутскаго. Къ сожалѣнію, приложенные было при этомъ прошеніи документы взяты были Тупальскимъ назадъ и куда дѣвались—неизвѣстно. Этотъ замѣчательный памятникъ мы напечатаемъ при третьемъ томѣ нашихъ изслѣдованій.

128) Stebelski т. 2, стр. 184—185. Ostrowski т. 3, стр. 207—208.

129) Stebelski тамъ же стр. 185 говоритъ: Takowa opatrzność Rutskiego nad zakonem obraziła srodze żwawych nieunitow, a zwłaszcza kozakow ukrainskich z starszyną swoją...

130) Obraz Litwy Jaroszewicza т. 3, стр. 62—70.

131) Тамъ же §§ 39—42. Historya szkoł w koronie i w W. X. Lit. т. 1, стр. 232—272.

132) Obr. Litw. Jaroszew. т. 3, стр. 39, прим. 107.

133) Собраніе грамотъ Минскихъ № 62.

134) Prawa i przywileje w unij będącym nadane стр. 65.

135) Собраніе грамотъ г. Минска №№ 46, 77, 48, 55, 58, 59, 60.

136) Weryficacia niewinności л. 4.

137) ....przy tym tak wysokiego dostojenstwa zacnym patryarsze (Θεοτιμѣ) był od oyca naszego patriarchi Kon-

stantynopolskiego (Тимоѳея) legat albo exarcha mąż wielkich cnot i dostojenstwa Arseniusz wielki archimandryta wielkiej cerkwie. Weryfikatia л. 5.

138) List przewielebnego oyca Timothea patryarchi Konstantynopolskiego dany przewielebnemu oycu Theophanowi patryarsze Jerozolimskiemu gdy do Moskwy jechał (грамата эта помѣщена въ Werifikacij сперва на греческомъ языкѣ, а потомъ въ польскомъ переводѣ. Мы приводимъ послѣдній, какъ болѣе доступный читающей публикѣ). Przeoswiecomym metropolitom i hipertimom (достопочтеннымъ), Boga miłującym Archiepiskopom i Episkopom w Duchu Sw. umiłowanej Braci, których ten list nasz dójdzie, łaska wam, pokoj i miłość od Boga Wszechmogącego. Przebłogosławienszy i naswiętszy patryarcha Jerosolimski kir Theophan w Swiętym Duchu miły brat i spolsłużyciel pokornosci naszej, mając potrzebę, jedzie do ziemi Moskiewskiej: zaczym do którego kolwiek z was błahoczestiwych przejazdem tym przybędzie, wzywać wielebność jego i używać będziecie do odprawowania Boskiej liturgij do błogosławienia was i oswięcenia: powinni będąc z wszelką chęcią i uczciwoscią Wielebność jego przyjmować i wszelkimi dostatkami opatrywać nieodmównie, jak tego któremu, jako po nas kanony cerkiewne i sama przystojność mieć chciała, swiętości cerkiewne i wszelkie archiereyskie Sprawy w naszych eparchiach odprawować pozwoliliśmy: i gdzie by się kto przeciwnym i nieposłusznym temu okazał jakim że kolwiek sposobem, każdy takowy pod należne karanie cerkiewne podpada. Co aby się inaczej nie działo oznajmujemy wam. Zatym łaska Pana naszego Jezusa Christusa niech będzie z wami. Amen.

Z Konstantynopola roku od Stworzenia swiata 7126 (1618) Indicta 1, miesiąca kwietnia. Werificacia л. 16.

139) Jakóba Sobieskiego pamiętnik woyny chocimskiej стр. 2—7, изд. Вольфа 1854 г.

140) Истор. уніи Бант.-Каменск. стр. 70.

141) Ист. Росс. Солов. т. X, 92—93.

142) Истор. Малорос. Марк. т. 1, стр. 113.

143) Weryficacia niewinności л. 55.

144) Werificacia niewinności л. 4.

145) List do zakonnikow Monastera cerkwi s. Ducha Wilenskiego na ich przedmowę w Werylikacij.... изд. 1621. отр- 14.

146) Miscell. rer. Eccl. Alb. Kojał. стр. 55. Wiera prawosławna Kuleszy стр. 121. punkt 2 и 3.

147) Исторія Ун. Бант.-Кам. стр. 73.

148) Тамъ же стр. 76 — 77. Miscell. Kojał. стр. 55; List do zakonnikow Monastera s. Ducha стр. 14 — 15.

149) Исторія Ун. Бан.-Кам. стр. 68.

150) Король Сигизмундъ писалъ письмо лично къ Патріарху и универсалъ къ жителямъ воеводствъ волынскаго и украинскихъ; гетманъ Жолкевскій двѣ граматы: одну къ жителямъ Украйны, другую къ войту, бурмистрамъ и радцамъ города Кіева, писали также письма къ Патріарху Ѳеофану Епископъ Латинскій Луцкій Андрей Липскій, бывшій тогда подканцлеромъ, и князь Збаражскій. Всѣ эти письма напечатаны въ Weryficatii 1621 г. и произвели сильный скандалъ для польскаго правительства и латинянъ. За это авторъ Listu do zakonnikow Monastera s. Dusha ужасно сердится на автора Weryficatij. List do zakonnikow стр. 2. Выписываемъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ:

1. Kopia listu Króla J. M. do swiętego Oyca Patryarchi Jerozolimskiego.

Wielebny w Chrystusie oycze pobożnie nam miły: gdyśmy wzięli wiadomość o przybyciu Wielebnosci waszej do państw królewstwa naszego, nie inszym przedsięwzięciem przybyłą owdzie Wielebność waszą rozumieliśmy, tylko aby skromnie i spokoynie to co było jego przedsięwzięciem odprawował. Aczkolwiek różnych różne głosy o tym Wielebnosci waszej przybyciu do nas donoszone były, jednak wagi takiej u nas niebyły, aby jakie o Wielebnosci waszej podeyrzenie przeciwne u nas zrodzić mogły, ale raczej tak długo czekać postanowiliśmy, abysmy co pewniejszego o przedsięwzięciu Wielebnosci waszej poznali. Co iz już z listu Wielebnosci Waszej (къ сожалѣнію письма этого пѣтъ въ извѣстныхъ намъ источникахъ), jakośmy i mniemali, jawno wiedzieć się daje: łagodnie to znosimy, że Wielebność Wasza pod ten czas w państwach naszych mieszkał. A rozumiemy, że wszystkie Wielebności Waszej sprawy, co też i same jego powołanie wyciągać zdasię, do niczego się inszego tylko do spokoyności i pokoju zaciągają. Dla czego wszystko to, o co nas Wielebność Wasza prosi, łaskawie Wielebności Waszej pozwalamy i komornikowi naszemu przez list roskazaliśmy, aby wielebność waszą przez te mieysca któremi ona drogą wziąść ma, dla bezpieczeństwa prowadził. Aczkolwiek nie od rzeczy wielebność wasza uczynić zdałbysię, jesliby też do dworu naszego wstąpił i nas przytomnoscią swą nawiedził. Ale jesli się to wielebnosci waszej uczynić będzie zdało, sam to pilniej niech uważy. Zatym dobrze i szczęśliwie niech się ma Wielebność wasza. 1 Augusta 1620 r.

2. List hetmana koronnego Żołkiewskiego do obywatelow ukrainskich, wołynskich i podolskich pisany.

Oznaymujemy komu wiedzieć należy, iż Jego Królewska Mść posyłać raczy p. Poczanowskiego komornika swego, dla przeprowadzenia patryarchi Jerozolimskiego, żeby go do Kamieńca, albo gdzie kolwiek przeprowadził. Przeto wiedząc o tym, kędykolwiekby Patryarchę tego prześcignął, żebyście wasza Mść pomocnemi bybi do wczesnego przeprowadzenia onego, jako uczciwego i zacnego człowieka, w poszanowaniu przystoynym wszędzie mieli, «gdyż nie mało natym» Rzeczypospolitej pod tym zwłaszcza czasem, kiedy którzy woynę przeciw Państwu rzeczypospolitej obracają, należy: aby patryarcha ten zacny człowiek swobodny i bezpieczny przez państwa Rzeczypospolitej miał przejazd. Data z Żołkwie dnia 5 Maja roku 1620.

3. Kopia listu przewielebnego J. M. Xiędza Biskupa Luckiego Podkanclerzego koronnego do s. oyca Patryarchi pisanego.

Wziąwszy wiadomość z pisania do mnie danego o bytnosci wielebności waszej w panstwach J. Kr. M. cieszę się z tego, życząc, aby to było ku dobremu wszystkiego Chrzescianstwa. Czerncow ktarycheś wasza wielebność do króla J. M. wyprawił, miłosciwy przystęp i prędką u J. Kr. M. zjednałem odprawę, jako to wielebność wasza z niehże samych wyrozumiesz. A iż wtej mierze komornikowi J. K. M. dana jest dostateczna informacia, dla tego na ten czas na one referując się, zalecamsię modlitwom wielebnosci waszej i chęciom pszyjacielskim, Pana Boga przy tym prosząc, aby On sam łaską i błogosławięnstwem

swym wspierał pias intentiones wieleb. waszej i dobrym zdrowiem posilał: z Warszawy dnia 1 Augusta 1620 r.

151) Weryfic. niewin. стр. 17 — 18; Stebelski T. I. стр. 185 — 187. Описаніе Кіево-Соф. Собора стр. 156. Въ уніятскихъ источникахъ о посвященіи Патріархомъ Θеофаномъ Западно-Русскихъ іерарховъ находится одно странное извѣстіе, именно они говорятъ, что Патріархъ посвящалъ этихъ іерарховъ (т. е. собственно перваго изъ нихъ Іова Борецкаго или кого другого изъ Епископовъ) одинъ, неимѣя при себѣ никого въ Епископскомъ санѣ. Kulesza wiera praw. стр. 223. punkt. 7. Не потому ли православные ожидали пріѣзда Іосафата Кунцевича къ Патріарху въ Кіевъ ко времени посвященія? Впрочемъ, мы ничего тутъ вѣрнаго неможемъ сказать: дѣло это совершенно темное.

152) Weryficat. л. 17.

153) Вотъ еще письмо Сигизмунда къ Патріарху писанное въ 1620 году, уже послѣ посвященія западнорусскихъ іерарховъ. Wielebny pobożnie nam miły. Przed kilka miesięcy daliśmy list nasz do wielebności waszej, przez który ochotnie żądaniu wielebnosci waszej złożyliśmy: i dla tej samej przyczyny komornika naszego, aby wielebność wasza tym bezpieczniej przez królewstwa naszego państwa pożądany przejazd otrzymał, do wielebnosci waszej posłaliśmy byli. Lecz iż inaczej zamysł wielebnosci waszej padł i success inszy, niż któregośmy pożądali i na który wszystko chrzescianstwo oczekiwało, w Wołoszech woysko odniosło (тогда войско польское поражено было Турками подъ Цецорой): co woli Bożej polecamy. Naprzeciw pospolitego jednak tego, wszystkiego chrzescianstwa nieprzyjaciela, żeby się z zwycięstwa nie

nadymał, takie woysko zbierzemy, którymby za pomocą Bożą najazdom jego wstręt uczynić się mogł: jakoż i teraz zaraz wóysku naszemu zaporoskiemu naprzeciw tego pospolitego nieprzyjaciela jako nayrychlej wyciągnąć i w oczy mu stanąć roskazaliśmy. Zleciliśmy też posłowi naszemu, aby wielebność waszą nawiedził i to imieniem naszym przełożył, aby wielebność wasza wiedząc, że nietylko o nasze królestwa, ale i o wszystko chrześciaństwo idzie, «wóysku temu do tego przyczyną był», aby woli naszej powolnym i posłusznym się stawiło. W której sprawie obszerniej z wielebnością waszą posłowi naszemu urodzonemu Bołtromiejowi Obałkowskiemu mówić zleciliśmy. Któremu wielebność wasza wiarę zupełną dasz i w tym wszystkim do woli się naszej jako nażyczliwiej skłonisz. 10 Listopada (ноября) 1620 r. Weryfikatia изд. 2-е л. второй вставной послѣ 28.

154) Въ граматѣ къ казакамъ Патріархъ говоритъ: tą ochotą y znakomitą posługą waszą (полякамъ) łacno od przenayjaśnieyszego krola pana waszego otrzymacie że tą podniesioną przez nas w S. cerkwi waszey Ruskiey hierarchią, Mitropolita mówiemy i Episkopow na mieysce od S. Konstantynopolskiey Stolice odpadłych, od nas poświęconych konsensem swym królewskim y przywileymi zmocni y obwaruje... Weryfic: 2-й вставной листъ послѣ 28.

155) Съ этою цѣлію написано: Sowita wina, Examen Obrony (т. е. Weryfikacii) i List do zakonnikow monastyra S. Ducha. Все это писано въ 1621 г.

156) Miscell. Alb. Kojałow. стр. 56; Истор. Уп. Бан. Кам. стр. 74, Опис. Кіев. Соф Соб. стр. 157. Мы имѣ-

емъ нѣсколько рукописныхъ универсаловъ Сигизмунда въ этомъ родѣ.

157) Всѣ, указанные нами въ 155 примѣч. обличительныя сочиненія адресованы къ Виленскому братству. Авторъ Synopsis-a подъ 1621 г. говоритъ, что въ Вильнѣ въ этомъ году были ужасныя преслѣдованія.

158) Wilno. Krasz. т. 1, 346—347.

159) List do zakonn. стр. 18.

160) Братство Виленское писало извѣстную уже намъ Weryficatia niewinności; Митрополитъ Іовъ издалъ Justificatia niewinności и отправилъ ее къ королю. Смотрицкій говоритъ въ своемъ Paraenesis, что онъ писалъ оба эти сочиненія. Сущность этихъ сочиненій прекрасно выражена въ слѣдующемъ оправданіи Мелетія Смотрицкаго, писаннаго Льву Сапѣгѣ. Вотъ оно: Starszy naszego monastera, pobożnie zeszły przodek mój Archimandryt Wileński (Леонтій Карповичъ) z nami bracią swą w zawartej zgodzie to miał, nić do tego męża, który patryarchą Ierozolimskim był głoszony nie pisać ani się komu z nim z naszych widzieć, ażby się o nim coby racz był, zkąd wiedzieć dało, zkąd o ludziach uznanie w oyczyznie naszej pochodzić zwykło: y tak się działo, że od srzodopościa roku przeszłego (1620), o którym czasie ten mąż do państw króla J. M. przybył aż do Panny Maryj Zielnej (до Успѣнія) niemal, namowiona rzecz w swym zawarciu zostawała: o którym czasie listy króla J. M. do tego męża i do obywatelow wołynskich i ukrainskich pisane, aktykowane nas doszły, które nam jako poszanowne z wyraznym Jerozolimskiego Patryarchowstwa otytułowaniem, jazdy do niego bezpieczność otworzyły y przyczynę dały (których autographa przy oycu Boreckim

i teraz zostawać rozumiem) gdzie żeśmy i o poswięceniu, za wielką, wielu duchownych i swieckich na znamienitą zaśnienia Panuy naswiętszej uroczystość do Kijowa zewsząd przybyłych ludzi instancią, ważyli się. Jle do osoby jego, za takiego go rozumieć, jakim go król J. M. pan nasz M. i inszy wielcy senatorowie koronni duchowni i swieccy rozumieć przez listy swe podali, uczyniliśmy to: ile zaś do osob naszych, upewniało poglądanie na osoby duchowne Episcopy i Archiepiscopy, którzy z cudzych strón do państw króla J. M. przyby(wa)li, w Cerkwi naszej to, co ich dostojenstwo nosiło, obchodzili po wszystkie te czasy bezpiecznie, lecz żadnych głosow obrazy majestatu króla J. M. tak od nich, jako i od tych, w czyich majetnosciach żyli i podziś dzień żyją, (niebyło). Gdyżesmy i my od oyca Patriarchi to tylko wzięli, co on nam dać mogł: na jus patronatus podawania beneficij, które w zupełnej króla J. M. w władzy zostają, nie tylko dziełem, ale i myślą targnąć się, ni ważyćsię, z sobą postanowiwszy i przyrzekszy, czekać chcąc cierpliwie na łaskę Boga Wszechmogącego i na miłosciwą łaskę i obietnicę J. Kr. Mści na seymie roku 1609 uczynioną i na tym przeszłym (1620) reassumowaną, w pokoju bez żadnych buntow i sedycij na iawi, nie pokątnie w państwach J. Kr. M. żyjąc. A co się tknie praw cerkiewnych i te są w swej całości zachowane, które tegdy gwałt i łamaninę w tej sprawie odnosiłyby, gdyby się to nad wiadomość i wolę zwierzchniego naszego pasterza Patryarchi Konstantynopolskiego było uczyniło. Ale ten umyślnie jemu w tym zupełną władzę swą zleciwszy i legata swego, albo exarchę męża wielkiego przy nim zesłał, aby z osoby jego w tej tu Rossyiskiej — z kanonow cerkiewnych... i

z starożytnych praw iprzywilejow od królow Jch M. przodkow króla J. M. y od samego szczęsliwie nam teraz panującego Kr. J. M. nadanych, jemu należącej Diocezii bezpieczniej ile do praw duchownych i swobodniej y z większym temu od nas wiary daniem sprawował to, co by na urzędzie go należało. Co, że się za takim Konstantynopolskiego potryarchi zezwoleniem przez Patryarchę Jerozolimskiego prawidlnie stać mogło: poswięcenie terazniejszego Wielebnego w Bogu oyca Władyki Lwowskiego (Іеремія Шкаровскаго) swieższym przykładem, który za zezwoleniem Patryarchi Konstantynopolskiego od Metropolita Wołoskiego (który do państw tuteyszych tak wiele prawa ma, jako Patryarcha Jerozolimski) poswięcenie wziąwszy zakonnie postanowionym Episkopem zostawa. Weryficatia стр. 13—15.

161) Опис. Кіев. Соф. Соб. и іер. стр. 159.

162) Тамъ же стр. 157.

163) Посьмо Сапѣги къ Кунцевичу. Истор. Ун. Бап. Кам. стр. 83.

164) Supplicatia do przeoswieconego y jasnie wielmożnego przezacnej korony polskiej y Wielk. X. Lit. obojego stanu swieckiego y duchownego Senatu w roku tym terazniejszym 1623 do Warszawy na seym walny przybyłego. Obywatelów koronnych y Wiel. X. Lit. wszystkich wobec y każdego zosobna: Ludzi zawołania szlacheckiego religiej starożytnej greckiej posłuszeństwa wschodniego.

165) Ист. Ун. Бап. Кам. стр. 86—87, прим. а

166) Акт. Запад. Рос. т. 4. № 224. Exmam. Obr. x. 33—37.

167) Въ этомъ отношеніи очень замѣчательны раз-

сужденія автора Weryficatij niewinnosci—сочиненія, хотя писаннаго Мелетіемъ Смотрицкимъ, но строго пересмотрѣннаго Виленскимъ братствомъ, такъ что на мысли этого автора со всею справедливостію нужно смотрѣть какъ на мысли Виленскаго братства. Въ этомъ сочиненіи охотно допускается мысль о соединеніи церквей и даже есть похвалы флорентійской уніи стр. 63—64. Авторъ явно направляетъ свои мысли къ тому, что можно согласиться на другое какое либо соединеніе православныхъ съ латинянами, но не на Унію литовскую (стр. 61—62), что уніяты сами сознаютъ ошибку свою (предисловіе): настоящая мысль автора такая: православные готовы сдѣлать уступку, но и уніяты должны оторвать свою унію отъ латинства.

168) Важнѣйшіе источники, изъ которыхъ мы заимствуемъ наши свѣденія о Іосафатѣ Кунцевичѣ — слѣдующіе: Relacia o zamordowaniu okrutnym i osobliwej swiętobliwosci w Bodze wiel. oyca Jozephata Kuncewicza Archiepiskopa Polockiego. W Zamosciu 1624; Wurok Komissarski w sprawie pokarania zaboyców B. Jozephata Kuncewicza Arcybiskupa polockiego, widymusem wyjęty z ksiąg grodskich wojewodstwa wilebskiego. Стебельскаго: Zywoty Ss. Ewfrozyny i Parascewij T. 3. стр. 290 — 338; Phenix albo s. Jozephat.... Кульчинскаго. — Свѣдѣнія о томъ же находятся въ Menologium Bazylianskie того же Кульчинскаго подъ словомъ Jozefat. s. и у Альб. Коялловича въ его Miscellanea rerum Ecclesiasticarum въ прибавленіи. Głos krwie B. Jozafata.... 1629; Korona złota nad głową.... Jozaphata 1673.... Акты Западной Россіи Т. 4. Акты Минскіе, граматы города Вильны, Трокъ. Статья о жизни и смерти Іосафата Куп-

цевича г. Говорскаго въ неоффиціальной части Витебскихъ губернскихъ вѣдомостей за 1858 г.

169) Кто о томъ незнаетъ, говоритъ Древинскій, что нынѣ именуемый Архіепископъ Полоцкій, родившійся во Владимірѣ, есть сынъ *купца* нѣкоего сапожника, а оттуда образовавъ себѣ фамилію шляхетскую Кунцевичемъ (должно быть сначала назвалъ себя Купцевичемъ) титулуетъ себя. Истор. Ун. Бан. Кам. стр. 72.

170) Stebelski T. 2. стр. 231.

171) Głos krwie Jozafata Kuncewicza изд. 1629. стр. 19 — 20. Сочиненіе латинскаго писателя, котораго свидѣтельство на этотъ разъ имѣетъ полную силу. Также рѣчь о смерти Кунцевича, сказанная въ Римѣ однимъ совратившимся грекомъ. Рукопись.

172) Stebelski т. 2. стр. 231. Слич. Витеб. губ. вѣдом. № 45, часть неоффиціальная, статья г. Говорскаго.

173) Głos krwie.... стр. 20.

174) Kulczynski Menologium Bazylianskie стр. 185. Мы отвергаемъ мнѣніе Кульчинскаго, повторенное потомъ неразъ, что Кунцевичъ получилъ образованіе у іезуитовъ. Для этого и возрастъ Кунцевича былъ уже поздній, — въ 1604 году ему было уже 25 лѣтъ, — да извѣстно притомъ, что онъ вовсе незналъ латинскаго языка (см. прим. 170), а это такое условіе sine qua non іезуитскаго образованія. Вѣроятно только то, что онъ, какъ мы выразились, забѣгалъ въ іезуитскую коллегію и учился кое-чему въ отдѣленіи этой коллегіи русскомъ, существовавшемъ для русскихъ со временъ Баторія и Антонія Поссевина.

Когда наша рукопись была уже сдана въ типографію, мы получили отъ почтеннаго отца архимандрита

Павла, ректора Могилевской семинаріи, очень давно занимающагося разработкою памятниковъ уніи, слѣдующія свѣдѣнія объ образованіи и литературныхъ трудахъ Іосафата Кунцевича съ правомъ напечатать ихъ. Съ удовольствіемъ помѣщаемъ ихъ здѣсь. «Іосафатъ учился у іезуитовъ, именно іезуитъ Фабриціусъ преподавалъ ему богословскія науки на русскомъ языкѣ по незнанію Кунцевичемъ языка латинскаго. Кунцевичъ даже писалъ сочиненія. Отцу архимандриту Павлу извѣстны слѣдующія сочиненія Кунцевича:

1. О фальшованю писемъ словенскихъ одъ оборонцовъ и учителей вѣре Церкве противныхъ послушенству его милости отца митрополита: и о незгодахъ ихъ въ науце, выданой з друковъ — Виленскаго Братскаго, Острожскаго и Львовскаго.

2. а) О старшенствѣ Петра святаго; б) о чистости іерейской же лепей быти безженными; в) о законникахъ.... о шлюбахъ.... клобукахъ.... г) о крещеніи Владимера; д) ци добре Церковь Восточная чинитъ, посвящаючи хлѣбъ, воду, вербу и баранка.... Это родъ сборника изъ рукописей Іосафата Кунцевича. Здѣсь же, по свидѣтельству отца Павла, упоминается, что Іосафатъ Кунцевичъ въ Троицкомъ монастырѣ Виленскомъ занимался переписываніемъ житій святыхъ пролога (въ которомъ, гдѣ могъ, проводилъ латинскія мнѣнія). Отецъ Павелъ самъ видѣлъ такія житія въ Супрасльской библіотекѣ, съ замѣчаніями на полѣ позднѣйшею рукою: «это писано рукою Іосафата Кунцевича», или «рукою блаженнаго Іосафата».

3. Катехизисъ одъ слуги Божого Іосафата составленный.

4. Регулы св. Іозафата для свыхъ презбитеровъ.

Изъ этихъ извѣстій о Кунцевичѣ мы принимаемъ съ полнымъ довѣріемъ 1) то, что Кунцевичъ учился у іезуита Фабриціуса и 2) что онъ списывалъ и передѣлывалъ житія святыхъ. Оба эти факта находятъ себѣ сильное подтвержденіе въ томъ, что Кунцевичъ, несмотря на недостатокъ систематическаго образованія, дѣйствительно обладалъ большими познаніями — доказательство тоту — отвѣтъ его Льву Сапѣгѣ, напечатанный нами въ нашихъ примѣчаніяхъ ниже; — кромѣ того, о списываніи Кунцевичемъ житій святыхъ упоминается и въ уніятскихъ сочиненіяхъ объ немъ, указываемыхъ нами. Но что касается до сочиненій Кунцевича, то хотя намъ извѣстно было, что ему приписываются они, напримѣръ, какая-то оброна вѣры (Kulczynski — Menolog. 16 ybra, значитъ еще одно кромѣ указанныхъ отцомъ Павломъ или которое либо изъ двухъ первыхъ съ измѣненнымъ заглавіемъ), но мы поудержались принять эти извѣстія и вотъ по какимъ причинамъ, которыя и теперь не потеряли для насъ своей силы: намъ кажется очень страннымъ, что уніятскіе писатели, такъ близко знакомые со всѣмъ, что дѣлалъ Кунцевичъ, какъ напримѣръ Суша, Кульчинскій, Стебельскій, не знаютъ подробно всѣхъ сочиненій Кунцевича, чаще всего даже вовсе не знаютъ объ ихъ существованіи; странно также и то, что эти сочиненія никогда не были изданы. Зная вниманіе уніятовъ къ Кунцевичу, можно очень и очень подозрительно смотрѣть на эту странность и тѣмъ болѣе, что въ исторіи уніи извѣстенъ другой Іосафатъ, признаваемый уніятами, хотя не оффиціально, также святымъ, и очень образован-

ный человѣкъ, именно Іосафатъ Бражичъ, странствовавшій по многимъ мѣстамъ Литвы, — былъ въ Минскѣ, въ Бытеню, въ Замостьѣ, въ Новогрудкѣ, — затѣмъ въ 1671 году переведенный въ Полоцкъ и бывшій тамъ (1680 г.) игуменомъ (starszym) Базиліанскаго монастыря и оффиціаломъ Полоцкой архіепископіи (должность, равнявшаяся архіерейской епархіальной власти, только безъ права рукополагать діаконовъ и священниковъ, которыхъ оффиціалъ, самъ избирая и назначая на мѣста, отсылалъ для посвященія къ викарному епископу своей епархіи или къ сосѣднимъ епископамъ). Colloq: Lubels. стр. 6; Kulesza p. 105—106; Steb. т. 2 стр. 351—356. Не этотъ ли Іосафатъ и есть авторъ сочиненій, приписанныхъ Кунцевичу? Отецъ архимандритъ Павелъ имѣетъ возможность разрѣшить наши недоумѣнія и мы тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ приглашаемъ печатно отца Павла разрѣшить ихъ, что почтенный изслѣдователь памятниковъ уніи обладаетъ драгоцѣнными свѣдѣніями, которыхъ обнародованіе было бы очень полезно и пріятно всѣмъ, интересующимся исторіею уніи. Проспмъ у отца Павла извиненія, если наше приглашеніе несвоевременно предупреждаетъ его собственныя намѣренія.

175) Jeszcze był diakonem w Monasterzu Troyce s. w Wilnie, a już gorzał miłością do zbawienia dusz ludzkich. Wybiegiwał z domu na rynek i ubogie kmiotki namawiał i prowadził do kościoła, kapłana im jednał: z płaczem go drugdy prosił, aby wsiadł w spowiednicy, a uszy podał spowiedającymsię nędznikom. Nuż kiedy sam kapłanem został, nic mu to było po szesci godzinach słuchać spowiedzi; w drodze karczmarzow samych, którzy

do tego bywają trudni, drugdy gosci samych do spowiedzi zaciągał oderwawszy ich od kufla y tak skruszonych y wyewiczonych do domów własnych odsyłał. Głos krwie.... стр. 9,

176) Stebel. т. 2. стр. 231. Витеб. губерн. вѣд. № 46 ч. неоффф.

177) Витеб. губерн. вѣд. 1858 г. № 45 ч. неоффф.

178) Supplemt: Synopsis л. 2.

179) Вотъ грамата Сигизмунда III, которая достаточно разъяснитъ дѣло: My król z p. p. radami naszemi, przy boku naszym będącemi na relaciach naszych tej sprawy wysłuchawszy y dobrze ją wyrozumiawszy, a bacząc nietylko z dowodow oyca Archiepiśkopa połockiego ale y z własnych wywodow mieczczan Mohilowskich, że oni, niemając na ten czas na się żadnego ni od kogo niebezpieczeństwa, ale właśnie przeciwko Archiepiskopowi połockiemu wszystko miasto zbuntowawszy, wrota do miasta zamknąć kazali, wały strzelbą i ludzmi osadzili, przeciwko oycowi władyce połockiemu z ludzmi, strzelbą, z chorągwiami hostiliter wyszli, broniąc mu dobrowolney drogi y niechcąc go do miasta i do zamku naszego puscić, łajali, sromocili, zabić chcieli y odpowiedali, czym nietylko władykę połockiego, ale i naszą królewską zwierzchność znieważyli et sub poenas legum popadli, constitutią wtem seymową, którą allegowali, zosłaniać się nie mogą, bo tu nie idzie o przymuszenie wiary, gdyż ich do wiary nikt nie przymusza y owszem oni przeciw tey constitutij wykroczyli, gwałt y krzywdę wielebnemu oycu władyce połockiemu uczynili, z tych i inszych przyczyn zkazujemy, aby przednieysi buntownicy, hersztowie, którzy do tych sedycij i buntow powodem y pryncypałami byli,

gardłem jako buntowniey y wzruszycieli pokoju pospolitego pokarani byli, na co kommisarzów naszych osobliwym listem naszym zesłać mamy, aby dostateczną inquisycią uczyniwszy winniejszych y co przednieyszych buntownikow kilku, którzy by się głównı powodem i principałami do tych buntow y sedytij bydź pokazali, wynalazszy, gardłem pokarać kazali, a na wszystko miasto poenam arbitrariam po dokoniczeniu tey kommissiej, woli y Decyziey naszey zachowujemy. Cerkwie, Monastyry, tak też czerncy y popy wszystkie Mohilowskie jurisdictiey władyczney y pod jego posłuszeństwo exnnc przysądzamy, których cerkwi Monastyrow z ich apparatami, ochędostwy, funduszami, y ze wszystkim nadaniem, dochodami, prowentami, mieszczanie Mohilewscy zarazem oycowi Archiepiscopowi ustąpić y podać mają, po dacie tego dekretu naszego w sześć niedziel y potym we wszystkie cerkwie, monastyry, w popy y w czerncy mieszczanie Mohilowscy wstępować się y władzy żadney nad nimi sobie przywłaszczać y mieć niemają, pod zakładem na nas y do skarbu naszego dwudziestu tysięcy złotych, toties quoties by temu dekretowi naszemu sprzeciwić się y on w czym kolwiek naruszyć ważyli się. Co dla lepszey wiary do xiąg kancellariey naszey zapisać kazaliśmy y ten dekret pod pieczęcią naszą W. X. L. wielebnemu oycu Jozefatowi Kuncewiczowi Archiepiskopowi Połockiemu jest wydan. Pisan w Warszawie dnia dwudziestego wtórego Marca, roku Panskiego tysiąc sześć set dziewietnastego. Colloquium Lubelskie str. 89 — 90; Бант. Кам. стр. 70. Supplicatia.... do senatu стр. 18.

180) Тамъ же.

181) Безспорно, что я самъ, писавъ къ Кунцевичу

Левъ Сапѣга, объ уніи прилагалъ попеченіе и оставить оное былобы неблагоразумно; но мнѣ никогда и въ мысль того неприходило, чтобы Ваше Преосв. рѣшились приводить людей къ оной столь насильственными средствами. Всевышній приглашаетъ къ себѣ всѣхъ кротко: пріидите ко мнѣ всѣ и пр., но насиліемъ рабовъ вскомыхъ нетребуетъ и неприемлетъ. Вы же симъ неосмотрительнымъ усиліемъ подвигли и, такъ сказать, принудили народъ русскій ожесточиться и отвергнуть учиненную его королевскому величеству присягу (присягу русскихъ Владиславу во времена Самозванцевъ). Трудно вамъ въ томъ запереться, когда обличаютъ васъ въ семъ взнесенныя отъ нихъ письменно чиноначальникамъ Польскимъ и великаго княжества Литовскаго жалобы... Вант. Кам. стр. 76. Жалоба, о которой здѣсь говорится, подана была въ томъ же 1623 году, въ которомъ было писано и письмо Сапѣги, и въ ней о Кунцевичѣ говорится слѣдующее: Szlachtę obywatelow wojewodstw witepskiego, mscisławskiego i połockiego z części z powiatem orszańskim bracią naszą y bractwo wileńskie, które niemal wszystkie narodu Ruskiego xiążąt, paniąt y szlachty familije, tak z obywatelow koronnych, jako y wielkiego xięstwa Litewskiego wcielone ma, za complices zgody jakieyś odstępca władyka połocki który się Jozaphatem Kuncewiczem (nazywać się) raczy do xiąg Bracławia Litewskego pod imieniem senatora zacnego, mimo wiadomość jego (?!) podać ważył się.... Na Białey Rusi u Orszy y w Mohilowie od lat pięciu tenże połocki władyka cerkwi popieczętowane trzyma. W Połocku i Witepsku ni cerkwi, ni domu na nabożeństwo pozwolonego przez tegoż zabronienie mieć nie mogąc, za miasto w pole na odprawienie

nabożenstwa swego w dni niedzielne i w swięte uroczyste wychodzić mieszczanie muszą, y to bez prezbitera, bo i tego w miescie ni pobliżu miasta chować nie wolno.... Supplicatia do korony polskiej y W. X. Lit. obojego stanu swieckiego y duchownego senatu w roku tym teraznieyszym 1623 do Warszawy seym walny przybyłego. Od obywatelow koronnych y W. X. Litw. wszystkich wobec y każdego zosobna ludzi zawołania szlacheckiego religiey starożytney greckiey posłuszeństwa wschodniego. Стр. 18.

182) Co okrutnieysza et ultra fidem tyrańska y bestyalska: w Połocku tym Białoruskim tenże odstępca władyka połocki umarłe, na cmyntarzu swieżo pochowane mieszczanom tuteyszym na przykrość odkopywać przeszłego roku (1622) z umysłu kazał y *psom* na «zjedż» jak scierw jaki ciała chrzescianskie z grobow wyrzucać, o impietatem! o niewoley nieznosney! Тамъ же стр. 19. Незабудемъ, что это свидѣтельство православныхъ пословъ на сеймѣ: въ справедливости этого показанія нельзя сомнѣваться.

183) Объ этомъ писалъ Кунцевичъ къ Сапѣгѣ, какъ это видно изъ отвѣта послѣдняго. Бант. Кам. слич. стр. 76 и 78. Извѣстіе это вполнѣ подтвердилось, какъ увидимъ, при убійствѣ Кунцевича.

184) Письмо Рутскаго намъ удалось только читать въ рукописи, но мы не могли его списать; письмо Льва Сапѣги, указываемое нами не разъ, напечатано въ магазинѣ Туманскаго (книга III) и у Бан. Кам. стр. 75—84.

185) Письмо это въ высшей степени замѣчательное по чудовищности іезуитскихъ взглядовъ на Церковь и общество мы нашли въ Colloquium Lubelskie стр. 91 —

95. Выписываемъ его. List abo raczey exortatią oddano mi od W. M. M. pana, która jakom zrozumiał po większey części z udania ludzi różnych tak jest szyroce napisana o mnie, swieszczennikach moich y tey sprawie chwalebney unicy s. cerkiewney (wespoł z wiarą swięto katolicką w te kraje przed sześcią set lat y «coś» (?!) zawitałey, a przed dwudziestą i kilką lat odnowioney), z uszanowaniem tedy oną przyjąwszy, justyfikować mi się na opaczne udanie Mm. m. m. panu godzi. Wprzod co się tycze osoby mojej, Bogiem moim swiadczę, który na serce y sprawy moje patrzy, żem żadnym nie przykładem żywota, ani jakim ostrym postępkiem odrażał od siebie połoczan y inszych parafian moich, pogotowiu naymnieyszy się znak surowości mojey nieukaże, którym by się przykład dał do zajątszenia animuszow ludzi wichrowatych, Rzeczypospolitey szkodzących y owszem władzę y potomność moją pasterską, z wola, Bożą, z wolą J. Kr. Mści i dobrym Rzeczypospolitey znosić y stosować zawsze usiłowałem y usiłuję. Wyswiadczą mi wiele person nietylko katolickich, ale y Heretyckich dobrych obywatelow Diecezicy mojey, że tak iest, a nie inaczey: na schizmatykow referować się nie mogę; bo ci zapowstaniem przeklątego Smotryckiego prawdę s. sobie obydziwszy, nas, którzy iej pomnożeniu usługujemy, za arcyzłych luzi mają y udają. Toż się i o swieszczennikach posłuszeństwa mego rozumieć ma, tym zli zaś y nieumiejętni, że mię słuchają. Kiedy by byli powoli schizmatykom, ciż by byli dobrzy y uczeni. A jesli że niektórzy są grubi, tych schizma narodziła, a nie unia? Niech że na schizmę narzekają, a nie na mię. Do unicy, żebym kogo gwałtem przymuszał, to się nigdy niepokaże. Praw moich cerkiewnych zwykła

moja przysięga episcopska prawem bronić (gdy na mię gwałtownie następują) przymusza mię. Yte jednak skromnie y uważnie czynię, nieodstępując przykładu s. Ambrozyusza y s. Chryzostoma, krórzy (lubo z protastetią albo nie) czynili jednak potężnie prawdę Bożą. Ambrozyusz z cesarzem Theodozyuszem, iż cerkwie abo Bożnice Haeretykom, w Miescie Catholickiem Mediolanie, mieć pozwalał. A Chryzostom z Cesarzową Evdoxią o odjęcie winnice wdowie, z Cesarzem Carogrodskim Arkadiuszem, aby odszczepience do jednosci Cerkiewney przywiodł, albo je z miasta wypędzić kazał, jakoż to Cesarz zaraz uczynił. By ciż swięci na tak wielką krzywdę Bożą za żywota (ow) swych tu na swiecie patrzali, na jaką ja tu teraz patrzę w Połocku, że chłopstwo grube, tak wiele dziatek bez krzstu, tak wiele dorosłych bez spowiedzi y używania sacramentu S. do piekła posłali y posyłają. Było ich wiele co na żywy Bóg potrzebowali kapłana przy smierci, buntownicy gromili ich z tego y strzegli aż do smierci, aby bez spowiedzi zdychali, więcey by oto czynili, niżeli ja. Przed urzędem byśmy za czasow Nerona, Diocleciana etc. tożby czynili, co na on czas wierni Boży czynili. Ale że mieszczany pod panem swiątobliwym Catholikiem, gorącym (któremu day Boże w niezamierzone lata szczęśliwe panowanie) ogrodzone jest zdrowie y wolność nasza prawem pospolitym, tak jako wszystkich inszych obywatelow oyczyzny tey Dla czegoż niemamy zażywać prawnych dobrodzieystw (zwłaszcza gdy inaczey bydź niemoże) ku obronie zdrowia y wolności naszych, jako insi zażywaja. Więcey jest protestacyi schizmatyckich, po Trybunałach, Ziemstwach, grodach, Ratuszach na nas im ni wczym niewinnych, przecie

im tego nieganią y owszem tak im fortuna służy, że ich omylnym hałasom wszędzie wierzają, a nas, unią swiętą starożytną, bez pozwu, bez sądu y prawa, na same bezdowodu za szczyrze oskarżenie opprimować y rugować usiłują, powiadając, że wszystkie wnętrzne niezgody domowe, hałasy seymowe z nas y uniey pochodzą: czego dowieść nie mogą; skromność nasza wiadoma jest wszystkim (!?). Schizma to broi, nie mając praw starożytnych, jakie my mamy, hałasami te wystraszyć chcą, a tym bardziey, że im pobłażają. Wiem od person wiary godnych, że kozacy po skączoney expedycey z Turkami, nie myślili popierać schizmy. Lecz pseudo Władykowie ich, zwłaszcza Smotrycki, widząc znaczny respekt na niektórych ich Mości P. P. senatorów, pobudza ich (będąc pisarzem u nich), aby tą petitią względem schizmy J. K. M. przydawali, jako by tym prędzey ambitia ich doskutku przyszła. Nie naydzie się tedy żadna przyczyna na nas do zajątrzenia ich, tylko ta żeśmy są w łodce Christusowey, pod sprawowaniem Naywyższego żeglarza Namiestnika Chrystusowego, bez szturmu nigdy ta łodka niebyła y być nie może przy nas y bez nas. Iesli się zda komu, że te nawalności dla jakich excesfow naszych szumią, niech że nas każą porwać, prawem pokonać, potym z Jonaszem z tey łodzi wyrzucą. Bo y oni żeglarze do Tarsu nie wprzod Jonasza z łodki wyrzucili, aż tego losami doszli, że one nawalności morskie dla niego samego były. Schismatycy y biją y płaczą, a na nas krzykiem y wrzaskiem wszystkie winy kładą, Katholicy też niektórzy dla samych wrzasków ich nas tłumić pomagają. A nie jest że to przeciw miłosci bliźnich, od Christusa przykazaney, dobry jest pokoy pospolity, wszakże taki, o którym Christus pan po-

wiedział: pokoy móy zostawuję wam, a nie taki na który on woła: nie przyszedłem kłaść pokoju (takiego politycznego) na ziemię, ale miecz etc... Co za towarzystwo swiatłosci z ciemnościami, jaka zgoda Christusowi z Beliałem; Catholikom z Schizmatykami albo Haeretykami: cerkwiom catholickim z bluznierstwem schizmatyckim: «co za pokoy będzie, gdy z obrazą Bożą uczyniony bywa; gdy przywileje Boskie Piotrowi S. y następcom jego na stolice Episcopskie y na Cerkwie wszystkiego swiata dane łamać, one z jurisdictiey naywyższego Pasterza (od Christusa postanowione) odeymować, a schizmatykom je przywłaszczać będą: Wołać Piotr S. będzie y wszyscy potomkowie jego Episcopowie Rzymscy na takie bezprawia o pomstę do Boga.» Nie będą milczeć oni Włodzimierzowie, Jarosławowie (?!) Jagielowie, Skirhayłowie y insi fundatorowie Metropoley y Władyctw, że intentia ich zgwałcona będzie, bo oni będąc dobremi katholikami nie dla schismatyckich pewnie, ale dla Katholickich Episcopow, stolice te nabożeństwa Ruskiego nadali y fundowali. Mamy wszak niektórych ich same oryginały funduszow. Jest y to, że jeden z tych ze fundatorow, Swidrygayło, takiegoż Metropolite schizmatyka (jaki na ten czas jest Borecki) na imie Harasima ułapiwszy w Witepsku, kazał go spalić, oswiadczając gniew swoy na schizme. Jnstygować będą y ci, którzy w tymże nabożenstwie będąc przeszłych i teraznieyszych czasow w wierze S. Katholickiej y w pokucie z tego swiata zszedszy, ciała swoje kazali położyc przy Cerkwiach Catholickich albo uniatskich na oswiadczenie tego, że oni w teyże S. aż do końca żywota swego statecznie trwali. A nie maż się tu za co Pan Bóg gniewać: «y maż takiemu pokojowi, który się z za-

gniewaniem jego kleci, błogosławić?» Więc y oyczyzna ta, jakie sobie bezpieczeństwo obiecywać ma, gdy nad wszelaką sprawiedliwość kozakom y pseudo władykom to pozwalają, czegosię oni domagają: to iest, żeby stolice nasze bezprawnie osiedli, żeby pastuchowi Carogrodzkiemu podlegali, a zatym żeby z państwem tak potężnym nieprzyjacielskim związek mieli: co jako bezpiecznie będzie oyczyznie y sama polityka łacno uważy. Otworząsię wrota wszystkim spiegom y zdraycom z państwa Tureckiego do państw J. K. M. pana naszego miłosciwego: wolno będzie patryarsze, Metropolicie, władyce greckow ba y samemu Baszy poczerniecku się ubrawszy y exarchą się nazwawszy z tysiącem albo y kilka janczarzow przyjechać y pod praetextem wizytacij duchownych szpiegować, zgdady knować: zabronić im tego nielża, bo kozacy będą się gniewać etc.. Na przymierze nie masz się na co spuszczać, wszakeśmy swieżo doznali łatwey odmiany jego; uważyli to dóbrze oni swiątobliwie królowie polscy Kazimierz y Alexander że skoro opanował Turek Carogrod, niechcieli mieć Metropolity inakszego, tylko żeby papierzowi podlegał (!!!), jakoż taki był Metropolita Hrehory, którego Pius S. papierz na Metropolią swięcił, takiż był po nim Misael Czerczycki, potym Makary, Jozef Soltan, aż Helena krolowa Moskiewska, wdową już będąc, wymogła to była od S. pamięci króla Zygmunta Starego, że jej pozwolił słać po sacrę do Caregroda Metropolicie od niey praezentowanemu Jonie, od tamtego czasu, aż do odnowienia jedności przez starszych naszych, ten zwyczay trwał; wszakże ten że król swiątobliwości y syn jego August na pilnym oku mieli Schizmatykow Duchownych y swieckich, sami duchownych sądzili starszych, a żadnemu gre-

kowi przychodniowi sądzić y wizytować ich nie przypuszczali, nawet cerkwie nowey budować y starey poprawiać nie wolno było schizmatykom aż za osobliwemi przywilejami królewskiemi, które y do tych czasow w ręku mamy. Znał to y sam Hospodar Mockiewski, że ten związek duchowienstwa jego z Carogrodem nie iest pożyteczny panstwu jego, y dla tego przed trzydziestą i kilka lat, grożbą (!!) y prosbą wymogł na patryarsze Jeremiaszu, żeby mu patryarchę na Moskwie uczynił króry by już na wszystkie potomne czasy, bez poselstwa do Carogrodu mogł bydź stawiony na Moskwie, jakoż się y tak dzieje. Aż do tego czasu, po konfederacij nieszczęsney schizmatyckiej y Haęretyckiej (1573 r.), z sobą się bratać y swey woli cug pomału puszczając, nie pokoy w tey oyczyznie wzniecać poczeli y teraz go pomnażają, do czego y graekowie przychodniowie im pomagali i teraz pomagają, eszcze y więcey pomagać mogą, jesli się Rzeczpospolita nieobaczy. Wspomni jeno W. M. M. M. pan, co on Nikiphor Czermiec graeczyn jeszcze przed odnowieniem jedności zrobił był w Wołoszech, co y tu w panstwie J. K. M. broił przyjechawszy, do jakich confoederatij hoeretykow z schizmatykami zwodził. Jakie zjazdy zawsze bywali w Ostrogu, w Lucku, w Brzesciu za powodem jego y drugich panow, którzy go za proroka mieli, tegoż mu pomagali y drudzy graekowie, którzy od confederatiey wolny tu przyjazd y wyjazd mieć poczęli aż król J. M. postrzegszy się kazał rozsyłać uniwersały, aby ich niepuszczono do panstw J. K. M., mamy te uniwersały do tych czasów. Z teyże kuźnie ich przeklętey y Nalewayko powstawszy z gromadą swą, iak wielką szkodę uczynił Rzeczypospolitey. jest to przy dobrey pamięci W.

M. M. P. y wszystkich nas: przyszło do tego, że haeretycy z schizmatykami się spisawszy, przysięgą się obwiązali jeden przy drugim stać. Wysłali haeretycy (z pewnemi condyciami) do tegoż patryarchi Jeremiasza Carogrodskiego y z oddaniem posłuszenstwa, chcąc tym Rus do scisleyszego związku z sobą przywieść (сношенія Виртембергскихъ ученыхъ съ Іереміею I). A to wszytko było pewnie, nie ku dobremu Rzeczypospolitey, lubo to ieszcze y jedność nie odnowiona była, ani obwołana. Unia tedy napotym to iest roku 1596 obwołana temu wszystkiemu zabiegła; unia uspokoiła tę confederatią przeklętą y tyranstwo Nalewaykowskie; pobłogosławił Bóg początkom jey, bo skoro nasi starsi z Rzymu się z tą unią wrócili, wszystko to się uspokoiło (!?) Kozacy się uniey, jako dzieła Bożego ustraszywszy, z Nalewaykiem swoim do ord Tatarskich uchodzili, gdzie nimsię przeprawili pod Lubnami od naszych cudownie są na głowę porażeni, Nalewayko żywcem wzięto, potym y onego Nicephora authora wszystkich sedytiy ułapiono y obudwuch według zasług skarano. Pobłogosławił y postępkom tey S. uniey, w kilka albowiem lat po odnowieniu jey, za pobudką (jako na on czas pewne głosy były) Stephana Zyzania ministra schizmatyckiego, Michał w Wołoszech powstał był przeciwko oyczyznie, lecz prędko marnie zginął. Powstało też było nie mało potentatow schizmatyckich y haeretyckich (W. M. M. P. dobrze znajomych y wiadomych) przeciwko tego dzieła Bożego sprawie, które Bóg uczynił za dni ich, ale nic nie dokazawszy, porwani są do sądu Bożego, chcieli się gromadą rokoszową insi kusić o potłumienie tey sprawy swiątobliwey, przecie ten zamysł ich, z hańbą się ich skończył (съѣздъ Виленскій 1599) Pewniśmy,

że ten że Bóg mocny y do konca temu dziełu swemu pobłogosławi y wszelaką przeszkodę nie tylko kozacką, ale y diabelską zniesie y zwalczy bez żadney szkody y owszem z przymnożeniem uciech jey duchownych. Jesliby też tego wszystkiego nieuważono, a kozacką posługę (którey dzielność niedawno przeszłą nie im, ale wierze swiętey y nabożności y szczęściu króla J. M. Pana naszego Miłosciwego ma się słusznie przypisać (хотинская побѣда), nad unią swiętą przełożono y onych woli (mimo wolą Bożą) dosyć uczyniono będzie, obawiać się, aby ten że Bóg sprawiedliwym sądem swoim nieskarał tey oyczyzny miłey. «A to przez tych że kozakow jako niegdy lud Boży przez Philistymczykow że im pobłażył był y ululgował y teraznieyszego ciężaru y nawalności od Turka, aza nie swowola kozacka nabawiła Rzeczpospolitą» (?!). Nad to wskrzesić się znowu mogą one pierwsze przed unią zaczęte confederatie schizmy z sectami różnemi, a zatym obawiać się, żeby też się niedziało w oyczyznie naszey, co się dzieje w Slązku y indziey. Kozacka też swowola tym się nie zwiąże, ale rozwiąże, którzy napotym, nie mając względu na Boga, Pomazańca jego y na sumnienie swoje, większych się rzeczy ważyć będą, niżeli się ważył Nalewayko. Patrz jeno W. M. M. M. Pan, jeszcze niemając takiey wolnosci odjęli cztyry monastyry główne z czerncami się zmówiwszy, jeszcze przed odnowieniem jedności w Kijowie z podawania Królewskiego, mianowicie monastyr Michała s. Złotowierzchego, s. Nikoły Pustynskiego y s. Kiryła y Mieżyhorski monastyr y przywłaszczyły je wiecznym prawem podawane Archimandryty tamecznego Pieczarskiego. Teraz swieżo pseudo patryarchę sobie z graeciey przyprowadzili nad wiadomość y pozwolenie króla J. M. y wszystkiey

Rzeczypospolitey. Władykow nad wszelaką słuszność mimo żywych od J. Kr. Mości uprzywilejowanych każą mu sobie stawić, odeymując jawnie y znacznie jus patronatum królowi J. Mści. A czegoż potym nie uczynią gdy doznają, że affectacicy ich we wszystkim degadzają; głosow też onych co mowi grubianstwo — wolemy pod Turkami żyć — zniesieniem jedności nietylko nie zatłumią, ale pomnożą. Z natury to schizma ma, iż woli się bratać z haeretykami y z Turkami, niżeli z Katholikami. Cesarz Carogrodzki Emmanuel Comnenus z początku schizmy uczyniwszy przymirze z Turkami, woyska Katholickie Francuzkie, które mu chciały dopomoc do odzyskania ziemi swiętey, mąkę mieszając z wapnem potruł, z któremi się był zgoła zmowił na Zacinniki, chcąc je wyniszczyć, zayrząc im, żeby jaką potęgą swoją nieodyskali Palestyny, na on czas pod Turkiem, o czym pisząc Niceta Choniata Graeczyn, wielce się skarży na tego Emmanuela; co za dziw, że i ow motłoch schizmatycki z większą się przyjaznią ozywa Turkom, niżeli Panu Swiętobliwemu Katholickiemu Królowi J. M. Karnoscią bytedy to chłopstwo od takich głosow odstraszyć, a nie wolnością, jako Moskwicinowie, jesli to kładą na nas przez listy swoje pisane do Ich Mościów P. P. Rad Koronnych y W. X. Litewskiego, abyśmy ich mieli do odstąpienia przysięgi Królowi J. M. Panu naszemu Miłosciwemu przywieść y przymusić, wielką a nie znośną nam krzywdę czynią, nigdy się to na nas naymnieyszym znakiem niepokaże. Schizmatykom by raczey miano zadawać, a nie nam. Mohilowcom, przykładem Plutarcha, po odzierżeniu Decretu od J. Kr. M. niemal pułroku, dopuściłem był w cerkwiach nabożeństwo swoje odprawować chcąc ich ludzkością tą ku dobremu przy-

wieść, ale gdym obaczył, że się tym postępkiem moim bardziey się ich upor korzeni, odebrałem je y podałem swiaszczennikom Catholikom dobrym. Niech że się w nich modlą przy tych swieszczennikach, nie są zapieczętowane, bywają y odmykane podczas nabożeństwa, niech tylko chcą być nabożnemi (!!). Pozwalać zaś im na bluznienie Boga tych cerkwi sumnienie mi niedopuszcza. Zachcą mi ich gwałtownie bezprawnie odebrać, bronić nieprzemogę, do sądu straszliwego Bożego apellować muszę. To wszystko, jako sługa Boży niegodny y syn oyczyzny wierny, W. M. M. M. Panu przełożywszy, pilno uważeniu zalecam, prosząc, abyś W. M. M. Pan postaremu mnie miłosciwym panem y patronem bydź raczył, którego się ja oney zdawna zwykłey łasce, jako naypilniey oddaję. Z Połocka 22 Aprilis Anno 1622.

186) Витеб. губ. вѣд. 1856 № 46 ч. неофф. слѣдств. Дѣло о смерти Кунцевича. Stebelski т. 3, стр. 299—303, 308—310.

187) Тамъ же дѣло о смерти Кунцевича.

188) Pragnął jey (смерти) zawsze, ale mianowicie, gdy ostateczny raz z Połocka wyieżdżał, roskazał, aby z pilnoscią grób dla niego był budowany co prędzey w scienie koscielney. W drodze milszey mowy niemiał, jako o smierçi, aż się nią drugim «przykrzył». Przy stole jednego czasu z takim *smakiem* o niey mówił y tak długo, że go kompania prosiła — przynaymniey oyeze wielebny, day się nam najeść, niechay o tey smierci mowa twoja odłogiem troche będzie. Głos krwie стр. 26. Хотя этотъ разсказъ очень подозрителенъ, но безъ сомнѣнія сущность дѣла въ немъ т. е. фанатическое настроеніе Кунцевича—вѣрна.

189) Слѣдственное дѣло о смерти Кунцевича Stebel.

т. 3. стр. 300—303. Здѣсь указано на нѣсколько протестацій и позвовъ Купцевича на православныхъ, которыя, хотя вызывали шумныя волненія народа, но въ слѣдствіе которыхъ все-таки церкви Витебскія переходили во власть Купцевича. Къ сожалѣнію, мы немогли отыскать этихъ позвовъ и протестовъ и незнаемъ подробно ихъ содержанія.

190) Тамъ же.

191) Слѣдств. дѣло о смерти Купцевича Stebel. т. 3, стр. 303 -315. Примѣчанія къ нимъ самого Стебельскаго — тамъ же стр. 329 — 338. Suplem. Synopsis. л. 2; Витеб. губ. вѣд. 1858 г. № 46 ч. неофф.

192) Steb. т. 3 стр. 329, свидѣтельство вполнѣ оправдывасмое извѣстнымъ ходомъ дѣла.

193) Вотъ наказъ Сигизмунда судной Коммиссіи; Uprzeymnie wiernie nam mili. Wzieliśmy pewną wiadomość, że Rada i mieszanie miasta naszego Witebska niedawnemi czasy uczyniwszy znaczny bunt i sedycyę przeciw wielebnemu niegdyś oycu Jozefatowi Kuncewiczowi władyce Witebskiemu i Połockiemu na ten czas w miescie Witebskiem w Dyecezyi swoiey i starszeństwie duchowienstwu podległym rezydującemu, namysliwszy się i namowiwszy z dawnych czasow nazły uczynek i na gwałt we dzwonek uderzywszy, przerzeczonego władykę we dworze jego gwałtownie naszli i okrutnie na smierć zamordowali. Zabiegając tedy, aby takowe swywolstwo i postępek nieznośny góry niebrały, ale raczey słuszne odniosły karanie, uprzeymości i wiernosci waszey, których nam wiara i w rzeczach sobie powierzonych biegłość dobrze wiadoma jest, zlecić to umysliliśmy. Jakoż i zlecamy omnimodo dając potestatem, abyście uprzeymność i wierność wasza o czasie i

terminie sądzenia sprawy tey statecznie z sobą porozumiawszy się, do miasta przerzeczonego zjachawszy i tak srogim, buntownym, gorącym i jawnym uczynku prawem i processem inquirowali, winnych surowo karali i sprawę tą dla zatrudnienia innych Rzeczypospolitey spraw bez wszelkich zwłók, appellacyi, dylacyi, informacyi naszych dalszych, vigore executionis definitiva sententia uspokoili. Abusi sunt łaski naszey królewskiey i według powinności swey strzedz pokoju pospolitego nieumieli, więc na bunty sedycye rozlanie krwie niewinney kapłanskiey rozpuscili się: dabunt poenas secundum legum severitatem. Jako nayprędzey tedy na wieczną pamiątkę i przykład abyście wierność i upszeymość wasza starali się powsciągać ich takim sposobem, aby już więcey wolności i praw Magdeburskich przez antecessory nasze i nas samych łaskawie nadanych, nieużywali i pomienionych mieszczan Witebskich iako legum publicarum et auctoritatis nostrae contemptores abyscie od nich oddalili. A co kolwiek dekretem swoim ustanowicie pro rato przyjmujemy. Uczyńcie to wierność i uprzeymość wasza z powinności swey i dla łaski naszey. Absencyą którego in Commissis non obstante nec actum praesentis commissionis impediente, concedimus. W. Warszawie. 1623 roku 9 Grudnia. Конечно здѣсь довольно выдержанъ юридическій тактъ, но мы имѣли въ рукахъ двѣ тетрадки писемъ объ этомъ дѣлѣ между прочимъ одно письмо папы Урбана къ Сигизмунду. Въ этомъ письмѣ говорится, что проклятъ тотъ человѣкъ, который будетъ препятствовать обмочить мечь въ крови (православныхъ): письмо писано въ самомъ началѣ 1624 года. Замѣчательно, что еще въ 1623 году, гораздо раньше смерти Кунцевича, папа

началъ слать одно за другимъ письма въ Польшу, убѣждая польское правительство рубить схизматиковъ, въ особенности казаковъ. Въ тѣхъ же тетрадяхъ мы нашли четыре письма такого рода одно къ Сигизмунду, другое къ примасу Арх. Гнѣзненскому, третье къ Еписк. Краковскому, четвертое къ Еп. Луцкому.

194) Незадолго передъ смертію Кунцевича казаки убили нѣсколько уніятскихъ монаховъ въ Кіевѣ, и Сапѣга давно уже боялся подобныхъ исторій. Эта боязнь прямо высказана въ письмѣ его къ Кунцевичу, на которое мы неразъ ссылались: Вы злоупотребленіемъ вашей власти, писалъ Сапѣга къ Кунцевичу, и поступки ваши, водимые паче тщеславіемъ, нежели любовію къ ближнему, въ противность священной волѣ даже и запрещенія республики, были причиною и поджогою тѣхъ опасныхъ искръ, которыя угрожаютъ всѣмъ намъ или весьма пагубнымъ или всепстребительнымъ пожаромъ... Бан. Кам. стр. 77.

195) Всѣ эти свѣденія о смерти Кунцевича мы заимствовали, какъ замѣчали и выше, изъ уніятскихъ и латинскихъ сочиненій и въ особенности изъ слѣдственнаго дѣла, напечатанаго у Стебельскаго въ его прибавленіи къ житіямъ Св. Параскевіи и Евфросиніи Полоцкихъ. Слѣдовательно основались на источникахъ очень подозрительной достовѣрности, тѣмъ болѣе, что говорятъ, даже слѣдственное дѣло о смерти Кунцевича напечатано уніятскими писателями въ искаженномъ видѣ. Считаемъ поэтому необходимымъ объяснить, какимъ образомъ мы извлекали изложенныя здѣсь свѣдѣнія изъ такихъ не достовѣрныхъ источниковъ. Мы довольно знаемъ недобросовѣстность уніятскихъ и латинскихъ пс-

точниковъ уніи, но знаемъ также и средство извлекать и изъ нихъ вѣрныя свѣденія. Средство это и простое и—мудреное, съ какой стороны посмотрѣть. Мы невѣримъ ни одному уніятскому или латинскому сочиненію въ одѣльности взятому, но сопоставляя и свѣряя ихъ со всѣмъ, что знаемъ объ уніи, открываемъ въ нихъ не меньше дѣльнаго содержанія, какъ и въ источникахъ не уніятскаго и не латинскаго происхожденія. Въ особенности мы здѣсь слѣдуемъ тому правилу, что стараемся узнать изъ уніятскаго или латинскаго сочиненія не то, что авторы хотятъ доказать, а что они отвергаютъ или скрываютъ. Одно уже то, — въ чемъ они невольно или наивно проговариваются, — богатый матеріалъ. Въ этомъ отношеніи мы иногда признаемъ богатымъ источникомъ нелѣпѣйшее сочиненіе, напримѣръ, какое нибудь восторженное, фанатическое сказаніе о смерти Кунцевича въ родѣ Głos krwie или невѣжественнѣйшее описаніе его чудесъ въ родѣ Korona Złota. Конечно, мы нескрываемъ здѣсь, что такая почва для историка очень зыбка, особенно при недостаточномъ знаніи дѣла, и насколько она у насъ тверда мы не беремся судить, но если читателямъ угодно слышать наше признаніе, то мы скажемъ, что открываемыя нами теперь богатѣйшія рукописи объ уніи убѣждаютъ насъ еще болѣе въ томъ, что критическое изученіе печатныхъ сочиненій объ уніи, кѣмъ бы они нибыли написаны, всегда можетъ привести къ важнѣйшимъ открытіямъ и что весьма несправедливо многіе уничтожаютъ всякое значеніе этихъ сочиненій, если они написаны уніятами или латинянами. Что же касается до искаженій слѣдственнаго дѣла о смерти Кунцевича,

то кромѣ общей критики его, мы имѣли еще слѣдующія пособія для возстановленія истины: нѣкоторыя свѣденія объ этой смерти, помѣщенныя въ Supplementum Synopsis (сочиненіи православномъ) и тѣ части біографіи Кунцевича, написанной г. Гаворскимъ (въ Витб. Губ. Вѣд. 1858 г. ч. неоф.), которыя составлены на основаніи подлинныхъ документовъ, хранящихся въ Полоцкой теперь Витебской Консисторіи и Витебскаго Архива древн. граматъ. На этомъ основаніи мы беремъ смѣлость даже указать, что именно искажено въ этомъ слѣдственномъ дѣлѣ. Въ немъ искажены показаніе виновныхъ или лучше сказать неискажены, а или выпущены, или сокращены. Здѣсь дѣйствительно поражаетъ читателя отсутствіе защитительной рѣчи со стороны православныхъ рядомъ съ обвинительными рѣчами (напечатанными) адвоката Кунцевича.

196) Głos krwie стр. 25. 26, 27; Korona złota nad głową zranioną B. M. Jozefata Kuncewicza rozdział 1—8.

197) Progenitor ejus (Мелетія) Erasmus Smotricki Viceeapitaneum Castri Camenescensis plurimo egit tempore... vir morum singularium nec exilis doctrinæ, quippe qui graecarum Latinarumque litterarum nec non slavonicæ linguæ cumprimis peritus fuerit. Cujus rei argumento sunt perutiles toti Russiæ ejus lucubrationes; biblia scilicet e Graeco et Latino sermone in Slavonicum versa et Ostrogiæ ducis... impensis edita... Konstantinus dux ostrogiensis videns dictum Erasmus Smotriski Viceeapitaneum Camenescensem eruditionis Ruthenos inter haud spernendæ, auctoritate sua tantum apud eum perfecit, ut relicto publico honore, ejus gymnazij rectorem subjieryt... Saulus et Paulus sive Meletius Smotryski transformatus соч.

Хельскаго, уніятскаго епископа Jakóba Suszy изд. 1666 г. стр. 14—15.

О Мелетіѣ Смотрицкомъ печатается, съ іюня мѣсяца настоящаго года въ «Православномъ Обозрѣніи» прекрасная статья г. Еленевскаго. Мы рекомендуемъ ее нашимъ читателямъ. Въ ней съ большимъ знаніемъ дѣла и искуствомъ собраны свѣдѣнія объ этомъ лицѣ и сдѣлана попытка разгадать эту личность. Разгадка автора очень близка къ истинѣ и очень интересна. Г. Еленевскій шагъ за шагомъ показываетъ, какъ Смотрицкій переходилъ отъ православія къ уніи, увлекаясь планомъ примиренія православныхъ съ уніятами. Къ сожалѣнію, желаніе автора видѣть вездѣ логичность въ мысляхъ и дѣйствіяхъ Смотрицкаго, значительно повредило дѣлу. Смотрицкій представленъ имъ слишкомъ уже въ яркомъ свѣтѣ. Впрочемъ, мы соглашаемся, что автору трудно было и составить другой взглядъ на Смотрицкаго, при его добросовѣстномъ изученіи *только печатныхъ* документовъ объ этомъ лицѣ. Были бы у него рукописи, которыми мы могли пользоваться, и онъ самъ ослабилъ бы свои сужденія о Смотрицкомъ. При всемъ томъ, повторяемъ, эта статья очень замѣчательна и хотя мы знакомы были съ нею и прежде ея изданія, но прочитали опять съ большимъ интересомъ. Было бы у насъ побольше такихъ статей, исторія уніи быстро двинулась бы впередъ.

198) Тамъ же стр. 16. Кириллъ Лукарисъ былъ тогда протосинкеломъ Александрійскаго патріарха Мелетія и пребывалъ въ Литвѣ вмѣстѣ съ извѣстнымъ намъ экзархомъ Никифоромъ. Было это въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія.

199) Suszcn стр. 16.

200) Injerat tum Smotriscius singularem cum Archiepiscopo Russiæ Jozepho Rutscio noticiam et intima ejus usus est consvetudine. Rutscius etiam tum commoda lætus occasione de unione cum eo Catholica persequens, egit, qui ejus immoliter pectus devinciret animum et dotibus naturæ egregiis insigniti viri lucraretur salatem. Sed prævalente altius fixo pectori schismate incassum ejus cessit labor. Surza. стр. 17.

201) Suszu стр. 18.

202) Объ этихъ сношеніяхъ Смотрицкаго съ уніятами и латинянами былъ большой споръ еще въ 1624—2 году. Авторъ сочиненія Sovita Vina разсказалъ объ нихъ печатно. Авторъ Obrona Verificatij, т. е. самъ Мелетій Смотрицкій, не отвергая самаго факта этихъ сношеній, давалъ имъ тотъ смыслъ, что онъ велъ ихъ по порученію виленскаго братства. На это авторъ соч. Examen obrony отвѣтилъ новыми подробностями и вызывалъ Мелетія опровергнуть ихъ. Опроверженія мы не нашли, да оно намъ и не нужно. Сами православные въ послѣдствіи доказывали, что Мелетія съ трудомъ соглашался постричь Леонтій Карповичъ, сомнѣваясь въ его достоинствѣ, т. е. они почти повторяли разсказъ объ этомъ уніятскихъ писателей.

203) Powiadał (Смотрицкій виленскимъ уніятамъ на тайныхъ свиданіяхъ) i to, że nawrócił na Wołyniu do unij iednego, który potym (znać że w tamtym koncie kapłanow dobrych unitow — niebyło) przeszedł do nabożeństwa Rzymskiego, o co mię przysztrafował pan jeden w Wilnie... Za upomnieniem jego pisałem powiada do tamtego człowieka, mowiąc, żem żartował (ale tamtem za-

szedszy żartem do P. Boga (т. е. до латинства, по мысли автора) serio został przy nim). Examen obrony Weryficatij стр. 44. Фактъ этотъ подтверждаетъ и православный писатель—авторъ Antopologii, говоря, что это было до посвященія Мелетія въ санъ Епископа стр. 52.

204) Ostrze następować w Bractwie mu poczęto, żeby aby habit brał, abo precz od nich ustępował, — уніятское сочиненіе Examen obrony... стр. 45—46. Każdy to na oko widzi żeś hipokryta (обращеніе къ Смотрицкому) co i oyciec twoj w Duchu S. pamięci błogosławiony Leontius Archimandryta cerkwi zesłania Ducha S. Wileńskiey w tobie widział dla czego i do zakonu cię przyjmować niechciał... tylko czasowi schodząc, na żądanie niektórych osob, którzy wnętrznego wilka mało znali, rad nie rad przyjąc musiał do zakonu i ręce umywszy czyst iest od tego, spodziewając się jednak wszyscy z czasem poprawy (?) po tobie, wkładali się za tobą. Antidotum— сочиненіе православнаго писателя стр. 6; а писатель Antopologij, тоже православный, говоритъ даже, что Мелетій, принимая и архіерейство, думалъ объ уніи, — a przecie ten pielgrzym (Смотрицкій, путешествовавшій на Востокъ) dostojeństwo to (архіерейство) na się wziął niebędąc tego godzien, przeto że się nanim nieobchodił, «ani się obchodzić przedtym zamystał...» стр. 17; такъ что на основаніи этого свидѣтельства можно бы подумать, что Мелетій дѣйствительно по совѣту уніятовъ принялъ монашество и остался въ виленскомъ братствѣ, какъ говоритъ объ этомъ авторъ Examen obrony (стр. 45), и что онъ, слѣдовательно, давнымъ давно готовилъ измѣну православію; но этому послѣднему заключенію

совершенно противорѣчитъ борьба Мелетія съ Кунцевичемъ.

205) Saulus et Paulus sive Meletius Smotriski transformatus. Susza стр. 18 — 19. Къ этому-то времени (1617—1620 г.) относятся филологическія труды Мелетія — его грамматика и лексиконъ. Susza тамъ же.

206) Conclamatum... est R-sm Meletium Schismatitos parricidas tum scriptis tum dictis contra pastorem suum (Іосафата Кунцевича) excitasse... Письмо Рутскаго къ папѣ объ обращеніи Смотрицкаго отъ 1627 г. рукопись.

207) Доносеніе въ Римъ Рутскаго, приводимое нами ниже.

208) См. письмо Іосафата Кунцевича къ Льву Сапѣгѣ, приведенное нами въ примч. 184.

209) Судебный позывъ виленскому братству 1624 г. рукопись. Выписываемъ весь этотъ интересный документъ. Jmieniem w Bodze wielebnego Jego M. oyca Jozefa Weliamina Rutskiego Metropolity Kijowskiego, Halickiego i wszystkiey Rusi tak też wszystkiego Duchowienstwa y bratstwa zdawna uprzywilejowanego Wileńskiego S. Tróyce, tak narodu szlacheckiego, jako y mieszczan szlachetney Rady y pospolitego człowieka pod posłuszenstwem Jego M. Oyca Metropolity na ten czas Jozefa Weliamina Rutskiego będącego donosił do urzędu y opowiadałsię (неизвѣстно кто, въ рукописи оставлено пустое мѣсто) na ludzi swowolnych Duchownych y swieckich Mieszczan Wileńskich y innych wszystkich różnego stanu ludzi którzy tego swowolnego zebrania factores y do factij ich złosliwych jakim kolwiek sposobem radą y pomocą są. A mianowicie Gabriela Dudka na ten czas namiestnika Monastera Brackiego, Barlaama a pierwiey Ba-

zyłego popa wyklętego który znowo iest kaznodzieją y spowiednikiem, Jozefa Lewonowicza abo Lewoniewicza jako się on mianuje Rectora y kaznodzieja, Dmitra dozorce Cerkwie Trockiey, Gedeona Jhumiena Bratskiego Mińskiego Cerkwi SS. Apostołów Piotra y Pawła, Sylwestra Hrehorowicza protopopowicza Nowogródskiego y na inszych pomocnikow ich na swieckich mieszczan y kupcow Wilenskich, Siemiona Jwanowicza, Jana Kotowicza, Bogdana Borysowicza Wasila Baranowicza, Wasila Kułakowskiego, Wasila Drukowina, Krzysztofa Wasilewicza, Stefana Zahorskiego, Siemiona Kropowskiego, Bogdana Symonowicza, Jzaka Wołkowicza, Jerzego Chociewicza, Filipa Sieneżyła, Estrafa Ziłowskiego, Pawła Dorofiejowicza, Pawła Fiedorowicza, Matfieja Kotowicza, Wasila Dorofiejowicza, Hrehora Stephanowicza, Alesima Maximowicza, Wasila Tworowskiego, Bogdana Eiedorowicza y innych których oni sami znają y imiona ich wiedzą przychilając się we wszystkim do processu który się stał na istantią Jnstigatora J. Kr. M. in hoc passu na Ratuszu Wilenskim w rokn 1621 w Marcu. Jż oni wiedząc dobrze prawo y władzę J. Kr. M. tak w koronie polskiej jako y w W. X. Lit. y we wszystkich prowinciach do tych panstw należących Jus patronatus to iest podawania Arcybiskupstw, Biskupstw, Metropolitow, Władykow Episkopow y wszelakich beneficij y dostojenstw duchownych tak Rzymskiego Kościoła jako y Greckiey Cerkwie y Religiey w dobrach J. K. M-ci nikomu inszemu jedno J. K. M. należy i zwiekow nigdy żaden się tego ważyć niesmiał aby bez nominaciy y podania J. Kr. M. na Arcybiskupstwa, Biskupstwa na Metropolie, Władyctwa Episkopstwo Rzymskie y Ruskie swięcić się miał, dopiero te osoby

wyrz pomienieni duchowni y swieccy zapomniawszy z wiary y poddanstwa swego które powinni J. Kr. M. panu swemu, wyłamawszy się z władze swowolnie y posłuszenstwa Mitropolitow y pasterzow swych własnych y prawdziwych y teraznieyszego władze Wielebnego oyca J. M. Jozefa Rutskiego Metropolity Kijowskiego y wszystkiey Rusi od Króla J. M. mianowanego podanego y według porządku starożytnego Cerkiewnego na to dostojenstwo poswięconego y potwierdzonego y oderwawszy się od prawdziwego bractwa S. Tróyce zdawna uprzywilejowanego y zabrawszy skarbow niemało y apparatow tak do Cerkwie S. Tróyce jako y do Bractwa S. Tróyce należących, także fundusze y legacye Bractwu temu od różnych ludzi nadane y z domami w miescie Wileńskim y folwarkami do tego bractwa należącymi, aż y do tego czasu z nich czynsz sobie y pożytek ku wielkiey a nieznosney szkodzie Bractwa S. Tróyce uprzywilejowanemu. A na bunty seditæ y turbowanie seymow y seymikow te przychody y pożytki obracając, założyli sobie Cerkiew abo raczey synagogę na gruncech Bratstwa S. Tróyce Swowolnie bez żadnego pozwolenia Je. Kr. Mości pana naszego Miłosciwego y nazwali ją Bractwem Ducha S. y tam pod pretextem Bractwa S. Tróyce uprzywilejowanego starzych y starost między sobą każdorocznych obierając władze sobie nienależną ustępują. A co większa za przyjachaniem tu do panstwa J. K. M. niejakiego Theophana Greczyna który mianował siebie patryarchą Jerozolimskim niebędąc im (bo na on czas był inszy żywy patryarcha Jerozolimski na imie Sophroniusz) jako wiadomość iest ale (nadto) posłanym był od cesarza Tureckiego do Hospodarza Moskiewskiego aby Moskwę przeciwko J. Kr. M.

y na panstwa J. K. M. podburzył gdy cesarz Turecki z wielką nawalnoscią nastąpi aby też Moskiewski z drugiey strony na panstwa J. K. M. nastąpił y panstwa J. K. M. posiadał jako tego pewne są znaki,—ten iesliby był patriarchą Jerozolimskim, nietrzeba mu było z Moszkwy na Polskę do Jeruzalem wracać się gdyż bliżey z Moskwy do Jeruzalsm niż z Polski (?!) ale on zrobiwszy te robotę w Moskwie dla czego był posłany umyslnie jechał na Polskę do Konstantynopola nie do Jerusalem aby posługi swoje zalecił Cesarzowi Tureckiemu, a będąc w Kijowie wiadomo to wszystkim było jako Rycerstwo Je. Kr. M. Kozaki nizowe strafował y gromił oto iż Kr. Je. M-ci pomagali na Moskwie y zakazował ym aby do Moskwy wojować niechodzili pod niebłogosławienstem. A mieszczanie Wilenscy wyrzey pomienieni usłyszawszy otym impostorze że iest w Kijowie, na poswięcenie do tego impastorza Theophana Greczyna wybrawszy z posrodku siebie Maxima Harasimowicza, ktory się przezwał Meletiem Smotrickim, wyprawili go z wielkim kosztem y podarkami y nieuważając Authoritate Kr. J. M. odeymując z władzy J. Kr. M-ci Jus patronatus Ruski po wszystkim panstwie, ci Bratszczykowie swowolni (тутъ очевидно пропускъ) y przyjąwszy tu go w Wilnie za Archiepiskopa Połockiego sprawiwszy mu Aparaty Episkopskie kazali mu w Bractwie swym pontificaliter służy(ć) przeciwko kanonow y prawił swiętych, które tego zakazują y bronią, aby żaden Episkop Władyka w cudzey diocezij bez pozwolenia własnego Episcopa tey diocezij in pontificalibus służyć pogotowiu y sądow żadnych czynić sacramentami administrować nieważył się pod klętwą; oni nic na porządek Cerkwi S. ni(c) na prawiła i canony

oycow SS. niedbając, ważyli się prawa cerkiewne łamać y psować y lubo J. Kr. M. dowiedziawszy się o tych factiach tych ludzi swewolnych uniwersały swoje na tych pseudo władyk publikować w panstwie swym roskazał, y o aktorach tey złosliwey factij Magistratowi Wileńskiemu inq(ue)rować y winnych karać roskazać raczył; zaczym Magistrat Wileński za roskazaniem Jego Kr. M. in instantią instigatora J. Kr. M. autorow nalazszy y winnieyszych do przyznania wiele rzeczy (przywiodłszy) ich samych do więzienia do dalszey nauki J. Kr. M-ci był oddał. Jednak y po procesie tym ci pomienieni Bratczykowie mimo wolą y zakaz J. Kr. M. przechowywali tego wielkiego buntownika pseudo Władykę Smotryckiego tu w Wilnie (w) Ractwie znieważając jawnie uniwersały J. Kr. M-ci y iawnie czyniąc rebellią przeciwne uniwersały tego to pseudo Włodyki swego Smotryckiego (który się oraz niemając i na to od Kr. Jego M-ci żadnego prawa y daniny Archimandrytą Wileńskim nad prawo wszelakie tytułuje) do miast Ruskich a mianowicie do Rezydentij Archiepiscopstwa Połockiego na on czas jeszcze żywego y niesmiertelney pamięci godnego Archiepiscopa mając Je. M. oyca Jozaphata Kuncewicza od Je. Kr. M-ci podanego, a od Jego M-ci oyca Metropolity teraznieyszego i inszych episkopow legitime poswięconego, rozsyłali pobudzając narod ruski przeciwko nieboszczykowi oycu Władyce połockiemu, jako się to w commissiey Witepskiey dowodniey pokazało zaczymtèż do tego przyszło yż Je. Msc oyca Archiepiskopa połockiego człowieka niewinnego y swiętego okrutnie zamordowali, a żeby im ta functia złosliwa snadnieyszy progress miała, ciż pomienieni Bratszczykowie wyuzdani na wszelką złość bez wszelakiego swstydu y bo-

jazni smieli z drukarni swey Bratskiey wydawać scripta publice derogując prawu y władzy J. Kr. M. a wszystek swóy złosliwy rozsądek utwierdzając y pochwalająca jus patronatus Je. Kr. M-ci na te dygnitarstwa duchowne Ruskie wyraznie w tych scriptach swych wytwornymi (должно быть—wywrotnymi) ludzi prostych do utwierdzenia sposobnymi wywodami labefactując znosić, do tego też pobudzając y animując do tych złych zamysłow y Rebelli złey ze drukarnie swey smieli wydać jakoby wszystek narod Ruski tych pseudo władykow za pasterzow miał przyjąć, a przy Metropolicie y władykach od Je. Kr. M-ci podanych (których oni niewstydliwie w tych paszkwilach swych apostatują y uszczypliwymi słowy, tak duchownych iako y swieckich w unii swiętey będących łżąc y sromocąc do ohidy ludzkiey przynosząc (wedząc) iakoby siedmiu we wszystkiey unij niezostało) y utwierdzając do konca narod Ruski wtakich buntach y rebelliach tego impastora Theophana Greczyna którego król J. M. za szpiega y zdraycę w uniwersałach swych mianował oni za swiętego y błogosławionego Narodowi Ruskiemu udawszy na wielkie znieważenie Je. Kr. M-ci jawną rebellią na nogi wystawując tego impastora Theophana publice na kształt prawie chorągwi, aby wszyscy nań patrzali y w złości się bardziey uzbrojali, na murze bractwa tego swowolnego z ulicy na widok wszystkim onego za swiętego wymalowawszy wystawili y w domach privatim obrazy tego impastora Theophana za swiętość ludziom prostym mieć roskazali, których też to obrazow tego impastora Theophana z tych że bratczykow wyrzey pomienionych, a mianowicie Eustrati Zialowski odrysowawszy y do niemieckiej Rzesze zawiosłszy y tam tych obrazow z napisem—Apo-

stolicæ sedis, nadrukowawszy tu do Wilna nawiozłszy publice, kram na to osobliwie w drobnym rządzie nająwszy, one za swiętość swoim udawał y rozprzedał. Jakoż snadź już do effectu zamysły swe złosliwe państwu temu wielce szkodliwe przywieść usiłując ten pseudo Władyka Smotryckі za takiemi factiami y conspiratią tego swowolnego Bractwa od Jmpostora tego Theophana poswięcony teraz «niedawnymi czasy bez woli y wiadomości J. Kr. M-ci pana swego do panstwa Tureckiego, a za wolą wiadomością y radą tego swowolnego Bractwa» (które aż do tego czasu zawsze w Cerkwi swey za niego Boga prosiło) «puscił się do Constantynopola, lecz teraż to Bractwo swowoln(i)e za także swowolnie mimo wolą y wiadomość Je. Kr. M-ci od tegoż impostora Teofana Greczyna poswięconego Jowa Boreckiego pseudo Metropolita publice P. Bogą prosza (si). Przytym też opowiadał y to iż ciż Bratczykowie swowolni fundując się na swych zamysłach swowolnych mimo wszelaką wiadomość y pozwolenie J. Kr. M. y przeciwko starodawnym przywilejom Jch M. Królow Polskich Cerkiew murowaną budować zamyslają y już bacz wiele materyi kamienia cegły y wapny do bractwa na cmyntarz swoj nawozili co wszystko yż super crimen perduellionis lesae majestatis et seditionis prosił aby to opowiadanie przyjęte było.

210) Донесеніе въ Римъ о дѣлахъ уніятской Церкви, приводимое нами ниже.

211) Antidotum стр. 5. Antopologia 42—43.

212) Тамъ же.

213) Смотрицкій прямо говоритъ: rozgniewany na mnie przeszły Archimadryta pieczarski (Захарія Копыс-

тенскій) na to się był usadził, abym w żadnym monasteru Kijowskim pomieszkanie niemiał Paraenesis стр. 22.

214) Вотъ донесеніе къ папѣ, которое прекрасно разъясняетъ дѣло. Relatio eorum quæ gesta sunt in Russia ex parte Unionis. An. 1622... P-mo. Unione sancta in partibus Liturniæ et albæ Russiæ per hos 20 annos solide radicata Revd-smus Metropolita animum adjecit ad eandem in ulteriori Russia propagandam: quem quidem affectum ab aliquod annis praeconceptus anno proxime elapso ad effectum deducere cenatus (conatus) est. Atque ita, cum forte fortuna Episcopus Chelmensis Catholicus nomine Theodorus Melescho A-o 1626 in Festo ss. Petri et Pauli Apostolorum cum Episcopo Smolenscense consecratus morbo invalescente, quo etiam ante conflictabatur eodem sub consecrationis die et eadem hora mortus fuisset, Rnd-smus Metropolita ad Curiam Regalem misit et Administratorem Episcopi Chelmensis in Volhinia sedi pro se obtinuit. Tandemque absoluta synodo nostra provinciali eodem anno, in Volhiniam venit. Omnibus interim Metropolicis bonis in Lituania uni Religioso occonomio relictis et toto fructu pro seminario resignato a spiritualium cura suo coadjutari demandata.

S-cedo. Illic volens panem otiosus comedere absolutis Luceoriensia. natalibus festia, instituit in principio Januarii visitationem episcopatum Volhinensium id est Vlodimiriensis et Luccoriensis. Et cum optimo sciret virorum principum Catholicorum favorem in utramque partem hoc est Unionis et Schismatis, plurimum volere illos adire instituit. Ac primo adiit Ill-smes Duces ab Ostrog Zaslawski (quorum unus Janussius nomine palatinatus est Volhinensis, alter Filius ipsius Alexander Palatinus item Brasławiensis) se-

cundo itaque loco convenit ducem Alexandrum, Dubnæ tunc agentem, virum doctrina et prudentia paæstantissimum vere bello et pace senatorem: et cum primis in Ritu latino Catholicum precuratissimum (qui tamen Parentes Ritum Græcum professos habuerat: licet jam suus etiam Ill-smus pater sit Ritus Latini) cum eodemque Rend-sms Metropolita notitiam contraxerat ante annos circiter 30, agens in exteris nationibus. Itaque nunc literas S. D. N. scribit.

T-tio. Habita ergo apud eundem audientia explicuit illi obligatum quo tenetur ad propagandam fidem Catholicam in Ritu græco Catholico. Tum quia ad illum prolemque illius summa rerum devoluta domus Ducum ab Ostrog olim primorum Regni Poloniæ Principum qui primi fuerunt Schismatis promotores in Russia quod etiam per illos stetit. Unde ne censeatur ambulare in via patrum suorum, pro salute sua promotionem S. Unionis serio curare tenetur. Tum quia magna pars bonorum ritus graeci Ecclesiasticorum fundata est in bonis illius a suis antecessoribus: tenetur providere bono Morum usui, ne fundafores fraudentur bono spirituali. Tum quia tot in illius ditione sunt amicorum Ritus graeci, ut vix alter in Regno Poloniæ sit qui plures Ruthenos Schismaticos in suo statu habeat: homines nostri Ritus Latini vix centerimam partem attingunt: horum itaque omnium animas Deus de manibus illius requisiturus est. Haec et plura alia in eandem materiam eidem insinuata, quo factum est ut promiserit bona principaliora Ecclesiæ Ruthenæ sui status non se daturus nisi Catholicis.

Quarto. Fuit sub id tempus Ihumenus Monasteriorum Dubnensium duorum Monachus Schismaticus nomine Cassianus Sacowicz vir alias insignite eruditus et vitæ in-

culpatæ: Huic regimen dictorum Monasteriorum (commissus) est propter solam doctrinam licet nullos in se haberet adhuc ordines. Praedictus itaque Ill-smus Dux Palatinus Braslaviensis induxit Cassianum ut conferet cum R-mo Metropolita. Et quoniam fides est ex auditu, iterata hac aliquoties conferentia, mutatus est in aliumque et S. Unioni manum dedit. R-smo Metropolitæ confessus et ab excommunicatione absolutus et tantem ordines suscepit ibidem. Ut fusius in literis ad Jllsmum Cardinalem Bandinum datis.

Quinto. His veluti principiis Volhiniæ Deo oblatis tractari cæptum de Monasterio Dermonensi Dubna 4 leucis distante et anno reditu 2000 scudorom adæquante. Ill-smus Dux dicit suum parentem Jll-smum Palatinum Volhiniensem scripsisse sibi literas commendatitias ad rem præfati monasterii pro Meletio Smotriscio nuncupato apud Schismaticos Archiepiscopo Polocensi. His auditis Rnd-smus Metropolita subjecit: In conscientia obligatum esse Ill-smum Ducem ad negandum. Cum probe sciret illum esse schismaticum et schismaticorum principem: hominem quidem acris ingenii, lectionis multæ, eruditionis magnæ in scriptura et SS. patribus versatissimum: sed tamen his omnibus in perniciem S. Unionis instructum. Deinde illum esse «nominatim excommunicatum per me legitimum Ruthenæ Ecclesiæ pastorem, praeviacitatione et omnibus solennitatibus in talibus observari solitis»: ut proinde cum illo conversari Catholico principi certe sine aliqua et quidem justissima nota sit impossibile. Denique omnes pseudo— Eppi sunt Rei Criminis læsæ S. R. majestatis quia in illius praejudicium titulos sibi asciverunt illorum, qui privilegiis et tunc gaudebant et nunc legitime gaudent Epprum: Senator pro Regni Poloniæ pro honore Sern-ssmi

regis cum illius inimicis non practicare omnino tenetur. «His et aliis id effecit Rud-smus Metropolita ut non prius Smotriscio Monasterium Dermonense confere promiserit quam ea, quæ unitum decerent, præstaret.

Sexto. Sciendum porro est prædictum Meletium Smotriscium natum fuisse in schismate; Hic cum studia apud P-res Societatis Vilnæ cœpisset in externis nationibus apud-Hæretícos eadem finivit: unde Vilnam rediens contracta cum præsente Rnd-smo Metropolita notitia de Unione sæpius contulit, sed propter pertinaciam haereticam in eodem luto ita hæsit; ut monachus schismaticus factus, acerrimum in S. unionem stylum converterit et ut suam consummaret temeritatem Anno 1620 a pseudo-Patriarcha Hierosolimitano pseudo-Episcopas Russicos consecrante, in Pseudo-Archiepiscopum polocensem est consecratus. Sed a me, ut dixi praevia citatione, cum suis pseudoepiscopis et Pseudo-Metropolita soleniter excommunicatus. In hoc Archiepiscopatum ita tam scriptis tum dictis populum concitavit ut in necem pastoris sui S. patris Josaphat conspirarint et eundem occiderint! Occiso antem Josaphat «timens sibi» in Graeciam accessit atque inibi tr(i)ennio exacto, rediit: «et visis miseriis non tantum corporalibus, sed etiam spiritualibus», ut patet ex ipsius postulatis tepescere in schismata coepit Anno suae aetatis suique schismatis quinquagesimo. Haec de Smotricio.

7. Sed ad rem. Revrd-smus Metropolita hoc data Jll-smo Duci Jnstructione reversus est Chelmam. Ynterim venit Dubnam Meletius pro Monasterio Dermonensi supplicando. Sed Jll-smus Dux respondit se non prius illi daturum Derman quam ille se unitum protestaretur. Jn cumque finem obtulit illi quiddam scriptum, docens, dilectans,

movens, quo Smotriscium ad unionem invitabat, errores illius confutando: Jdemque brevi Romam mittemus ad perpetuam tanti principis memoriam. Ilis literis Smotricius acceptis et tota nocte lectis in crastinum ad Jll-smum Ducem venit et dixit se jam velle esse unitum cum efficaci aliquo signo. Rogat tamen ut videat Revad-smum Metropolitam suæ salutis a multis annis cupidum. Jpso vero discedit chijoviam; rediturus post festum B. Trinitatis.

8. Redit Smotriscius Chijovia: Rud-smus Metropolita evocatur Dubnam ex Tribunali Lublinensi: Jtaque Julii 6 matutino tempore evocat Jll-smus Dux conclave Rnd-smum Metropolitam. Supervenit Smotricius excondicto ita tamen ut nullus ex familia advenae illius sciret inibi jam fuisse Rnd-smus. Et more Christiano salutatus non permissus est ad illas propositiones accedere prinsquam professionem fidei Gregorianam pro Graecis editam faceret. Smotricius aliquibus dubiis objectis, et piramento præmisso, quod fuerit consecratus vere epps et a vero licet non legitimo Pastore, Episcopo dictam fidei professionem absolvit. Postmodum confessus generali confessione Rnd-smó Metropolitæ, ab eodem absolutus a peccatis et censuris Ecclesiasticis consecutus est.

9. Iis peractis ad propositiones utrinque processum. Et imprimis impositum est illi ut professionem suam, quam fecit, propria manu describeret et subscriberet: post aliquod dies eandem tulit et Jll-smo Duci dedit in perpetuo ejusdem archivo asservandam. Deinde ut ad S. D. M. literas scriberet in signum obedientiæ. Jtemque ad s. officium cum suis postulatis hoc etiam fecit.

10. Propter ipsius petitionem et petitionium rationes ad s. officium expressos Rend-smus Metropolita concessit illi

occultare Catholicismum donec a s. officio responderetur. Ad eundemque finem, ut utatur titulo Archiepiscopali in schismate obtento; donec rescribatur Roma quo titulo donandus sit. Praeterea cum in multis actibus more graeco facienda sit mentio Patriarhæ Hierosolimitani, indultum est illi ut illam faciat mutata tunc (tantummodo) intentione, ut hoc faciat non tanquam patriarcham agnoscat in superiorem, sed ut petat ei gratiam Divinam ad resipiscentiam: Et ut hoc occultet Catholicismum. Denique data est illi facultas consecrandi sacerdotes schismaticos pro tribus Episcopis. Ut latius in postulatis Smotriscii ad s. officium directis.

11. Rnd-smus itaque Metropolita supplicat S. congregationi, ut illa mediante confirmetur Praxis haec, scilicet, quod possit concedere, ut pseudo-eppus ad unionem conversus aliquo tempore lateat sub pallio schismatis: si haec pro honore Dei expedire judicat.

12. Ut decidat S. congregatio an possit tolerare titulos illorum in schismate obtentas, an vero in alios commutare et quos? Utrum in suffraganeos Eppr-m, quorum injuste gaudebant constituendo. Utrum vero aliquo allio titulo in partibus infidelium donando: Nam plurimi episcopatus olim dependebant a Metropolita immediate et inparticulari omnes totius Moscoviae et Tartariœ Episcopatus, qui plusquam vigesimum munerum conficiunt.

13. Ut possit dare illi sub pallio schismatis latenti facultatem consecrandi sacerdotes proprium Pastorem non agnoscentes et Psendo-Episcopas quaerentes. Cujus ratio est. Quia nunc illi sacerdotes, qui non agnoscant suos ordinarios pastores, consecrantur interdum a Vagabandis Erronibus Graecis Psundo—episcopis vel Ruthenis in fide

et ceremoniis non instructi. Ex duobus quorum malis minus eligendo expedire videtur, ut detur Catholicis occultis haec facultas, qua habita ad se confugientes instruent in fide et aliis ad Ritis docentiam pertinentibus: Et jam valetur... si revocabunt, ut possit in ceremoniis Ritus graeci facere mentionem Patriarchae, supposita præfata intentione. Alias enim nullomodo possent occultare Catholicismum.

Jn omnibus his punctis Rnd-smus Metropolita se totaliter submittit Judicio J. K. E. modos et media promovendae unionis S. paratus comodo procedere.. Между этимъ донесеніемъ и письмами Рутскаго и Папскаго нунція въ римѣ о Смотрицкомъ есть нѣкоторыя разности. Мы выбирали изъ нихъ то, что казалось болѣе сообразнымъ съ другими свидѣтельствами и съ общимъ ходомъ дѣла.

215) Protestatia przeciwko soborowi w tym roku 1628 wedni Augusta miesiąca w Kijowie obchodzonemu. стр. 4—5, 21; Antopologia Diplic предисловіе.

216) Вотъ письмо Смотрицкаго къ Рутскому, хорошо объясняющее дѣла того времени.

Julistrissime ac Reverendissime Pater et Pastor meus Dignissime.

Dnia 29 Februaryj listy Wiel. Twey od X-cia Jego M-ci przesłane pospołu z ośmią sexternionow katechismowych, doszły mię; przy nich y annotationes censoriae: w których odsyła mię Wiel. twoja dópism R. Thomae Aqu. a ja ich niemam: piszę do X. J. M-ci, aby mi ich do tey potrzeby użyczyć roskazał jesli się w Bibliotece Dubienskiey. Dialogum de processione Spiritus S. secundum mentem annotationum Wielebn. Twey poprawiłem. Tegoż katechismu posyłam teraz do Wieln. Twey sexternionow siedmi przymnie zostało ieszcze nieskorygowannych dwa-

naście: y te za okkazią pewną przeszlę. Z ktòrymi pospieszyć się z cenzurą, nie bez wielkiey prace, w nadziejeiednak niebieskiey odpłaty, Wiel. Twey przychodzi. Listy z Rzymu do Wiel. Twey pisane ucieszyły mię w sytość. Bóg Wszechmogący Wiel. Twey pomagać niech raczy, siły y chęc ci dodawać, aby to Duszezbawienne Dzieło, w którym się Wiel. Twoja wszystek najduje; przez które y mnie grzesznika pozyskać Wiel. Twey dopuscić raczył: skutki swe zbawienne z pomnożeniem chwały jego swiętey w zawiedzionych nieszczęsną schismą duszach ludzkich, dzień od dnia od godziny w godzinę brało. Po mnie, poki z woli Bożey dusza moja w ciele moim zostawa, to sobie Wiel. Twoja obiecuy bezpiecznie, że ultro citroque na namnieysze skinienie Wielebnosci Twey etiam ad impossiblie u mnie, gotowym się stawić chcę: ufając Bogu Wszechmocnemu, że za swiętymi modlitwami y oycowskim błogosławienstwem Wiel. Twey, possibile mnie z łaski jego s. staniesię y to przy woli oyca swiętego, s. kongregationis de propaganda fide y Wiel. Twey zostawuję, póki mię tajonym mieć zachce: nie kuwoli mnie, ale ku woli skutecznieyszey zawziętey s. sprawie Wiel. Twey. Bo y teraz niedawno w wielkich gomonach od braci zakonnikow Monastera mego Dermonskiego byłem, którzy wziąwszy wiadomość o tym, że się z Wieleb. Twoją w Dubnie widział (chłopięta Wiel. Twey memu Helizeuszowi Jlkowskiamu powiedzieli, a on inszey braci), oraz niemal wsysey odbiegli mię byli, y po wszytskim Wołyniu rossławili. Złemu temu za łaską Bożą teraz już zabiegł, że podawszy to im za rzecz niepewną, uczyniłem ich temu niewierzyć: ktorzy zaś się do mnie z Lucka (bo się ich tam udało było pięć) nawrocili, między którymi

y ten Helizeusz spiewak. J to się już tu na Wołyniu przez ich do mnie nawrocenie się przykluczyło. Wielce tedy tego Wiel. oycze postrzegać potrzeba y wiele temu swiętemu dziełu, w którym tak dawno pracujesz na tym należy, abym był tajon. Bo skorom był się teraz dowodnie im ogłosił, znieważony y odbieżony byłbym, y od wszystkich tak opuszczony jak inszj, abo y bardziey strony naszey przełożeni duchowni. Mnie też nic inszego powodniey podać do wiadomości wszystkiemu narodowi naszemu Ruskiemu niemoże, tylko ten moy katechizm. Przed którym uczyni celibanem Apologia peregrinaticy moiey z considerationi dissensionis dogmatum inter Ecclesiam orientalem et occidentalem: jesli mnie ją zaczętą ss. modlitwami Wiel. Twey Pan Bóg skonczyć dopomoże. A między tym czasem, abym miał u tey strony integram existimationem y nie podeyżywaną confidentią, którą mam w Bratstwie Wilenskim, z oycem Boreckim, z ojcem Archimandrytą pieczarskim y z inszemi: wyjąwszy niektore namnieyszey wagi ludzie, którym wiara dodawana niebywa. Zaczym y do tego, abym się powtore z Wieleb. Twoją temi czasy po Wielką noc, abo y potym rychło widzieć mógł, bardzo przytem trudno zwłaszcza secreto. Przy stole lub na mieyscu takim, gdzieby nie mowiącego z Wiel. Twoją y widziano y sryszeno być może. Sprawując swoje rzeczy, jesli by które zachodziły przes samego X. J. M-ci abo przez J. M. P. Bojarskiego. Posyłam Wieleb. Twey do przeczytania, co juz o tym pierwszym moim z Wiel. Twoją widzenia się (iednak z powiesci bez rzeczywistego dowodu) Homo iste superbus Jzajas (Копинскій) po wzystkiey Rusi temi niedawnymi dniami rospisał y rozsiał, y poki mu rogi do żywego utarte przez odjęcie tych Monasterow y

tego co z Moskwy przynabył, niebędę; puty on tak szaleć nieprzestanie. Ma Xiąże J. M-ść Wiszniewiecki do ruszenia go z Monasterow tych swoich przytsęp bardzo słuszny; który Wielebności Twey pokazuję. Pisze do mnie ojciec Borecki, de data Februaryj 9-ego że za te takie jego uniwersały pisał do X. J. Wiszniowieckiego skarżącsię mu. Za czym y Wieleb. Twey do Xcia J. M. y Jego Xięciu M. do ruszenia jego sporszy być może przystęp. Od. p. Jzaka Wołkowicza tey zimy dwoje pisanie miałem, który mi oznaymuje otey swey na pisarstwo Wil(enskie) vocatiey. Odpisałem do niego po oba razy, aby to uczynił sine ullo conscientiae scrupulo, J. M. Oyciec Archimandryta pieczarki dwiema niedzielami przed mięsopustem, jadąc do maiętności swey w powiat przemyslki był u mnie w Dermoniu dwa dni. Po którym pokoju cerkiewnego *dobra nadzieja*. Jest człowiek czysty, pobożny, pokorny, rozumny: z którym ieszcze swieckim, w domie jego będąc latem o Pietrze s. o tym się już dowolnie rozmawiało, y otworzyłem mu coincidentiam sensus in controversis dogmatibus quae intersunt inter orientalem et occidentalem Ecclesiam. Mieszkałem u niego dni dziesięć; miałem go przez dni kilka bardzo tęgim, nie z uporu jednak (już się widzieć z mowy y następujących dubitatiy: które gdy miał odemnie colrowaną y istotę rzeczy envolvowaną rzekł: quid est propter summum Deum, quod nos in tantum a Romanis disterminat? (bo y polacinie y pogrecku uczył się) y od tego czasu jest bardzo łagodnieyszym w mowie o Rzymskim Kosciele y o tey dogmatum różności. Obiecał mi się jednak nazad nieminować mię. Bo iest ieszcze w Domu. Co iesli się zisci nie zaniecham za Bożą pomocą ss. modlitwami Wiel. Twey wspomożony do rozmowy z

nim o tym umyslny wstęp uszynić najedynie. Z umysłu chciał był Xcia J. M. w Dubnie nawiedzieć: ale X. J. M. natenczas odjechał był ku Łokaszom do X. J. M. Woiewody Wołynskiego. Wielką by rzecz Xże J. M. z tym y z oycem Boreckim wtey sprawie powagą y mędroscią swoją sprawić mogł: by się mogły wynaleść sposoby, jakoby oni do widzenia się z J. X. M. przyść mogli. Bo są męże oba dobrze ochoczy y o Rzymskiey Religiey rozumiejące. A że Wiel. Twoja y strony funduszu Monasterza Boskołobowskiego z Je. M. P. Charążym Słonimskim conferować raczył, znak y to pałającego serca Wieb. Twey w rozmnożeniu chwały imienia Boga Wszechmogącego w cerkwi narodu naszego Ruskiego. Postępek tego nie równo spiesznieyszy y pomyslnieyszy nam będzie gdy się protestatia zaniesie o wybicie z spokoynego dzierżenia y na urząd grodzki orszanski o nie przyjęcie protestatiey. W czym mi przyobiecał był posłużyć J. M. Oyciec Koadjutor Wiel. Twey: rozumiem y uczynił. Bo tak miększemi być muszą Jch MM. PP. Fundatorowie. Co mi nakoniec Wiel. Twoja suggerować raczysz ex literis Romani sedis de querendi modis et rationibus quibus juvari possit misera Graecia. Utinam per s. preces Illstrissimi Beatitudinis Vestrae tanto de me in s. Curia Romana habito conspectui respondeam: ad quod si vires defuerint: alias Deo juvante nunc fuerant defuturos. Na ten czas cobym wsprawie tey rozumiał, ile mi godzina do skorey odprawy posłańca pozwolało, przekładam: y Wielebności Twey pod rozsądek poddaję. Wiem narod greeki częścią: złym rozumieniem o wierze Rzymskiey, częścią ieszcze onymi w przodkach swoich dawnymi wojennymi Latinorum abo raczey Francorum incursiami ku Rzymianom.... tak bardzo

zajątrzonych y zagniewanych, że nieladojako sposob wynaleść się może ku zgodzie tym daleko od siebie rozróżnionym w sercu y jako oni rozumieją w wierze Narodom Greckiemu y Rzymskiemu. Czego doznali sami ci zacni mężowie, którzy się czasow swych o zgodę tych dwu narodow kusili. Nawidoku Michał y Jan Paleologowie Cesarzowie Konst. którzy swoi u swych; a ieszcze y Patryarchow miawszy po sobie, ow Jozefa a on pierwszy Joannesa Bekka, nic jednak niesprawili; teraz o to kusić się komu: zda się kusić się o rzecz juz zgoła niepodobną. A to przytym y z tych trzech przyczyn: 1-szey unionem Graecorum cum Romanis Turcy wykładają być konjurationem omnium Chistianorum contra Turcam. 2-ey że patryarcha dzisieyszy iest dissensissimus PP. R (zymianom) imo Haereticus est: nisi resipuerit. 3-ciey że lud wszystek grecki duchowni y swieccy Rzymian mają za sprosne haeretyki, a nabardziey (czegom ja dobrze wiadom) swiętohorcy. y aczkolwiek virtus rei in infirmitate humana perficitur, zaczym nieradbym ,y tam ile do sprawy tey, w łasce Bożey desperować,. nierad bym y inszemu komu desperować w tym perswadował: dawać to abowiem częstokroć, za wolą Bożą zwykło jedna godzina, czego denegują lata mnogie. Bo jako mnie grzesznego człowieka y ciężkiego schismatyka, a twardego Rzymianom nieprzyjaciela Bòg moy z łaski swey s- do jedności s. cerkiewney jakowemi on sam wie srod(k)ami, pociągnąć raczył: co ja mam desperować, że tąż łaską swoją S. tymże swym nieogarnionym miłosierdziem ku miłosci, zgodzie y jedności S. pociągnie całe narody? Wszakże według człowieka mówiąc y postępując: poki przez nas za pomocą Bożą Ruska nasza Cerkiew do jednosci swiętey przyciągniona niebę-

dzie, poty nam Rusi o grecki, o swiętą gurą, o Moskwę y o insze greckiego nabożeństwa narody kusić się próżno. Bo nietylko, że się rozdwoimy w siłach y osłabiemy y nic tą razą nie sprawiemy ni tu ni tam. Co większa? jakoby przestrogę, tylko uczynimy swiętohorcom (od nich początek uczynić chciawszy) że sobie napotym do nich y do wszystkiey Greciey przystęp trudnieyszy sprawiemy. Moje tedy miałkiego dowcipu podłe zdanie, doma pierwiey całe wszystkiemi siłami nie rosdzielając się siam y tam (ponieważ nam y w jedeny oyczyznie naszey nieladajako sporo, przewysz pomienioną przyczyną, że y nasz narod Ruski Rzymian ma za sprosne pięciu Haerezij Haeretyki) robić: P. Boga na pomoc wzywając y pracować. Potym kiedy P. Bóg zdarzy nam, że stanie narod Ruski w S. Jednosci, łacnieyszy, bo ten że już utarty sposob będzie do pozyskania inszych greckiego nabożeństwa narodow. A bez Rusi w S. Gurze nic zgoła inszy narod ku jednosci sprawić niemoże. Bo oni wielkie cudowne sprawy w swoich monasterzach dziejące się naprzeciw uniey nastawują, y są podobni Moskwie, że y mieysce te w Cerkwi wypalają, na którym by łacinnik siedział. Ktorym poki się y te cuda niezganią: y to rzetelnie y dowodnie nie pokoże (się), że Rzymianie nie są Haeretykami y niebyli nigdy, póty trudna z nimi w ugodzie sprawa: Turkami raczey być pozwolą, niż Łacinnikami. Czego y z samey naszey Rusi doznawamy ktorych głosy, że wolą zawsze być. . . . . Haeretykami, niż Papieżnikami. Zaczym y pod ten nasz ciężki y z samym narodem naszym trudny czas Wiel. Twey tym trudem obciążać się niezdami się. Pisałem ja teraz do oyca Patryarchi Konstant. (Listu tego kopię ma X-że J. M. Wielebność Twoja jesli go usądzi

godnym być uszu ludzi... y mądrych kazawszy przepisać, przesłać do Rzymu woli Wiel. Twey poruczam): nieodpisał nań pszez tego Grammotophora nic, rzekszy, że te szeczy potrzebuią dłuższego, niż ten odjazdu Twego czas rnosi, uważenia: obiecał jednak odpisać. Gdy wydą za pomocą Bożą considerationes y ten Katechizm przez druk, a stanie się to za wolą Bożą w narodzie Ruskim, czego pragniemy, wyda się tuż y Sławiańskim dla Russian y Greckim dla grekow: Wten czas możesię wynaleść sposob pszesłania Braci do Monasterzow swiętohowskich z temi pismy, jako z gotową y nie od nich szukaną y Wynaydowaną do rozmowy materją. Natym to pisanie moje konczqc, pieczołowanie sprawy Wiel. Twey, P. Bogu poruczywszy w opiekę, siebie y uniżone powolności moje łasce, miłości y błogosławienstwu Wiel. Twey oddawam. Bóga Wszechmogącego prosząc, aby nam Wieleb. Twoje wielalietnie dobrze zdrowego ku prawemu słowa prawdy iego sprawieniu w Cerkwi naszey Ruskiey chować raczył. Z Dermonia Anni 1628 Martii 2 dnia.

Wieleb. Twey wszelkiego dobra życzliwy
Brat y
Sługa naynizszy
M. Smotricki.

217) Apologia peregrynacyi do stron Wschodnich изд. 1628 г. на Польскомъ языкѣ.

218) Protestatia стр. 6 Вотъ отрывокъ письма, которое при этомъ писалъ Мелетій къ Іову Борецкому. To co mi Wielebność twoja y inszy Bracia w pobudkę spiącego z nieczułości narodu napisać roskazać raczył napisane Wielebnosci Twey, owdzie drucarnie mieć nie

mogłszy posyłam y mam za to, że za niedziel trzy na dwu prasach wycisnąć się może y puscić w narod: aby każdy z nas przed pszyszłym da Bóg soborem jaśnie oboznaczyć mogł, na co to my wszystkim norodem chorujemy y już się z tey choroby uleczyć możemy, pobudki tey moy pszewielebny panie nie sądź według człowieka, ale Bożym sądź ją sądem. Тамъ же стр. 6.

219) Объ этомъ разсказывается въ имѣющейся у насъ копіи письма Рутскаго къ Львовскому Латинскому Епископу.

220) Saulus et Paulus Suszy стр. 94 — 95. Письмо Мелетія къ Рутскому приведенное выше.

221) Protestatia Смотрицкаго стр. 8.

222) Письмо Рутскаго къ Львовскому Епископу рукопись.

223) Pszeoswiecony móy Panie! (Писалъ Смотрицкій къ Іову Борецкому). Spodziewałemsię ja zwykłey przytomney usty k ustom z przewielebnoscią Twoją i z inszą mnie namilszą bracią w Chrystusie, wsprawach Cerkiewnych namowy, anie przez trzecie osoby, dla czego w ten kraj na czas naznaczony od przewielebności Twojey przybyłem, abym co z siebie samego w Cerkwi nierzkąc preciw Cerkwi stanowił, ale ani mysląc: bo nie w tey, krórey urodziłemsię Cerkwi Christusowey umrzeć nigym sobie nierzyczył i nie rzyczę y pewen po łasce Boga mego iestem, że mię wschodnia S. Cerkiew grobnymi pieluchami powije, ktora mię z wody y ducha urodziła. Zaczym proszę synowsko przebaczenia oycowskiego cięższego karania niż jest wina moja, niech nie ponoszę tak od Wielebności Twey, jako y od innych Boga miłujących y w Bogu Wielebnych, bo to niebędzie ranę (iesli jest jaka) leczyć, ale ją rozczesywać y jątrzyć.

Bo co się już stało przez druk rozstać się niemoże: wszakże iżby się to po wszystkim tym państwie nie rozleciało, może się temu ieszcze zabierzeć za spolną o tym namową y radą, naszą, nie szerzyć tych rzeczy owdzie, tam im zabierzeć, skąd one szyrszymi stać się mogą. Dla czego przez posłanych od przewiel. Twey y innych Boga miłujących y Wieleb. w Bogu oycow y w Christusie braci domnie przysłanych, będąc upewniony o wszelki temu wszystkiemu, coby tu zamieszaniu cerkiewnemu być miało, chcąc zabierzeć proszę przewielebności Twey y innych wszystkich obok przewieb. Twey siedzących przezacnych mi PP. naymilszych mi oycow i braci, abym do wspolney o tym rady miłości waszych dopuszczony był y o srodku zabierzenia namowiwszy się, to abym dziś (niepuszczając w dalszy czas przez odległość mieysca, na którym się drukuje) uczynił coby przez mnie za spolną wszystkich do tey rady należących radą, bez żadnych dowodow dysputacyi, uczyniono bydź należało. Bo gdziebyście mię w tym razie takowym przewiel. Twoja y inni bracia w Christusie odbiegli y opuscili y od siebie odtrącilj za odbieżanego y ostawionego y odtrąconego, a nie za odbiegającego y ostawującego sobie sądzić musiał bym y byłby to we mnie ledwo do uleczenia podobny uraz od przewiel. Twoicy zadany, którego wezwania dzieło iest chorego na swe bydle brać, a nie przezyrać y omijać. Zatym zwykłey miłości y łasce przewielebn. Twojey y innych Boga miłujących y w Bogu Wielebnych panow y Oycow siebie oddaję. 1628 r. 14 Augusta. Antidotum л. 40.

224) Protestatia стр. 15—21. Отречение Смотрицкаго было такого рода: Ja Meletiusz Smotrycki z miłosierdzia

Bożego Archiepiscop Połocki, będąc wzięty od wszystkiey Cerkwi naszey Rossyjskiey w podeyrzenie odstępstwa od wiary prawosławney greckiey powszechney Cerkwie wschodniey: a wysciem pod imieniem moim z druku wydaney Apologią otytułowaney xiążki jeszcze bardziey w tegoż odstępstwa podeyrzenie podany przez to moje ogłoszenie wszystkiey Cerkwi moiey Ruskiey przez łask waszych przytomnych na ten czas w Monasterzu pieczarskim i w Cerkwi tey swiętey Zaśnienia przeczystey Panny Bogarodzice dedykowaney do wiadomości donoszę: że po części takowemu od prawosławnych dogmat pobłądzeniu sam podlegam, z większey jednak części to pobłądzenie przyznawam bydź z swowolnego domysłu osoby tey, którey ta Apologia językiem polskim z druku być wydana była odemnie powierzona: mianowicie z złego umysłu Kassiana Sakowicza w Monasterzu Dubienskim Przemienienia Panskiego przełożonego, które nie ostróżne pobłądzenie się, tak ile do samego mego grzechu, jak i ile szkodliwego powierzenia przeciw prawosławnym wschodniey Cerkwi dogmatom być poznawszy i Wyznawszy: aby miłosiernym był Pan Bóg grzechu mojemu, proszę, a wszystkiey Cerkwi mojey Ruskiey tegoż Dobrotliwego Boga mego dobrowolnie obiecuję, ze już na potym wszystką duszą moją wystrzegać się tego chcę. Dając w tey Cerkwi S. Wiadomośc tego mego żalu przez znak owy, że przed oczyma miłosci waszey wszystkich, ten moj Apologią nazwany skript znieważam, szarpam i pod nogi me podmiatam, pod klątwą, którąm uczynił Panu Rogu w ten czas, gdym był przy przeoswieconym panu moim i innych Cerkwi naszey Ruskiey Archierejach na Archiepiscopstwo od naswiętszego patryarchi Jerozolimskiego pana

s. Oyca Theophana pod posłuszeństwo naswiętszego patryarchi Konstantynopolskiego poswięcony i ręką położony. Roku 1628 Augusta 14 dnia (Подпись Мелетія и печать). Antidotum л. 41.

225) Въ описаніи Кіево-Софійскаго Собора помѣщена пригласительная на Кіевскій Соборъ 1629 г. грамота митрополита Іова Борецкаго. Соборъ этотъ созванъ по согласію короля. Цѣль его митрополитъ Іовъ такъ опредѣляетъ: яко бысемы конечне мѣли и могли успокоены быти въ нашихъ великихъ доткливостяхъ, которыя терпимо черезъ отступство въ нѣкоторыхъ щекгульныхъ особъ (особахъ) отъ благочестія нашего.... (Опис. Кіев.-Соф. соб. прибл. стр. 79—80). Соборъ происходилъ 29 Іюня 1629 г., а уніятскій соборъ во Львовѣ назначенъ былъ на 28 Октября тогоже 1629 г. Безъ всякаго сомнѣнія между этими двумя Соборами была связь, потому что православные депутаты, прибывшіе на Львовскій Соборъ просили уніятовъ, чтобы они невооружали на нихъ короля Сигизмунда за то, что здѣсь нѣтъ духовныхъ депутатовъ православныхъ. Очевидное дѣло, Сигизмундъ надѣялся, что православные на своемъ Кіевскомъ Соборѣ подготовятся къ соединенію съ уніятами и на Львовскомъ Соборѣ соединятся съ ними. Другой связи между этими двумя событіями, такъ объединенными распоряженіемъ короля быть не можетъ. Это соображеніе наше вполнѣ подверждаетъ Зубрицкій въ своей лѣтописи Львовскаго братства подъ 1629 г. Говорятъ есть въ Архивахъ Кіевскихъ дѣяніе Собора Кіевскаго какъ 1628, такъ 1629 г. Очень жаль, что Кіевская Коммиссія, взявшаяся недавно за полемику съ польскими утопіями, уклонилась отъ первоначальнаго

своего плана и не издала ни одного документа, относящагося въ этому бурному и запутанному времени. Неужели въ самомъ дѣлѣ въ рукахъ Коммиссіи нѣтъ ничего подобнаго? А Аполлія Апологія, которая, по описанію митроп. Евгенія, находится въ Кіево-Софійской библіотекѣ и насчетъ которой всѣ наши просьбы и порученія остаются безъ всякаго успѣха.

226) Supplément. ad histor. Russiæ mont. № 199. Въ универсалѣ Сигизмунда о съѣздѣ на этотъ соборъ говорится: Za spolnym do zgody oboicy Rusi taz zuniowaney jako niezuniowaney nakłonieniem i żądaniem nas o naznaczenie sobie na to generalnego synodu złożylismy go onym dnia 28 miesiąca Oktobra roku teraznieyszego (1629) w miescie naszym Lwowie. Въ этомъ же собраніи древнихъ документовъ помѣщенъ дневникъ неизвѣстнаго лица объ этомъ съѣздѣ. Выписываемъ изъ него болѣе замѣчательную часть.... Teyże niedzieli (28 Октября 1629 г.) po obiedzie wszyscy uniaci w mantyach szli ordine do zamku, protestując się na prawowiernych (православныхъ) wszystkich, tak duchownych jako i swieckich, że się na rozkazanie Króla Imci na sobor niestawili; a Xiąże Zasławski (Александръ тотъ самый, который такъ ревностно содѣйствовалъ обращенію Смотрицкаго въ унію) posyłał do bractwa mieyskiego, aby szli do zamku do uniatow; y wysyłali dwóch braciey, opowiadając się, że to nie na nich dależy, ale na starszych duchownych. W poniedziałek skarżyli się unijaci *na kucharki* Ruskie i Ormianskie, że ich poganami po ulicach nazywali i przeklinali, których urzędownie, serio obiecali karać i wsadzono było ich w zamku kilka. We wtorek czerncy z Wilna prawowierni do Lwowa przy-

jechali i kniaż Puzyna i pan Drewinski czesznik Wołynski (оба православные)... Teyże srody po obiedzie Metropolit ze wszystkiemi Władykami, czerncami i spiewakami do cerkwi mieyskiey nowomurowaney (православной) przychodzili, przeciwko którym wychodzili oyciec Bojarski presbiter mieyski z brastwem i przed cerkwią przywitali, naprzod oyciec Bojarski Metropolita Winszowaniem, potem Pan Roman i P. Gabriel Longisz, p. Mikołay Dobrzanski i p. Stefan Laskonski. A gdy ich tak wprowadzili do cerkwi nowey, przyszedł z gospody p. Drzewinski i kniaź Puzyna i przywitali się z Metropolitem, umowiając się z niemi.... A potym gdy miał z cerkwi wychodzić Metropolit i wszyscy uniaci, obrociwszy się na wschod słońca zaspiewali głosno: Podayże utiszenije swoim rabom, wsenieporocznaja. A polacy, którzy z niemi przyszli, krzyknęli: chwała Bogu, zgoda, zgoda, unija, unija! A gdy wychodzili z cerkwi, presbiter mieyski zaprosił Metropolitę z Władykami do domu swego popowskiego, gdzie i bractwo było. A gdy usiedli częstowali vinem. Ozwał się smotricki mówiąc: dobrzeby oycowie, żebyście wy my, a my wy byli i drogą nami utorowaną chodzili. Odpowiedział pan Drewinski: co nam iest postanowiono na siedmiu uniwersalnych synodach Swiętych oycow, tego się trzymać mamy, a nie teraznieyszych neoteryzniow; ależ waszmościom potrzeba to wiedzieć, iż diabeł nie tak bardzo straszny, jak go malują. Zaraz ozwał się oyciec Bojarski i zagasił te rzecz między niemi, mówiąc: dobrze oyciec Smotricki mówi, aby wy my, a nie my wy; i począł ich częstować. I tak troche posiedziawszy, porozchodzili się do gospod swoich.... Wpiątek Wilnianlie i kniaż Puzyna i pan Drewinski byli u uniatow dosyć czyniąc uniwersa-

łowi króla Jm-ci, prosząc ich, aby się przyczynili do króla Jm-ci za niemi, druga, aby prosili króla Jm-ci Patriarsze Carogrodskiemu o paszport, żeby mu wolno było przyjechać, a co by Patryarcha postanowił, na to wszyscy pozwolemy. Na to unijaci nie pozwolili, mówiąc: kiedy już teraz nie chcecie do unij, niech każdy, co chce, czyni, dopinając swego jako może; my papieża słuchamy, a nie patryarchi. I z tym się rozeszli. Supplemt. № 66. Susza: Saulus et Paulus стр. 125 — 126.

227) Synopsis подъ 1631 г.

228) Co się zaś tknie tych wszystkich skrybentow (сочиненій написанныхъ въ началѣ уніи противъ уніятовъ и латинянъ) to cerkiew onych za swoje tak mieć może, jak oni (писатели) od niey odrodzeni będąc przez krzest s. żadną herezją pomazani niezostawali do smierci, a ieżeliby w herezij pomarli, albo co heretycko pisali, tedy w tey wierze za syny swe mieć nie może. Zatym poydzie, że wczym kolwiek pobłądzili, cerkwi to przypisować się nie może. Ale rzekiesz, czemuż się żaden na nich nieodezwał i czemu dopuszczono ich scrypta drukować, na to snadnie mogą odpowiedzieć, naprzod, iż cerkiew nasza zaturbowana będąc przez apostatow i dla zgorszoney hierarchiej cerkiewney, do tego przyść nie mogła, aby bez cenzury xięgi nie wychodziły, zatym co kto chciał, to i pisał; teraz zaś, iż za zrządzeniem Bożym hierarchia in suo esse paczęła być, już takowe skrypta wychodzić nie będą, «jakoż i na soborze blizko przeszłym (1628) to warowano iest, aby żaden o dogmatach wiary od cerkwi wschodniey w narodzie Ruskim bez cenzury nie wydawał», na którym soborze i twoja Apologia (Смотрыцкаго) jako cerkwi wschodniey przeciwna, szarpana

i palona była od przewielebnego w Bogu oyca Metropolity, Archiepiscopow i Episcopow i od ciebie samego. Antidotum л. 39.

229) Protestatia стр. 22 – 25.

230) Paraenesis abo napo .mienie od w Bogu Wielebnego Meletiusza Smotryskiego .. do przezacnego Bractwa Wilenskiego cerkwie s. Dy ' a, a w osobie jego do wszystkiego tey strony narodu uskiego uczynione; Anno 1628 написано, — напечатано 1629 г.

231) Таковы инструкція дворянъ Волынскихъ посламъ, на Варшавскій конвокаціонный сеймъ: постановленіе тѣхъ же дворянъ передъ избирательнымъ сеймомъ. Архивъ Югозап. Россіи 2-я ч. 1-го т. № XVI и XVII. Особенно замѣчательно въ этихъ инструкціяхъ то, что въ нихъ приказывается депутатамъ Волынскимъ сноситись съ православными депутатами другихъ областей и дѣйствовать съ ними за одно.

232) Syponsis albo krótkie spisanie praw, przywilejow, swiebody, wolności od nayjasnieyszych królow polskich narodowi Ruskiemu nadanych.... przeoswieconemu... koron. y W. X. L. Senatowi.... tudzież jasnie oswieconym, wielmożnym, a nam wielce miłosciwym P. P. posłom z wojewodstw y Powiatow koronnych y. W. X. L. na generalną konvokatią Warszawską w tym roku 1632 przybyłym y zgromadzonym.

233) Мысль эта довольно открыто высказывается въ слѣдующихъ словахъ инструкціи Волынскихъ пословъ: panowie bracia naszy, wiary y nabożeństwa greckiego starożytnego, będąc pod posłuszenstwen zwierzchnego pasterza swego, Konstantynopolskiego patryarchi, uskarżają przez czas niemały od roku tysiącznego pięćsetnego dziewię-

dziesiątego szóstego, że cierpią oppressią w prawach swych starożytnych przywileymi królow polskich y Wielkiego Xięstwa Litewskiego, także też confederatiami, pod interregnami poczynionemi, a pokoj w wierze rozróżnionemi z kosciołem Rzymskim utwierdzony, także «rozdawanie beneficij na Metropolią Kijowską, Władyctwa i Archimandryctwa, że nie ludziom wedle praw ich y prywilegia uniey» т. е. Люблинской гражданской унии 1569 г., когда Литва окончательно присоединена къ Польшѣ), «ale extraneis y tym co już poddalisię pod posłuszenstwo kościoła Rzymskiego, a nie ich własnych pasterzow pod posłuszenstwem patryarchi Konstantynopolskiego będącym», więc zatym wielkie krzywdy ludzie.... cierpią.... co szyrzey panowie posłowie nasz z róznych skarg, które tam na convocatiey proponowane będą zrozumieją, poruczamy, aby ante omnia, o to się starali, aby uśpokojeni byli gruntownie, to iest, «aby beneficia Metropolicie, który iest pod posłuszenstwem patryarchi Konstantynopolskiego y Władyką (om) od niego poswięconym rozdawane byli,» y napotym tak, a nie inaczey zawsze dawano «w każdym» Wojewodstwie, «gdzie Władyctwo albo Metropolia wakować będzie», ludziom godnym obywatelom tych tam wojewodstw wedle przywileju uniey (т. е. опять Люблинской гражданской) oddawano, «y to co s kluby swey wypadło z nowu wprawiono y obwarowano», aby in posterum do takiego zamieszania żadna okazija nie podawała się, ale w pokoju przy prawach swych zostawali.... Арх. Юго3. Рос. т. 1. ч. 2. стр. 188—189.

234) Проэкту этому или пунктамъ примиренія народа Русской Греческой вѣры, очень посчастливилось въ

литературѣ; онъ напечатанъ Бантышъ-Каменскимъ на русскомъ языкѣ (стр. 95—101), въ Supplementum ad histor. Russiæ monumenta на польскомъ языкѣ (№ 67) и наконецъ недавно на томъ же польскомъ языкѣ во 2-й ч. 1-го тома Архива Югозапад. Россіи № XVIII. Извлеченіе изъ нихъ сдѣлано еще митрополитомъ Евгеніемъ въ его описаніи Кіевской іерархіи и Собора стр. 167-168.

235) Епископство Луцкое должно было быть возвращено православнымъ немедленно, Епископія Перемышльская по смерти тогдашняго Епископа уніятскаго Крупецкаго; учреждена православная Епископія Могилевская изъ части Архіепископіи Полоцкой; возвращены: пустыня подъ Гроднею для пребыванія православнаго Митрополита или его коадъютора въ Литвѣ; назначены православнымъ Церкви: въ Мстиславлѣ Троицкая и Спасская, въ Могилевѣ Спасскій Монастырь; Церкви Успенская, Троицкая, Воскресенская, Вознесенская; въ Оршѣ Ильинская и Воскресенская, возвращены имѣнія Кіево-Софійскаго Собора и Кіевопечерскаго Монастыря (Тамъ же).

236) Опис. Кіев. Іерар. стр. 168. Dzieje Kosć Polsk. Ostrowskiego т. 3, стр. 223—230.

237) Ostrowski. Тамъ же.

Supplement. ad historica Russiae monum. № LXVIII.

238) Бант. Кам. стр. 102 — 104. Арх. Югоз. Рос. ч. т. 1. стр. 233 — 238.

239) Тамъ же. Слич. слѣдующее примѣч.

240) Собраніе Граматъ Вильна, ч. 2 №№ 93 и 94. Особенно сильныя смуты по этому случаю были въ Минскѣ. Собр. Мин. Граматъ №№ 95, 99, 100, 101. Былъ даже такой случай (въ Бѣльскѣ), что у православныхъ

отняли двѣ церкви для уніятовъ числомъ не болѣе 15. Supplem. ad hist. Russ. monument. № 70—71.

241) Собраніе граматъ Минск. № 93. Мы имѣемъ одинъ рукописный документъ — Informatia strony punktow na Elektii otrzymanych, въ которомъ изложенъ очень любопытный взглядъ уніятовъ на права, предоставленныя православнымъ. Punkt piąty: To z ostatnią uniy S. w Litwie zgubą być by musiało, gdzie z łaski Naywyższego «milionem» niemal unitów liczymy. Za czym choć by po jedney Cerkwi w każdym miescie Kr. J. M-ci dla nie unitów, gdzie ich nie masz (!), naznaczono, danoby taką okazyą do schizmy, jako i złodziejowi, ktorego takim okazya pospolicie czyni. Rzućmy okiem po wszystkiey Rzeszy Niemieckiey, gdzie tak potężnie wiara katolicka płuży, gdyby w tych miastach, gdzie teraz nie ma herezyi, po jednym kosciole heretykóm ustąpiono y liberum exercytium Pseudolatriæ dozwolono, w jednym roku milionem pewnieby Apostatas zliczono. Czemu (?) bo zepsowana natura semper in deterius fuit, jako u Philozophów conclusium sequitur debiliorem partem. A to zląd pochodzi, że według Arystotelesa omnis peccans est ignorans, a za tym się tylko udaje, co sensus jego zepsowane onemu podają, uprzedzając omnem intellectum. Słyszą, młodzi od starszych, pospólstwo od rady, Świeccy od duchownych, że unia—«ladaszto, my prawosławni, my chrześcianie, jak y Rzymianie, a unitami orthodoxi niebyli». Tak xięgi swe drukują... pospólstwo głupie to słysząc, a nic nie rozumiejąc, a brzydząc się nieprawosławiem, niechrześciantwem, od unitów ubogich tak biegą, jako i od łacinników. Puszczamy tu mimo, że ta commissia (назначенная для распредѣленія церквей между право-

славными и уніятами) y Appellacyi do Kr. Jeg. M-ci y Rzecz-pospolitey senatu nie dopuszcza. A gdzie podczas przystąpi privatum commodum juvenile consilium mutuum odium, coż to ubogi wskura unit? Изложенныя нами событія однако показываютъ, что уніяты очень много wskurali и имѣли къ тому много средствъ.

242) Вотъ письмо Папы къ Рутскому. Urbanus Papa 8. Wielebny Bracie zdrowia y Apostolskiego błogosławienstwa. Słyszeliśmy, o co schismatycy przeciwko wam na blizko przeszłym seymie starali się y nie bez wielkiego żalu poznaliśmy, że się to jawnie na waszey unij zgubę y zniszczenie zanosiło. Która to unia jak na Brzeskim soborze za Klemensa 8. papieża od przodka Twego świętobliwie stanęła; tak przez nas y przez ciebie, którzyśmy po nich nastąpili wszelaką pracą y pilnoscią ma być zachowana y warowana. My żebyśmy się pospolitym oycem być pokazali Arcybiskupowi Larissenskiemu legatowi naszemu zleciliśmy, aby żadnego sposobu nieopuścił, przez który by króla mogł powabić, aby tak niesłuszney prożby «Punkta» constytucij seymowych «wygładził. albo też do skutku ich nie przywodził, nie bez nadzieje, że to od wielkiey jego pobożności y przeciwko wierze Katolickiey życzliwosci otrzyma. Miło nam będzie, jesli z legatem naszym we wszystkim się zniesiesz co kolwiek potrzebnego być będziesz rozumiał. Tak bowiem będzie, że on ciebie y ty wzaiem onego w tych rzeczach które do sprawy do tey należą mieć będziesz pomocnika. Wielebnosci Twey Apostolskie Błogosłowienstwo mile dajemy. Data w Rzymie u s. Piotra pod pieczęcią Rybiową 1 Januaryj A-o 1633. Papiezstwa naszego dziesiątego. Рукопись.

243) Dz. Kośc. Polsk. Ostrow. т. 3, стр. 230—237.

Volumina legum изд. 1860 на польскомъ языкѣ, т. 3 стр. 407.

244) Вотъ универсалъ короля по этому случаю: Władysław IV z Bożey łaski król polski, Wielki Xiąże Litewski... Urodzeni, szlachetni, sławni, wiernie nam mili! Uspokoiwszy za łaską Bożą od postronnych nieprzyjaciół państwo nasze szczęśliwie, życzylibyśmy na przyszłym walnym szescioniedzielnym seymie to wszystko, cokolwiek vel ipsa temporum iniquitate exorbitaret i konsultacye in futurum trudnić miało seymowe tempestive poleczyć i do swoiey wprawić kluby. A że rożnica między Rusią, zuniowaną i dyzuniowaną, nie małe na Rzeczpospolitą zaciągając inconvenientią, siła na seymach czasu brać zwykła, lubo to już i media uspokojenia na szczęśliwey elekcyi naszey mianowane były: doznaliśmy jednak na przeszłym seymie, jako exekucya ich trudniła, a snać i daley Rzeczpospolitą trudnić nie przestanie. Zaczem w tey materyi rozsyłając listy nasze do starszeństwa duchownego i niektorych swieckiego stanu obydwoch stron, poniewasz i na Bractwach Wierności waszych nie mała część religij waszey zawisła, życzemy, aby wierność wasza, przed terminem seymu tego ze wszystkiemi temi wespoł znieść się i sposobow chcieli poszukać takowych, przez któreby jedność i stateczna zgoda między wiernościami waszemi obydwoch stron doyść szczęśliwie mogła: gdyż dopoki wierności wasze przez pewne media w swoich się nie złączycie dismembracyach, poty strona stroną gabać, prawem uciążać i różnie impeditować będzie. Wiemy, iż naygłównieysza kwestya między wiernosciami waszemi i onymy będzie o posłuszeństwo, które oddawacie patryarsze Konstantynopolskiemu: ale gdy wierności

wasze uważają, co się z tamtą stolicą działo i teraz szieje, snadnie w to potrafią, że salvis juribus patriarchalibus, mogą to wiernosci wasze, przykładem Moskwy i i innych państw mieć doma, czego zkąd inąd zaciągacie. Uczynią wierności wasze rzecz Bogu miłą, Rzeczypospolitey pożyteczną, narodowi Ruskiemu zwłaszcza w unii będącemu potrzebną, a nam w podających się okazyach pamiętną. Dan w Wilnie dnia 5 Wrzesnia roku Pańskiego 1636... Supplim. ad histor. Russ. monument. № 72.

245) Мнѣніе наше о такомъ направленіи указанныхъ лицъ мы основываемъ главнымъ образомъ на ихъ сочиненіяхъ — Полиподіи Захаріи Копыстенскаго и Антидотѣ Мужиловскаго.

246) Свѣденія о передвиженіяхъ Исаіи можно читать въ Словарѣ митрополита Евгенія и въ его Описан. Кіев. Собора стр. 165-166.

247) Это фактъ, до сихъ поръ неизвѣстный въ нашей литературѣ. Мы нашли его въ сочиненіи Суши Saulus et Paulus стр. 94-95, гдѣ говорится, что Исаія своими посланіями волновалъ противъ Мелетія всѣхъ православныхъ, и тѣмъ болѣе признали его вѣрнымъ, что тоже самое извѣстіе нашли и въ письмѣ Рутскаго къ папѣ 1627 года. Рукопись приведенная нами въ свое время.

248) О томъ, что Исаія съ согласія короля занялъ митрополичью каѳедру говоритъ, впрочемъ не прямо, Іерличъ. Вотъ его слова (Могила...) uczyniwszy podstęp pod drugim Metropolitą, pierwszym który mieszkał w Monasterze Michała swiętego Zołotowerchim Kijowskim, J. M-ć Oyciec Isajia Kopenski *za konsensem J. K. M-ci Zygmonta III* т. 1, стр. 56.

249) Памятн. Кіевск. Комм. т. 2, №№ VIII, IX и X.

250) Po smierci ktorego (Сигизмунда III) gdy następował Władysław przy koronacyi na seymie pierwszego seymu krolewskiego, a mając Mohila w powierzeniu od całego duchowienstwa plenipotęncię i od oyca Metropolity Kopinskiego, który dla choroby i niesposobnego zdrowia nie iechał na koronacyą, ale jemu wszystkie sprawy powierzając wyprawił... Jerlicz т. 1, стр. 56.

151) Архивъ Юго-западн. Рос. ч. 2. т. 1. №№ XVI и XVII.

152. Въ 1633 году на коронаціонномъ сеймѣ православные и уніяты спорили жестоко, было ли внесено въ pacta conventa, на которыхъ клялся король, въ статьѣ о греческой вѣрѣ: salvis juribus Romanæ Ecclesiae, или нѣтъ. Православные и между ними, вѣроятно особенно рѣзко посолъ Крапивницкій, закричали: niebyło tey mentem Jego królewskiey Mości, ani panow arbitrow (т. е. членовъ Коммиссіи). Уніяты стали также съ крикомъ отвергать это. Tu jegomość pan Kropiwnicki podsędek Bracławski ledwie nie cum lacrimis exagerował się, iż on w tych słowach: «nie było tego» nie zadawa, ani (uchoway Boże) Jego Królewskiey M-ci panu swemu miłosciwemu, ani jego M-ci panu podskarbiemu (Осссолинскому) dobrodziejowi swemu wielce miłosciwemu, jaką niewiarę, ale to rzekł i mówi, iż nie słyszał tego od Jego Kr. M-ci i od panow arbitrow aby tę tranzakcią miano cautellis de juribus Ecclesiæ Romanae obkładać... Затѣмъ послѣ другихъ споровъ: Zu zaś pan podsędek Bracławski deprecatur culpam et petit veniam, aby jego mość pan podskarbi oto słowo «nie było tego» nie przywiodł onego o nie łaskę Jego Kr. M-ci jako i o niechęć swoją, ale raczey zjednał miłosciwą Jego Kr.

M-ci onemu łaskę i sam był miłosciwym panem. Nie odpowiedziano mu na to. Sypplem. ad histor. Russ. monumen. № LXVIII стр. 160.

253) Dz. Kosc. Polsk. Ostrowski т. 3. стр. 223.

254) Опис. Кіевософ. Собор. стр. 170. Іерличъ т. 1, стр. 56.

255) Тамъ же. Опис. Кіев. Соф. Соб.

256) Іерличъ, писатель православный и неотвергавшій, какъ сейчасъ увидимъ, дѣйствительныхъ заслугъ Петра Могилы, описываетъ вступленіе его на митрополичью каѳедру слѣдующими красками.... który (Могила) żyjąc na tym swiecie i urzędzie (митрополичьемъ) sprawował się pobożnie, dobrże, trzezwo, w pracach nabożnych, zawsze dbając około całości Cerkwi Bożey, przestrzegaiąc trzody swey: który też nie bez tego, aby i sławy tego swiata nie był chciwy... Ogłosiwszy się (Митрополитомъ) odbiera dobro, majętnosci należące do Metropolij Sofizkiey i onego (Копинскаго) degraduje z urzędu Metropolitanskiego, anie tylko jego, ale i jego poswięconych popow; który nie kontentując się i tym i samego Metropolitę Kijowskiego z Monastyra ruguje, wszystko mu od mała do wielu, nasławszy na ubezpieczonego sług i Wołoszy, zabrał i w niwecz go obrócił i samego będącego w leciech podeszłego starca, schorzałego od Kijowa w jedney włosiennicy, przeżuciwszy przez konia, jak wor jaki, prowadzili ku Monastyrzowi Pieczarskiemu, mało nie pół mili, a to dla tego, aby go nie turbował prawem duchownem i swieckiem i aby niemiał zaczem dochodzić. Który potem od wielkiego ubóstwa i zniszczenia misernie żywot swóy prowadzić musiał w niedostatkach wielkich... т 1. стр. 56—57.

257) Niektòrych też czernców Monastyra Pieczarckiego... okowawszy w kaydany odsyłał do kozakow, «Udając za uniatą» (у)... Jerlicz т. 1, стр. 58.

258) Тамъже стр. 56 слич. опис. Кіев. Собора стр. 170.

259) Вотъ, мысли самаго Петра Могилы высказанныя имъ въ началѣ и въ концѣ его общественнаго служенія западно-русской наукѣ.... видячи въ церкви православной для неумѣетности духовныхъ и для нецвиченья молодежи великую утрату на душахъ людскихъ, за ласкою и помоцією Божією и тежъ за поводомъ власной воли моей хотячи забѣчи такъ великой утраты и хотячи отъ православія заблудшихъ позыскать, умыслилемъ фундовать школы для того, абы молодежъ во обычаехъ добрыхъ и въ наукахъ вызволіоныхъ цвичена была.... Памят. Кіевс. Ком. т. 2, стр. 93—94. Это Петръ Могила писалъ въ 1631 г.... Skoro tylko pozwolił mi Pan Bóg z łaski swey swiętey y z łaski Jego Kr. M-ci pana mojego Miłosciwego bydź stolicy Metropolicy Kijowskiey pasterzem, a przedtem ieszcze swiętey ławry Pieczarskiey Archimandritą, natychmiast widząc nie przez co inszego upadek w narodzie Ruskim swiętobliwego nabożeństwa, jako przez to, że żadnego cwiczenia y nauk nie mieli, to wetum moje poszlubiłem Bogu mojemu wszystkie moje i rodzicow pozostałe dostatki... obracać na ufundowanie szkół w Kijowie... Завѣщаніе Петра Могилы писанное 1647 г. Тамъ же стр. 151—153.

260) У насъ чрезвычайно распространено мнѣніе о низкомъ уровнѣ просвѣщенія въ западной Россіи до временъ Могилы. Мы думаемъ, что такое мнѣніе основывается на очень шаткомъ знаніи исторіи этого края. Ко-

нечно князь Острожскій и Львовское братство и Петръ Могила очень жаловались на недостатокъ просвѣщенія въ западно-русской церкви, но вѣдь и Англичане теперь жалуются на недостатокъ своего образованія. Между тѣмъ, за десять лѣтъ до того времени, какъ князь Острожскій горько оплакивалъ недостатокъ просвѣщенія у православныхъ, у него въ Острогѣ нашлись люди способные сдѣлать новый переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ, а въ года самой жалобы у него же въ Острогѣ писались такія книги, какъ исторія флорентійскаго собора или опроверженіе книги Скарги «О единой вѣрѣ.» Жаловалось Львовское братство на тотъ же недостатокъ образованія, а между тѣмъ въ то же время въ его школѣ были люди способные на Брестскомъ Соборѣ передавать на русскій языкъ греческую рѣчь Экзарха Никифора, были люди способные написать такое сочиненіе, какъ Эктезисъ, или, тѣмъ болѣе, Перестрогу. Жаловался на тоже, какъ мы сейчасъ видѣли, Петръ Могила, между тѣмъ тогда же писались такія сочиненія, какъ Полинодія, Аполлія идр. Конечно, просвѣщеніе Западной Россіи окажется очень ничтожнымъ, если судить объ немъ по названію Западно-русскихъ училищъ, по количеству изданныхъ учебниковъ и потому съ какими степенями выходили оттуда ученики, а не по литературнымъ памятникамъ и той зрѣлости и крѣпости мысли, какія открываются нѣрѣдко въ какой нибудь ничтожной юридической жалобѣ или маловажномъ письмѣ какого нибудь простаго члена братства. Важно было въ этомъ, повидимому, скудномъ образованіи то, что въ немъ была живая, личная мѣна мыслей и убѣжденій наставника съ учениками, постоянно поддерживавшая-

ся самыми животрепещущими вопросами жизни. При такой обстановкѣ наставникъ и за букваремъ передавалъ больше дѣльныхъ знаній, чѣмъ въ послѣдствіи какой нибудь докторъ схоластики.

261) Въ числѣ ихъ были Сильвестръ Коссовъ, Тарасій Земка, Исаія Трофимовичъ, Софроній Початскій, Иннокентій Гизель.

262) Подробности о Кіевской Академіи можно читать въ Опис. Кіев. Соф. Собора стр. 208 — 235; и въ Исторіи Кіевской Академіи Булгакова. Краткая, но очень богатая свѣжими извѣстіями статья объ этомъ есть въ вышедшемъ 2 т. Энциклопедическаго Словаря подъ Словомъ Академія, — Православныя Академіи. Кіевская Академія.

263) Объ этомъ предмете мы имѣли уже случай писать. См. Христ. Чт. Ноябрь 1859 г. статья: разборъ любопытныхъ свидѣтельствъ о непорочномъ зачатіи изданныхъ г. Гагаринымъ, вышедшей тогда же и отдѣльною брошюрою. Впрочемъ, мы должны сказать, что тамъ есть нѣкоторые пріемы и взгляды не намъ принадлежащіе.

264). Exegesis to iest danie sprawy o szkołach Kijowskich... przez... Oyca Sylwestra Kossowa... 1635 г.

265) Письмо Домецкаго, указанное въ Опис. Кіев. Соб. стр 194 прим. 103 и 104.

266) Свѣденія о трудахъ кіевскихъ ученыхъ можно находить въ Опис. Кіев. Соб. и въ Словарѣ писат. духовнаго чина Митр. Евгенія и Арх. Филарета, въ Исторіи Кіевской Академіи Булгакова, въ каталогѣ Сильвестра Медвѣдева.

267) Теперь выступили на поприще видной дѣятель-

ности кромѣ Кіевскаго Братства: Минское, Луцкое и Могилевское.

268) Volumina Legum т. 4, № 8. Бант.-Камен. стр. 108—109 примѣчаніе. Объ этомъ дѣлѣ Островскій замѣчаетъ: zgoła zdawało się, iż już żaden nie pozostawał srzodek do wstrzymania gorującey nie unitow przemocy, że żadney nie było dla unitow nadziej, aby przy swoich prawach utrzymać się mogli... т. 3, стр. 238.

269) Въ такомъ духѣ написаны: Записки Георгія Конисскаго о Руссахъ или Роксолянахъ, Исторія Малороссіи Маркевича и въ особенности — Запорожская Сѣчь Скальковскаго.

270) Извѣстная Энеида Котляревскаго на Малороссійскомъ языкѣ.

271) Исторія Россіи т. 8 и первая глава т. X. Впрочемъ, въ этой главѣ г. Соловьевъ нѣсколько смягчаетъ свои сужденія о казакахъ.

272) Этотъ взглядъ развитъ и уясненъ, какъ нельзя болѣе, въ новѣйшемъ сочиненіи по Исторіи Польской— Słowo dziejow polskich во 2 томѣ.

373) Уясненію этого взгляда больше всѣхъ содѣйствовалъ г. Костомаровъ своимъ сочиненіямъ: Богданъ Хмѣльницкій и особенно своими статьями въ журналѣ, выражающемъ это направленіе — Основѣ, напр. Двѣ русскія народности въ III книжкѣ Основы.

274) Какъ ни далекими будутъ казаться нижеслѣдующія наши разсужденія отъ прямаго нашего предмета, но мы немогли ихъ оставить, потому что, по нашему убѣжденію, нельзя понять исторіи уніи временъ казацкихъ смутъ безъ близкаго знакомства съ казачествомъ.

175) Полное собр. лѣтоп. т. 2. стр. 184—185.

276) Извѣстно, что эти князья часто соединялись съ татарами для борьбы съ Россіею.

277) Это было въ самомъ началѣ XVI столѣтія. Подробности объ этой корпораціи въ соч. Богданъ Хмѣльницкій Костомарова т. 1. стр. 4 — 5.

278) Смутное время самозванцевъ въ Россіи имѣло весьма важное значеніе въ исторіи казачества. Оно страшно развило у нихъ ремесло биться съ кѣмъ бы-то нибыло, разнуздало ихъ совершенно. Но понятно само собою, что въ этой деморализаціи казаковъ не слѣдуетъ искать причинъ, образовавшихъ казачество, какъ это дѣлаетъ г. Соловьевъ.

279) Истор. Малор. Маркевича т. 1. стр. 81—133. Богданъ Хмѣльницкій Костомарова т. 1. стр. 33—39. Истор. Россіи Соловьева т. 10 стр. 91—112.

280) Volumina Legum въ польскомъ переводѣ т. III. стр. 440. Ordynacya woyska Zaporożskiego. Истор. Малор. Маркевича т. 1. стр. 133—135.

281) Богданъ Хмѣльницкій Костомарова т. 1. стр. 42 — 86.

282) Памят. Кіев. Комм. т. 1. 3. стр. 126—130. Слич. тамъже стр. 372—376 и 377—382.

283) Акт. Запад. Рос. т. 5. № 23.

284) Богданъ Хмѣльницкій Костомарова т. 1. стр. 206—216, 307—328.

285) Dz. Kosc. Pols. Ostrowski т. 3. стр. 245 Богданъ Хмѣльницкій Костомарова т. 1. стр. 299—305,

286) Костомаровъ тамъ же стр. 152 –194.

287) Собр. Госуд. грамотъ и догов. т. 3. № 143.

Бант. Кам. 112—117 прим. Истор. Малор. Маркевича т. 1. стр. 244 — 248.

288) Богд. Хмѣльн. Костомарова т. 2. стр. 1—14; Dz. Kosc Polsk. Ostrowski т. 3. стр. 246—247.

289) Богд. Хмѣль. Кост—ва т. 2. стр. 253—258 примѣч.

290) Истор. Рос. Соловьева т. 10 стр. 92—93.

291) Тамъ же стр. 95—96.

292) Бант.-Кам. стр. 119—120. Богд. Хмѣль. Костом. т. 2. стр. 271—276.

293) О присоединеніи Малороссіи къ Россіи можно читать въ Ист. Малор. Маркевича т. 1. гл. XX. Богд. Хмѣльн. Костомарова т. 2. гл. XI. О войнѣ Россіи съ Польшею изъ-за Малороссіи въ истор. Россіи Соловьева т. 10. г. IV.

294) Памят. Кіев. Комм. т. 1. 2. №№ IX, X и XI. Богд. Хмѣльн. Кост. т. 1. стр. 70 — 72.

295) Стебольскій (т. 2. стр. 284 — 285) такъ описываетъ бѣдствія уніятовъ и латинянъ отъ казаковъ: Jego (Хмѣльницкаго) nieprzyjacielskie najazdy i łupiestwo kosciołow, klasztorow, domow o raz niesłychane morderstwa nie tylko nad żywemi, ale też nad umarłemi ludzmi, a co niezbożnieysza duchownemi osobami Rzymskiey religij, z skury ich odzierając z żydami i psami na jedney szubienicy wieszając i bestyalski się nad onemi z nie ludzkim naygrawaniem pastwiąc, po wielu mieyscach czynione, którego okrucieństwa nawet i insze (Литовскіе) Bazylianskie doznały klasztory i osoby, jako to między innemi Żyrowice 1655 spalone, Bytei zrabowany.... Brześć Litewski krwią niewinnego zakonnika i kapłana Symeona

Rupartowicza srodze od kozakow zabitego oblany .... opisali....

296) Богд. Хмѣльн. Костом. т. 1. г. II.

297) Вотъ, какъ уніяты жаловались на это 1648 г. Oyciec Metropolita unit wielce boleje nad owym utrapieniem, że mimo wyrazne punktow wyrażenie dobra Kijewskie onemu odjęte y on sam już z pasteriey będąc wypędzony niema żadney recompensy z ostatnią nędzą, którą i teraz cierpi, że zgoła żebrząc musi się gvarować jako nayuboższey może z posmiewiskiem nieprzyjacioł kosciola Bożego. A przecie panowie nieunici powiadają, że unitom idzie o wioski, choć wszystkie wioski od unitow pobrali. Nieunit Metropolita trzyma dobra Metropolice Kijowskie starowieczne Archimandrycтwo pieczarskie, Michała Złotowieszchiego, Nikoły Pustynskiego y Diesiatynnego (?). Ktorych wszystkich beneficij intrata niemal stem tysięcy pachnie, oprócz wotum wszystkich miast koronnych y Litewskich y Mockiewskich dorocznych. Metropolita unit w Litwie zbiwszy w mozdzierz, jako mówią, wszystkie oraz dochody Metropole, trzech tysięcy nie ma y mieć niemoże.... (Jnformatia między unitami y nieunitami. Рукопись). Послѣ 1648 г. разумѣется было еще хуже.

298) Dz. Kosc. Pol. Ostr. т. 3. стр. 237. Stebelski т. 2. стр. 285, 448 примѣч.

299) Богд. Хмѣльн. Костом. т. 1. стр. 156—157.

300) Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ имѣлъ тайное свиданіе съ Кисселемъ, когда тотъ отправлялся къ Хмѣльницкоту для переговоровъ въ 1648 г. (zbior pamiętn. o dawney Polsce т. IV стр. 262. Какого рода были эти сношенія, это видно изъ донесенія тѣхъ же

польскихъ комиссаровъ, которые писали, что по ихъ просьбѣ Митрополитъ ѣздилъ къ Хмѣльницкому и убѣждалъ его къ миру съ поляками. Памят. Кіев. Ком. т. 1. 3. стр. 261—262.

301) Богд. Хмѣльн. Костом., т. 2. стр. 410—411. Опис. Кіев. соб. приб. стр. 80—82.—

302) Истор. Малор. Марк. т. 2 стр. 1—32.

303) Тамъ же стр. 29—31. Бант.-Кам. стр. 123—126, примѣч. *и*.

304) Вотъ эта присяга и списокъ лицъ присягавшихъ. Na utwierdzenie kommissyj między Nayiasnieyszym Janem Kazimierzem z łaski Bożey Królem Polskim, Szwedzkim, Wielkim Xiążęciem Litewskim, Ruskim, Pruskim, Mazowieckim, etc.... y Rzecząpospolitą z iedney, a Wielkim Hetmanem, y Woyskiem Zaporoskim z drugiey strony, pod Hadiaczem, w roku 1658 *Septembris* 16 etc. według Rzymskiego kalendarza, a według Ruskiego 6 *die* tegoż miesiąca postanowioney, a odprawioney w roku ninieyszym 1659 w dzień w Niebowstąpienia Pańskiego przez J. Kr. Mć y Jch Mciow PP. Senatorow niżey mianowanych w Izbie senatorskiey, na seymie Walnym Warszawskim, przy bytności wszystkiego Senatu y posłow ziemskich, także posłow woyska Zaporoskiego, y wielu kozakow, takim opisaniem wykonana.

Ja Jan Kazimierz z Bożey łaski, Król Polski, Wielkie X. Litew. Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Kijowskie, Żmudzkie, Wołyńskie, Inflantskie, Smoleńskie, Czerniechowskie, a Szwedzki, Gotski, Wandalski, dziedziczny Krol. Przysięgam P. Bogu Wszechmogącemu w Troycy Swiętey Jedynemu, przed tą swiętą Ewangelią P. Chrystusową. Iż kommissyą, która się odprawowała, pod Ha-

diaczem, dnia szostego *Septembra*, roku 1658 z woyskiem Zaporoskim naszym y Rzeczyposp. imieniem, we wszystkich tey kommissyi punktach, paragrafach, klauzulach przyjmuię, utwierdzam, y tey kommissyi we wszystkim dosyć czynić, y onę zachowywać, wypełnić, y przestrzegać obiecuię, nic nie umnieyszać, ale owszem iey bronić będę. Którey kommissyi, y wszystkim iey punktom, a w nich prawom, prerogatiwom, wolnosciom religij Greckiey W. X. Ruskiego, y wolnosciom pospolitym, żadne wynalaski dowcipow ludzkich szkodzić niebędą, także ani przywileje dawne, y swieże, ani żadne statuta, konstytucye seymowe przeszłe, y przyszłe, nie mogą, ani będą mogły szkodić, y niwczym ubliżać wiecznymi czasy, owszem Ja sam oney wniwczym nie naruszoney pod przysięgą Moją krolewską, pilnie strzedz y dzierżeć obiecuię, y powinien będę, y następcy Moi królowie Polscy niwczym nienaruszenie, trzymać y przestrzegać będą wiecznymi czasy, y onę poprzysięgać, sprawiedliwość przytym obywatelom Wielkiego X. Ruskiego czynić bez żadnych odwłok, y względu na osoby, wedle praw ich, y zwyczajow będę. A ieżelibym, strzeż Boże w czym tey przysięgi Mey naruszył, żadnego poddaństwa mnie narod Ruski oddawać nie będzie powinien, y owszem tym samym z posłuszeństwa y wiary krolowi powinney, uwalniam, żadnego rozgrzeszenia z tey przysięgi Mey ni od kogo nie potrzebuiąc, ani iey przyjmuiąc. Tak mi Panie Boże pomoż, y ta swięta Ewangelia Pana Chrystusowa.

Przysienga Jmci X. Arcybiskupa Gnieźnieńskiego. Ja Wacław z Leszna, z Bożey łaski Arcybiskup Gnieźnieński, Primas Krolewstwa Polskiego, przysięgam P. Bogu Wszechmogącemu w Troycy s. iedynemu imieniem swym,

y wszystkiego duchowieństwa korony Polskiey. Jż kommissyi która się pod Hadyaczem dnia szostego *Septemb.* roku 1658 imieniem J. Kr. Mci, y wszystkiey Rzeczyposp. z woyskiem Zaporoskim, całym narodem W. X. Ruskiego odprawowała, we wszystkim przestrzegać będę y sukcesserowie moi Arcy-Biskupi oney dosyć czynić będą, niczym iey nie naruszając, ani naruszać dopuszczając, tak samemu J. K. Mci, iako *sub Interregna* iakiekolwiek iurysdykcyi ludziom, ani iawnemi, ani potajemnemi manifestacyami, protestacyami, exkommunikacyami, nie invalidując. Które tą przysięgą kassuię y annihiluję, żadnego rozgrzeszenia ani sam nie dam, względem naruszenia tey kommissyi nikomu, ani przyjmować ni od kogo nie będę. Tak mi Panie Boże pomoż, y ta s. Ewangelia Pana Chrystusowa.

Prbysięga Jmci X. Biskupa Wileńskiego. Ja Jan Zawisza Biskup Wileński, przysięgam P. Bogu w Troycy Swiętey Jedynemu, imieniem swym, y wszystkiego duchowienstwa W. X. Lit. y Prowincyj do niego należących. Jż kommissyi ktora się pod Hadiaczem dnia szostego *Septemb.* roku 1658 imieniem J. K Mci y wszystkiey Rzeczyposp: z woyskiem Zaporoskim, y całym narodem W. X. Litew. Ruskiego odprawowała, we wszystkim przestrzegać będę, y sukcessorowie moi Biskupi, oney dosyć czynić będą, niczym iey nie naruszając, ani naruszać dopuszczając, tak samemu J. K. Mci, iako y *sub Interregno* iakiekolwiek iurysdykcyi ludziom, ani iawnemi, ani potaiemnemi manifestacyami, protestacyami, exkommunikacyami, nie inwalidując. Ktore tą przysięgą kassuję y annihiluję: żadnego rozgrzeszenia ani sam niedam, względem naruszenia tey kommissyi nikomu, ani

przyjmować ni od kogo nie będę. Tak mi Panie Boże pomoż, i ta swięta Ewangelia Pana Chrystusowa.

Przysięga Jch Mciow PP. Hetmanow. My Stanisław z Potoka Patocki, Woiewoda Krakowski, Wielki Hetman. Jerzy Lubomirski, Marszałek Wielki, Hetman. Koronny. Paweł Sapieha Woiewoda Wileński, Hetman Wielki W. X. Lit. przysięgamy Panu Bogu Wszechmogącemu w Troycy s. iedynemu. Jż kommissyi, ktora się pod Hadiaczem *die 6 Septemb.* roku 1658 imieniem J. Kr. Mci y wszystkiey Rzeczyposp. z woyskiem Zaporoskim y całym narodem W. X. Ruskiego odprawowała, we wszystkim przestrzegać będziemy, y oney dosyć czynić obowięznujemy się niczym iey nie naruszając, ani naruszać niodopuszczając ani radą moją, ani woyskiem. Owszem ktoby to, co tam postanowiono naruszać chiał, iako nieprzyiaciela Rzeczyposp: znosić będziemy, żadnego rozgrzeszenia ni od kogo z tey przysięgi mey nie potrzebując ani przyjmując. Tak nam Panie Boże dopomoż, y ta swięta Ewangelia P. Chrystusowa.

Przysięga Jch Mciow PP. Pieczętarzow. My Mikołay Prażmowski, Kanclerz Wielki, Bogusław na Lesznie Podkanclerzy Koronny Krzysztof Pac, Kanclerz Wielki. Alexander Naruszewicz, Podkanclerzy W. X. Lit. Przysięgamy P. Bogu Wszechmogącemu, w Troycy s. iedynemu iż kommissyi, ktora się pod Hadiaczem dnia szostego *Septemb*: roku 1658 imieniem J. K. Mci, y wszystkiey Rzeczyposp: z woyskiem Zaporoskim, y całym narodem W. X. Ruskiego odprawowała, we wszystkim przestrzegać będziemy, y oney dosyć czynić obowięznujemy się, żadnych listow, przywilejow, interdyktow, dyplomatow *quoquo nomine* tey kommissyi abo ktoremukolwiek iey pun-

ktowi przeciwnych, z Kancellaryi wychodzić nie pozwolemy, radzić przeciwko tey kommissyi J. K. Mci y Rzeczyposp: nic przeciwnego nie będziemy, owszem radom przeciwnym zastawiać się powinni będziemy, żadnego rozgrzeszenia ni od kogo z tey przysięgi naszey nie potrzebując ani przyjmując. Tak nam Panie Boże pomoż, y Swięta Ewangelia P. Chrystusowa.

Przysięga J. Mci. P. Marszałka Poselskiey Izby. Ja Jan Gniński, Podkomorzy Pomorski, Marszałek Izby Poselskiey imieniem Koła Poselskiego, y wszystkiego stanu rycerskiego, wszystkich Woiewodzw Korony Polskiey y W. X. Lit: y Prowincyj do nich należoncych. Przysięgam Panu Bogu Wszechmogącemu, w Troycy Swiętey iedynemu, iż kommissyi ktora się pod Hadiaczem *die 6 Septemb.* 1658 imieniem J. K. Mci y wszystkiey Rzeczyposp: z woyskiem Zaporoskim y całym narodem W. X. Ruskiego odprawowała, we wszystkim przestrzegać będziemy, y potomkowie nasi oney dosyć czynić będą: niwczym iey nienaruszając, ani naruszać dopuszczając, wiecznymi czasy żadnego rozgreszenia ni odkogo z tey przysięgi moiey nie potrzebując, ani przyjmując. Tak nam Panie Boże pomoż, y ta Swięta Ewangelia Pana Chrystusowa. Ktore przysięgi, iż się tak prędko wydrukować nie mogły, one ręką naszą podpisawszy, y pieczęcią Koronną wydać roskazaliśmy. Działo się w Warszawie, *die 10 Junij 1659 roku.*

Juramient Posłow W. X. Ruskiego, y woysk Zaporoskich. Także osobliwie na to od J. Wiel. Hetmana, y wszystkiego woyska Zaporoskiego, Tymosza Nosacza Obożnego, y po dwa Setnicy, z każdego pułku przysłanych roku 1659 w dzień w Niebowstąpienia, przy bytnosci

Krola J. Mci, y wielu Jchmościow PP. Senatorow, y posłow ziemskich na seymie Walnym Warszawskim, w Jzbie Senatorskiey, na wierne y wieczne posłuszeństwo J. K. Mci y Rzeczyposp: przez osob niżey podpisanych się, takim opisaniem wykonany.

Przysięgamy P. Bogu Wszechmogącemu w Troycy Swiętey iedynemu, na tey swiętey Ewangelij, swoim, y Jana Wychowskiego Hetmana teraźnieyszego, y po nim następujących Hetmanow Zaporoskich, także Assawułow, Sędziow, Pułkownikow, Setnikow, Atamanow teraźnieyszych, y ich następcow, y wszystkiego woyska Zaporoskiego Starszych, y mnieyszych imieniem na to. Jż my Nayiaśnieyszemu Janowi Kazimierzowi Krolowi Polskiemu, y Szwedzkiemu, Wielkiemu Xiężęciu Litewskiemu, Ruskiemu y następcom J. K. M-ci Krolom Polskim, y Wielkim Xiążętom Litewskim, Ruskiemu, y następcom J. K. Mci Krolom Polskim, y Wielkim Xiążętom Litewskim, y Ruskim y wszystkiey Rzeczyposp: Koronie, y Wielkiemu X. Litewskiemu, wiernymi y posłusznemi będziemy, y Hetman ze wszystkim woiskiem Zaporoskim od Starzych do naymnieyszych, szczerą, prawdziwą, y wieczną wiernością y posłuszeństwem będzie, y będą, wszelakich protekcyi postronnych Panow, iako osobliwie Cara J. Mci Moskiewskiego, y innych wszystkich odstępujemy y odstępują, y onych się zrzekamy, wiecznie zrzekają, ręce na J. K. M. Pana N. M. y Następcow Krolow Polskich, y Wielkich X. Litew: y wszystkę Rzeczyposp: Koronę, y Wielkie X. Lit: nigdy podnosić, z postronnymi żadnego porozumienia mieć, poselstw przyjmować, ani odprawiać, ani posyłać, bez wiadomości J. K. Mci, y Rzeczyposp: nie będziemy, y nie będą, pod czas bez Krola, rozruchow nie

czynić, ale spolnie z Rzecząposp: na Elekcyi według zwyczaju obierania Krolow Polskich, obierać na Państwo bez pozwolenia Rzeczyposp: nikogo prowadzić nie będziemy, y nie będą, nad to przeciwko wszelakim nieprzyiaciołom J. K. Mci y następcow Krolow Polskich, tudzież Koronę Polską, y Wielkiego X. Lit: y Ruskiego, ochotnie y odważnie zdrowie swoie nieść mamy, mają, będziemy, będą. Jż tę przysięgę Pułkownicy, Sędziowie, Assawułowie, Setnicy; Atamani według porządku starszenstwa swego, y wszystka czerń przed Kommissarzami wykonają, a ieslibyśmy z Hetmanem y woyskiem Zaporoskim tey przysiędze y kommissyi Hadyackiey pierwszey przeciwko uczynić mieli, okrom buntownikow, których spolnymi siłami znosić obiecujemy, tedy wzajem też prawa y wolnosci nam nadane wagi mieć nie będą. Tak nam Panie Boże dopomoż, y Męka Chrystusowa jako sprawiedliwie przysięgamy.

Konstanty Wyhowski, Pułkownik Turowski, Tymosz Nosacz, Obożny woyska J. K. M. Zaporoskiego. Teodor Wyhowski. Ostaſi Feckowicz. Jasko Tarunczeńko, Setnik Kryłowski. Michayło Burmaka, Setnik Smialeński, z pułku Czyhyryńskiego. Jędrzey Jedynicc, Assawuła. Semen Dzałaręka z pułku C(z)erkaskiego. Jędrzey Buteńko, Wasko, Mitczeńko, Setnicy pułku Kaniewskiego. Mieleszko Tyroneńko, Setnik. Jwan Połowczeńko, z pułku Korszuńskiego. Stefan Sulima, Jendrzey Romanenko, Sędzia z pułku Pereasławskiego. Kryśko Lukaszewicz, imieniem wszystkiego towarzystwa Koszowego, iako pisarz. Jan Hrusza, pisaz generalny woyska J. K. M. Zaporoskiego. Jwan Bohatyreńko Setnik Korosteszowzki. Kalin Sokołow ki, Setnik Żytomirski. Wasili Piotrowski, Set-

nik Chodoskowski. Jerzy Nemirycz, Podkomorzy Kijowski. Hrehory Leśnicki, Pułkownik woyska J. K. Mci Zaporoskiego, Mirhorodzkiego. Ppokop Wereszczaka, Komornik Graniczny, Czerniechowski. Semen Łabaszenko, Setnik Stawiski. Jędrzey Rudyka, Setnik Nastaski, y pułku Białocerkiewskiego. Kiryłło Andryeńko Pułkownik Koszu Zaporoskiego. Jwan Kosiński Setnik Werkijowski Jakob Hulanicki, z pułku Niżyńskiego. Opiśko Towstewicz Setnik Piaskowski. Wasil Skrybecz Setnik Lochwicki. Jwan Zarudny Asawuł, z pułku Mirhorowskiego. Maxim Bułyha, Setnik Ziatkowski. Hrehory Biłohrod, Setnik Babiński, z pułku Umańskiego. Jwan Hryciuta, Setnik Bahacki. Hrehory Zarudny Setnik Sandzarowski. Tymosz Mihodicz, Lachowicki Pisarz. Niczypor Hryhorowicz, Setnik Sedniowski, z pułku Czerniechowskiego. Fedor Dulski, z pułku Kalnickiego. Jwan Chelezenko, setnik Torczycki. Volum. Leg. т. 4 стр. 305—307.

305) Вотъ эта коммиссія: Chcąc iako naybardziey w Panstwach naszych, zgodę y miłość «inter concives nutrire» a przywodząc do exekucyi kommissią Hadyacką naznaczamy Kommissarzow w Koronie, z Senatu, Wielebnych, Wielmożnych Urodzonych X. Thomasza z Rupniewa Uieyskiego, Kijowskiego, Czerniechowskiego, Opata Płockiego. X. Zygmunta na Czyżewie Czyżewskiego Lacedemonskiego, Suffragana y Dziekana Plockiego, Biskupow. Stanisława Kazimierza Bieniewskiego, Wołyńskiego. Jana Franciszka Lubowieckiego Chełmskiego, Kasztellanow. A z koła Poselskiego, Jana Sobieskiego Chorążego. Mikołaia z Zurowa Daniłowicza Podstolego koronnych. Janusza Weszła Cześnika Koronnego, Remiana Jelca Chorążego. Ludwika Woroszyła Podczaszego, Kijowskich. Woyciecha Bieniew-

skiego Podczaszego Halickiego. Stanisława Rzewuskiego, Sędziego Ziemskiego Lwowskich. Adama Burkackiego Cześnika. Alexandra Wielhorskiego Podstolego Czerniechowskich. Jana Woiakowskiego Podstolego Przemyślskiego. Sylwestra Cyrlenkowskiego Pisarza Ziemskiego Bracławskiego. Alexandra Piruskiego, Podstarosciego Luckiego. Thomasza Kazimirskiego. Jana Wężyka, Sieradzkiego. Woyciecha Tholibowskiego, Bobrownickiego. Macieja Mielżynskiego, Keyńskiego. Mikołaja z Radzanowa Zabickiego, Czermienskiego, Starostw. Jana Duczyminskiego, Łowczego Ciechanowskiego. Władysława Mycielskiego, Miecznika Kaliskiego. Stefana Niemierycza, Chorążego Kijowskiego... Rysińskiego. A. w W. X. Lit: z Senatu, Jerzego Białozora, Biskupa Smolenskiego, Ludwika Kazimierza Jewłaszewskiego, Woiewodę Brzeskiego. Księdza Alexandra Kotowicza, Kanonika Wilensk: Sekretarza nasz. A z Koła Poselskiego, Hilarego Czyża Wileńskiego. Jana Korsaka Połockiego, Podkomorzych. Mikołaia Ciechanowskiego, Starostę Mscisławskiego. Jana Kiersnowskiego, Nowogrodskiego. Jana Wołodkowicza, Mińskiego, Sędziow. Alexandra Lenkiewicza, Możyrskiego. Macieja Olszewskiego, Lidzkiego. Stanisława Zienowicza Wilkomierskiego, Podsędkow. Piotra Kosciuszkę, Pisarza Ziemskiego, Brzeskiego. Ktorzy przychilając się do tey że kommissyi, y trzymując się oney we wszystkim «in locum cathedr: cerkiew, monasterow, dobr cerkiewnych, Koronni w Koronie, a Litewscy w W. X. Lit. porozumiawszy się z sobą o czasie, który według dyspozycyi kommissyi Hadyackiey miarkowany, y przez Nas intimowany bydź ma, zjachać mają, y dobra cerkiewne «pro jure et justitia», iako komu należą, oddawać. Ktorym to Kommisarzom

y «partibus» do tey że kommissyi należącym warujemy «securitatem», tak jako Sądom Trybunalskim. Chcąc to mieć, aby «violatores securitatis judicio» tychże Kommissarzow sądzeni byli. A ktoby tey kommissyi «refractarius» był y onej «contravenire» chciał, taki iako «violator pactorum poenis legum» ma «subesse.» Wolum. Leg. т. 4, стр. 301.

306) Въ гадячскомъ договорѣ постоянно ставятся православіе и латинство какъ единственныя вѣроисповѣданія, получающія всѣ права свободнаго существованія. Съ другой стороны, унію запрещается поддерживать какимъ бы то ни было образомъ латинянамъ, а православные обязываются не допускать къ себѣ протестантовъ. Приводимъ все это постановленіе о вѣрѣ по очень вѣрному переводу Бантышъ-Каменскаго. Древняя Греческая вѣра, съ косю древній русскій народъ къ Польшѣ присоединился, да пребываетъ при своихъ преимуществахъ и свободномъ молитвъ употребленіи, куда только достигаетъ языкъ русскаго народа, во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ какъ въ Коронѣ польской, такъ и въ Вел. Кн. Литовскомъ; также на Сеймахъ, въ войскѣ, въ Трибуналахъ нетокмо въ церквахъ, но и въ публичныхъ сходахъ и процессіяхъ, въ посѣщеніи больныхъ съ Святыми дарами, въ погребеніи мертвыхъ и во всемъ да будетъ равная подобно римлянамъ свобода. — Томужъ народу вѣры Греческой дается право свободно вновь созидать церкви и монастыри, старые же обновлять и починивать. — Касательно Церквей и монастырей, изстари для греческой вѣры построенныхъ, при оныхъ пребывать имѣютъ греки древніе православные; и сіи церкви публичную присягу въ

вѣрности сдѣлаютъ своими полковниками и Старшиною войска Запорожскаго въ полгода чрезъ Коммисаровъ, къ тому съ обѣихъ сторонъ назначенныхъ. Но изъ людей той вѣры, которая противна вѣрѣ греческой православной, и которая между народомъ Римскую вѣру, и народомъ Греческую вѣру исповѣдующимъ, разгласіе умножаетъ (т. е. унія) никто изъ духовнаго и мірскаго, Сенаторскаго и Шлихетскаго чина церквей, монастырей и усадьбы созидать, строить и умножать, какъ въ маетностяхъ духовныхъ, такъ и въ королевскихъ и въ своихъ наслѣдственныхъ собственныхъ не имѣетъ, и по силѣ сей коммиссіи не надлежитъ ему сего чинить въ вѣчное время. По Римской вѣры жителямъ въ воеводствахъ, Браславскомъ, Кіевскомъ и Черниговскомъ свободное оной употребленіе позволяется. Дворяне же свѣтскіе какъ природные, такъ пожалованные отъ Его Кор. Величества, въ Римской вѣрѣ обращающіеся никакой власти и права имѣть небудутъ надъ духовенствомъ бѣлымъ и монахами вѣры греческой, кромѣ настоящаго ихъ своего пастыря. А поелику общему отечеству общія надлежитъ имѣть преимущества и украшенія на обѣ стороны; того ради Митрополитъ Кіевскій, который нынѣ есть и впредь будетъ, съ четырмя Епископами *Луцкимъ*, *Львовскимъ*, *Перемышльскимъ*, *Хельмскимъ* и пятымъ въ Кн. Литовскомъ, *Мстиславскимъ* по ихъ собственному порядку въ Сенатѣ засѣдать будетъ съ такимъ преимуществомъ и свободнымъ голоса употребленіемъ, каковое въ Сенатѣ имѣютъ всѣ духовные вѣры Римской. Однако Митрополитъ *Русской* будетъ сидѣть за Архіепископомъ Львовскимъ, а Епископы Русскіе за Епископами Римскими по ихъ уѣз-

дамъ. — Въ Кіевскомъ воеводствѣ достоинства Сенаторскія раздаваемы будутъ одному только дворянству вѣры греческой, оное заслуживающему: въ воеводствахъ же Браславскомъ и Черниговскомъ, тѣже достоинства Сенаторскія попеременно будутъ раздаваемы; то есть по смерти Сенатора вѣры греческой, заступитъ оное мѣсто Сенаторъ вѣры Римской; однако во всѣхъ помянутыхъ трехъ воеводствахъ благоурожденнымъ и нарочитыя маетности имѣющимъ начальства и чины даваны быть имѣютъ, и не отнимая сей чести у настоящихъ нынѣшнихъ Архіереевъ.—А дабы любовь съ обѣихъ сторонъ распространялась, то въ городахъ коронныхъ и Великаго Княжества Литовскаго, гдѣ ни есть мѣщане вѣры греческой, оные равно съ мѣщанами вѣры Римской взаимныя и такіяжъ свободности и вольности имѣть будутъ; и вѣра греческая къ полученію начальства гражданскаго препятствіемъ не будетъ. — Академію въ Кіевѣ воздвигнуть позволяетъ Его Кор. Величество и чины коронные съ такимижъ преимуществами и вольностьми каковы имѣетъ Академія Краковская; съ симъ однако условіемъ, дабы въ той Академіи никакихъ иныхъ вѣръ, Аріанской, Кальвинской и Лютерской профессоровъ, учителей и студентовъ, небыло, дабы между студентами и учениками никакого не подать случая къ ссорѣ; прочія же всѣ иныя школы, которыя прежде въ Кіевѣ были, въ другое мѣсто Его Кор. Величество перенесть повелитъ; другую такъже Академію позволяетъ Король и чины коронные Вел. Кн. Литовскаго построить тамъ, гдѣ-ей мѣсто способное усмотрится, которая подобно Кіевской будетъ имѣть права и свободности и съ таковымъ же какъ въ Кіевѣ условіемъ

дабы въ оной ереси Аріанской, Кальвинской и Лютерской Профессоровъ, учителей и студентовъ небыло; и гдѣ ни воздвигнута будетъ оная Академія, тамъ уже никакія школы никогда строены небудутъ. — Гимназіи училища, школы и типографіи, сколько потребно будетъ, свободно безъ всякаго труда заводить, науки преподавать, книги печатать всякія, неоскорбляя однако ниже насмѣхаясь во оныхъ Королевскому Величеству, и проч. Бан.-Кам. стр. 123—126 прим. ч. Маркевичъ въ своей Исторіи Малороссіи (т. 2 стр. 29) приводитъ изъ Фроловской лѣтописи 1-й пунтъ Гадячскаго договора въ такомъ видѣ: «Уніи въ Малороссіи небывать: поляки при своей вѣрѣ, малороссіане при своей останутся»; а Стебельскій, имѣвшій подъ руками многочисленные источники этого дѣла, излагаетъ этотъ пунктъ въ такомъ видѣ: Unia czyli jedność ma być zniesiona, ani cierpieć «wiary inney oprócz Rzymsko-Katolickiey i ich greckiey Nieunitskiey» abo odszczepieńskiey. Chronologia... т. 2, стр. 319. За Стебельскимъ говоритъ тоже и Островскій. Dz. Kosc. Polsk. т. 3, стр. 254.

307) Считаемъ не лишнимъ указать, кто главнымъ образомъ устроялъ это дѣло. Это — Станиславъ Бѣневскій каштелянъ волынскій, Людвигъ Іевлашевскій каштелянъ смоленскій и особенно Георгій Немиричъ подкоморій кіевскій.

308) Steb. Chronolog. т. 2. стр. 323 прим.; Ostrowski Dz. Kosc. Polsk. т. 3. стр. 255—256.

309) Steb. тамъже стр. 323—324 прим. Уніяты послали отъ себя къ папѣ съ жалобою на Гадячскій договоръ Пахомія Огилевича, совѣтника Базиліанскаго ордена.

310) Все это дѣло происходило такимъ образомъ. Въ 1660 году поляки опять помирились съ казаками и заключили снова договоръ съ ними подъ Чудновымъ или лучше сказать подвердили гадячскій договоръ. (Памят. Кіев. Ком. т. 4. № III, IV) Сеймъ 1661 года подтвердилъ этотъ Чудновскій договоръ, но уже безъ прежней торжественности (Volum. Leg .т. 4. стр. 357—359) и, что для насъ особенно важно, далъ согласіе гнѣзненскому архіепископу внести въ государственный архивъ декларацію (тамъже стр. 323 № 3), которая заключала въ себѣ указанное нами объясненіе правъ православныхъ (Dz. Kscł. Polsk.Ostrow. т. 3, стр. 256). Гавріилъ Коленда постарался, чтобы эта декларація подверждена была на сеймѣ 1662 г. (Ostr. тамъ же стр. 257; Volum. Leg. т. 4, стр. 490—7). На сеймѣ 1667 г. она снова подтверждена. Тамъ же стр. 430. 5—6. Декларація эта безъ всякаго сомнѣнія та, которую мы приводимъ ниже въ примѣч. 322.

311) Дипломъ этотъ мы приводимъ ниже въ общемъ сводѣ привилегій уніятскихъ, подтвержденныхъ Яномъ Собѣсскимъ. Правда, въ этомъ дипломѣ говорится о временномъ замѣщеніи вакансій по распоряженію митрополита до окончательныхъ назначеній отъ короля. Но уніятскіе и латинскіе писатели (напр. Kulesza Wiara prawosławna стр. 325) умалчиваютъ объ этой особенности и не напрасно: на дѣлѣ, временное распоряженіе митрополита было окончательнымъ.

312) Чтобы видѣть всю важность этого новаго права уніи, нужно припомнить, что въ литовско-польскомъ королевствѣ избраніе и назначеніе на духовныя мѣста сильно были ограничены участіемъ общества и прави-

тельственной власти. Намъ уже извѣстно, сколько отсюда выходило зла; но неоспоримо, что эти ограниченія сильно стѣсняли также и уніятскую церковную власть: теперь же это стѣсненіе было снято съ нея совершенно.

313) Korona Złota nad głową... B. M. Josefata стр. 108; Steb. т. 3, стр. 311—312 прим. h.

314) Дѣло это, о которомъ мы не говорили прежде, потому что во время беатификаціи Кунцевича смуты государства и расположеніе къ православнымъ короля Владислава недавали уніятамъ возможности развернуть полный эффектъ по этому случаю, происходило слѣдующимъ образомъ. По распоряженію Рутскаго отправился въ Римъ еще въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія Рафаилъ Корсакъ хлопотать о беатификаціи Кунцевича. Тогдашній папа Урбанъ долго несоглашался, и вотъ какимъ образомъ убѣдился въ святости Кунцевича, по расказу книги чудесъ Іосафата. Какіе-то черноклижники разсердились на папу Урбана VIII, и сдѣлавъ восковое его изображеніе, стали надъ нимъ глумиться — щелкать и колоть. И какъ щелкнутъ или кольнутъ восковую статую, такъ папа Урбанъ и хватится у себя за то или другое мѣсто: въ это мгновеніе и ему больно въ той части тѣла, надъ какою глумились черноклижники въ восковомъ его изображеніи. Бѣдный Урбанъ рѣшительно изнемогъ и отчаялся въ жизни. Тогда является ему Іосафатъ Кунцевичъ и говоритъ: беатификуй (признай святымъ) меня, и будешь здоровъ. Папа поспѣшилъ покончить скорѣе дѣло (proces) о Кунцевичѣ, призналъ его святымъ и послалъ въ Литву объ этомъ бреве. (korona złota... чудо 109. Бреве мы теперь не имѣемъ подъ руками, но вотъ

опредѣленіе римской конгрегаціи для распространенія вѣры. Decretum s. congregationis ritum in causa Beatificationis, et canonisationis Beati Martyris Josaphat, Archiepiscopi Polocen: Ordinis, Sancti Basilii Magni.

Commissa dudum a Sanctissimo Domino Nostro, Urbano, divina providentia Papa VIII. Sacræ Rituum Congregationi, ad instantiam serenissimorum Poloniæ et Suecia Regum, Sigismundi III et Vlaslai IV. Nec non ad supplicationem Metropolitanorum, Archiepiscoporum, Episcoporum, Palatinorum, Principum ac universi Cleri, et populi Catholici Regni Poloniæ Magni Ducatus Lithuaniæ, ac totius Russiæ, nec non venerabilis Ordini Monachorum S. Bazilii Magni in causa Servi Dei Josaphati, Archiepiscopi Polocensis ejusdem Ordinis S. Basilii, pro Christi nomine, et fide Catholici, et pro sancta potissimum Unione, cum Ecclesia Romana, Vitebsci in Russia Alba, 13 Novemdris 1613 a schismaticis trucidati illaq; deinde per plures annos, per eandem Sacram Congregationem, servatis servandis, discussa, et examinata; auditis de super etiam Theologis, consultoribus, et sanctæ fidei Promotore. Post obtentam prius ab eodem Sanctissimo Domino Nostro, sub die 17 Januarii 1639 specialem derogationem, decreti Sanctitatis suæ, de non procedento, in causis servorum Dei, ad effectum Canonisationis Beatificationis, aut declarationis Martyrii nisi lapsis quinquaginta annis ab obitu illorum. Et praevia sub die 2 Martii 1641 ejusdem Sanctissimi licentia, ad ulteriora in hujusmodi, causa, in congregationibus ordinariis, procedendi, referente Eminentissimo et Reverendissimo D-no Joanne Baptista, tituli Sancti Eusebii S. R. E. Presbitero Cardinali, Pamfilio nuncupato, proposita: eadem Sacra Ri-

tuum Congregatio de 2 Martii 1641 censuit constare, de validitate Processuum. Die 13 Septemb. 1642 constare de Martyrio, et causa Martirii. Dei demum 22 Novembris ejusdem anni, constare etiam de miraculis. Ideoque Sacræ Congregationi videtur, si sanctissimo Domino N. placuerit, posse dictum servum Dei Josaphatum Beatorum Martyrum Cathalogo adscribi, et ad solennem ipsius Canonizationem quandocunque deveniri, interim vero, donec ad ipsam Canonizationem deveniatur, visum pariter fuit, facultatem concedi posse, ut de eodem Martire, ab omnibus Monachis Ordinis S. Basilii, ubique terrarum existentibus, nec non in omnibus Ecclesiis, Diocesis et Provinciæ Polocsnsis, ac totius Metropolis Russiæ, a quibuscunque sacerdotibus, tam secularibus, quam Regularibus. Die Natalis ipsius 12 videlicet Novembris, Officium et Missa, de communi unius Martíris Pontificis, recitari respectui, ac celebrari valeat, juxta Rubricas Breviarii, et Missalis Romani, nec non Græci, seu Rutheni, ab Apostolica Sede approbati. Quam Sacræ Congregationis sententiam Sanctissimus Dominus N. per me Secretarium ad se relatam præsente ibidem Sanctæ Fidei Promotore, die 14 Decembr. 1642, laudavit et approbavit et Breve de super in forma expediri mandavit. Colloq. Lub. стр. 52—53.

315) Stebel. т. 2, стр. 312. Kor. złota... чудо 108. Cursus vitæ et certamen Martyrii... т. 100.

316) Stebel. т. 2, стр. 289—291.

317) Korona złota... чудеса 111—116.

318) Zbiór pamiętnikow o dawney Polszcze т. 5, стр. 86—110.

319) Volum. Leg. т. 4, стр. 484.

320) Stebel. т. 2, стр. 358—363 текстъ и примѣча-

nie. Привилегія уніятамъ Михаила приводится нами ниже.

321) Прекрасная характеристика Собѣскаго сдѣлана Короновичемъ въ его — Słowie dziejow polskich т. 3, стр. 285—290, — Обширнѣе — все царствованіе Собѣскаго стр. 167—296; также — Шайнохе — Opowiadanie o Królu Janie III, opowidanie I. стр. 99—164.

322) Приводимъ одинъ изъ этихъ дипломовъ на польскомъ языкѣ. Joannes III. Dei Gratia Rex Poloniæ.... Oznaymujemy, tym listem naszym, komu to wiedzieć należy. Wdzięczni będąc łaski Bożey, z którego woley, y cudowney dispositiey na tronie Korony Polskiey wolnemi głosami obudwa wolnych narodow posadzeni jesteśmy, do tego nasze Studia, y conatus applicujemy, jakoby majestat iego S. y rządow nam powierzonych, Boskie swoie miał ukontentowanie, y wszystkie prawa, przywileje, y wolnosci in *suo robore*, *cujuscunque status et conditionis* ludziom Panstw naszych, *in Pactis Conventis* zachowane zostawały, *et iuramento nostro* to utwierdzono było, Wielebnego w Bogu Xdza Cypryana Żochowskiego, Kijowskiego, Halickiego, y wszystkiey Rusi, metropolity, w iednosci S. z kosciołem Rzymskim zostającego, przy instanciey PP. Rad, y urzędnikow naszych dwornych *benigne annuendo votis*, *et desideriis justis*, Naiasnieyszego S. p. K. J. M. Michała antecessora naszego Confirmatią Immunitatum et Jurium duchowienstwa Religiey, Greckiey, w Unij S. będących, ręką podpisaną, z przycisnieniem mnieyszych, Koronney, y W. X. Lit. pieczęci, w Dacie, w Krakowie na Seymie Coronatialnym, Antecessora Naszego, dnia XX Mca Oktobra Roku MDCLXIX, całą, nienaruszoną, y żadney suspicicy w sobie nie mającą,

zmocnili, stwierdzili, corroborowali, ktorą słowo w słowo, wpisać roskazalismy, et *talis tenor sequitur* oney.

Michał, z Bożey łaski, Król Polski. Oznaymujemy tym listem Maszym, komu o tym wiedzieć należy. Jż lubośmy przy szczęśliwey inauguracicy naszey, wszystkie prava, privilegia, in suo esse, każdego stanu conditicy, ludziom Panstw naszych poddannym, in Pactis Conventis zachować przyobiecali, y przysięgą naszą to utwierdzili, iednak, iż *specialna* nas, Wielebnego w Bogu Xdza Gabryela Kolendy, Metropolity Kijowskiego Halickiego, y wszystkiey Rusi, w iednosci S. z Kościołem Rzymskim zostającego, przy instantiey PP. Rad naszych, y urzędnikow Dwornych, zaszła prożba, abyśmy onemu, y wszystkiey pomienioney Religiey Greckiey, Dwa Przywileje: — (ieden) Confirmatią *Immunitatum et Jurium* Duchowieństwa Religiey Graeckiey, w Jednosci S. z Kościołem Rzymskim, będący, drugi — Administratie dobr Cerkiewnych w Unij będących, Naiasnieyszego Jana Kazimierza Krola J. M. Polskiego y Wiel. X. Lit: antecessora naszego ręką podpisane, z przycisnieniem mnieyszych koronnych, y W. X. Lit: Pieczęci, w dacie iedney, w Warszawie, dnia XXIX Miesiąca Augusta Roku P. MDCLXVIII całe, nienaruszone y żadnego podeyrzenia w sobie nie mające stwierdzili, zmocnili, y approbowali; doczegośmy chętnie się skłonili, słowe do słowa wpisać do Confirmatiey naszey roskazali, co wpisując, tak się w sobie ma. W Jmie Panskie Am. Na wieczną rzeczy pomiątkę. My Jan Kazimierz, z Bożey łaski Krol Polski W. X. Lit... Oznaymujemy tym listem, przywilejem wszem wobec, y każdemu zosobna, komu to wiedzieć będzie należało, teraznieyszym, y w potomne wieki następującym ludziom. Przekładane były

przed nami przez PP. rady y urzędniki Dworne, na ten czas przy boku naszym będące, imieniem przewielebnego w Bogu oyca X. Gabryela Kołędy, wszystkiey Rusi Metropolity, w Jednosci s. z Kościołem Rzymskim ostającego, rożne privilegia, od s. pam. Naiasn. antecessorow Kr. Jch Mśćow, Przewielebnym OO. Metropolitom, Archiepiscopom, Wielebnym Episcopom, Wielebnym Archimandrytom, y wszystkim Cerkwiom *Ritus Graeci Uniti* nadane: przywiley od Najasn. Kr. J. M. Alexandra, pod datą w Wilnie roku 1499 mśca Marca 20 dnia, w ktorym, Przewielebnym, Metropolitom, Archiepiscopom, Wielebnym Episcopom, y Archimandrytom administrationem, jurisdictionem nad mieszczany w zamkach, miastach y miasteczkach, na placach Cerkiewnych mieszkającemi zleca *cum ea conditione*, żeby prawu magdeburskiemu nie podlegali, ale do sądow Duchownych należeli. Przytym dispositią collacyi cerkwi wszystkich podług dawnych zwyczaiow, niekomu inszemu, tylko Przewielebnemu w Bogu X. Jozephowi Episcopowi Smolenskiemu, Kijowskiemu, y wszystkiey Rusi Metropolicie, y po nim następującym successorom daje. Co wszystko potym Najasn. Krol. Jmść Zygmnt I. w Brzesciu na seymie walnym Koronnym, pod datą roku od stworzenia Swiata, siedmtysiącznego dziewiętnastego, mśca Julij, 2 dnia, osobliwym swoim przywilejem confirmować raczył, a ponim obadwa ich przywileje, Najasn. Krol J. M. Stephán pod datą na seymie walnym w Warszawie, — także in Senatu frequenti, roku tysiącznego, pięćsetnego, osmdziesiątego, piątego, msca Februarij 25 dnia, stwierdził. A co większa, y Najasn. K. J. M. Zygmunt III, Pan ociec nasz, reassumując wyżey mianowane priwilegia, od Naiasnieyszych antecessorow

swoich, tak Wielkich Xiążąt Lit: iako y Krolow Polskih *ante, et post unionem* duchowienstwu Religicy Graeckiey nadane, osobliwym przywilejem swoim confirmować raczył, pod datą w Warszawie, roku 1606 msca February, 22 dnia. Między inszemi przywilejami *in magno numero* będącymi, praesentowane nam były różne *rescripta* Najasnieyszych Antecessorow Naszych iako to Zygmunta I. Zygmunta Augusta y Zygmunta III. Pana oyca naszego Królow Polskich, także Gasztolda Woiewody na tenczas Wileńskiego, y Kanclerza W. X. Lit: rożnemi czasy do Mieszczan Wileńskich, y Nowogrodzkich wydane, ażeby w sądy y rządy duchowne nad poddanemi po miastach, y zamkach Metropolitom, Archiepiscopom, Episcopom, y Archimandrytom należące, nie wtrącali się: *specialeter* przekładana przed nami była confirmatia Naiasn. Króla Jmści Zygmunta III Pana oyca naszego wszystkich przywilejow y listow *antecedenter* wydanych, pod datą w Warszawie, roku 1617 miesięca Februarij, 27 dnia, z strony mieszczan Wileńskich, na gruntach cerkiewnych mieszkających którzy powinni byli mieć dependentią od sądow Metropolitanskich, a nie od urzędu tegoż mieyskiego Wileńskiego. A nad to, gdy Jedność s. przeszłego wieku z Kościołem Rzymskim Przewieleb: niegdy w Bogu X. Michał Rahoza Metropolita na on czas Kijowski przyjmował, przywiley od pomienionego Najasn: Zygmunta III Pana oyca naszego, pod datą w Krakowie Roku 1595, miesiąca Julij 30 dnia, na wolności duchowienstwu, y przełożonym Unitom, ktorych aequiparuje z stanami duchownemi Rzymckiego Nabożeństwa był nadany. Tenża znowu Najasn: krol Jmść Zygmunt III *circa immunitates* duchowienstwo Graeckie w Unicy s. będące, podług przywilejow Najasn:

antecessorow swoich, osobliwym przywilejem swoim pod datą w Warszawie dnia V miesiąca Septembra roku 1621 wydanym zachowuje. Y supplikowano nam przez PP. Rady y urzędniki nasze, przy boku naszym na ten czas będące, imieniem tegoż wzwysz mianowanego, Przewielebnego w Bodu X. Gabryela Kolendy, wszystkiey Rusi Metropolity, abyśmy te wszystkie przywileje y rescripta wyżey specificowane, przez które od Najasn: praedecessorow naszych, Ecclesiae Ritus Graeci Uniti immunitates et libertates swiątobliwie są nadane, stwierdzili umocnili, y powagą naszą approbowali. My tedy do pomienioney suppliki, jako słuszney chętnie y łaskawie się skłoniwszy, niemniey też usiluiąc, aby się Jedność s. krzewiła, y w niey chwała Boża, co raz większe, a większe pomnożenie brała, te wszystkie wyżey mianowane przywileje, y rescripta, od wzwysz mianowanych antecessorow naszych krolów Polskich, Cerkwiom in Unione będącym, pro tempore nadane, stwierdzić y umocnić umysliliśmy. Jakoż powagą naszą, przez to Diploma nasze stwierdzamy, umacniamy, approbujemy, y ratificujemy, y przy swobodach, wolnosciach, praerogatiwach, władzach, jurisdicyach, y obrzędach Cerkiewnych, ante, et post unionem, duchowieństwu Religiey Graeckiey Unitom służących, Przewielebn. Metropolitę teraznieyszego, y na potym będących, cale y nienaruszenie zostawujemy, y zachowujemy. Warując to naszym, y Najasn: następcow naszych imieniem, żeby w niczym, niodkogo *immunitatibus*, *libertatibus*, *praerogativisque Ecclesiasticis ritus Graeci Uniti*, *derogatum* niebyło, y w naymnieyszey rzeczy disminutia się nie działa, ktorey *in casu contraventionis*, *huic diplomati nostro*, Przewiel: w Bogu X. Gabryel Kolenda, wszystkiey Rusi Me-

tropolita, y ponim następujący Successorowie dochodzić, prawnie będą powinni. Naco dla lepszey wiary y pewnosci to Diploma confirmationis, ręką naszą podpisalismy, y pieczęć W. X. L. przycisnąć roskazalismy. Dan w Warszawie, na Seymie walnym dnia 29 msca Augusta roku P. MDCLVIII. Panowania Krolewstw naszych Polskiego XX a Szwedzkiego XXI Roku. Przy obecności Naywielebnieyszego, Wielebnych, Jaśnie Wielmożnych, Wielmożnych, y Urodzonych p.p. (далѣе имена подписавшихся чиновъ) Cypryana Żochowskiego z B. S. Th. D. Auditora Metropolitanskiego cujus cura *et sollicitudine*, *hoc Diploma procuratum*, y innych wielu szlachty, obywatelow Koronnych y W. X. Lit. na ninieyszy Seym walny Koronny w Warszawie zgromadzonych. Jan Kazimierz Krol. Drugi przywiley-Administratia, — po tytule Kr. Imści: Oznaymujemy tym listem naszym, komu o tym wiedzieć należy, teraz y na potomne czasy będącym ludziom, iż przełożono nam iest przez PP. Rad, y urzędnikow naszych dwornych, przy boku naszym na ten czas będących, imieniem duchowienstwa *in genere* wszystkiego *ritus Graeci*, w Uniej S. będącego, Reguły Bazylego S. Jż po zesciu Archiepiskopow, Episkopow, y Archimandrytow wszelkie ich dobra wacujące, od rożnych tak dysunitow, iako też y ludzi swieckich per violentias indebite occupantur, przez co Uniey S. a pogotowiu chwale Bożey nie małe umnieyszenie dzieje się. Takowym tedy inconvenientijs wczesnie zabiegając, a oraz życząc, aby chwała Boża nie ustawała y owszem coraz pomnożenie brała, teraznieyszemu Przewieleb. w Bogu Xdzu Gabrielowi Kołendzie, wczystkiey Rusi Metropolicie, y ponim następującym Metropolitom, Unitom, podług praw y dawnych zwyczajow, ieszsze za ży-

wota Jozepha Welamina Metropol: Kijowskiego obserwowanych, moc zupełną dajemy, y de facto pozwolamy w państwach naszych Korony Polskiey, y W. X. L. vacantia beneficia Cerkiewne Religiey Graeckiey administrować, y onemi władać, poty, aż do nas, abo successorow naszych inclusive na vacującą godność mianowany y od Metropolity consecrowany będzie. Co naszym, y Najasn: successorow naszych imieniem warując, daliśmy ten list nasz, do którego dla większey wiary, pieczęć W. X. L. przycisnąć roskzalismy. Dan w Warszawie, dnia 19 miesiąca Augusta Roku Panskiego MDCLXVIII, panowania Krolestw naszych, Polskiego, y Szwedzkiego XXI Roku. Jan Kazimierz Krol. My tedy Krol do prożby Wieleb. Xdza Metropolity Kijowskiego, Halickiego y wszystkiey Rusi, łaskawie się skłoniwszy, wyżey specificowane przywileja confirmatiey *Immunitatum et Jurium* duchowienstwa Religiey Grækiey, w iednosci S. z Kosciołem Rzymskim będącey, y administratią dobr Cerkewnych w niey będących, we wszystkich punctach, clausulach, paragraphach, y conditiach, *inquantum juris est, usurá ejus habetur*, approbujemy, zmacniamy y confirmujemy tym listem naszym, chcąc mieć, aby na wieczne czasy, przy zupełney mocy trwały. Na co dla lepszey wiary, ręką się naszą podpisawszy, pieczęci, Koronną, y W. X. L. przycisnąć roskazaliśmy. Dan w Krakowie, na Seymie szczęśliwey Coronatiey naszey, dnia 19 m-śca Octobra Roku Panskiego MDCLXIX, panovania naszego Polskiego 1 Roku. Michał Rex. My tedy Krol, do prżoby pomienionego Wielebn. Xdza Cypryana Żochowskiego, wszystkiey Rusi Metropolity, iako słuszney, łaskawie się nakłoniwszy, wyżey nferowaną Najasn. S. p. K. J. M. Michała Confirmatią

Jmmunitatum et Jurium duchowienstwa, Religiey Graekiey, w Unicy S. z Kosciołem Rzymskim będącey, tudziesz y Administratią Dobr Cerkiewnych w niey będących, we wszystkich punctach, paragraphach, artykułach, condytiach, y clausulach, inquantum juris est, usurae jus habetur, stwierdzamy, zmacniamy, y ratificujemy, tym listem naszym confirmacyjnym y przy zupełney, a wieczney mocy y wadze, cale y nienaruszenie nie odzownemi czasy, zachowujemy. Na co dla lepszey wiary ręką się naszą podpisawszy, pieczęci Koronną y W. X. L. przycisnąć roskazalismy. Dan w Krakowie na Seymie szczęsliwey Koronacyey naszey, dnia III Miesiąca Marca. Roku Pan: MD. LXXVI Panowania Naszego Polskiego II Roku. Jan Krol. Pieczęci dwie wielkie, Koronna y W. X. L. Stanislaus Buzenski, Gn. Canc: Regens Cancel: Regni, Maioris. Jan Władysław Brzostowski, Pisarz W. X. L. Colloqu. Lub. стр. 79—82. Другой дипломъ заключаетъ въ себѣ тоже подтвержденіе правъ уніятовъ на латинскомъ языкѣ, особенность въ немъ—грамата Владислава уніятамъ 1635, указанная нами выше.

323) Еще въ 1661 году вскорѣ послѣ смерти Сильвестра Коссова, русское правительство приказало быть блюстителемъ Кіевской митрополіи посвященному въ Москвѣ мстиславскому епископу Меѳодію, несмотря на то, что въ Кіевѣ былъ избранъ и посвященъ въ митрополита Діонисій Балабанъ. Таже исторія повторена и послѣ 1663 года, когда умеръ Діонисій. Опис. Кіев. Соф. Соб. стр. 186—187; 192—193.

324) Такъ это случилось въ 1664 году. Одна сторона избрала митрополитомъ могилевскаго епископа Іосифа Нелюбовича Тукальскаго, а другая подъ руковод-

ствомъ гетмана Тетери, преданнаго Польшѣ, избрала Перемышльскаго епископа Антонія Винницкаго. Тамъ-же стр. 190—193; Stcb. т. 2, стр. 342—343.

325) Шумлянскій въ нашей литературѣ считается православнымъ до 1700 г., т. е. ему прибавлено цѣлыхъ двадцать три года православной жизни. Въ уніятскомъ архивѣ, хранящемся при Св. Сунодѣ, находится письмо Шумлянскаго (по всему видно) къ папскому нунцію отъ 1677 года съ изъявленіемъ желанія принять унію, и отвѣтъ на это письмо отъ того-же года съ полнымъ согласіемъ нунція и папы на это дѣло.

326) Вотъ этотъ оригинальный проэктъ съ разными приписками другою рукою: Punkta, które mogą privatnie za powagą Jego Msci X-a Nunciusza między nami samemi, a Jch M. M. xiężą dawnieyszą w zgodzie z Kościołem S. zostającą Bracią naszą: tak y te punkta, które może Sam Jego Msć Xdz Nuntiusz powagą stolice s. Apostolskiey uspokoić et in desideriis nostris nas ukontentować.

1-mo Metropolia Kijowska (далѣе другою рукою) (voluit Szumlanski, ut omnia bona sub Kijovia cedant adhuc parum haberet quod etiam Diecesim Metropolitanam... et krylos possideret, quamvis nunquam fuerit antea Episcopatus Leopoliensis in rerum...)

2-do Episkopia Przemyska (voluit Jnnocentius Vinnicki Schismaticus et Premyślensis, ut omnia, quae possidet Episcopus unitus Joannes Małachowski, illi cedat).

3-o Beneficia Koronne, aby przy koronnych zostawały, a Litewskie przy litewskich (quatenus et Vladimiriam et Chelmam schismatici possideant, et Brestam penes unitis,

sine ullis bonis reliquant cum et Tyczynum pertineat ad epptum Vlodimiriensem.)

4-to Episkopia Lwowska tak iest uboga, że i iednego poddanego niema: prosimy tedy za tą Episcopią y samym Jego Mscią oycem Episkopem, ażeby promotione stolicy S. Apostolskiey lub dobra odpadłe tey Episkopiey były przywrócone, lub particularz tey Episcopiey Grodek y Ilosicza z Archimandryą iakową był przydany; ponieważ by dla tego ta Episkopia upaść miała. A tym czasem o respekt jakowy na osobę jego Msci prosiemy y o «pensyą» z łaski Oyca Swiętego.

5-to. Za Jego Mscią Oycem Twarowskim jako zasłużonym w Cerkwi S. y człowiekiem uczonym do tego szlacheckiey condyciey Bratem naszym instamus o respekt jakowy y Archimandryą tym czasem wakującą Owrócką, aby na osobę Jego Mści ta była z łaski Jego Krol. Msci za instantią Jego Msci Xdza Nuntiusza oddana.

6-to. Declaratiom naszym czas y mieysce za Universałami Jego Krol. Msci pana naszego Miłościwego na Rusi naznaczyć, aby tamże y ci zjachali, którzy Konstytuciey y listowney declaracyey Jego Krol. Mci teraz nieusłuchali, żeby diffugiis niewiadomości pretendowaney ardua ingenia nie narabiały.

7-mo. Po declaracyach naszych Jch Msc Xża Ritus Romani, aby nie zaraz do Cerkwicy Ruskich z nabożeństwem swoim wchodzili aż się dobrze z naszą porozumiemy Rusią, y ztąd, że też omne principium grave y żeby zatym niebył aliquis tumultus et turbatio in populo, o co na Rusi nie trudno.

8-vo. A ponieważ bez naruszenia żadnego praw y starożytnych zwyczajow naszych wschodnicy cerkwicy do zgo-

dy przystępujemy; przetoż y to sobie cavemus, aby ad loci ordinarios (ad loca ordinaria) zakonnicy wszyscy w w Episkopiach ich zostający secundum jus antiquum in sacris canonibus w tey mierze expressam immediate należeli. (Отсюда можно видѣть, что тогда многимъ не правилась самостоятельность Базиліанскаго ордена, управляемаго собственнымъ протоархимандритомъ, независимо отъ епархіальнаго начальства.)

9-no. A żeby in populo indisciplinato bardziey się za opinią, a niżeli za samą słusznoscią ciągnącym, nie była ex occasione oddalenia kapłanow, irregularite bigamiae trzącących, jaka confusia ex re fore videtur onych by teraz przy dostoienstvíe kapłanskim zachować się zwykło, a uczynić in posterum cautią, żeby takowi ad ordines non convolent.

10-mo. Niesłuszny interes Jego Mści Xdza Arcybiskupa Lwowskiego w podawaniu Episkopa Lwowskiego znieść ponieważ sublata causa tollitur effectus. (Это давнее право, о которомъ мы говорили въ 1 т.)

11-mo. Coadjutoria Chelmnosis Szeptitio.

12-mo. Korendowiczowi szlachectwo, że promowuje unią (прибавлено послѣ) y Żurakowskiemu.

13. Administratia Peczarska Jego Mci Xdzu Lwowskiemu, co trzyma Jego Mść Xiądz Biskup Smolenski.

14. Xiądz Archimandryta Uniowski (Авраамъ Шептицкій) aby zaraz był ukontentowany, nim, przystąpi do uniey.

327) Jan Trzeci z Bożey łaski Król Polski... Wielebnym nabożnym, Metropolitom, Episkopom, Archimandrytom, Jhumenom, Przełożonym y wszystkiemu duchowienstwu, także szlachetnym obywatelom, rożnych wojewoctw, Bracstwom

Stauropigianom y wszystkim in genere w miastach naszych y szlacheckich Religiey Græckiey Unitom y Dyzunitom w Koronie y w W. X. Lit: y prowincyach do nich należących będącym, wiernie nam miłym, łaska nasza krolewska. Wielebni, nabożni, wiernie nam mili. Nieustające o Panstwach naszych mając pieczołowania, tego życzemy, żeby w nich pożądany pokoy y chrzescianska miłość, ktora za sobą Boskie pociąga błogosławienstwo, iako naybardziey kwitnęła. Do tego zaś wszystkiego, gdy wielką przeszkodą iest zawzięta y zastarzała w narodzie Ruskim niezgoda, ktora iedność obywatelow Panstw naszych rozrywa, pokoju s. fundamenda wzrusza, braterską znosi miłość, a niechęć y wzajemne w sercach roznieca zajątrzenia, przetoż, chcąc temu wszystkiemu oycowskim dozorem naszym y affectem zabieżeć, chcąc do należytego uspokoienia, rozroznione Wierności waszych sprowadzić animusze, inhaerendo Constitutiey naszey, na seymie w Warszawie postanowioney, ktora na Grodzienskim Seymie do exekucicy przyść nie mogła, także skłaniając się do usilney prozby obojey strony, ninieyszym universałem W. W. W. żądamy, y po nich tak koniecznie mieć chcemy, abyście wszystkie insze na stronę uchiliwszy zawody, ze wszystkimi ab utrinque przywilejami, decretami, y pravami, w miescie naszym Lubelskim na dzien 24 miesiąca stycznia, a podług starego kalendarza na dzien 14 roku przyszłego 1680, przybywali: y tam od Pana Boga wszelkiego pokoju y wzajemney miłosci nieprzebranego zrzodła posileni, za przyczyną błogosławioney y Nayswiętszey Panny, przy bytności Wielmożnych commissarzow naszych, ktorych do tego aktu, z Senatu naszego mianować będziemy, z sobą w miłości Chrześcianskiey pewną uczynili

rozmowę, iak ciż Wielmożni commisarze nasi Wierni: W. W. do zgody, uspokojenia, y do uprzątnienia prawnych zawodow, na mieyscu naszym, tam zasiadający, pobudzać będą. Co gdy się da Pan Bog nada, tak jako życzemy, nietylko swiat cały Chrzescianski cieszyć się, będzie, ale y Niebo samo, Bog zgody, Bog iedności, Bog pokoju błogosławić Wier. W. W. y Panstwu temu będzie, y pohanbi nieprzyiaciołow krzyża S., ktorzy nie tak na sile y mocy swojey, iako na niezgodzie y rozerwaniu Chrzescianstwa nadzieję zguby naszey założyli. A ktoby zaś Wielebnosci y Nabożnosci W. W., kochając się w niezgodzie y w rostyrku, Bogu y Ludziom niemiłym, na ten tak pobożny y pożądany akt nie przybył y przybyć niechciał, taki każdy, jako woli naszey nieposłuszny y zgody s. przeciwnik, a beneficiis, ktore trzyma, odpadać będzie, y komu inszemu te beneficia przez nas oddane będą. Zaś universał nasz, aby do wiadomości przyszedł wszystkich, Wielebni Mełropolitowie, Episkopi y inni przełożeni, aby go publikować kazali, mieć chcemy. Ktory my, dla większey wagi ręką naszą podpisawszy, pieczęcią koronną stwierdzić y zmocnić roskazalismy. Dan w Jaworowie dnia IX miesiąca Octobr. roku Panskiego MDCLXXIX panowania naszego VI. Jan Krol. (Coll. Lub. стр. 3—4).

328) Jan Trzeci z Bożey łaski, Krol Polski,.... Wielebny wiernie Nam miły. Stosując się do constytytiey ostatniego Seymu Warszawskiego; a chcąc wszystkie differentie Ritus Graeci, skutecznie ku pomnożeniu Wiary S. uspokoić y szczęśliwym, day Boże, zaterminować koncem, wydalismy universały nasze, do całego duchowienstwa Ritus cujusdem, aby się wszyscy, quocunque nomine,

Starsi y Przełożeni nazwać mogą, że wszystkich Panstw naszych na dzien dwudziesty czwarty, miesiąca Stycznia, a podług starego kalendarza na dzien czternasty, tegoż msca, w roku, da Bog, przyszłym 1680 do Lublina zgromadziwszy y tam wezwawszy Ducha S., dawcę wszelkich darow, przy obecnosci commisarzow od nas naznaczonych, między sobą zupełne postanowienie y ziednoczenie, namowili. Lubo tedy niewątpiemy że z pomienionych universałow, wierność twoja będziesz należycie o tym wszystkim informowany, ale nadto y tym listem naszym zagrzewany, aby wierność twoja naznaczonego mieysca y terminu nieuchybiając, do powszechnego Colloquium y zgromadzenia strawił się, y tam do generalney zgody stosował się. Jnaczey nie szyniąc dla łaski naszey. Dobrego zatym wielebnosci twojey od Pana Boga życzemy zdrowia. Dan w Jaworowie dnia 10 miesiąca Octobra roku MDCLXXIX panowania naszego VI. Jan Krol. Coll. Subel. Стр. 4—5.

329) Wam tedy zebranym na głos Najasnieyszego Monarchy Naszego, Jana Trzeciego, Pana a Pana Naszego Miłosciwego, błogosławi dusza moja, говоритъ Жохов. скій, y kładzie was tu, prosząc naywyższego, niewidomego Pasterza, aby wpisał imiona wasze do Xięgi swey *praedestinatorum*, ktorzyście w oczach pasterza waszego niegodnego, stawili się do Lublina, iako to: Jasnie Przewielebny w Bogu, J. M. Xiądz Leo Załęski, Prothotroni Metropolei Włodzimirski y Brzeski Epp.; J. M. Xiądz Mitrophan Drucki Sokolinski, Archiepiskop Smolenski, J. M. Xdz Jakób Susza Epp. Chełmski y Belski; Jm. Xdz Marcyan Białozor, Epp. Pinski y Turowski; Jm. Xdz Jan Małachowski Epp. Przemyski y Samborski; Nay-

wielebnicysi: w Bogu, Jm. Xdz Stefan Martyszkiewicz Buzinski zakonu Bazylego S. Proto-Archimandryta, albo Generał, Theołog Rzymski; Jm Xdz. Jozaphat Michniewicz Archimandryta Supraski, Theolog Rzymski; Przewielebni w Bogu Jch Mość Xięża: Pachomius Ochilewicz Zakonu Bazylego S. Consultor et sac. Theol. Doctor Romanus; Symeon Cypryanowicz Consultor Ord., Starszy Minski y Theolog Rzymski; Jerzy Malejewski, Consultor Ord. Starszy Żyrowicki y Czerćyski Archimandryta, Theolog Rzymski; Jozeph Piotkiewicz Sesretarz Zakonu, starszy Bythenski Theolog Rzymski; Bonifacy Puczkowski Proconsultor Zakonu y Teolog, Starszy Rożanski; Jozaphat Brażyc Starszy Połocki, Officiał Archiepiskopiey Połockiey, Theolog; Benedykt Michniewicz Kaznodzieja Żyrowicki, Theolog Rzymski; Symon Kozioł Theolog Rzymski y Kaznodziga; Stephan Sieluzinski Archimandryta Brasławski; Samuel Pilichowski Theolog Rzymski y Officiał Diocezicy Chelmskiey; Bartłomiey Miniewski, Monastyrow Wołynskich Metropoley Namiestnik. Zakonu Bazilego Swiętego; Daniel Korytynski Z. S. B. kaznodzieja Metropolitanski, Theolog; Hieronim Hryszkiewicz Z. S. B. Theolog Moralis; Prokopiusz Mon. Z. S. B. Spowiednik Żyrowicki; Marcin Straszkiewicz Z. S. B., Archidiakon Metropolitanski;Samson Boreysza Z. S. B. Starszy Włodzimierski; Warsonofiusz Kobylanski Z. S. B. Starszy Nowogrodzki, exorcista z daru Bożego, y posłuszenstwa starszych; Ephrem Mieczkowski, Z. S. B. Starszy Wolnenski y Kaznodzieja; Bonifacy Paszkiewicz Zokonu Bazylego S. w słowięszczyznie doswiadczony. Tyleż albo więcey było zakonnikow dla assystentiey, przy tey wyżey specifikowaney starszynie Zakonu. Zas ich Mość Xża Biskupi, żeby

się niezagęszczając osobami, abo raczey niezwoływając kapłanow swych dioceziey, ktorych byłby numerus innumerus, mieli przy sobie po czterech y więcey archiprezbiterow sensatow. Z Bractwa głownego y stołecznego, Wileńskiego, nomine ławicy Ruskiey, która iest per legem et decreta unjacka, comparuit szlachetny Jego Mość Pan Jerzy Pawłowicz, Burmistrz Miasta J. K. M. Wilna, człowiek de unione s. meritissimus. Przytomni aderant, e medio Duchowienstwa nie Uuitow, Wysłani: Ociec Wołczacki, Namiesnik Monastyra Mochiłowskiego z drugiemi Jhumenami, declarując się z tym że adsunt vocati.., Stycznia 25, przybył Jasnie Wielmożny Jego Mość Pan Jan Karol Kopeć, Kasztelan Trocki, commisarz do tego dzieła S. od J. K. M. naznaczony, ktorego zelum Catholicum et operationes sollicitas około zbawienia tego narodu y pod czas tey okazyey, pagina haec non capiet, sed aeternitas beata zapewnie nagrodzi J. Mości zato. Debitum także podziękowania, cała Jedność swięta, persolvit Jasnie Wielmożnemu J. M. Panu Jerzemu Wiełohorskiemu, Kasztelanowi Bracławskiemu commisarzowi J. K. M. praesentis actus, że przytomnoscią swoją et activitate, qua pollet activissima, prowadził do zgody powszechney rozroznioną Bracią, sed in magnis et voluisse sat est. Coll. Lubel. стр. 5—7.

330) Тамъ же стр. 7—8.

331) Wielebni Wiernie nam mili. Przybyli tu do nas od Bractwa Łuckiego Religiey Greckiey posłani z tą suppliką, abysmy to Colloquium Lubelskie do dalszego odłożyli czasu, pretextem tym, aby się z Patryarchami Wschodniemi znieść wprzod mogli. Zaczym, lubo im tego samo zabrania prawo, iako każdey z postronnemi krajami Kor-

respondentiey; my iednak tak długo na tę supplikę żadney dać deklaratiey z wielu przyczyn niemożemy y posłanych tu zatrzymamy, abysmy wprzod Wiernosciom waszym żądanie nasze ex Senatus consilio, teraznieyszym listem obwiescili. Które takie iest, aby Wiernosci WW. ten zjazd swoy z Lublina tu do Warszawy przeniesli. Co że z większym wszystkich trudnosci będzie ułacnieniem, z wygodą y snadnieyszym desideriorum doniesieniem, niewątpiemy że się wtym do Woli naszey sklonicie. Jle pewnemi będąc że tu wolność y zdanie każdego tak będzie bezpieczne, iak dobrą mamy intentią dobrowolnie do zgody y zjednoczenia powszechnego prowadzić wszystkich, pokoy y iedność Chrześcianską kochających. Jeżeliby zaś zdało się to impracticabile; tedy słusznie Wiernosci waszych zważywszy Racje iak paypilniey do Lublina, Wielebnych w Bogu y Wielmożnych commissarzow naszych zeszlemy. Jnterim, y powtornie Wierności waszey reguirimus, abyś y swoję y innych wolą do naszego skłoniając zdania, tu do Warszawy z całym zjechał zgromadzeniem. Zdrowia przytym dobrego Wiernosci waszey od Pana Boga Życzemy. Dan w Warszawie dnia 19 miesiąca Stycznia roku Panskiego 1680. panowauia naszego szostego roku. Jan Krol. Coll. Lubel. стр. 8.

332) Jn nomine, sanctissimae et individuae Trinitatis, Amen. Universis, et singulis, praesens hoc nostrum protestationis et declarationis Jnstrumentum visuris, lecturis, et audituris, salutem in Domino sempiternam. Ex quo nobis innotuit, quod in civitate Lublinensi, habendum esset Colloquium, publice indictum, cum Ruthenis, a sancta Apostolica sede, ejusque Unione dissidentibus, prima data opportunitate et oretenus, et respective, per literas Jllmo

et R-ndo. D. Episcopo praesidenti, ad idem Colloquium Deputato, nec non Jllmo et Rndmo. Dno, Metropolitae Kijoviensi et totius Russiae etc. Proposuimus, teneri ipsos ex sui muneris et status debito omnino inhibere, ne in eodem Colloquio deveniatur ad disputationes, super dogmatibus, ut pote, quas, Oecumenica Concilia et Sacri Canones districte prohibeant, sed solummodo paternis adhortationibus permovendos esse eosdem, ut, abjectis disceptationibus et controversiis, sanctam unionem, juxta sacrosantae Florentinae Synodi, decreta, amplectantur et fidei professionem, ad praescriptum formae per sanctae memoriae Urbanum VIII. editae, emittant. Jdem nunc praesenti, publico actu ac declaratione et protestatione nostra opportune et ubicunque ac, quotios opus sit, exhibenda, producenda et intimanda, voluimus insinuare, et manifestare. Ad effectum, ne tales disputationes ullatenus assumantur aut assumi permittantur, magisque notorium evadat, easdem esse Esclesiasticis sanctionibus vetitas et inhibitas protestantes in simul, de dissensu et contradictione nostra, si secus attentaretur et de nullitate ac invaliditate omnium et singulorum, quae quocunque titulo, aut praetextu, directe vel indirecte, fierent in contrarium. Et reservato jure, tam per nos, quam per alios, oretenus et inscriptis plenius et quoties opportunum videatur, protestandi. Jn quorum fidem etc. praesentes, subscriptione, ac Sigillo Nostro, Communivimus. Dat: Varsaviae, ex Aedibus nostris, hac die, decima octava, Januarii, Millesimo, Sexcentesimo, Octuagesimo. Francisus, Archiepiscopus Corynthi, Nuntius Apostolicus. Coll. Lub. стр. 13.

333) Coll. стр. 14.

334) Najasnieyszy Milosciwy Krolu Panie a panie moy

Miłosciwy. List Waszey Krolewskiey Mści Pana mego Miłosciwego, dnia wczorayszego o południu venerabundus, odebrałem, w ktorym wolą Panską y Przeswietney Rady iego widzę inclinantem przenieść Colloquim, już tu per primam acclamationem zaczęte, do Warszawy. Tegom ja był rozumienia, że to opus saeculorum, nigdzie felicius, iako ad radios przytomney Maiestatis maturescere może y dla tegoż staralismy się, aby było w Warszawie. Aleśmy zrozrożnionych Braci naszych uznali przeciwnych temu y owszem Lublin (w ktorym mają nidum, cerkiew nam przez pacta Hadiackie wziętą) anteponentes. My zaś lubo tu żadney cerkwie nie mamy y tylko precario w kosciołach Ritus Romani z naszemi nabożenstwy mieścimy się y w tym dla zgody s. condescendimus, alisci znowu od Bractwa Łuckiego urasta petitio principij przeciwko submissiey wszystkich Disunitow, etiam ab extremis finibus Panst W. K. Msci zgromadzonych już actu do Lublina, a drugich z drogi cum eadem submissione ozywających się, y tylko incommoda pomieszaney drogi excusantium. Toć ieżeli do Lublina in vicinia będącego evocari niechcieli, iakosz do Warszawy, odległeyszey evocari będą mogli, i tu przytomni, tak się doclarują, że, ne latum quidem unguem, recedent od Lublina. Recurs do Patryarchi, z ktorym się waszey Krolewskiey Mści manifestują, meritissimo jure damnavit W. K. M., a nawet y tu przytomni P. P. Disunici, tego niewspominają, lubo ich tu większa daleko liczba. Non restat tedy, tylko Majestatowi W. K. Mn. supplikować, abyś pospiech. Jm. Xdza prezydenta y Jch Moscjów panow commissarzow, a zwłaszcza koronnych (gdyż z Litwy P. M. Jm. P. Pisarz Litewski na sam początek tu przybył, a Jm. P. Kasztelan Trocki,

za godzinę speratur, iako z listu Jm. patebit, ktory na ręce Jm Xdza Regenta Litewskiego posyłam) powagą y munificentią Pańską maturare raczył. Co do nas Unitow (lubo exinaniti iestesmy)by pieszo, gotowibyśmy, migrare do Warszawy, iako posłuszni mandato W. K. M., ale widzę to na oko, że to opus, tot laboribus et sumptibus inchoatum, na samey Panow Disunitow renitentiey rozbić by się musiało. Wszakże to wszystko cokolwiek się tu namowić moze spiritum vitabem nie skąd inąd, tylko a Majestate W. Km. odbierze. Całując zatym jako naypokorniey panującą rekę W. K. m. Pana mego Miłosciwego, Jego się Panskiey protectiey y całym zgromadzeniem naszym subjicio. Dan w Lublinie 26 Msca Stycznia Anno 1680. Coll. Lubel. стр. 9—10.

335) Тамъ же стр. 16.

336) Тамъ же стр. 20.

337) Тамъ же стр. 9.

338) Wielebni, Urodzeni, wiernie nam mili. Lubosmy termin kommissiey Lubelskiey, universałami naszemi naznaczony, manutenere życzyli y Wielebnych, Wielmożnych kommisarzow naszych posłać do Lublina umysłili byli, iednak że, ponieważ consilium grande, ktore tu w Warszawie continuamus, obecnosci Wielmożnych senatorow potrzebuje, a Wiernosci Wasze, listownie do nas wnosicie instantią, że gdy dla niestatecznej zimy y złych drog, nie podobno się wszystkim do Lublina ziechać, abyśmy ten ziazd na inszy czas odłożyli: tedy communicato P. P. Radami Naszemi consilio indulgemus w tym Wiernosciom Waszym desiderio, odkładając ten ziazd ad 24 Junij w roku teraznieyszym. Na ktory wiernosci wasze vigore tey prorogatiey terminu abyscie ziechali, mieć chcemy, sub

vinculis, w universałach naszych expressis. Zdrowia przytym dobrego Wiernosciom Waszym od Pana Boga życzemy. Dan w Warszawie dnia XXIX miesiąca Stycznia roku Pnnskiego MDCLXXX. Panowania naszego szostego roku. Jan Krol. Coll. Kubel. стр. 16.

339) Najasnieyszy Krolu, Panie a Panie moy Milosciwy. Przybywszy do Lublina wespoł z Jch Mosciami P. P. kommisarzami, od waszey Krolewskiey Mosci P. N. M. naznaczonemi, ktorych tylko trzech w tey scisłosci czasu y drogi variatiey sama przeciwko Rptey y Religiey s. pobożność tu sprowadziła, pierwszą pocztą doniesliśmy, że z obu stron do zaczęcia tak s. dzieła affugere zdała się nadzieja, wyjowszy Bractwa Luckiego, ktore differri to negotium pragnęło y z tą prożbą do Waszey, Krolewskiey M. P. N. M. recursum uczyniło. Bośmy się wdali byli in personalem z obu stron comparitionem et mutuam actu tego diligentiam. Ale kiedy wola J. K. M. P. N. M. aliter disposuit, obsequimur roskazom Majestatis: oto tylko, iako naypokorniey, supplikujemy, abyś W. K. M. z. Panskiey protectiey swojey niewypuszczał Jednosci s. (ktora nie burzy y owszem firmat). Jn obsequio Majestatu. W. K. M. poddannych Jego, a niedopuszczał (stante limitatione actus praesentis) affugere nowey potentiey anti Metropolitanae y conseeratią J. M. X. Winnickiego na Władyctwo Przemyskie differre panskim swym roskazaniem raczył. Wielkie ztąd accedet momentum rebus ex voto W. K. M. agendis, gdy przynamniey dla pewnieyszey beneficiorum nadzieje, ieżeli nie dla Chrystusa, inclinari mogą do zgody y Jednosci s., dalszego zaś congressu z Jch Mosciami, nieracz W. K. M. P. N. M. oddalać od boku swojego, bo widzę rzecz niepodobną, abyśmy inaczey z

sobą coalescere, mogli, chyba radiis przytomnego Majestatu W. K. M- zagrzani y po Bogu iego spiritu principali Confirmati. Panuiącą zatym rękę W. K. M. P. N. M. iako naypokorniey całuiemy. Warszey Krolewskiey M. Pana, Pana Naszego Miłosciwego wierni naynizsi słudzy:

Cypryan Żochowski, Archiepiskop Metropolita wszystkiey Rusi, Archiepiskop Połocki;

Leo Załęski Protothroni Metropoley Włodzimierskiy y Brzeski Episkop;

Mitrophan Drucki Sokolenski.

Jakub Susza Episkop Chelmski.

Marcyan Białozor Epp. Pinski y Turowski.

Jan Małachowski Epp. Przemyski y Samborski.

Stephan Martyszkiewicz Businski, zakonu Bazylego s. Protoarchimandryta imieniem całego zakonu.

Jozaphat Michniewicz Z. S. B. W. Archimandryta Supraski. Coll. Lubel. стр. 17—18.

340) Въ уніятскомъ архивѣ, хранящемся при св. Синодѣ, находится эта присяга на унію Іосипа Шумлянскаго, Иннокентія Винницкаго, Варлаама Шептицкаго архимандрита Уневскаго и Сильвестра Творовскаго архимандрита Овручскаго. Мы не приводимъ ее, потому что она сходна съ присягою Поцѣя и Терлецкаго, напечатанною Бантышъ-Каменскимъ и указанною нами въ 1-мъ томѣ. Особенность въ ней только та, что принимавшіе унію теперь клялись прилагать къ символу filioque. Рукопись № 329.

341) Modi concordiae Ecclesiarum, id est Ecclesiae Orientalis cum Ecclesia Occidentali, in Regno Poloniae sub felicissimis Jego Krolewskiey Mści Pana naszego

MIwego auspiciis existentium z ukontentowaniem całego narodu Ruskiego.

1-mo Ritus aby był zachowany, tak w nabożeństwie, jako też zwyczajach, nigdy nieodmienny zostawał.

2-do. Beneficia Ruskie Rusi mere zgodney za zgodą duchowienstwa Ruskiego każdey Diocezicy albo Monasterow aby były podług praw rozdawane, prosiemy.

3-tio. Duchowieństwo Ruskie mianowicie swieccy duchowni gaudeant omnibus libertatibus y żeby do iedney tylko jurysdyctiey Episkopa swego należeli y w krzywdach wszelkich od possesorow cujusvis tituli forum competens aby naznaczono było.

4-do. Bractwa szczycące się prawem patryarszym, ponieważ są przeciwko prawom Episkopskim zafundowane, pod posłuszeństwo każdego Episkopa Diocezicy one poddać.

5-to. Pensie (?) w Trybunale Lubelskim wymyslone (?) non sine opressione osob tak Episkopow Ruskich, jako y ubogich Monasterow znieść prosiemy.

6-to. A ponieważ dobrowolnie w zgodę wchodziemy y starego posłuszenstwa oyca swiętego powracamy, że nietylko tak documentis et privilegiis senatim upewnieni; ale że też i ratio charitatis sama et soliditas amicitiae verae (która) non nisi inter pares bywa, exigit abyśmy z duchowienstwem Rzymskim in omnibus praerogativis porownani byli y przeto in senatu dla lepszey desideriorum suorum promocicy zostawali.

7-mo. W Trybunale deputatow aby o medio E-ppow y Archimandrytow obranych swoich mieli dla wielu poważnych respektow et meliorem Jurium Ecclesiasticorum tuitionem. A Electia aby in loco certo była — nam ko-

rommym w Koronie, a Litewskim Jch M. M. w W. X. Lit. opisana.

8-o. Na seymikach abyśmy mogli mieysce pierwsze mieć po senatorach y activitatem, prosiemy.

9-no. Na tych którzy podług konstitutiey y listowney Jego Krl. M-sci Pana naszego Miłosciwego niezjechali tu do Warszawy na seym declaratiey, penas naznaczyć y znowu mieysce gdziebyśmy się zjachali raczył assignare, ato pod utratą każdego beneficiorum y na samych personach animadversią.

10-mo. Privilegia przeciwko prawom Episkopskim nadane poddanym w Episkopskich dobrach, aby zniesione były; a super injurijs in foro competenti, żeby bez żadney przeszkody salve possessorum była zachowano actio.

11-mo. Prosiemy też abysmy byli konservovani circa privilegia s. pamięci Krola Zygmunta Trzeciego, który indulsit, abyśmy naybliższemi byli boku króla Jego M-sci y inter praelatos Ritus Romani swoje authoritates.

342) Stebel. т. 3, стр. 231.

343) Уніятскій архивъ при Св. Синодѣ рукоп. подъ № 537. П. О Иннокентіѣ Винницкомъ мы только знаемъ, что онъ вступилъ въ управленіе перемышльскою епископіею не раньше 1694 года, когда умеръ тамошній уніятскій епископъ Іоаннъ Малаховскій; но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что послѣ принятія имъ уніи въ 1681 году уніяты ублаготворили и его архимандріями и помѣстіями.

344) Тогда же Польша обязалась навсегда сохранить православными епископіи — Луцкую и Могилевскую. Бан.-Камен. стр. 141—144.

345) Читатели могли замѣтить, что въ проэктѣ уніи

1677 года говорится и о Луцкой епископіи, какъ о православной. Имя ея епископа неупоминается, но имъ былъ тогда Гедеонъ Четвертынскій (Опис. Кіев. Соф. Соб. стр. 197, Stebel. . т. 2, стр. 411 примѣч.), и въ припискѣ къ этому документу позднѣйшею рукою сказано, что это проэктъ уніи схизматическихъ епископовъ Львовскаго, Перемышльскаго и Луцкаго. Впрочемъ мы должны сознаться, что въ нашихъ документахъ это дѣло темное.

346) Все это дѣло описано въ рукописи публичной библіотеки, находящейся также и въ библіотекѣ Академіи Наукъ — «Икона» — сочиненіе Варлаама Ясинскаго. Г. Устряловъ выписалъ оттуда нѣкоторые документы и очень осуждаетъ тогдашнее московское правительство гражданское и церковное за неумѣстныя, опасныя усилія отнять у константинопольскаго патріарха управленіе западно-русскою митрополіею (Истор. Петра I, т. 1. стр. 139—151) Мы думаемъ, что и на этой части труда г. Устрялова отразилась общая его манера унижать все, что сдѣлано не Петромъ. Конечно, съ этой точки зрѣнія дурно въ Москвѣ дѣлали, что желали подчиненія московскому патріарху Кіевскаго митрополита. Дурно это покажется также и съ идеальной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія непритязательности, необходимой для всякой церковной власти. Дурно наконецъ это покажется и въ томъ отношеніи, если имѣть въ виду опасность раздора изъ-за этого между русскою Церковію и Константинопольскою, котораго однако неслучилось. Но ненадобно забывать, что тогда въ Россіи гражданскіе и религіозные интересы слиты были въ одно и по тогдашнимъ всеобщимъ

русскимъ воззрѣніямъ странно было, что область православная подчинена русскому царю, а іерархія ея не подчинена московскому патріарху. Странность эту тогда уничтожили бы нетолько царевна Софія и патріархъ Іоакимъ, но всякое русское правительство церковное и гражданское. Вѣдь старались же объ этомъ Алексѣй Михайловичъ и патріархъ Никонъ и другіе патріархи русскіе до Іоакима, а Петръ 1 основательнѣе сдѣлалъ уничтоживъ вѣковой титулъ митрополіи Кіевской? Что же касается до Кіевскаго митрополита, то какъ скоро онъ очутился въ границахъ Россіи, для него уже теряла прежнее значеніе зависимость отъ константинопольскаго патріарха. Прежде это важно было, пока Кіевъ находился подъ властію Польши; западно-русская Церковь, завися отъ Константинопольскаго патріарха, меньше возбуждала въ Польшѣ подозрѣній въ своихъ симпатіяхъ къ Россіи, а теперь средоточіе іерархіи западно-русской оказалось въ предѣлахъ Россіи; теперь Польша смотрѣла подозрительно на сношенія съ этимъ средоточіемъ польскихъ православныхъ, все равно зависѣло-ли это средоточіе отъ константинопольской или московской церковной власти; между тѣмъ, вся западно-русская іерархія, непмѣя рѣшительнаго положенія, колебалась между Россіею и Польшею: Гедеонъ Четвертинскій и поставилъ ее въ это рѣшительное положеніе, которое конечно непринесло пользы западно-русскимъ православнымъ оставшимся подъ властію Польши; но они равно не могли извлечь пользы и изъ того, что ихъ митрополитъ, подданный Россіи, зависѣлъ отъ константинопольскаго патріарха, а для областей подчиненныхъ Россіи шагъ Гедеона былъ вполнѣ логиченъ и

очень полезенъ, потому что уничтожалъ подозрѣнія народа, что іерархія имѣетъ симпатіи къ Польшѣ.

347) Объ этомъ мы заключаемъ потому, что присягу на унію Шумлянскаго и Винницкаго 1681 г. нужно было подтверждать въ судѣ въ 1697 году, какъ дѣйствительно вѣрную, какъ несомнѣнно данную въ 1681 году, значитъ до 1697 года она небыла заявлена никакимъ общественнымъ актомъ и легко могла быть скрываема.

348) Опис. Кіев. Соб. стр. 206—207.

349) Бант. Кам. стр. 147 пунктъ 8; стр. 143—144; 154—155.

350) Жур. Мин. Нар. Просв. 1856 г. Отд. II стр. 138—139.

351) Бант. Кам. стр. 159—163; Stebel. стр. 411—412 текстъ и примѣч.

352) Даже Бантышъ-Каменскій введенъ былъ въ заблужденіе обиліемъ документовъ о распространеніи уніи въ эти времена и не показалъ ихъ дѣйствительнаго значенія, хотя самъ-же въ двухъ мѣстахъ указываетъ безсиліе уніи, говоря объ упомянутомъ нами проэктѣ уничтоженія уніи и о сознаніи передъ Георгіемъ Конисскимъ уніятскаго митрополита, что уніяты спасаются только за плечами православныхъ, что когда небудетъ православныхъ, то поляки съѣдятъ и ихъ. Впрочемъ и то нужно сказать въ оправданіе Бантышъ-Каменскаго и другихъ нашихъ писателей: всѣ они, говоря объ уніи, занимаются собственно процессомъ борьбы православныхъ съ уніятами, а не изложеніемъ *дѣйствительныхъ* силъ и *дѣйствительнаго* успѣха или неуспѣха тѣхъ и другихъ.

353) Бант. Кам. стр. 156—158; Stebel. т. 2, стр. 404—409.

354) Петръ такъ принялся за уніятовъ, что самъ папа и король Августъ просили его оставить уніятовъ въ покоѣ; но и послѣ того, замѣчаетъ Стебельскій, Петръ 1 прощая меньшимъ и низшимъ изъ уніятскаго духовенства, никогда непрощалъ высшимъ т. е. епископамъ и безъ сомнѣнія Базиліанамъ. Steb. т. 2. стр. 409—410.

355) Бант. Кам. стр. 131—133; 141—142.

356) Вотъ достойные исторической памяти имена:

1. Канцлеръ князъ Вишневецкій, выдававшій въ Пинскѣ замужъ двухъ дочерей;

2. Русскій воевода Яблонскій;

3. Кіевскій воевода Потоцкій;

4. Два Замойскихъ;

5. Латинскій Луцкій епископъ Стефанъ Рупіевскій.

6. Уніятскій пинскій епископъ Годебскій, съ множествомъ шляхтичей, слугъ, былъ даже цѣлый отрядъ войска — региментъ Замойскихъ, — опорочившихъ теперь славное имя Яна Замойскаго, у котораго въ свое время находилъ защиту всякой иновѣрецъ. Обращено было такимъ образомъ около Пинска 20.000 народа; происходило это въ 1722 г. Бант. Кам. стр. 195; тамъ-же далѣе посланіе папскаго нунція, подтверждающее разказъ Бантышъ-Каменскаго.

357) Это происходило около Орши въ 1723 г. Отличался этою изобрѣтательностію кухмистшъ Вел. Кн. Литовскаго Залусскій. Тамъ-же стр. 241—242, примѣч.

358) Тямъ-же стр. 199—204; 219—222.

359) Намъ извѣстно, что этотъ результатъ уніи понимается многими не въ томъ смыслѣ, какой мы здѣсь

ему дали, и наши слова могутъ подвергать насъ разнымъ нарѣканіямъ; но мы увѣрены, что возстановимъ этотъ смыслъ тѣмъ-же путемъ науки, какимъ слѣдовали до сихъ поръ, и снимемъ съ себя всякое подозрѣніе въ предзанятыхъ мысляхъ, когда въ слѣдующемъ томѣ обнародуемъ доступные намъ многочисленнѣйшіе объ этомъ предметѣ документы *уніятскаго* происхожденія съ *очень давнихъ* временъ, на пространства очень *многихъ* лѣтъ. Съ слѣдующимъ томомъ нашихъ изслѣдованій мы поспѣшимъ ознакомить нашихъ читателей, если имъ будетъ угодно, рядомъ журнальныхъ статей, о которыхъ будетъ объявлено въ непродолжительномъ времени. Впрочемъ, съ сущностію нашихъ будущихъ изслѣдованій читатели могутъ ознакомиться и теперь, а можетъ быть нѣкоторые уже знакомы, изъ нашей статьи, напечатанной въ прошедшемъ году въ Христіанскомъ Чтеніи подъ заглавіемъ: Возможно-ли соединеніе Церквей?

ОПЕЧАТКИ.

—

Стран.	*Строк.*		*Напечатано.*	*Должно быть.*
1.	9	сверху	распространяться	распространиться
5.	2	сверху	разрушить	разрушать
19.	5	снизу	заклялось	закаялось
35.	9	сверху	мумную	мутную
42.	5	сверху	представленіями	преступленіями
55.	9	сверху	шаринѣ	широтѣ
106.	3	снизу	поредѣли	рѣдѣли
125.	11	снизу	викакріемъ	викаріемъ
137.	8	сверху	пластическое	эластическое
141.	5	сверху	переворотъ	поворотъ
180.	2	сверху	даетъ	дастъ
187.	4	снизу	намъ	какъ намъ

2007051272